Сергей Чернышёв

ИНОЕ

Письма о техноэкономике

При поддержке НИТУ «МИСиС»
и Точки кипения – Коммуна

Москва 2021

УДК 330.88
Ч-49

Чернышёв С.Б.
Ч-49 Иное : Письма о техноэкономике : науч.-худож. изд. / С.Б. Чернышёв. – М. : Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2020. – 408 с.
ISBN 978-5-907227-69-9

Завершается детство человечества, эпоха, которую Маркс назвал «предысторией общества». Пришло время взросления, самосознания. Время социальной инженерии, овладения стихией институтов собственности. Время поэтапной замены «невидимых рук» технологиями, передачи функций социальной интеграции от исторически сложившихся трансакций к сознательно конструируемым платформам.

Время пришло, наступило давно – но осознание не наступает. Мифы предыстории узурпируют место и роль научной картины мира. Общество сослепу вновь и вновь цепляется за порог истории, его травмы чреваты фатальным исходом.

Тексты данного издания охватывают три десятилетия преемственной работы группы институциональных инженеров. Это не сборник материалов, это именно книга. Её объединяет не беллетристический сюжет, а сквозная идея. В своём становлении/конкретизации она проходит путь от целостной картины иного, грядущего мира – к элементарной частице, кванту образующей его ткани социального действия.

Но «действие не уничтожает незнания, ибо не противоречит ему. Лишь знание уничтожает незнание, как свет прогоняет мрак».

Книга не заменит собственного практического опыта – она поможет тем, кто открыт и готов к его переосвоению.

УДК 330.88

ISBN 978-5-907227-69-9
© С.Б. Чернышёв, 2021

НОВЫЕ ВЕХИ

1991–1995

Новые вехи
Порог истории
Век трансформации власти
Кальдера Россия
Апология составителя

Сергей Чернышев

НОВЫЕ ВЕХИ

Не успевая ни задуматься, ни оглядеться, пересекаем мы рубеж, за которым – неудержимое соскальзывание в нечто, трагическое в своей неизвестности. Но если предлагается именовать это нечто революцией – предстоит самая удивительная из революций в новой истории.

Всем великим переломам в жизни европейских народов предшествовали периоды глубинной духовной и интеллектуальной подготовки. До французской революции была французская энциклопедия. Троичную русскую революцию выстрадали три незабвенных поколения ее идейных творцов. Нынешний перелом надвигается в стране, которая являет собой интеллектуальную пустыню.

Об инициаторах перестройки в этом смысле можно сказать, что они вполне современные люди, в которых, – под давлением неумолимых обстоятельств, – голос совести и здравый смысл начинают мучительно медленно переламывать окостеневшую архаику сословных мифов и предрассудков. Нельзя приуменьшать значение этого спасительного чуда. И все же перестройка – недоношенный плод истерзанного лона России.

Казалось бы, во время, названное судьбоносным, сама музыка социальных сфер должна настраивать на эпический лад. Привычно верить, что глубинные революционные потрясения и перевороты социального бытия непременно отзываются откровениями, бурями и щедротами духовной культуры. Неужели же это не более чем миф?

Откуда эта кричащая несоразмерность между переломом времен, когда речь идет о жизни и смерти не только нашего отечества,

но самой идеи социализма, – и хозрасчетной перебранкой посетивших сей мир в его минуты роковые? И почему вскрытие самого драматического пласта нашей истории, хранящего следы нравственного пожара, невиданных злодейств и бесчисленных трагедий отцов и дедов ведут словно бы и не их дети и внуки, и даже не профессиональные историки и археологи, а бригада лихих репортеров из уголовной хроники?

А истина? Уж сколько лет назад, и к тому же далеко не с академической кафедры, был задан вопрос: кто мы такие, куда идем и откуда? Почему, претендуя на монопольное обладание единственно верной теорией общественного развития, на деле вынуждены двигаться на ощупь, методом разорительных проб и непоправимых ошибок?

Нет ответа. Культура безмолвствует, тая в самой сердцевине какое-то проклятье роковое, парализующий ее скрытый надлом.

Это совсем не означает, что царит тишина, по меньшей мере, благодатная для раздумий и самоанализа. Место теоретического диалога занимает трескучая публицистическая свара и перемывание костей, которыми усеяно поле давней битвы славянофилов и западников.

Может ли на пороге третьего тысячелетия быть судьбоносной и открывающей горизонты дискуссия, в которой слева с энтузиазмом первопроходцев живописуют прелести повсеместного устроения ватер-клозетов, а справа бьют в набат по поводу того, что отказ от рытья отхожих ям грозит подрывом идейных устоев? Может ли возникнуть сверхзвуковой пассажирский ракетоплан из конкуренции двух конструкторских бюро, если первое надеется достичь технологического прорыва путем перестройки самолета «Илья-Муромец», дерзновенно идя на отдельные заимствования из конструкции «Дугласа-8», а второе в качестве основополагающего принципа требует, чтобы при любой модернизации спереди оставался воздушный винт?

Ночное море все в кровавых отсветах глубоких зарниц, исчерчено тяжкими двойными змеями горизонтальных молний... Но вместо громовых раскатов - всезаглушающее суетливое хлюпанье зыби, что с безнадежным опозданием несет издалека отголоски давно прошумевших бурь и штормов.

Кучка околостоличных интеллектуалов, опьяненная безнаказанностью, буйствует и сводит счеты среди безобразных идолов вчерашнего дня, поваленных в одночасье, как костяшки домино. Тем временем затравленную верхушку номенклатурной иерархии прижала к стене растущая ежечасно толпа кредиторов, требуя немедленной уплаты всех долгов, накопленных за семьдесят лет. Но един-

ственная добродетель административной системы - власть и умение централизованно распределять - бессильна, потому что источник подлежащих распределению материальных и духовных благ, и без того изначально скудный, иссякает на глазах.

Рынок спасительных рецептов предлагает лишь на разные лады перелицованную формулу «Запад нам поможет». Нетрудно догадаться, что Запад не спешит. И надо всем этим звучит крепнущее эхо давнего пророчества: «Для того, чтобы было, что распределять, надо прежде всего иметь что-нибудь, а чтобы иметь - надо созидать, производить.»

Чье же это пророчество, и насколько фатально оно для судеб страны?

1

Явная гипертрофия принципа распределительной справедливости и угнетение начала свободы производства, индивидуальной свободы экономического и всякого иного творчества - такой диагноз все чаще звучит у ложа агонизирующего «народного хозяйства». Дело вовсе не в пресловутом диктате производителя над потребителем. Реальная суть проблемы – в неограниченном диктате распределителя над этим производителем. Те, кто не умеет и не желает трудиться, готовы уморить страну голодом, лишь бы не позволить по-настоящему работать и жить тем, кто хочет и может.

Дальше дискуссия участников консилиума идет по двум линиям. Во-первых, экономисты-либералы» дружно атакуют диктатуру распределителей, удобно устроившуюся под флагом диктатуры пролетариата. В ответ ее штатные и добровольные адвокаты выдвигают дежурный аргумент, что первый же глоток свободы в сфере производства приведет к тяжкому похмелью нарушения священной социальной однородности и к расслоению общества.

Во-вторых, иные философы-западники и прочие безответственные гуманитарии указывают, что распределительный принцип подразумевает приоритет производственных отношений, тогда как принцип свободы производства выдвигает на первый план проблему эмансипации творческой личности. Соответственно, при одном подходе для перестройки первичными прежде всего объявляются глубокие реформы распределительных отношений, давно обещанная реализация второй половины формулы социализма: «Каждому – по труду». Сторонники же другого подхода призывают вернуться к основательно забытой первой части формулы: «От каждого - по способностям», начать с раскрепощения творцов, которое откроет путь и к перестройке отношений.

Современного читателя изумляет, с какой глубиной и силой предвидения эта проблематика разработана в сборнике «Вехи», три издания которого увидели свет несколько раньше апрельского пленума, в марте, мае и июле 1909 г. Цитированное выше пророчество принадлежит С. Франку, одному из авторов сборника. И это далеко не случайное прозрение или совпадение. «Вехи» представляют собой подлинное собрание сбывшихся грозных пророчеств.

«Теоретически в основе социалистической веры лежит тот же утилитаристический альтруизм - стремление к благу ближнего; но отвлеченный идеал абсолютного счастья в отдаленном будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку, живое чувство любви к ближним, к современникам и их текущим нуждам. Социалист - не альтруист; правда, он также стремится к человеческому счастью, но он любит уже не живых людей, а лишь свою идею - именно идею всечеловеческого счастья. Жертвуя ради этой идеи самим собой, он не колеблется приносить ей в жертву и других людей. В своих современниках он видит лишь, с одной стороны, жертвы мирового зла, искоренить которое он мечтает, и с другой стороны - виновников этого зла. Первых он жалеет, но помочь им непосредственно не может, так как его деятельность должна принести пользу лишь их отдаленным потомкам; поэтому в его отношении к ним нет никакого действенного аффекта; последних он ненавидит, и в борьбе с ними видит ближайшую задачу своей деятельности и основное средство к осуществлению своего идеала. Это чувство ненависти к врагам народа и образует конкретную и действенную психологическую основу его жизни. Так из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устроению земного рая становится страстью к разрушению...»

Не время и не место расставлять оценки, сводить философские счеты или устанавливать роль «Вех» в истории духовной культуры. Главное в том, что коллизия двух принципов - распределительной справедливости и производящей свободы - в нашей истории далека от исчерпания. Завершен лишь один акт исторической драмы. Он стоил стране миллионов загубленных жизней и, очевидно, завел в тупик. Судьбе того, что названо перестройкой, предстоит разрешаться в следующем акте.

В таких обстоятельствах первая же идея, открывающаяся умозрению - снять шляпу перед проницательностью «веховцев» и, похерив предательский и дискредитированный принцип распределительной справедливости, броситься в объятия его противоположности. Можно доказать, что это неверно, но легче показать, что это невозможно: невозможно вследствие реальной расстановки сегод-

няшних общественных сил. Боле того, можно утверждать, что сами «веховцы», доживи они до нынешних дней, заняли бы иную позицию. Свидетельство тому – бердяевские «Истоки и смысл русского коммунизма». Персонализм Бердяева не мешал ему быть политическим реалистом. Сам он не раз напоминал, что предрек неизбежную победу большевиков еще в статье 1907 года. Среди уроков «Вех» - способность не путать жизненные реалии с нравящимся идеалом.

В социологическом анализе, которым блистают веховцы, часто ощутима марксистская закваска. Основным сознательным носителем демократического идеала распредительной справедливости в трех русских революциях оказалась интеллигенция - специфический феномен российской жизни середины 19-го - начала 20-го века. Но под этим светлым островком сознания простиралась бытийная тьма бессознательного - бездонный резервуар распадающегося общинного уклада, откуда выплескивался и городской пролетариат с его «нутряной» тягой к справедливости.

Творческое, производящее начало на этих просторах ощущало себя бездомным. Противостоящую силам революции царскую администрацию даже с большой натяжкой нельзя было отнести к поборникам элитарного принципа свободы творчества. Производящая свобода владела умами и сердцами лишь тесной плеяды духовных лидеров русского «серебряного века», религиозных философов и литераторов дворянского происхождения. Выморочному буржуазному укладу было не до священного принципа свободы частного предпринимательства, и тем более не до писаний Булгакова и Трубецких. Ростки гражданского общества едва пробивались...

Противостояния идеалов не было. Призыв «Вех» просто не был услышан.

Сегодня Бердяев, Франк, Струве и другие внезапно сделались кумирами российского образованного слоя. Интеллигенцией этот слой именуется лишь по недоразумению - с легкой руки сталинских чиновников от культуры. Та, подлинная интеллигенция, зажигавшая лампады перед образами Белинского, Чернышевского и Плеханова, без следа исчезла в огне порожденных ею революций. Остатки ее, локализованные в резервациях «буржуазных спецов», были истреблены в процессах 20-30-х годов, в деле врачей-вредителей и на сессиях ВАСХНИЛ. У нынешних интеллектуалов - другие корни и иные кумиры. Так что в необъявленной журнальной войне последних трех лет производящая свобода явно начинает одолевать распределительную справедливость. Казалось бы, не пора ли издавать альманах «Вехи перестройки»?

Тонкая пленка публицистической пены лишь скрывает мощное движение глубинных слоев молчаливого большинства. И это большин-

ство уже перестает молчать. Яростное озлобление, которое выплескивается на оборотистых кооператоров, поджоги и погромы ферм арендаторов, экстремистски-уравнительные требования забастовщиков - все это говорит о том, что идеал распределительной справедливости жив и настроен весьма агрессивно. Из глубин общинного «бессознательного» произошла его возгонка в сферу массового общественного сознания, всячески поощрявшаяся правящим административным укладом. Пользуясь чистым именем духа справедливости, Сталин выпустил на волю демона уравнительности, дремавшего в недрах патриархального уклада, - и кампания тотального «раскулачивания» адским пламенем выжгла из народного тела и души все сколько-нибудь возвышавшееся над убогим уровнем самого серого середняка.

Так что сегодня, когда едва рассеялся кошмар уравнительного автогеноцида, не стоит возлагать чрезмерных надежд на призыв раскрепоститься, дать простор творческому началу, высвободить производящие силы общества. И дело не только в массовой враждебности, с которой столкнутся эти призывы, но и в том, что они обращены в пустоту. В стране катастрофически не хватает людей, не потерявших способности и вкуса к подлинному творчеству. Это наш главный дефицит, источник всех прочих дефицитов. Духовный пейзаж общества угадан Тарковским в образе разоренной дотла деревни колокольных мастеров.

Тогда есть ли вообще созидательный смысл в надвигающихся потрясениях? Неужто единственная и неповторимая вселенная русской культуры обречена на «тепловую смерть», торжество социальной уравнительной энтропии? Неужто мы переживаем не родовые схватки, а предсмертные судороги?

Великий спор справедливости и свободы начался не вчера и окончится не завтра. Это всемирная, всечеловеческая драма, а не участь одной лишь России, но России уготована в ней своя, особая роль. Весь вопрос в том, сможем ли мы, наконец, играть эту роль сознательно, или же неосмысленный сюжет обернется слепым роком, подлинной трагедией для нас и для других народов.

Борьба двух идеалов не означает борьбы светлых и темных сил, в которой одни всенепременно должны восторжествовать, а другие - быть истребленными на корню. Ближе к истине уподобление противоречивому и мучительному слиянию женского и мужского начал, таинству зарождения нового. История свидетельствует, что злом оборачивается именно безраздельная диктатура любого из принципов, добро же таится на зыбкой грани равновесия между ними.

Русский этнос, как и всякий иной, издревле заключал в своей целостности оба начала. Осенял эту бескрайнюю землю дух свободы,

были в ней творцы и землепроходцы, еретики и казачья вольница. Правда, русская свобода по духу своему ближе к славянскому понятию «воля», чем английскому «liberty»: скорее всеобщая народная вольность, чем элитарные «роскошь, своеволие, свобода» платоновского Калликла. Это не была свобода для избранных, элиты, расы господ. Русь при самом зарождении представляла собой совокупность различных племен; формирующийся русский этнос и позже не раз принимал в себя, изменяясь, кровь с запада и востока, севера и юга. Существует русский дух, но не существует русской крови. На свете найдется немного мест, где проповедь национальной исключительности имеет меньше шансов на успех, чем здесь.

Пожалуй, крен в сторону уравнительного начала наметился вслед за тем, как в XIII веке первая волна великого нашествия Востока нейтронной бомбой выжгла городской уклад, гнезда мастеров и первооткрывателей. Русь, которую скандинавы называли «страной тысячи городов», на долгие века обратилась в одну огромную деревню с московским кремлем посредине.

Волею судеб Россия, обладательница бездонного байкальского колодца с чистейшей пресной водой, сама сыграла роль уникального резервуара, хранилища общинного равенства. Отсюда оно щедро расплескалось по миру в величайшей буре XX века. Но если внутри страны концентрация и брожение уравнительного начала обернулись ядом репрессий, вытравливанием творческой свободы - во внешнем мире эти брызги стали живой водой справедливости, обеспечили огромные социальные завоевания людей труда, помогли рождению европейской модели демократического социализма.

Волны нашествий Запада пришли позже и в иной форме. Англо-саксонский социум, вотчина элитарного идеала индивидуальной свободы, при Петре наслал на святую Русь чуму брадобрития, а двумя столетиями спустя наградил ее бородатым Марксом, под чьим именем и знаменем - неслыханное дело! - добровольно шли в революцию вчерашние общинники в лаптях. Марксизм, призывавший к прыжку в царство свободы, совершил головокружительный прыжок с Запада и основал царство Третьего интернационала на семи холмах.

Россия лопнула, выворотилась наизнанку, как сверхновое светило, разметав свою справедливость и свою свободу во всю вселенную, а в сердцевине осталась зиять черная дыра диктатуры.

Каков же смысл нового содрогания гигантского тела страны, нового лобового столкновения двух идеалов? Что принесет оно?

Окончательное торжество восточной уравнительной справедливости на шестой части земной суши? Это повлекло бы новое и по-

следнее падение в пропасть, из которой мы отчаянно попытались было выбраться, старение и смерть социума, осуществление апокалиптической картины, венчающей «Осень» Баратынского:

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой -
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, -
Перед тобой таков отныне свет.
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

Или внезапную победу принципа свободы, обеспеченную массированной поддержкой Запада? Это означало бы разрыв тысячелетней линии судьбы России, отказ от ее уникальной исторической миссии и переход к реализации традиционной европейской модели развития на пустом месте с отставанием от соседей на столетия. Противоположности смыкаются.

Чистые принципы самоубийственны. Конечно, нам никуда не деться от написанного на роду начала социальной справедливости. Воплощать его во всей полноте, порождать и хранить его тепло, щедро излучать в космос человечества призвана звезда России. Но непримиримому идеалу справедливости придется потесниться, принять в себя свою противоположность - идеал производящей, творческой свободы. Отступить, но не уступить. Принять его до известной степени и на известных условиях. Стать с ним в определенное отношение. Каково это совершенно конкретное отношение в различных сферах материальной и духовной жизни нашего общества - в такой форме сегодня встает перед нами извечный русский вопрос «Что делать?».

2

Трагедия послереволюционного спора справедливости и свободы в нашей истории состоит в том, что спор этот беспредметен; это схватка за штурвал кренящегося, неотвратимо теряющего ход корабля. Если «история - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс), то деятельность по созиданию нового общества помимо ясного идеала должна иметь свой качественно новый, конкретный предмет, не менее определенный и осязаемый, чем

у хлебопашца, строителя и гончара. Не нужно быть философом, чтобы понять: предмет деятельности тесно связан с ее смыслом. На переломе двух эпох мы не смогли обрести, утеряли этот смысл, и наша история закружилась в порочном круге.

Потерянные деньги, где бы они ни были потеряны, лучше искать под фонарем, ибо там светлее. Это по-английски. А по-русски будет: потерявши смысл - ищем... виновного. Сталин осужден бесповоротно. Но оказывается, что этого мало для сатисфакции. Маститые литераторы принимаются с пристрастием читать Ленина и спешат оповестить о своих открытиях, едва осилив первый том. К кому приведут в конечном итоге поиски нашего первородного греха?

Нетрудно догадаться, взглянув на вывеску незабвенного ИМЭЛС. Суд над Марксом!

Судебный процесс еще не начался, обвинение не предъявлено. Покуда Маркс всего лишь выходит из моды. Говорить о нем, ссылаться на него становится дурным тоном. Он окружен стеной молчания. Общественное мнение в классическом сталинском стиле исподволь готовится санкционировать расправу над своим былым кумиром. Естественно, - и это тоже «по-нашему», - аргументы по существу дела никого не интересуют.

Но судьи пребывают в блаженном неведении относительно того, что подлинный Маркс имеет отдаленное отношение и к историческому западному «марксизму», и в особенности к восточному «марксизму-ленинизму» - этим самоназваниям политических идеологий. Сам он говорил в сердцах: «Я знаю только одно, что я не марксист». А Ленин, уже в зрелые годы конспектируя «Логику» Гегеля, записал во внезапном озарении: «Никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». В этой сакральной формуле «Манифеста» - и проклятие наше, и спасение. Слова Маркса были истолкованы не конструктивно - как определение предмета деятельности, исторического творчества, а деструктивно - как призыв вооруженной силой устранить помещиков и капиталистов. Категория «уничтожение» понята не по-европейски, - как снятие, преодоление, овладение, а по-азиатски, - как истребление, террор, «красногвардейская атака».

И вновь предостерегают вещие «Вехи»:

«Работа над устроением человеческого счастья с этой точки зрения есть не творческое или созидательное, в собственном смысле, дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т.е. к разрушению... Прогресс не требует собственно никакого творчества или

положительного построения, а лишь ломки, разрушения противодействующих внешних преград... Разрушение признано не только одним из приемов творчества, а вообще отождествлено с творчеством или, вернее, целиком заняло его место. Здесь перед нами отголосок того руссоизма, который вселял в Робеспьера уверенность, что одним лишь беспощадным устранением врагов отечества можно установить царство разума.»

Уничтожение частной собственности для Маркса тождественно уничтожению труда, *уничтожению пролетариата*, производственных отношений, – и уже по одному этому видно, что уничтожение здесь не сталинское, а гегелевское: уничтожение-снятие (aufheben), т.е. овладение, преодоление, включение в состав нового развивающегося целого. Уничтожение частной собственности есть преодоление отчуждения. В этом весь Маркс и весь коммунизм. Именно это он называл «действительным коммунистическим действием», «положительным упразднением частной собственности», в отличие от «простого упразднения», которое олицетворяет человек с ружьем.

Уничтожение труда - горькая пилюля, которую наши марксисты при чтении «Немецкой идеологии» и «Святого семейства» вынуждены глотать множество раз. Во имя благопристойности и целомудрия теории в ее кафедрально-кастрированном варианте этот «грех молодости» классика, как и многие иные, тщательно замалчивается.

«Коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор характера деятельности, устраняет труд».

«Труд есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность».

«Пролетарии... должны уничтожить условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд».

«Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить».

Бедные марксисты, изучающие классиков лишь на предмет оснащения приличествующими цитатами своих многочисленных трудов «по» коммунистической теории! Во имя избавления от все более душераздирающих загадок и парадоксов им остается только упрятать Маркса в спецхран. К счастью, его и так давно не читают.

Ключ к подлинному Марксу один - культура мышления. «Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения». Труд по Марксу есть вполне определенное, ограниченное понятие, а вовсе не абстрактная надысторическая добродетель, которая превращает волосатого предка в лысеющего, благообразного современника. Труд означает такой конкретно-исторический вид деятельности людей, при котором они скованы и связаны между собой отчужденными, т.е. не зависящими от их воли производственными отношениями. Уничтожение труда не означает уничтожения всякой деятельности во имя основания царства бездельников, - напротив, это есть превращение деятельности в подлинно человеческую, поскольку выход из производственных отношений только и открывает простор для отношений между личностями. От подлинной человеческой деятельности труд отличается тем же, чем брак от любви - скованностью безличными производственными отношениями. Известная со времен Сократа совместная деятельность по постижению Истины, утверждению Блага, сотворению Прекрасного - это воистину «дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение», но это не есть труд.

«Труд» здесь разделяет участь многих категорий Маркса, трактуемых с позиций почтенного житейского здравого смысла. «Но с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы» /Ленин/.

Если только мы принимаем негативную, разрушительную трактовку призыва «Манифеста», то обессмысливаем весь жизненный подвиг Маркса. Львиная доля этой жизни была отдана «Капиталу» - работе, которая неотступно тяготела над ним, как проклятие, которую притом, как выясняется из «Плана шести книг», удалось завершить менее чем на 1/24 часть, книге, которая никогда, нигде и никем, включая Энгельса, не была понята, и самое главное, - абсолютно не нужна вооруженным экспроприаторам экспроприаторов.

Но одновременно мы лишаем смысла и всю собственную жизнь, собственную историю с момента принятия этой западной формулы в ее восточном толковании. Вместо закономерного, осознанного движения сквозь историческое пространство, плотно заполненное слоями отчужденных общественных отношений, формами собственности, вместо сознательного творчества, наследующего всю материальную и духовную культуру человечества, - будущее предстает как расширение в пустоту дурной бесконечности, волюнтаристское строительство на якобы расчищенном месте чего-то образцового, невиданного и неслыханного.

Вместо обещанного царства свободы мы попадаем в царство произвола. Но если «человек хозяин всему и решает все», если нет закона, нет истории, нет Бога - это не свобода, а арзамасский ужас. Через пролом в оболочке культуры веет запредельным эсхатологическим холодком - и младенчески-архаическое сознание общества бросается под защиту Великого Вождя и Учителя, творца Положений и Выводов, суррогатных абсолютов и истин в последней инстанции.

Коммунизм «Манифеста» не имеет к этому никакого отношения. Уничтожение частной собственности, ее положительное упразднение в обратном порядке проходит, по Марксу, через те же этапы, что и само развитие отношений собственности, и начинается с исторически последнего, высшего их типа. Это означает, во-первых, что коммунизм по своему содержанию равновелик не капитализму, а всей предшествующей истории, которую Маркс не случайно в своей классической работе назвал «предысторией». Коммунизм - не утопически-идеальное состояние общества, а движение вглубь Истории, снимающее отношения собственности, эпоха, которая включает целый ряд формаций, объединяемых новым типом развития, новым предметом и смыслом человеческой деятельности. И это означает, во-вторых, что при своем начале такое движение имеет непосредственным предметом капитал: первая коммунистическая формация, которую Маркс называет «грубым коммунизмом», должна решать задачу обобществления капитала, т.е. овладения бескризисным расширенным воспроизводством стоимости в масштабах общества.

Выходит, автор «Капитала» не был ни одержимым, ни излишне любознательным, отдавая свою жизнь Книге. Первый же шаг в подлинном преодолении частной собственности немыслим без детального знания предмета этой книги. Тот факт, что она по сей день не понадобилась в нашей сугубо практической деятельности, говорит нечто важное не о ней, а о нас: мы попросту еще и не приступали к уничтожению частной собственности. Мы пребываем во мраке неведения относительно того, что именно и каким образом обязаны «уничтожать». И самое прискорбное - в отличие от Сократа мы и не подозреваем, что кое-чего не знаем.

Частная собственность по определению есть собственность, находящаяся в каком-либо выделенном, особом отношении к некоторой части общества. Это азбука теории Маркса. Поэтому любая государственная собственность, независимо от идеологических притязаний государства на некую мифическую «общенародность», есть одна из разновидностей частной; и в этом качестве она подлежит уничтожению в свой черед в одном ряду с капиталом. Больше того, нетрудно понять, что и сама героиня политэкономических заклина-

ний – общенародная собственность, упади она с неба, оказалась бы опять-таки частной, если только народ не отождествлять со всем без изъятия населением земного шара.

Но коль скоро, вроде бы, выясняется, что делать, не пора ли задать второй русский вопрос: кто виноват в том, что мы до сих пор этого не делаем?

«Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы» (Ленин). В этом суть, в этом главный вопрос перестройки, который по-настоящему покуда даже не поставлен. Но так уж устроена конкретная истина, что на пути к ней нужно сперва постичь истину абстрактную: какой именно исторический субъект призван взяться за уничтожение отчуждения? Идея, как учат классики, неизменно посрамляла себя, когда пыталась самореализоваться, не оседлав с этой целью подходящий материальный интерес. Кто же, какие классы или слои общества наиболее кровно заинтересованы в скорейшем уничтожении частной собственности?

Канонический ответ напрашивается, - но он неверен. Как ни странно, таких классов два. «Самовозрастание капитала - создание прибавочной стоимости - есть ... совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста, на одной стороне, выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и, с другой стороны, - на противоположном полюсе» (Маркс). Правда, позитивный смысл избавления от этого рабства каждой из сторон видится совершенно по-разному. Рабочие стремятся добиться справедливости в распределении произведенной стоимости, тогда как капиталисты - свободы от тягостного гнета рыночной стихии и слепого рока кризисов.

Маркс считал это раздвоение субъекта чисто теоретическим феноменом, лишь в пролетариате видя силу, которая способна материализовать идею преодоления отчуждения. Буржуазии, справедливо полагал он, есть что терять кроме своих цепей, а главное, она фатально расколота беспрестанной борьбой каждого отдельного капиталиста против всех. Он ясно видел эту центробежную силу, отталкивающую частные капиталы друг от друга, и не находил возможной противодействующей силы сжатия, которая спаяла бы их как протоны в атомном ядре. А посему - пролетарии всех стран, соединяйтесь! Буржуазия соединиться не в состоянии.

Это было теоретической, абстрактной истиной - в предположении, что пролетариат всех развитых стран одержит победу одновременно. В реальности же он победил первоначально в одной стране. И вот тогда сочетание постоянной внешней угрозы в лице комму-

нистического интернационала с нарастающим давлением рабочего движения изнутри породило - в условиях величайшего экономического кризиса 1929-33 г.г. - ту могучую силу сжатия, которая вынудила финансовую элиту сделать первые шаги к объединению. Возник «зеркальный», элитарный субъект преодоления отчуждения.

Ирония истории в том, что сегодня мы вынуждены всерьез заняться воссозданием и дальнейшим развитием самой что ни на есть частной собственности под флагом ее уничтожения, а противоположная система, объявившая частную собственность священной и неприкосновенной, на деле со времен Рузвельта ее последовательно уничтожает. Конечно, красногвардейцы не врываются в небоскребы на 5-й авеню. Но происходит нечто по существу более драматичное: финансовая элита руками государства медленно, но верно монополизирует и централизует - слой за слоем - высшие формы экономической деятельности. Правда, здесь сделаны только начальные шаги. Капитал - это не вещь, а отношение, самовоспроизводящаяся стоимость. Частичное ограничение возможностей вкладывать и использовать капитал равно его частичному уничтожению: свеча остается в руках собственника, но пламя ему уже не принадлежит. Это есть самая настоящая, по Марксу, экспроприация капиталистов. Только субъект такой экспроприации иной: вместо диктатуры пролетариата - власть финансовой элиты. Перед лицом смертельной внешней и внутренней угрозы она вынуждена сплачиваться, сбрасывать классическую форму борьбы каждого против всех и в антикризисных целях централизовать управление воспроизводством совокупного капитала. Непопулярный ныне тезис о неизбежной гибели капитализма, который продолжает числиться среди догматов марксистского вероучения, давно пора снять, и вовсе не потому, что Маркс оказался неправ, напротив, - потому, что капитализм давно уже погиб. Причем российская революция имеет к этому самое прямое, хотя и непредвиденное отношение.

Государственно-монополистический капитализм времен первой мировой войны отличается от современного западного элитаризма принципиально: как временное, силовое упразднение экономических отношений - от поэтапного их уничтожения-снятия. ГМК - неустойчивое, переходное состояние, которое разрешается двояко: либо по миновании военной необходимости вновь выпускается на свободу нормальный монополистический капитал, либо возникает госмонополистический социализм в результате перехода власти от диктатуры олигархии к диктатуре пролетариата. Элитаризм же - шаг не просто в новый способ производства, а в новый, надформационный тип развития.

В начале века Ленин, подвергнув исследованию капиталистическую систему, констатировал, что сия особа, корчившая из себя девицу, находится на высшей и последней стадии беременности, и более того, на той ее заключительной ступени, между которой и родами «никаких промежуточных ступеней нет». С тех пор в бурной жизни упомянутой особы случились невиданные перемены и неслыханные мятежи. Но наши проницательные «марксисты», отбрасывая тень сомнения, торжественно провозглашают, что интересное положение 70-летней давности длится и поныне, а весь ряд эпохальных сдвигов в западной истории XX столетия суть не что иное, как выявленные ими частные подробности очередных этапов общего кризиса, коим потерян счет.

Социальная материя, как и подобает ей, ушла далеко вперед, в то время как наш мятежный политэкономический дух «увяз в дерьме субстанций» /Маркс/, намертво окопался на принципиальных позициях первой империалистической.

Отечественное обществоведение лежит в родах. Оно рожает исторический материализм. Когда-то разрешатся эти грандиозные потуги, и какого еще динозавра они нам принесут?

Завершается человеческая предыстория, и мир вступает в новую эпоху, эпоху преодоления отчуждения, уничтожения частной собственности; но это историческое движение будет совершаться в двух взаимосвязанных формах - под флагом справедливости и под флагом свободы, в двух противостоящих друг другу и одновременно нуждающихся друг в друге системах - коммунизма и элитаризма. Коллизия российской истории, вскрытая «Вехами», не разрешается, но приобретает одновременно общемировой характер.

Неумолимая логика прогрессирующего распада страны требует от нас отчетливого самосознания, безукоризненной логики мысли и действия. Как же мало времени осталось, и как мало надежд на проявление этих качеств дают бесконечно тянувшиеся десятилетия великого безмыслия и вселенской расхлябанности! Но или додумывать до конца - или испить эту чашу до дна.

Возвращение к Марксу от доморощенного «марксизма», возвращение к подлинному смыслу «Манифеста» выбивает утрамбованную почву из-под ног догматического Голиафа. Выясняется: уничтожение частной собственности в новую эпоху не разделяет нас с противоположной системой, а напротив, объединяет с ней. Подлинное раздвоение проходит по линии водораздела между равенством и свободой. Коммунизм есть овладение отношениями собственности плюс социальная справедливость.

Выясняется: мы давно живем без идеала. Пора осознать и это. Призрак коммунизма бродил по стране в годы первых пятилеток,

бледнея на глазах, пока не испарился окончательно в 60-е годы. Но для Маркса коммунизм никогда не был, да и не мог быть социальным идеалом. Это переходная, промежуточная эпоха, первое отрицание бесчеловечной предыстории.

«Коммунизм есть необходимая форма ... ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества.

...Мы даже коммунизм называем ... еще не истинным, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности.

...Коммунизм - гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредования, - являющегося, однако, необходимой предпосылкой, - возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм».[1]

Так однажды стучится в дверь неузнанная тысячекратно правда. Тогда мы всматриваемся в чужие лица подлинных родителей. Отверзаются рвы под Куропатами. Из полос тьмы на знакомых фотографиях выступают забытые фигуры. Пепел складывается в рукописи.

Что может означать для изверившейся страны это замещение коммунизма гуманизмом? Замену одного полустертого штампа другим? Что значило само это слово полтора столетия назад для молодого берлинского доктора философии?

В публицистической статье 1842 года двадцатичетырехлетний младогегельянец Карл Маркс противопоставил расколу отчуждения, «духовному животному царству» - объединение вокруг святого Гумануса. Тому, кто отважится на поиски родословной этого святого, дано будет прикоснуться к тайнам...

Неоконченная, точнее, едва начатая поэма Гете «Тайны» - один из наиболее загадочных памятников европейской культуры. Сам автор придавал замыслу поэмы огромное значение. Впервые «Тайны» были напечатаны в собрании сочинений Гете, вышедшем в Лейпциге в 1787-1790 годах. Поэма начата 8-го августа 1784 года, о чем имеется свидетельство в письмах автора к г-же фон Штейн и Гердеру. В этот день было написано посвящение к ней, помещенное впоследствии автором во главе собрания его стихотворений. Традиция сохраняется и по сей день, - посвящение к «Тайнам» служит как бы напутствием ко всей жизненной работе Гете.

Но внутренних значений песни этой
Никто во всем не сможет разгадать...

[1] К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г.

Спустя три десятилетия, 15 ноября 1815 года, некий кружок студентов в Кенигсберге, собиравшийся для чтения и обсуждения поэтических произведений, обратился с письмом к еще здравствовавшему патриарху мировой литературы, прося его, ввиду возникших в кружке споров, дать свое истолкование этому таинственному отрывку. Неожиданно Гете откликнулся, причем, по тем временам весьма оперативно, и написал заметку под заглавием: «Тайны. Фрагмент Гете», которая была помещена в «Моргенблатт» от 27-го апреля 1816 года. Пространный комментарий автора как по объему, так и по содержанию значительно превосходит сам комментируемый фрагмент. Собственно, из опубликованного текста «Тайн» читатель успевает лишь узнать о том, как некий монах, заблудившийся в гористой местности, попадает в приветливую долину, где находит двенадцать таинственных рыцарей. Прочее осталось невоплощенным. Что же именно?

Вслушаемся в тихий голос старого Гете: «Чтобы дать теперь понять мои дальнейшие намерения, а вместе с тем и выяснить и общий план и цель стихотворения, я открою, что имелось в виду провести читателя... через различные области горных, скалистых и утесистых вершин... Мы посетили бы каждого рыцаря-монаха в его жилище и из созерцания климатических и национальных различий узнали бы, что эти отменные мужи собрались сюда со всех концов земли, где каждый из них перед тем чтил Бога на свой лад в тиши».

«Читатель заметил бы, что различнейшие образы мыслей и чувств, развиваемые и запечатляемые в человеке атмосферою, страною, народностью, потребностью, привычкой, призваны явиться здесь, на этом месте, воплощенными в выдающихся индивидах, и что здесь находит свое выражение жажда к высшему усовершенствованию, не полному в отдельном лице, но достойно завершающемуся в совместной жизни.»

«Но для того, чтобы все это стало возможным, они собрались вокруг человека, носящего имя Гуманус; на это бы они не решились, если бы не чувствовали некоторой близости, некоторого сходства с ним».

«При этом оказалось бы, что каждая религия в отдельности достигает в известное время высшего расцвета своего и приносит плод свой, и что тогда она сближается со сказанным выше верховным вождем и посредником, и даже вполне сходится с ним. Эти эпохи должны были явиться закрепленными и воплощенными в двенадцати представителях так, чтобы каждое признание Бога и добродетели, в каком бы удивительном образе оно ни предстало перед нами, являлось нам всегда достойным всякой чести и любви».

«И теперь после долгой совместной жизни Гуманус мог прекрасно покинуть их, ибо дух его воплотился в них всех и, принадлежа всем, не нуждался более в собственной земной оболочке».

Так вот какие космические бездны открывает поиск утраченных духовных корней нашей революции! Вот какова родословная отечественных Робин-Гудов, умеющих лишь отнимать и делить поровну!

Сегодняшний «марксизм» отрезает, отгораживает нас от мира общечеловеческих ценностей, превращает в остров погибших кораблей в океане мировой истории. Подлинный Маркс - средоточие европейской культуры, концептуальный и духовный мост, связывающий нас с прошлым и будущим всего человечества.

Конечно, гуманистический горизонт Маркса куда более узок, чем вселенский охват Богочеловечества у Соловьева, да и нравственный смысл гуманизма далеко не достигает высот всеобщего воскрешения Николая Федорова. Однако теоретический взор Маркса, лишь скользнув в молодости по отдаленным вершинам, был затем всю жизнь прикован к таинственной слепящей кромке, на которой будущее переплавляется в прошлое. Предшествующие мыслители спешили не глядя перемахнуть пропасть между идеалом и реальностью, их ценности для своего земного торжества нуждались в Апокалипсисе. Маркс впервые поставил цель соединить лед реальности и пламень идеала в действительном коммунистическом действии.

Какова мера ответственности самого Маркса за те деяния, которые совершали российские борцы за справедливость от его имени? Не стоит спешить с ответами на такие вопросы. Должно быть ясно одно: те, кто искренне считали себя наследниками Маркса, унаследовали его демонов, проклятье, тяготевшее над Книгой его жизни, но полностью утеряли ее созидательный смысл.

Поэтому беспочвенны и безответственны попытки избавиться от великого дара Запада - марксовой мечты и плана осуществить прорыв через царство осознанной необходимости в мир гуманизма. Но эта мечта и этот план должны быть возвращены, воссоединены со всем контекстом мировой, западной и русской культуры; царство свободы - с эсхатологическим царством русской религиозной философии, категория «отчуждения» Маркса - с бердяевской «объективацией». Нынешнему поколению советских людей, которое уже не будет жить при коммунизме, нужно вернуть смысл жизни, подлинный смысл таких слов как «коммунизм» и «гуманизм».

Коллизия свободы и справедливости проходит через всю историю. На протяжении предысторического царства естественной необходимости она постепенно прорастает и обостряется, поляризуя из-

нутри культуру каждого этноса. В границах предстоящего царства осознанной необходимости это противоречие разделяет человечество на две системы, разрывая внутренний мир человека на два несовместимых идеала. И только в эпоху гуманизма оно станет источником развития каждой личности и общества в целом, постоянно нарушаемым и вновь восстанавливаемым на более высоком уровне единством возвышающих друг друга в своей деятельности свободных и равных индивидов.

Не постигнув эту истину, не сделав ее конкретной, не увидев ясно в ее беспощадном свете самих себя, невозможно понять, что же именно и зачем производится и распределяется сообразно принципам свободы и справедливости.

3

Прошлое нашей Родины едва ли не более закрыто и непостижимо, чем будущее. Вернуть историю государству Российскому! Падчерица исторического материализма, она упорно не влезает в прокрустово ложе теории. Отечественные производительные силы никак не желают имманентно саморазвиваться, а производственные отношения - в установленном порядке чинить им обструкцию. Наметанный глаз обществоведа, всюду выискивающий сельфакторы и машину Ползунова, вечно натыкается в наших временных летах на перестройки сверху по мановению батюшки-царя, осуществляемые под угрозой или по итогам очередного нашествия иноземного супостата. Врагами народа в 30-е стали не только легендарные красные командиры, но и Карамзин, Соловьев, Ключевский, заметившие эту историческую странность и оттого зачисленные в идеалисты. Что же касается обнаружения историков-материалистов, то тут даже органы оказались бессильны. И роковое клеймо идеализма легло на всю российскую родословную, вынуждая бдительных граждан отречься от своих корней.

Печатью того же проклятия отмечена и наша революция. Подобно тому, как правоверные иудеи, ожидавшие мессию, не признали таковым Иисуса, ортодоксальные западные марксисты сочли ее незаконнорожденной. Октябрь 1917-го – скрещение всех загадок мировой истории. И фокус, эпицентр, сердцевина всех споров – непостижимая фигура Ленина. Превращенный было жрецами сталинизма в нового Конфуция, он переживает ныне свое второе пришествие в общественном сознании. Уже и своды Мавзолея сотрясаются. Диапазон оценок простирается от Христа до Антихриста. Человек этот, при жизни никем не понятый, по-язычески почитавшийся и тра-

гически одинокий, как итог мучительно-противоречивых борений и исканий завещал нам гениальный взгляд на русское и на любое общество как многоукладное и на социалистическую экономику как сознательно управляемую систему взаимосвязанных укладов. Тут ключ к тайне победы социалистической революции «первоначально в одной, отдельно взятой» и совершенно к тому не готовой стране.

Теория Маркса позволяет в принципе построить менделеевскую таблицу общественно-экономических формаций, идеальных состояний, которые пробегает общество в процессе развития. Но химически-чистые формации в социальной природе встречаются крайне редко. Реальный общественный организм - это противоречивая совокупность, комплекс взаимосвязанных укладов. Каждый из них представляет собой соответствующую формацию как бы в свернутом виде. Уклады - не только рудименты прошлых и зародыши будущих состояний, но и активные элементы, которые определяют настоящий день социальной системы. Физику этих элементов постиг Маркс, основы химии и биологии закладывает ленинское понимание многоукладности, логика взаимодействия и развития целого содержится в наследии Гегеля. Таковы три компоненты подлинного исторического материализма, три оси координат пространства, в котором движется человеческое общество.

В первую голову рамки и границы пресловутых единства и борьбы противоположных принципов должны быть установлены в жизненно важной сфере экономики. Это есть именно вопрос жизни и смерти, а не тема для схоластических вариаций, потому что мы уже опоздали, и опоздание вот-вот станет катастрофическим. Послевоенная практика развитых стран Запада давно подсказала ответ. Сферы действия свободы и справедливости - это, соответственно, производящий и воспроизводящий уклады. Уравнительно-распределительной справедливости не место в сфере производства вещей, где не обойтись без здоровой, регулируемой конкуренции производителей. С другой стороны, элитарный, индивидуалистический принцип «Каждому – по способностям» не годится для сферы воспроизводства человека, для детских садов, больниц и домов престарелых. Вопрос о бытии социализма, над которым картинно бьются гамлеты нашего средневекового обществознания, прост как жизнь: общество социалистично, если в нем свобода существует в рамках и во имя справедливости; и наоборот, общество принадлежит к иной системе, если свобода в нем доминирует и допускает справедливость для собственного воспроизводства и стабильности.

Попытки растворить горсть кооператоров и арендаторов в массе населения, живущего на одну государственную зарплату-пособие, в

лучшем случае наивны. Старинный обычай пустить красного петуха под крышу более удачливому соседу родился не в семнадцатом году. С другой стороны, и социалистические бизнесмены, оказываясь в положении волка в стаде казенных овец, самим ходом вещей подталкиваются к грабежу, а не к здоровой конкуренции. Предпринимательство должно концентрироваться в полюсах и регионах промышленного роста, в свободных экономических зонах различного типа, которые в совокупности составят «открытый сектор» нашей экономики. Пребывание в резервациях свободной конкуренции поможет нашим легальным миллионерам ощутить крепкие локти соперников, а заодно не мозолить попусту глаза блюстителям распределительной уравниловки. При этом предпринимательские зоны смогут уцелеть в агрессивном окружении, только если будут исправно платить обществу дань в виде постоянного потока качественных и недорогих потребительских товаров.

Но откуда возьмется сам дефицитный дух предприимчивости, который предстоит укоренять на подзолистой отечественной почве? Здесь не обойтись одним лишь поощрением его чахлых казенных ростков и надеждами на те клубни и корни, что могли чудом уцелеть под выжженным полем, зарастающим сорными травами подпольной экономики. Эти запоздалые меры придется дополнять тщательно выверенной и решительной пересадкой здоровой социальной и духовной ткани из-за рубежа. Чтобы покончить с рабской зависимостью от ввоза продуктов западного производства, необходимо импортировать и имплантировать само производящее начало.

Где же, в каком заморском укладе обитает ныне искомое начало? Глубоко и опасно заблуждаются те литераторы от политэкономии, которые помещают его в существующий столетиями классический рыночный уклад. Такое заимствование, безусловно, позволило бы нашему «народному хозяйству» сделать шаг вперед, - но это был бы в лучшем случае шаг из европейского тринадцатого столетия в восемнадцатое, в тупик, увековечивающий наше отставание.

Обычный человек не может воспринимать ультрафиолетовое излучение невооруженным глазом. В противоположность этому именно глаз, вооруженный сталинским истматом, в упор не видит, не различает на современном западе экономические уклады, расположенные на формационной шкале выше капитализма. Таковых, как известно, не может быть, так как этого не может быть никогда. Нет спору, классический капитал живет и здравствует в современной экономике элитаризма, - однако, он является в ней подчиненным, контролируемым и эксплуатируемым укладом, уже не столько отчужденной, сколько обобществленной производительной силой.

Именно современные механизмы планового регулирования и управления развитием рыночной экономики, получившие мощное развитие со времен Рузвельта, должны быть заимствованы, усовершенствованы и применены социализмом в первую голову.

Наша архаичная хозяйственная система подобна близорукому пловцу, который полагает, что плывет в ту же сторону, что и все, а сам вот-вот разобъет голову о бетонную стенку бассейна, от которой уже оттолкнулся его соперник, развернулся - и движется в противоположном направлении. Беда в том, что наши теоретики «прозевали» смену фундаментальных типов общественного развития. Мы слепо упираемся в объективную необходимость приступить к преодолению частной собственности, - в стране, где эту собственность предстоит сперва создать.

Задача кажется немыслимой и безнадежной. Но она не более безнадежна, чем та, что стояла перед революционными силами России в начале века. Нужно было не просто «срезать угол» векового исторического развития, а соединить две противоположно направленных революции, буржуазную и пролетарскую, - в одной. Собственно, это и есть та самая задача. В политической сфере она была решена за семь месяцев - между февралем и октябрем. Понадобилось семь десятилетий, чтобы теперь дошла очередь до экономики и всего остального.

Но это значит, что вновь встают во весь рост проклятые вопросы семнадцатого года. Имеем ли мы право браться за перестройку-революцию в обществе, которое ни экономически, т.е. по уровню развития отношений собственности, ни культурно к тому совершенно не готово? Возможно ли совместить две несовместимых перестройки в одной? Не ввергнет ли это страну в очередной и, быть может, последний кровавый хаос?

Существует фундаментальное различие между тогдашней и теперешней ситуациями, которое дает исторический шанс. В политической области, в вопросе о власти мы были первопроходцами. Мы не могли получить помощи извне и сполна испытали «мильон терзаний», ибо, как писал Гончаров, первый воин, застрельщик - всегда жертва. Но покуда мы шли своим крестным путем, - и в прямой связи с тем, что мы двинулись эти путем, - за океаном свершалось мучительное и судорожное таинство экономических родов. И сегодня экономика качественно нового типа, экономика, адекватная подлинному, реальному социализму, реально существует. Правда, не у нас.

Остается, стало быть, не изобретая более безграмотных «самобеглых колясок», вылущить указанную экономику из оболочки элитаризма и поставить на службу принципу социальной справедливости.

Вот эта-то почти немыслимая трансплантация, установка реактивного двигателя на ветхую телегу, нам и предстоит. Однако, повторимся, шанс в том, что и телега, и двигатель, пусть порознь, но реально существуют, - в отличие от ковра-самолета политэкономических сказок.

Наш хозяйственный механизм во многих своих принципиальных, формационных чертах мало чем отличается от развитого планового хозяйства династии Птолемеев в эллинистическом Египте. От современности его отделяют столетия. Пусть так. Но зато все промежуточные уклады, заполняющие эволюционную шкалу между этими этапами, в мировой экономике налицо. Важно только понять, где и что именно заимствовать, и как правильно соединять между собой. Предстоит сконструировать пирамиду укладов, опирающихся друг на друга, причем нижний должен держаться на поверхности разливанного моря неконвертируемых рублей, а верхний, пусть минимальный по масштабам, соответствовать уровню и стандартам мировой экономики. Предстоит свернуть время формационной эволюции в пространство управляемой многоукладности. Превратить разнообразие наших «патриархальных, полудиких и по-настоящему диких» укладов из тормоза - в двигатель, использовать разность их экономических потенциалов как могучую производительную силу.

Поразительное многообразие условий нашей страны, сопоставимое с многообразием всей мировой цивилизации, предоставляет основные детали гигантского конструктора «сделай себя сам». Недостающие элементы нужно смело заимствовать из опыта и практики других народов. А этот опыт свидетельствует, что отсутствие высших экономических укладов, практически пустое место, на котором предстоит возводить здание современной экономики - одновременно и недостаток, и огромное преимущество. Рывок в будущее из-за спин лидеров не будет вязнуть в трясине отчужденных отношений и традиций. В то время, как лорд-протектор величаво дремал на мешке с шерстью, потомки отцов-основателей стремительно двигались вглубь американских прерий. Из послевоенных руин тоталитарной империи взвился к небу удивительный цветок японской сверхдержавы.

Экономика должна быть одухотворенной. Но само творческое начало не может обретаться в качестве духа, носящегося над водами, ему необходимо иметь надежное представительство на земле. Оно естественно осуществляется через разнообразие независимых общественных структур. Однако в данном случае неприемлемы как классическая восточная модель вездесущего государства, не оставляющего места гражданскому обществу, так и западная, где последнее

одерживает победу над государством и берет его под контроль. Как известно, всевышний не справился с тестом на всемогущество, когда требовалось сотворить такой камень, который он сам не в силах был бы сдвинуть с места. Здоровой части нашего государственного организма, запустившей маховик перемен, необходимо совершить нечто подобное: подавить рефлекторный порыв административной системы к удушению нарождающегося гражданского общества и одновременно удержать это безответственное и буйное чадо от поползновений к отцеубийству и саморазрушению.

Не стоит страдать комплексами по поводу того, что в области хозяйственного и общественно-политического строительства предстоит расстаться с мученическим венцом реформаторов-первопроходцев, уступить другим незаконно узурпированную пальму первенства вместе с кадушкой. Наша миссия - совсем в ином. Страна таит в своих глубинах ювенильное море, в котором дышат и бродят девственные воды социальной справедливости. И пусть даже на поверхности явлений живой, действенной справедливости сегодня куда меньше, чем на западе. Для того, чтобы эти воды пробились наверх, мы остро нуждаемся в прививке свободы.

В такой особой миссии нет ни малейшей претензии на исключительность, ибо в семье народов можно быть самым свободным, но нельзя быть самым равным. Хотим мы того или нет - необходимо принять свое наследие как судьбу, как непреложный факт. Но в этой данности - одновременно дар и долг, проклятье и благословение. Истинна вера в то, что отечество наше предназначено, всем ходом истории призвано стать духовной, общекультурной палестиной принципа справедливости, идеала равенства, его очагом, дарящим тепло и свет всей мировой диаспоре. И если очаг этот угаснет - необратимо нарушится баланс мировых весов, равно необходимый и справедливости, и свободе. Но неистинна вера в патриархально-общинный уклад как хранилище и вместилище этого тепла и света. Вновь и вновь мифологическое сознание из лучших побуждений пытается затолкать едва родившегося, еще беспомощного младенца обратно в материнское лоно. Но нет пути назад. Социальной справедливости предстоит на нашей земле осознать самое себя, стать определяющим принципом устроения и жизни общества, чьи социально-экономические структуры должны быть скроены по меркам даже не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

Среди загадочных свойств родного пепелища - неистребимая способность вызывать к жизни все новые поколения творцов. Страна сказочно богата одаренными, энциклопедически образованными и самобытно мыслящими людьми. И здесь нет никакого противоре-

чия с мыслью об интеллектуальной пустыне, о которой говорилось вначале. Все эти искры божественного огня слишком рассеяны, разрозненны для того, чтобы из них возгорелось возрождающее и преобразующее пламя. Почти начисто отстутствуют традиционные неформальные очаги воспроизводства и наследования творческого начала - «невидимые колледжи», лицеи, салоны, поэтические кружки. Единственным российским институтом подобного рода продолжает оставаться ночная кухня. Меценатствующее государство во все века душило творцов в своих объятиях. Опыт уважаемых нами народов показывает, что конструктивную роль здесь должны играть различные общественные фонды с независимым источником доходов.

Подобно былинному богатырю, просидевшему столетие на печи, мы накопили огромный духовный потенциал. Мощный интеллектуальный уклад - единственная реальная сила для осуществления стремительной модернизации страны. Но эта сила и на пятом году перестройки остается невостребованной. Известно, что щедринского богатыря, дремавшего в дупле, сожрали гадюки. Для того, чтобы это пророчество не оправдалось, стране необходимо сбросить тупое административное оцепенение мысли, влекущее импотенцию действия. В новом типе развития, вдоль границы которого мы топчемся семь десятилетий, предысторическая диалектика отчужденных производительных сил и производственных отношений перестает служить мотором общества. Отныне двигателем развития может быть лишь сознательный субъект, который не просто является носителем одного из двух общественных идеалов, но при этом практически воплощает в жизнь теорию преодоления частной собственности. Рождение из мук «перестройки» такого исторического субъекта и степень его интеллектуальной вооруженности - подлинный вопрос жизни и смерти социализма. Время истекает.

Стать субъектом собственного развития - это значит прежде всего обрести самосознание, дать ответ на ленинский вопрос: кто такие «мы»? А для этого требуется не только бесстрашие и нравственная бескомпромиссность, но и огромная интеллектуальная мощь, культура мысли и духа. Лишь в 1983 году, сквозь недомолвки Андропова, наконец-то вновь забрезжил вопрос о том, кто мы такие и где находимся, - поистине судьбоносный вопрос-вопль, вырвавшийся крик, который с того момента окружен вязкой стеной малодушного умолчания.

С ответа на него и начнется подлинная перестройка.

Истина должна быть предельно конкретной, потому что конкретна жестокая действительность этого времени и этой страны. Ос-

мысленный путь между идеалом и реальностью пролегает по лезвию бритвы. Срыв в бездну исторических стихий будет означать непоправимую трагедию сотен миллионов.

«Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции, тогда происходит разрыв времен, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными… Революция подобна смерти, она есть прохождение через смерть … для возрождения к новой жизни… Но революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории.»[1]

Не успевая ни задуматься, ни оглядеться, пересекаем мы рубеж. Что за ним: разрыв времен - или управляемая эволюция, суд истории - или живое творчество народа, отчуждение – или возрождение?

[1] Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. YMCA-Press, Париж, стр.107-108.

ПОРОГ ИСТОРИИ

Тема выступления - Порог истории. Полагаю, так будет называться моя статья в книге «Иное».

Уже в самих словах «порог истории» скрыта некая тайна. Слово «порог» в русском языке имеет четыре основных смысла.

Во-первых, порог - некая символическая линия, которая означает «вход-выход». Ее переступают.

Во-вторых, если рассматривать эту абстракцию конкретнее, выясняется, что она имеет некую толщину, а именно: толщину доски. Это – некая доска под дверью, об нее спотыкаются, не заметив, или также перешагивают. Она отделяет собственно дом от улицы.

В-третьих, это – барьер, некая энергетическая величина, которую надо преодолеть. Есть такое выражение: «пороговая энергия» в квантовой механике. Если у вас нет определенной пороговой энергии, вы не можете преодолеть некоторый порог (например, вы не перепрыгнете забор). Здесь доска, вы видите, доросла до большой толщины, переходящей в высоту.

Все три смысла слова «порог» переводятся на английский язык также одним словом. Но есть четвертый смысл этого слова, не присущий английскому аналогу. Это - порог на реке: место, где спокойные воды вдруг принимаются бурлить, со дна реки показываются камни, и утлую лодчонку начинает швырять из стороны в сторону. Ее может разбить, перевернуть, но если удастся как-то через это место пройти - далее опять восстанавливается широкое и плавное, спокойное течение.

Жанр выступления: совершенно ненаучный и очень личный. Научная часть будет присутствовать в виде обширных цитат.

1

Недавно я читал переписку Флоренского с В.А. Кожевниковым, опубликованную в «Вопросах философии». По мере чтения я все больше стал обращать внимание на личность того, кому эти письма были Флоренским адресованы, и на ответы этого адресата. Мой интерес все возрастал, покуда я не наткнулся на такие слова в письме от 1912 г. (Флоренскому в то время около тридцати лет, Кожевникову в два раза больше):

Флоренский - Кожевникову
1912.VIII.15. Сергиев Посад.
Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович!

С каждым днем и часом мысль о Вас делается все настойчивее и неотвязнее. Есть для этого поводы внутренние, есть и внешние, а именно необходимость заглядывать в Ваши немногие (из многих) творения. Но ни внутренние, ни внешние поводы думать о Вас и желать написать Вам не исчерпывают объективного долженствования. Сознание какой-то нашей общей, общественной вины пред Вами, общественная неправда в отношении к Вам, Ваша, так сказать, нераскрытость для культурной жизни России тяготеет на мне, почти на совести моей. Сколько Ваших трудов, дарований, добросовестности легло мертвым капиталом, словно погребенное на дне морском. И горе нам, если, пока живы Вы, мы не успеем «примириться» с Вами!

В этот период по инициативе ректора Московской духовной академии еп. Феодора Кожевников был приглашен стать почетным членом академии (о чем Флоренский, в то время редактор журнала МДА «Богословский вестник», написал Кожевникову). Кожевников уже был автором трех или четырех напечатанных и гораздо большего количества неизданных книг. За оставшиеся четыре года его жизни успели выйти два из трех наиболее известных его томов «Сравнения буддизма с христианством».

Кроме того, Кожевников известен как один из наследников и популяризаторов учения Николая Федорова о воскрешении мертвых. Хотя из переписки я узнал, что сам Кожевников относился к своим работам над наследием Федорова скорее как к нравственному долгу и с большой осторожностью отзывался о содержании этого учения, считая его не вполне христианским. А он как человек глубоко православный полагал это чрезвычайно важным (в отличие от Петерсона - второго популяризатора трудов Федорова). Кожевников был тем самым человеком, которому Федоров на смертном одре, несмотря на все их разногласия, завещал свои рукописи. Он был родом из московской купеческой семьи.

Через четыре года после начала переписки с Флоренским Кожевников скончался от рака желудка. Он спокойно и сдержанно рассказал в одном из последних писем Флоренскому о том, как получил рентгеновский снимок и прочел на нем свой смертный приговор.

В процитированном отрывке письма Флоренский намекает на огромное количество трудов, которые лежали в архиве Кожевникова. Небольшую часть из них успели издать (в частности, это сделал Новоселов). Большая же часть, насколько мне известно, погибла вместе с архивом Кожевникова, а «общественная вина» перед ним так и осталась неизбытой. Впрочем, дальше эту вину уже практически никто не ощущал.

Читая письма Кожевникова, я обратил внимание, что по ходу переписки он, как человек скромный, все время стремился укоротить свою подпись. Он подписывался то «Кожевн.», то просто «Кож.» и наконец устойчиво остановился на варианте «Кожев.». Споткнувшись взглядом об эту подпись несколько раз, я вдруг вспомнил, что уже встречал такое сочетание букв. В памяти всплыл Александр Кожев, про которого я узнал из нетленного творения Фукуямы «Конец истории».

А. Кожев - французский неогегельянец, ученик Ясперса, последователь Хайдеггера. Профессор Сорбонны с 1933 г., он поразил своими лекциями по философии истории целое предвоенное поколение французских интеллектуалов, среди которых были Арон, Батай, Койре, Лакан, Мерло-Понти, Сартр и другие. В течение шести лет он читал эти лекции в Практической школе высших исследований. Фукуяма пишет, что после войны, придя к выводу, извлеченному из Гегеля, что История закончилась, остановилась, а с ней остановилась в своем развитии философия, Кожев решил в собственной жизни воплотить выводы из философского учения (он серьезно относился к философии). Он якобы прекратил свои штудии, перестал читать лекции и до своей смерти в 1968 г. был чиновником где-то в аппарате European Community.

Я перебрал массу словарей и справочников, но мне не удалось выяснить даже отчества А.Кожева, хотя известно было, что он русский. Известно еще, что его подлинная фамилия Кожевников и что он родился в Москве в 1901 г. (БСЭ). Остальные подробности относились уже к его заграничному житью-бытью.

Тут мне припомнился и третий Кожевников. Несколько лет назад опять-таки в «Вопросах философии» была перепечатана статья Александра Кожевникова, евразийца. В 1929 г. он опубликовал в журнале «Евразия» очень короткую полушутовскую заметку на тему «ВКП(б) на службе у мирового духа». Она мне чрезвычайно понравилась, поскольку напомнила нечто из собственной жизни.

Сюжет заметки примерно таков: «Вы что же, дорогие евразийцы, думаете, будто эти монстры из ВКП(б) - банальные азиатские душители свободы, гноители русской философии? Ничего подобного. Осуществляется некий глубоко продуманный, исторической важности эксперимент, цель которого - вывести европейскую философскую мысль из тупика, где она пребывает после Гегеля. Чтобы этого достичь, необходим радикальный подход. Нужно вокруг какой-то большой части суши (скажем, порядка 1/6) воздвигнуть железный занавес и вырастить там два-три поколения людей. По своим формам бытия эти люди будут выглядеть вполне нормально (есть бутерброды, носить свитера и ездить на трамвае), но они будут полностью отрезаны от мирового культурного и в первую очередь философского наследия (на худой конец допускается скверно изданный Гегель - не то, не так, в непонятном переводе, как, например, «Наука логики»). Так пройдет поколения три, и когда занавес приоткроется - поколение выросших там интеллектуалов сможет с высоты птичьего полета (или помета) обозреть мировую философскую культуру и вывести ее из тупика».

Благодаря заметке С.С. Хоружего мне удалось выяснить, что евразиец Александр Кожевников и превратился в будущем в Александра Кожева - последователя Ясперса, неогегельянца и пр.

Таким образом, Кожевников-Кожев претерпел, как минимум, два изменения, которые происходили по одинаковому сюжету. Сначала он к чему-то приходил чисто интеллектуально, а потом решал свою жизнь привести в соответствие с философскими выводами. Так, сначала он, как евразиец, отрефлектировал некий опыт развития нашей культуры и философии под руководством ВКП(б), а потом, видимо, решил радикально расстаться со своей русскостью и действительно это сделал.

В образовавшемся Александре Кожеве внешне совершенно невозможно найти никаких русских корней. Вопрос о том, был ли Кожевников-Кожев Александр Владимирович в родственных отношениях с Владимиром Александровичем Кожевниковым, оставался для меня загадкой, несмотря на телефонный опрос двух десятков московских историков философии. Кое-какую информацию об этом я получил лишь за полчаса до прихода сюда. Всплывает в памяти цветаевская «Тоска по Родине»:

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей - поперек!
Родимого пятна не сыщет!

...По крайней мере из статьи Визгина в «Вопросах философии» я узнал, что Фукуяма кое в чем не прав. Кожев вовсе не бросил заниматься философией после войны. Он только вместо философии истории стал заниматься историей философии. Он написал три тома, начиная с досократиков и до Канта. Изданы они были уже посмертно. Естественно, он двигался к Гегелю как к конечной точке, но дойти не успел.

За этими разрозненными фактами угадывается целая метафизика Кожева, некоторая феноменология его индивидуального духа. Кожев номер первый - это русский философ, а русская философия не может не быть эсхатологией, это непременно мышление о конце истории как о воссоединении всех поколений. Кожев второй - это реакция Кожева первого на ранний советский опыт, на сталинский вариант «богостроительства», - это евразийство Кожева. Итог его рефлексии над крахом евразийской идеи - радикальное отрицание своей русскости и сознательное превращение во французского интеллектуала. Кожев третий - выбор нового лица. Выбран неогегельянец, а это совершенно не случайно. И наши западники, и славянофилы - все ожесточенно читали Гегеля. И наконец, Кожев четвертый, Кожев последних лет жизни, о котором мне известно очень мало. По ряду признаков можно догадываться, что в известной форме шло возвращение к своим корням. Это видно хотя бы по тому, что он дистанцируется от идеи либерально-демократического конца истории (о чем будет сказано чуть ниже).

Во всей этой жизни, угадываемой лишь по нескольким ярким штрихам, можно усмотреть нечто очень русское. Общетеоретические выводы, которые потом оказываются основой глубоких перемен в собственной жизни, - они напоминают о «сбываемости» русской речи, о которой говорится в «Бесконечном тупике». Они наводят на мысль о «магии слов» по Флоренскому. Толстой в своих «Дневниках» записал: «Я сам для себя такой пророк, который вперед думает, логически доходит до того, что после этого он неизбежно начинает чувствовать». Ну и наконец, эсхатологическая устремленность мысли, за которой скрывается федоровская тема «сыновства»: поскреби французского интеллектуала-неогегельянца - и появится Николай Федорович во всей красе.

В конце концов, совершенно неважно, состоял ли А.В. Кожевников-Кожев в родственных отношениях с В.А. Кожевниковым. В самом деле, мог ли Кожевников-младший, даже не будучи сыном Кожевникова-старшего, не читать «Философию Общего дела» Николая Федорова? Если каким-то образом он ее обогнул, то мог ли он в двадцатые годы, будучи евразийцем, не читать «Смысл истории» Бердяева, где в концентрированном виде выражены идеи Федорова?

Бердяева с этой точки зрения почти не читают. Вообще у нас с ним очень несправедливо обходятся. Его труды читают чаще как художественную литературу или «публицистику». Связано это еще и с тем, что его интуиция главным образом относится к предметам, которые совершенно не освоены культурой, не выражены в идеальных типах и почти не являются предметом философской рефлексии, не говоря уж о научной разработке. При чтении эти места ничтоже сумняшеся относят к «белибердяевщине» и спокойно опускают, а о Бердяеве судят по тому, что он по случаю имел несчастье написать о предметах, для его мысли четверостепенных. Наш образ хрестоматизированного Бердяева создан в жанре анекдотических сборников типа «Ленин, КПСС о слонах». Ну не писал Владимир Ильич о слонах! Или, по меньшей мере, в его творчестве слоноводство не было центральной темой.

Обратимся к отрывку из «Смысла истории».

Основным вопросом, основной посылкой всякой философии истории является, несомненно, вопрос о значении времени, о природе времени, потому что история есть процесс во времени... Имеет ли время метафизическое значение? Связано ли с временем что-то существенное, идущее до глубочайшего ядра бытия, или время есть лишь форма и условие для мира явлений, для мира феноменального?

Время есть как бы отрицание вечности, есть некоторое состояние, никаких корней в вечной жизни не имеющее. Это - одна точка зрения. Или, быть может, само время внедрено в вечность и с ней связано? Вот вопрос, который мне представляется центральным для всякого понимания исторического процесса. Это ведет к признанию того, что существует как бы два времени... Есть испорченное время и есть глубинное время, сопричастное самой вечности, в котором этой порчи нет.

Для построения метафизики истории неизбежна основная предпосылка, что «историческое» вводит в самую вечность, что оно вкоренено в вечности. История не есть выброшенность на поверхность мирового процесса, потеря связи с корнями бытия, - она нужна для самой вечности, для какой-то свершающейся в вечности драмы.

История, для восприятия ее, для ее констатирования и понимания во всей полноте ее, предполагает существование конца... Это есть преодоление всего тленного, временного или смертного - началом вечным, побеждающим в самой временной мировой действительности; это есть победа над тем, что Гегель называет плохой бесконечностью.

Во времени обнаруживается злое начало, смертоносное и истребляющее, потому что, поистине, смерть прошлого, которую несет всякое последующее мгновение, повержение его в тьму небытия, которое несет всякое свершение во времени, и есть начало смерти.

Метафизика истории должна... признать, что историческая действительность, та действительность, которую мы считаем прошлым, есть действительность подлинная и пребывающая, не исчезнувшая, не умершая, а вошедшая в какую-то вечную действительность; она является внутренним моментом, внутренним периодом этой вечной действительности, отнесенной нами к прошлому, которое нами непосредственно не воспринимается, как воспринимается настоящее... Мы можем жить в историческом прошлом, как мы живем в историческом настоящем и как уповаем, что будем жить в историческом будущем. Есть какая-то целостная жизнь, которая совмещает три момента времени - прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве...

В истории через больное и дурное время, пожирающее и истребляющее, превращающее жизнь нашу в кладбище, где, на костях умерших отцов, воздвигается новая жизнь сынов, забывших отцов, действует истинное время, не разорванное время, время, поддерживающее связь, в котором нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим... Тот исключительный культ будущего и то отворачивание от прошлого, которые свойственны разным теориям прогресса, подчиняют жизнь разрывающему, смертоносному началу, истребляющему связи, нарушающему цельность действительности в едином времени. Разрыв между вечным и временным и есть величайшее заблуждение сознания, и есть препятствие для возникновения настоящей философии истории.

Бердяев. «Смысл истории», гл. IV

На худой конец, мог ли Кожев увернуться от того, чтобы прочитать «Философию истории» Карсавина, написанную в двадцатые годы, - а они с Карсавиным состояли в дружеских отношениях?

Когда смотришь на портрет Кожева, написанный кистью Фукуямы, встает более радикальный вопрос: «Да полноте, читал ли фукуямовский Кожев Гегеля?» Но прежде одно лирическое отступление.

Большую часть школьных лет я провел в довольно большом военном городке на юге нашей необъятной родины. В центре городка высился Дом офицеров. Он напоминал храм на Афинской агоре своей колоссальностью, колоннами, прекрасной архитектурой, прилегающим парком типа рощи Академа. Там была громадная библиотека. Я пользовался по ряду причин особым кредитом и мог залезать в весьма обильные фонды. Обшарив их, я нашел лишь одну (!) книгу с дореволюционной орфографией. Это был второй том брокгаузовского издания сочинений Байрона, который я с трепетом перелистал. Туда входили его поэмы чудовищных размеров и в плохом переводе, повествующие о каких-то ветхозаветных сюжетах, с иллюстрациями в стиле Доре. Там были портреты всех любовниц Байрона (несколько десятков). Портреты были переложены папиросной бумагой, которая навсегда поразила мое воображение.

Когда я вспоминаю это, вспоминаю, что первую книгу Бердяева взял в руки впервые уже на шестом курсе института и читал ее буквально запершись в кладовой, при мятущемся пламени свечи, я думаю, что и сам являюсь одним из монстров, возникших в результате исторического эксперимента ВКП(б), который с таким блеском описал Кожевников-средний (евразиец). Поэтому я глубоко лично воспринимаю и судьбу его, и его горькую иронию по поводу того, каким образом нашему поколению суждено выводить из тупика мировую философскую мысль, попавшую туда после Гегеля.

О некоторых наших с Криворотовым глубинных связях с гегельянством я скажу позднее.

2

Есть некая загадка простоты в «Философии истории» Гегеля - на фоне зубодробительности «Логики» того же автора. «Науку логики» я пытался одолеть неоднократно. Это был какой-то штурм бородинских редутов, где читатель волна за волной накатывался и откатывался с потерями, будучи не в силах пробиться дальше 27-й страницы основного текста.

Позже я наткнулся на «Феноменологию духа», стал читать и с изумлением обнаружил, что все значительно понятнее. Разгадка была проста. «Феноменологию духа» переводил Шпет, по происхождению немец, он понимал кое-что и в немецком, и в русском, и в философии, - а кто переводил «Логику», я даже знать не хочу (возможно, они очень старались).

Однако это связано не только и не столько с переводом. «Философия истории» написана удивительно понятным и простым языком, если не считать того, что всякий раз, дойдя до сложного момента, Гегель тут же отсылает читателей к «Логике». Отсылки идут постоянно. Как только он доходит до вопросов о том, почему именно на таких ступеньках мировому духу суждено было приостановиться, чтобы зафиксировать себя, почему именно по таким этапам идет мировая история, - Гегель говорит: «Если вы хотите посчитать эти этапы, понять, откуда они берутся, пожалуйста, вот - «Логика», а по частностям - «Философия права»». Я приведу несколько примеров.

> *Итак, всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы. Более точное определение общего характера ступеней этого развития дается в логике, но их конкретный характер должен быть выяснен в философии духа (стр. 105).*

Развитие выражается в том, что оно является рядом ступеней, рядом дальнейших определений свободы, вытекающих из понятия предмета. Логическая, и еще более диалектическая, природа понятия, то, что оно само себя определяет, полагает в себе определения и затем вновь отменяет их, благодаря этой отмене само получает утвердительное и к тому же более содержательное, более конкретное определение, - все это, так же как и необходимый ряд чистых абстрактных определений понятий, выясняется в логике.

Это предполагает не только навык в отвлеченном мышлении, но и более точное знание идеи; необходимо, если можно так выразиться, a priori хорошо знать тот круг, к которому относятся принципы, - так хорошо знать, как, например, величайший из этого рода ученых Кеплер уже заранее должен был a priori знать эллипсы, кубы и квадраты и их мысленные отношения, прежде чем он мог, исходя из эмпирических данных, открыть свои бессмертные законы, заключающиеся в определениях вышеуказанных представлений.

...Этим незнанием мысли о развивающемся формировании свободы обусловливается часть высказываемых против философского рассмотрения науки, которую принято считать эмпирическою, обвинений в так называемой априорности и внесении идей в эмпирическое содержание. Затем такие определения мысли представляются чем-то странным, чуждым предмету. Представителям субъективной образованности, которые не знают мысли и не привыкли к ней, кажутся странными эти определения, не заключающиеся в том толковании предмета и представлении о нем, которое составляют себе представители субъективной образованности... В таком методе научного ума также заключается требование, чтобы существенное отделялось от так называемого несущественного. Но для того чтобы иметь возможность делать это, нужно знать существенное (стр. 112-113).

Короткое методологическое отступление. Уточняю свой жанр. Лекция «Порог истории» примерно так же относится к книге «Смысл», как «Философия истории» Гегеля - к его «Логике» (извините за нескромность, но сопоставляются не масштабы величин, а их соотношения). Сегодняшняя лекция также, надеюсь, покажется более-менее понятной, а за обоснованием всех темных и сомнительных моментов я буду отсылать к книге «Смысл».

Существует какая-то трагическая загадка гегелевской системы, проявившаяся в его «Философии истории». Почему развитие мирового духа заканчивается на «государстве»? Почему последнее в своем развитии всенепременно должно было остановиться на прусской монархии (как считают интерпретаторы Гегеля)? Или почему это развитие - как утверждает Фукуяма, ссылаясь на Кожева, - долж-

но было завершиться на современной либеральной демократии (что тоже приписывается бедному Гегелю)?

У структур классификации понятий типа «Смысла» (в том числе у системы Гегеля) есть одно очень коварное и одновременно очень полезное, восхитительное свойство, которое в книге «Смысл» названо странным именем «квазифрактальность». Оно состоит в том, что если мы рассматриваем в микроскоп любую категорию, то видим, что она имеет практически ту же внутреннюю структуру, что и весь универсум категорий. В микроскоп видно абсолютно то же, что и в телескоп.

В этом смысле, если погрузить всю структуру «Логики» в любое из понятий «Философии духа», мы увидим ту же самую структуру внутри него. Поэтому когда логики, то есть люди, имеющие дело с понятийными структурами «развития», прикладывают свои структуры к любой предметной интерпретации из сферы «Духа» (то есть, по-нашему, предельно широко понимаемой сферы человеческой деятельности) - они могут отождествить ее со всей «Логикой» или лишь с ее третьим разделом - «Понятием», с «Сущностью», только с «Качеством» или сразу со всем объемлющим его «Бытием», - и каждый раз все будет прекрасно «подходить».

Когда теоретики подобным образом начинают искать внутреннюю логику и последовательность этапов в Истории, то интерпретируемый фактический материал ведет себя таким образом, что, например, логическая структура начальной фазы нового этапа «вдруг» полностью совпадает со структурой целого предшествующего этапа. Тогда у них может возникнуть представление, что они имеют дело с двумя равномощными, повторяющимися историческими «циклами», в то время как то, что они считают вторым циклом, сопоставимо всего лишь с первой третью или даже 1/9 второго. Это проблема потери масштаба.

Прикладывая структуру «Логики» к любому предмету (если вы владеете соответствующими предметными представлениями), вы обнаружите блестящее совпадение, и логика Гегеля будет давать замечательный резонанс с «имманентной логикой» этого предмета. Поэтому вопрос о том, на каком этапе заканчивается мировая История (или, выражаясь на гегелевский манер, на каком понятии заканчивается «Философия духа»), в этом случае сводится к вопросу о том, на каком понятии заканчивается наша собственная эрудиция, сиречь владение предметным материалом. Если мы не знаем никаких социальных форм сверх «государства», то нам нетрудно будет убедить себя, что История именно на «государстве» заканчивается. Приложив логику к собственному эмпирическому государству, мы

убедимся, что все этапы становления понятия «Государство» у нас уже состоялись. Мировой дух прошел все причитающиеся ему ступени, всесторонне и гармонично развился и самовоплотился. У себя на дворе можно найти семью, закон, право, гражданское общество, все прочее и, наконец, искусство, религию и философию. Все в порядке - история закончена!

Я думаю, что Гегель попал в ту самую ловушку. Он обладал гениальной логической интуицией; мир форм развития получил в его духовном опыте гигантское, даже гипертрофированное развитие. Но при этом предметный материал, касающийся форм движения (Природы) и тем более форм деятельности (Духа), в его время практически отсутствовал. Он имел перед собой какие-то крохи, разрозненные клочки. Социологии еще только предстояло возникнуть. Философское осмысление «психопрактик», «интуиции», «творчества» едва нарождалось. Внутренний взгляд Гегеля был устремлен в вечность, внешний - ограничен рамой окна. А в окне виднелась просвещенная прусская монархия со следами недавнего погрома, учиненного «мировым духом верхом на коне».

> *...Государство является осуществлением свободы, т.е. абсолютно конечной цели, оно существует для самого себя; вся ценность человека, вся его духовная действительность существует исключительно благодаря государству.*
>
> *Государство есть божественная идея как она существует на земле. Таким образом, оно есть точнее определяемый предмет всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь своей объективностью.*
>
> *Свобода как идеальность непосредственного и природного не есть нечто непосредственное и природное, но, напротив того, сперва нужно заслужить и приобрести ее, а именно посредством бесконечного воспитания, дисциплинирующего знание и волю. Поэтому естественное состояние оказывается скорее состоянием бесправия, насилия, вызываемых необузданными естественными влечениями бесчеловечных поступков и ощущений. Правда, общество и государство устанавливают ограничения, но этим ограничениям подвергаются как вышеупомянутые тупые ощущения и дикие влечения, так и сопровождаемые рефлексией проявления произвола и страсти.*

В образцовом немецком государстве «тупые ощущения и дикие влечения» разумно ограничены, а все остальное абсолютно свободно. То есть хорошие, воспитанные, добропорядочные обыватели, которые знают, в чем заключается свобода, что можно, а что нельзя, - абсолютно свободны. Если вы знаете закон и его соблюдаете, вы свободны как ветер. Если вы не знаете - это незнание, как известно,

не освобождает от наказания. Значит, у вас есть «тупые ощущения и дикие влечения» и поэтому они, как и «сопровождаемые рефлексией проявления произвола и страсти» (последнее уже для диссидентствующих интеллектуалов), должны быть ограничены. Но в принципе это совершеннейшая свобода.

Предположим, Гегель действительно считал, что на государстве история заканчивается. Но почему же именно на либерально-демократическом государстве? Здесь я был вынужден, не доверяя Фукуяме и не имея под рукой Кожева, заглянуть в оригинал. Цитирую:

Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало.

Восток есть Азия. Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние (стр. 147).

Благодаря действующей силе общих определений, в основе которых лежит принцип духа, царство мысли воплощается в действительности. Противоположность между государством и церковью исчезает, дух находит себя в светской жизни и организует ее как органическое в себе наличное бытие. Государство уже не стоит ниже церкви и уже не подчинено ей; церковь лишается своих привилегий, и духовное начало уже не чуждо государству. Свобода нашла себе опору, свое понятие в том, как осуществить свою истину. В этом состоит цель всемирной истории, и нам предстоит пройти тот долгий путь, который указан в вышеизложенном обзоре (стр. 152).

...Мы переходим к рассмотрению последней стадии истории, к нашему миру, к нашим дням (стр. 443).

До этого пункта дошло сознание, и таковы главные моменты формы, в которой осуществился принцип свободы, так как всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы (стр. 455).

Теперь о либерализме.

Не довольствуясь тем, что признаются разумные права, свобода личности и собственности, что существуют организация государства и в ней деловые сферы гражданской жизни, что рассудительные люди пользуются влиянием в народе и что в нем господствует доверие, либерализм противопоставляет всему этому принцип атомов, единичных воль: все должно совершаться при посредстве их явно обнаруживаемой власти и с их явно выраженного согласия. Отстаивая этот формальный принцип свободы, эту абстракцию, они не допускают никакой прочной орга-

низации. Отдельным распоряжениям правительства тотчас же противопоставляется принцип свободы, потому что в них выражается особенная воля, следовательно, произвол. Воля многих низвергает министерство, и на сцену выступает прежняя оппозиция; но, поскольку она теперь является правительством, многие, в свою очередь, выступают против нее. Таким образом, движение и беспокойство продолжаются. История должна в будущем положить конец этой коллизии, развязать этот узел, разрешить эту проблему, на которой история остановилась (стр. 451).

...Так называемые либералы, создававшие государственный строй на основе абстрактных принципов, повсюду - во Франции, в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте, Ирландии и т.д. - кончили банкротством.

Государственное устройство вообще, во всяком случае на Западе, где существует субъективная свобода, не останавливается на одной стадии, оно все время изменяется, революционизируется, развивается. Для того чтобы это понять, достаточно проследить развитие сознания за последние 50 лет, в соответствии с которым сформировались все учреждения и условия жизни. (Гегель, «Философия права», стр. 468).

Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии - революцию произвести без реформации, - воображать, что наряду со старой религией и ее святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней противоположное ей государственное устройство и что посредством внешних гарантий, например, посредством так называемых палат и данной им власти устанавливать государственный бюджет... и т.п., законам может быть сообщена устойчивость. ...Упомянутые гарантии - гнилые опоры по сравнению с совестью субъектов, которым предстоит применять эти законы (а к числу их относятся и сами эти гарантии) (Гегель, «Энциклопедия философских наук». Т. 3, стр. 377 - 378).

Видимо, Фукуяма что-то глубоко не понял у Кожева. Или Кожев оклеветал Гегеля? По крайней мере приоритет на идею, будто либеральной демократией история заканчивается, принадлежит явно не Гегелю.

Для того чтобы выявить одного виновного из двух подозреваемых, применим небольшой тест: посмотрим, что пишет японец Фукуяма - о Японии.

Из статьи Ф. Фукуямы «Конец истории?»

Наблюдая, как разворачиваются события в последнее десятилетие или около того, трудно избавиться от ощущения, что во всемирной истории происходит нечто фундаментальное.

Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив.

То, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления.

В общечеловеческом... государстве разрешены все противоречия и утолены все потребности.

Тезис о конце истории в 1806 г. означал, что идеологическая эволюция человечества завершилась на идеалах Французской и Американской революций; и, хотя какие-то режимы в реальном мире полностью их не осуществили, теоретическая истинность самих идеалов абсолютна и улучшить их нельзя.

Первой решительно разгромленной азиатской альтернативой либерализму был фашизм, представленный имперской Японией. Подобно его германскому варианту он был уничтожен силой американского оружия; победоносные Соединенные Штаты и навязали Японии либеральную демократию. Японцы, конечно, преобразовали почти до неузнаваемости западный капитализм и политический либерализм.

К этому месту у Фукуямы есть маленькая сносочка, в которой он мимоходом замечает: «Пример Японии я привожу с долей осторожности; в конце жизни Кожев пришел к выводу, что, как доказала Япония с ее культурой, общечеловеческое государство не одержало победы, и история, возможно, не завершилась».

Упомянув эту невинную деталь, автор с железной последовательностью посланца Мирового духа продолжает прежнюю линию аргументации...

Существует, по Гегелю, большая ирония Истории. Но и маленькая история, приключившаяся с Фукуямой, имеет свою иронию, которую сам герой, увы, не чувствует.

3

Не Фукуяма породил линию «философского пессимизма». Читая журнал «Вопросы философии» за последние 5 лет, я обнаружил, что у большинства авторов превалирует точка зрения, согласно которой мы можем усмотреть в истории некие конструкции или идеальные типы (по Веберу) только задним числом.

Например, применительно к России можно сказать: «Глядите, действительно в России на пороге веков можно усмотреть нечто,

подходящее под идеальный тип «капитализма»! Конечно, в целом это - не капитализм, но все же есть такой уклад: завод Михельсона, паровозы в Сормове, разнообразные банки, пароходная компания «Меркурий» и т.д.

Мы - философы, историки, социологи - со своим багажом идеальных типов, пятясь в будущее задом наперед, можем только в уже прошедшую историю, описанную в эмпирических терминах историками-предметниками, погрузить некие конструкции и проконстатировать: глядите, эта модель годится, подходит, помогает обнаружить черты общности...

Марксу приписывается последняя и, естественно, неудавшаяся попытка сделать обратное - повернуться лицом к будущему, придумать некую конструкцию и провозгласить: «Вот этого в обществе еще не было и нет, но это будет!» Считается, что Маркс именно подобными вещами занимался, потерпел фиаско и что больше желающих нет. (Как всегда, чтобы прояснить свою мысль, я сильно утрирую.)

Получается, что мы, по-рачьи пятясь в будущее, только задним числом можем заключать нечто относительно того, что было. А Фукуяма довел этот методологический пессимизм до конца, сказав, что мы пятились-пятились - и уперлись спиной в стенку. И теперь не просто действует принципиальный философский запрет на предвидение нового, а дело куда серьезнее: в истории кончилось то, во что можно погружать новые гносеологические конструкции - ничего нового больше не будет онтологически. Относительно же той социальной реальности, что уже есть, адекватная идеальная конструкция философами давно изобретена. Она называется, по Фукуяме, «либеральной демократией».

Так прав ли философский пессимизм? Должна ли речь идти об отсутствии будущего - или об исчерпанности образов будущего? Точнее, нужно установить, в какой из трех ситуаций мы находимся. Мы не можем принципиально усмотреть образы будущей истории, потому что она закончилась? Потому что наши образы так устроены (то есть оборачиваемы только назад, в прошлое)? Или просто у нас не оказалось под рукой подходящих идеальных типов, а если бы не скудость философской мысли, мы вполне могли бы кое-что сказать о возможном будущем?

Когда я писал книгу «Смысл», главным для меня был вопрос: идет ли речь об отрицании постижимости будущего в принципе - то есть о фундаментальном запрете, имеющем то ли онтологический, то ли гносеологический характер? Или о реакции ребенка, обиженного на непослушную игрушку, т.е. о конъюнктурном отторжении «формационной логики», теории линейного прогресса, формаций

Маркса, идеальных типов Вебера, социальных типов Дюркгейма и т.п.? Что отрицается? Мы в принципе не можем заглянуть в будущее на уровне концептуальных конструкций, абстракций? Или это связано с нашей философской импотентностью?

Пятясь в будущее задом, мы уперлись спиной в стенку. Конец ли это всей истории - или некий тупик? - или некий порог?

> *В полном противоречии с тем, что в Священном Писании предписывается как высший долг не только любить Бога, но и познавать его, теперь преобладает отрицание того, что говорится в том же Писании, а именно, что дух вводит в истину, что он познает все предметы и даже проникает в глубины божества. Утверждение, что божественная сущность находится по ту сторону нашего познания и человеческих дел, удобно в том отношении, что благодаря этому предположению можно довольствоваться своими собственными представлениями. Этим самым освобождаются от необходимости ставить свое познание в связь с божественным и истинным; напротив того, тогда суетность и субъективное чувство находят для себя полное оправдание; и набожное смирение, отклоняя от себя познание Бога, вполне сознает, что этим оно поощряет свой произвол и суетность.*
>
> *...В христианской религии Бог открылся, т.е. он дал человеку возможность узнать, что он такое, так что он уже не является скрытым, тайным; вместе с этой возможностью познавать Бога на нас возлагается и обязанность делать это.*
>
> *Бог правит миром; содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осуществлено, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование («Философия истории», стр. 87).*

Ч

Поскольку далее будут мной предъявлены некие идеальные образы или модели возможного будущего, необходимо поставить вопрос о соотношении классификации идеальных типов с логикой истории. Можно ли говорить о некоем «идеальном типе», модели или понятии самой Истории? Для того чтобы несколько охладить неогегельянский пыл, здесь будет полезным вылить себе на голову ушат холодной веберовской водички.

Исходя из своих взглядов о соотношении «абстрактно-типического» и «абстрактно-родового», наряду с «идеальными типами вообще» Вебер вводит также представление об *индивидуальных* идеальных типах и *родовых* идеальных типах.

Выше мы намеренно рассматривали «идеальный тип» преимущественно (хотя и не исключительно) как мысленную конструкцию для измерения и систематической характеристики ***индивидуальных****, то есть значимых в своей единичности связей, таких, как христианство, капитализм и пр. Это было сделано для того, чтобы устранить распространенное представление, будто в области явлений культуры абстрактно-****типическое*** *идентично абстрактно-****родовому****, что не соответствует истине. Не имея возможности дать здесь анализ многократно обсуждаемого и в значительной степени дискредитированного неправильным применением понятия «типическое», мы полагаем - все наше предшествующее изложение свидетельствует об этом, - что образование типических понятий в смысле исключения «случайного» также происходит именно в сфере «исторических индивидуумов». Конечно, и те родовые понятия, которые мы постоянно обнаруживаем в качестве компонентов исторического изложения и конкретных исторических понятий, можно посредством абстракции и усиления определенных существенных для них понятийных элементов превратить в идеальные типы. Именно это чаще всего происходит на практике и являет собой наиболее важное применение идеально-типических понятий; каждый* ***индивидуальный*** *идеальный тип составляется из понятийных* ***элементов****, родовых по своей природе и превращенных в идеальные типы. И в этом случае обнаруживается специфически логическая функция идеально-типических понятий. Простым родовым понятием в смысле комплекса признаков, общих для ряда явлений, выступает, например, понятие «обмен».*

Соответственно в терминах моей книги «Смысл» веберовские «идеальные типы вообще» могут быть отождествлены с *формами* как таковыми, «индивидуальные» - с *формациями* (столбцами) и «родовые» - с *категориями* (строками) «таблицы» форм.

Чтобы не насиловать слух присутствующих термином «формация», который тянет за собой шлейф марксистских ассоциаций, я буду говорить ниже об индивидуальных идеальных типах, а всюду, где это не может ввести в заблуждение, - просто об «идеальных типах», имея в виду именно индивидуальные.

Предельной абстракции «Человечества» соответствует идеальный тип [Фт; Фб; Фи] - столбец из трех форм (для полиграфического удобства изображен строкой), где средняя, базовая форма Фб - универсум форм деятельности; нижняя, имманентная форма Фи - универсум форм предмета; верхняя, трансцендентная форма Фт - универсум форм идеала.

Очевидно, чтобы переходить далее к какой-то абстракции «истории, следует ввести представления о неких «состояниях» человечества (им будут соответствовать более конкретные, частные идеальные типы), его «переходах» из состояния в состояние (им будут отвечать

пары конкретных идеальных типов) и, наконец, об истории как о последовательности, цепочке идеальных типов. Для правоверного гегельянца очевидно, что существует одна-единственная «правильная», закономерная последовательность идеальных типов, а именно – та, которая диктуется имманентной логикой последовательных превращений абсолютной идеи или, к примеру, принципами классификации идеальных типов, принятой в книге «Смысл»... Именно к такого сорта представлениям относится обещанный ранее ушат воды.

Конструируя идеальный тип или идеально-типическое развитие, исследователи часто пытаются придать им большую отчетливость посредством привлечения в качестве иллюстрации эмпирического материала исторической действительности. Опасность этого самого по себе вполне законного метода заключается в том, что историческое знание ***служит*** *здесь теории, тогда как должно быть наоборот. ...Еще резче такие попытки дают о себе знать в том случае, если идеальная конструкция развития и понятийная классификация идеальных типов определенных культурных образований насильственно объединяются в рамках* ***генетической*** *классификации. (Например, формы ремесленного производства идут в такой классификации от «замкнутого домашнего хозяйства», а религиозные понятия от «созданных на мгновение божков».) Последовательность типов, полученная посредством выбранных понятийных признаков, выступает тогда в качестве необходимой, соответствующей закону исторической последовательности. Логический строй понятий, с одной стороны, и эмпирическое упорядочение понятого в пространстве, во времени и в причинной связи - с другой, оказываются тогда в столь тесном сцеплении друг с другом, что искушение совершить насилие над действительностью для упрочения реальной значимости конструкции в действительности становится почти непреодолимым.*

Мы сознательно отказались здесь от того, чтобы привести наиболее важный для нас пример идеально-типической конструкции - мы имеем в виду концепцию ***Маркса.*** *...Наш журнал ставит перед собой задачу постоянно давать критический анализ всей литературы об этом великом мыслителе и всех работ, продолжающих его учение. ...Мы здесь только констатируем то обстоятельство, что все специфические марксистские «законы» и конструкции процессов развития (в той мере, в какой они свободны от теоретических ошибок) идеально-типичны по своему характеру. Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое* ***эвристическое*** *значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для* ***сравнения*** *с действительностью, но в равной мере знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные (то есть по существу метафизические) «действующие силы», «тенденции» и т.д.*

В книге «Смысл» дана фактически многомерная классификация различных идеальных типов. В зависимости от того, какую из плоских «проекций» этой классификации мы берем, мы получаем либо некую классификацию форм деятельности, в грубом смысле - последовательность формаций, либо морфологию, биологию «социальных организмов», либо логику взаимодействия между ними и «эволюции» этих организмов.

Двумерная таблица форм деятельности (таблица 3 х 3 для игры в крестики-нолики) - это первая, наиболее примитивная абстракция, избранная вполне сознательно. Эта абстракция, как мы увидим ниже, задает представление о трех базовых эпохах истории. Они, естественно, образуют правильную цепочку из трех восходящих этапов, и по таким цепочкам при желании можно худо-бедно расклеить все то, что уже было в истории, то, что есть, и то, что будет.

Введение в рассмотрение наряду с плоскостью «форм деятельности» иной, ортогональной ей плоскости «форм движения» задает четырехмерный слой «таблицы» форм из книги «Смысл». С его помощью предметом рассмотрения становятся уже не химически чистые идеальные типы обществ, а социальная «химия», в которой исследуются сложные «органические молекулы» с их первичной, вторичной и третичной структурами (по аналогии с молекулами белка). Это позволяет уже отождествлять исследуемое реальное общество не с базовой формой деятельности, а с более сложными, специально конструируемыми «человеко-природными» идеальными типами. Мы рассматриваем общество как гетерогенный, многоуровневый «исторический организм», исследуем, сколько там укладов, как они связаны между собой, как взаимодействуют, какие из них вложены друг в друга, какие образуют слоеный пирог. Данный класс идеальных моделей, таким образом, может уже использоваться для задач изучения и проектирования морфологии и физиологии «общественных организмов».

Введение в рассмотрение третьей плоскости - «форм развития» позволяет перейти к еще более сложному классу идеальных типов, пригодных для описания и проектирования процессов социального *развития*. Однако для нужд сегодняшнего популярного изложения все эти зубодробительные методологические подробности можно опустить.

В том, что я стану говорить дальше, провозглашая свою философию истории, будет использоваться самая грубая абстракция первого уровня - линейная цепочка идеальных типов форм деятельности. В этой связи одну оговорку для особо невнимательных слушателей я все же сделаю.

Если мы отождествим современную «либеральную демократию» с какой-то клеткой линейной классификации идеальных типов, а

потом обнаружим на шкале абстрактного восхождения более «высокие» клетки, имеющие иные предметные интерпретации, - это еще не будет доказательством неизбежности некоего пост-фукуямовского будущего. История может кончиться, к примеру, из-за того, что на нас упадет астероид - а это явление природное и не имеет никакого отношения к последовательности идеальных «формаций». Решаемая здесь задача куда скромнее - дать классификацию прообразов возможного будущего, находимых в доступной нам культуре, тем самым указав на неисчерпанность потенциала исторического развития.

5

Итак, «Смысл» - это пост-нео-младо-гегельянство? Но далее я намерен предъявить некий модернизированный вариант «Философии истории», где, как фокусник из рукава, извлекаю на свет божий еще целых восемь «историй», логически следующих за фукуямовской и концептуально равномощных ей. И выходит, что вместо дряхлости истории, ее гегелевских сумерек, благоприятствующих полетам Минервиной совы, предлагается констатировать раннее детство, тоже сумерки, но предрассветные. Отвлечемся здесь от того, верно это или неверно. Откуда вообще возможна подобная новизна? Как можно, ковыряясь все в том же предметно-историческом и культурном материале, найти хоть что-то новое?

Сначала - что именно в работе «Смысл» наследуется у Гегеля и что дает основание указывать на ее младогегельянский корень. А уж потом - несколько слов об остальной корневой системе.

От Гегеля наследуются три очень важные вещи. Во-первых - троичность мышления. К сожалению, мышление большинства обществоведов и даже философов бинарно. Оно базируется на оппозициях типа «материя - идея», «тело - душа», «единое - многое», «целое - часть», «открытое общество - традиционное общество», «Восток - Запад». Бинарна, как это ни прискорбно, современная математика.

Троичность мышления - это глубинная культурная традиция, которую не Гегель породил, которая на нем не кончилась, но тем не менее в целом она остается маргинальной.

Во-вторых, наследуется не просто эта триада, а интерпретация базовой триады идеальных типов как Логики-Природы-Духа. Что самое важное, наследуется гегелевское понимание чистой логики как универсума форм развития, того, чем является Господь Бог до и вне творения сам по себе. Поэтому пытаться тыкать пальцем в зерно, стебель, колос и пр. и усматривать в этом «примеры действия законов развития» - это некая странная наивность, которая не столько помогает,

сколько запутывает. В таком понимании логики и развития Гегель (здесь я очень категоричен, поскольку неграмотен) не имел по-настоящему предшественников. По крайней мере, он их не знал. Наверняка они есть в культуре, но то были маргиналы, работы которых до него не дошли. И он с полным правом написал в предисловии к «Логике»:

> *Сколько я ни старался после многолетних занятий этой наукой устранить это несовершенство, я все же чувствую, что у меня достаточно причин, чтобы просить читателя быть ко мне снисходительным. Право же на такое снисхождение дает мне прежде всего то обстоятельство, что для содержания я нашел в прежней метафизике и прежней логике преимущественно только внешний материал.*
>
> *«Как бедный шут о злом своем уродстве, // Я повествую о своем сиротстве...»*

И наконец, в-третьих, наследуется категория «отчуждения». Впрочем Гегель ее только назвал, но не вполне осмыслил.

Теперь - что новое, не-гегелевское добавляется, т.е. за счет чего мы собираемся показать фокус с девятью «историями».

а) Сама логика «Смысла» не есть гегелевская логика. По крайней мере для нас с Криворотовым она не была таковой. Мы ее строили как предметники. Мы шли от теории систем, от ряда прикладных областей. Мы изучали имманентную логику предмета этих областей; не привнося по возможности в нее ничего априорного, пытались ее постичь, экстрагировать и абстрагировать. Гегеля мы начали читать в 1980 г. На нашу работу он наложил глубокий, но не решающий отпечаток.

б) Добавилась идея младогегельянца Маркса об истории как о нарастании-преодолении самоотчуждения. Отсюда у нас с Криворотовым возникло представление о зеркальной симметрии форм движения и форм деятельности, мира природы и мира человека и о целом ряде других сложных симметрий внутри этих миров. Пользуясь этими симметриями, можно в принципе из каждой клетки, из каждого идеального типа «накачивать» содержание в любой другой идеальный тип. Это означает, грубо говоря, что, владея неким знанием о хэйанской эстетике, вы тем самым уже обладаете кое-какими представлениями из теории машин и механизмов.

в) Добавляются современные представления о структуре «отчуждения», т.е. об универсуме «идеальных типов» естественных наук - о структурных уровнях материи. Если человеческий мир форм деятельности и природный мир форм движения симметричны и если познание последовательности форм деятельности означает познание неких базовых форм, порождающих типологию эпох истории, следовательно, в мире уже наличествует кое-что, являющееся симметричным, зеркаль-

ным, пусть кривым, - но отражением человеческого Будущего. Иными словами, мы можем увидеть эпохи будущей Истории, всмотревшись в формы бытования природы, в формы материи. Только надо очень точно знать, что там искать и как на них смотреть. Дело в том, что во времена Гегеля предметные представления об этих формах - «структурных уровнях материи» - были очень неполными, несвязными. Там были исследованы только отдельные островки, и существовало страшное искажение масштабов. Равномощна ли химия – биологии (в масштабе, задаваемом классификацией форм) или же составляет какую-то ее часть? «Окончательное решение» проблемы масштаба возможно лишь как «бурбакизация» всего комплекса естественных наук.

Мы исходили из современных разработок о «структурных уровнях материи». Особо я должен отметить выдающуюся интуицию Тимофеева-Ресовского, который дал свою иерархию форм движения. Он ввел представление о молекулярно-генетическом слое форм движения (включающем физику, химию и молекулярную биологию), онтогенетическом (т.е. слое особей, которые рождаются, умирают, имеют дифференциацию и специализацию тканей и органов, физиологию, пол) и, наконец, популяционно-генетическом уровне материи, где эти особи сбиваются в популяции, и начинает твориться нечто, делающее возможным видообразование. Он указал на эти три базовых слоя как на три равномощные части «Философии природы», совершив тем самым важный шаг к восстановлению масштабов шкалы «идеальных типов».

Несоотнесенность масштабов - страшная проблема естествознания и метафизики времен Гегеля! Считая физику, химию и биологию тремя равномощными разделами философии природы, мы получаем сильнейшее искажение масштабов, из которых вполне может проистечь представление о том, что, скажем, история заканчивается на государстве (одно из другого вытекает не впрямую, но здесь есть причинно-следственная связь).

г) Добавляется представление о сознании, откровении и творчестве как о трех восходящих типах отношения человека к абсолюту или идеалу, выступающему соответственно в ипостасях Истины, Блага и Красоты. Здесь наследуется линия культуры, идущая от идеи Эроса у Платона к ее русскому раздвоению на философию творчества у Бердяева - с одной стороны, и на поразительные интуиции Розанова о смысле и о мистике плоти - с другой.

д) Наконец, христианская идея воскресения/воскрешения в ее преломлении и развитии русской мыслью, которое она приобрела после Николая Федорова и наших софиологов. Исходные представления о воскресении только за счет благодати при пассивной по сути роли человека играли роль тезиса. Учение Федорова в первоначаль-

ном виде - фактически антитезис, где чрезмерно акцентируется противоположное начало - человеческая активность. Отсюда упреки Соловьева и Кожевникова в нехристианском умалении роли благодати и т.д. Собственно, дело только за синтезом этого тезиса и антитезиса. Это было ясно Владимиру Кожевникову. Речь идет фактически об ответе русской философии на «моральный аргумент» Гердера: если история идет к некоему идеальному состоянию, то какова же роль всех предыдущих поколений, умерщвленных по пути? Ведь при допущении конечных состояний прогресса все предшествовавшие поколения людей в истории оказались бы всего-навсего средством для завершающего историю последнего поколения, которое лишь одно в состоянии насладиться плодами истории.

е) И наконец, наше с Криворотовым представление о «полноукладности». У Гегеля в «Философии истории» высказана мысль о том, что мы находим в настоящем уклады прошлого не просто как имманентные ступени развития духа, проявленные и снятые его последующим развитием, но и как самостоятельно существующие рядом с настоящим пройденные ступени - уклады прошлого в настоящем.

> *...Наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна за другой как самостоятельные; но дух всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существуют одна возле другой, и лишь, с другой стороны, являются как минувшие. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине (стр. 125).*

Наша же мысль состоит в том, что точно так же в настоящем мы находим и все ступени будущего, - не просто как потенциальные состояния духа, содержащиеся в нем имманентно и подлежащие проявлению в ходе его развития, и даже не только как догадки, откровения, предвидения, находимые в культуре прошлого и настоящего, - но и как вполне зримые уклады, островки будущего в настоящем. Но чтобы увидеть их, надо просто знать, что искать.

6

Сейчас я перечислю целых восемь эпох истории, не считая только что завершившейся по Фукуяме (назовем ее предысторией). Их тоже как-то надо назвать. Возникает проблема имен.

Так как материал для конструирования идеальных типов я беру из культуры (в том числе из философии, из общественных наук, из

литературы), какие-то имена у части этих идеальных типов уже есть. Поэтому я буду брать имена для последующих исторических эпох из культуры. Но поскольку культуру я знаю плохо, то могу взять не те имена, не так, не в той связи - это первое извинение.

Второе извинение - многие из этих имен уже существуют в качестве слов естественного языка. Но они до связи со своим «идеальным типом» еще не дошли (они существуют, но как бы в первом, гражданском браке; им предстоит развод и новый брак, совершающийся уже на небесах). Поэтому имена, которые я буду употреблять, у разных людей отягощены другими, третьими, четвертыми смыслами. Они будут мешать. Ничего поделать с этим невозможно, иначе пришлось бы новые идеальные типы называть «тирьямпампациями» и «флюктуативными дезавуациями», что глупо.

О цели и смысле истории. Если конец человеческой истории - это полное преодоление отчуждения, а высшая форма отчуждения - это сама материя, ее исходные архаичные формы (самые первые, как и у Гегеля) пространства и времени, то овладение ими, их снятие - это и есть победа над смертью, овладение всем материалом истории, новое воссоединение всех поколений. И тут наконец-то концы с концами сходятся. Не государство, но Всеединство, Богочеловечество (по Федорову, но и по Гегелю) - вот итог истории. И, конечно, здесь правы буквалистские критики Федорова - ни о каком «научном», «сознательном» и т.п. воскрешении предков не может идти речи. Это ясно хотя бы из книги «Смысл», потому что «сознательная» деятельность, «научная» деятельность - это весьма архаичные формы деятельности из предыстории. Должно миновать еще штук семь Историй, пока не наступит та, в которой, двигаясь слой за слоем по предмету, мы доберемся до высших форм отчуждения. И поэтому все эти ругательства в адрес сочиненных самими критиками карикатур (о том, что мы излавливаем сачком из пространства частицы наших предков и прогоняем их через ректификационные колонны, а полученных кадавров расселяем в «хрущобы» по отдаленным планетам) просто не имеют отношения к предмету.

Дальше я буду просто предлагать некие расчленения внутри идеального типа «истории». Всех желающих понять, почему эти этапы именно такие, я отсылаю (по примеру Гегеля) к книге «Смысл».

Первое разделение - внутри абстракции «Человечество». История человечества разделяется на три идеальных типа: Историю общества, Экзистенциальную историю и Трансперсональную историю. Я буду каждый раз указывать на три категориальных **расслоения**: пытаться вкратце показать, в чем различие этапов истории, во-первых, по *предмету*, во-вторых, по *идеалу* и, наконец, собственно по *форме деятельности*.

По предмету проще всего, ибо предметом служат формы «материи», доступные, по Ильичу, копированию, фотографированию etc. История общества. Мы - члены стада, в котором имеется большой бабуин, бьющий нас по голове. Мы обязаны плясать ритуальные пляски, ходить на службу и в вечерний университет фундаментализма. У нас имеются производительные силы, производственные отношения, формы сознания и т.п. Предметное содержание Истории общества - преодоление этого слоя социального отчуждения. Или, по Тимофееву-Ресовскому, это популяционно-генетический слой (где индивид существует как элемент вида).

Экзистенциальная история - пласт, где преодолевается слой отчуждения, называемый у Тимофеева-Ресовского онтогенетическим. Ее проблематика связана с тем, что я - индивид, я смертен, я рождаюсь, у меня есть организм, которому присущи условные и безусловные рефлексы, память, определенным образом устроенная плоть и т.д. - вплоть до генетического кода, но не далее.

Трансперсональная история (название известного раздела новой психологии) - история, предметом которой является молекулярно-генетический слой отчуждения. Он начинается с разбирательства с генами и кончается собственно формами пространства и времени.

Расслоение по идеалу. Абсолют для Социальной истории выступает в ипостаси истины. И основная форма причастности к нему - со-знание, то есть совместное знание, мышление в понятиях, концептуальное мышление. Это - низшая, примитивная форма взаимодействия со сферой идеалов. Буддисты прекрасно понимают, что концептуальное мышление не столько показывает нам Абсолют, сколько заслоняет.

Экзистенциальная история. Форма причастности к Абсолюту - Откровение. Абсолют выступает в ипостаси Блага.

Трансперсональная история. Форма деятельности - творчество. Абсолют выступает в ипостаси Прекрасного, и на него направлено творчество.

Наконец, расслоение собственно по формам деятельности. Для Истории общества это наиболее близкие и понятные нам формы активности, направленные вовне - на производство вещей, социальные отношения, разнообразные культурные «тексты». Для Экзистенциальной истории формы деятельности - нечто типа психопрактики. Человечество, превратившись в некий всепланетный Солярис, - то есть продолжая быть человечеством, но перестав быть обществом, - садится в позу Лотоса под мировым древом и начинает разбираться с самим собой, со своим онтогенетическим пластом отчуждения. Для Трансперсональной истории - это творчество.

Второе разделение - внутри Истории общества. То есть первую часть истории человечества делим, в свою очередь, еще на три части. Я выделяю эпоху Предыстории (фукуямовскую), Социальную эпоху и Гуманистическую эпоху. Последнее название связано не с Ренессансом - с обожравшимися толстыми младенцами, с трещащими на задах камзолами, а с гетевским Святым Гуманусом из неоконченной поэмы «Тайны» периода его увлечения розенкрейцерством и, если угодно, с термином, отсюда вырастающим, - «гуманизм» из рукописей Маркса 1844 г.

Расслоение по предмету. Эпоха Предыстории имеет дело с весьма негуманным предметом, каковым являются производительные силы. Человечество учится производить. Оно берет силу потока, сметающего в половодье его коровники, и ставит на пути мельницу. Оно строит из буйства сил природы такие социальные силы, как технология, организация и экономика. Оно берет каждую производящую силу сначала в ипостаси качества, потом количества, наконец, меры и т.д. Все эти подробности описаны еще у «ветхого» С. Платонова.

Предметом Социальной эпохи являются социальные отношения. Это формы отчуждения, господствующие абстракции (всякие товарные и фондовые рынки, подобные античному року, гнетущие цепи административных отношений, узы брака). На протяжении второго разделения этой социальной эпохи происходит снятие производственных отношений - люди из них уходят - и погружение их во вторую, искусственную природу, превращение в отношения между неодушевленными элементами постиндустриального общества.

В Гуманистической эпохе предметом - отчужденными силами - являются формы общественного сознания (понятия, стереотипы и пр., с помощью которых мы изъясняемся, как бы меняясь вместо подлинной Истины грязными бумажками - замусоленными деньгами духа, которые все время девальвируются, меняются в ходе постоянных реформ).

Расслоение по идеалу. Эта та самая триада, которую все полюбили со времен Французской революции: свобода, справедливость, единство (я специально употребляю более адекватные термины). Не комментируя здесь проблему «единства» из-за отсутствия времени, я вкратце расскажу, что такое «справедливость» в понимании Дюркгейма (имея в виду его классическую работу «О разделении общественного труда»).

По Дюркгейму, существуют два ключевых требования к качествам регламентации деятельности в современном ему обществе, невыполнение которых превращает разделение труда из главного источника общественной солидарности в деструктивный фактор. Первое состоит в том, что регламентация должна обеспечивать скоординированность,

системность специализированных общественных функций, восстанавливать целостность предмета, распавшегося в ходе стихийного разделения общественного труда. Следствия этого требования - отдельная, специальная тема, которую сегодня я оставляю в стороне.

Второе требование, принципиально несводимое к первому, состоит в том, что эта регламентация должна быть *справедливой*. В противном случае систему разделения труда можно будет поддерживать только силой.

Дюркгейм несколько раз доопределяет и уточняет свое понятие справедливости по ходу дела. Он не останавливается на популярном «равенстве стартовых возможностей» и утверждает, что место каждого индивидуума в общественном разделении труда должно соответствовать его природным склонностям и способностям. Далее он вспоминает, что эти способности в обществе претерпевают процесс развития, и вводит новое требование: должна быть обеспечена свобода для каждого индивида занимать новое место в общественном разделении труда, соответствующее его развивающимся способностям. Исходя из этого, ясно, что система разделения труда должна быть способна в каждый отдельный момент предоставить всем членам общества последовательность ступенек-функций для восхождения в процессе социального роста и самосовершенствования. Ясно также, что подобные требования к регламентации лежат в совершенно иной плоскости по отношению к требованиям, диктуемым интересами собственно материального производства.

Не случайно здесь Дюркгейм изменяет своему отстраненному академическому стилю и, переходя на язык платоновских утопий, провозглашает, что справедливое разделение труда требует для своей реализации «...искусную организацию, где каждая социальная ценность, не будучи ни преувеличена, ни уменьшена ничем посторонним, оценивалась бы по настоящему своему значению... Правда, - ностальгически замечает он, - эта совершенная самопроизвольность не встречается нигде как осуществившийся факт. Нет общества, где она была бы без примесей...»

В какой же мере справедливость, по Дюркгейму, утопична? Каковы основные черты общественного разделения труда, которое отвечало бы очерченному им идеалу?

А. Оно несовместимо с участием личности в сковывающих ее развитие рутинных производственных процедурах. Но в постиндустриальной перспективе это и не потребуется. Доведение регламентации той или иной функции до уровня системы процедур означает ее алгоритмизацию, открывающую путь к полной автоматизации. Экспансия современных систем регламентации неизбежно влечет

за собой поэтапное вытеснение живого труда из сферы производства вещей. Естественно, это вытеснение, предсказанное в «Grundrisse», займет целую социальную эпоху. Но «процесс пошел»: в Японии уже полтора десятка лет функционируют абсолютно безлюдные заводы, оснащенные ГПС (гибкими производственными системами) и выпускающие сложнейшую продукцию, в том числе такие же ГПС.

B. Предметом деятельности становятся не вещи, а общественные отношения.

C. Разделение труда преобразуется так, чтобы создать лестницу общественных ячеек-функций, служащих как бы ступенями восхождения формирующейся личности.

D. Нужно додумать до конца, куда ведут провозглашаемые Дюркгеймом «справедливое распределение социальных условий», «равенство во внешних условиях борьбы». Где стартовая точка этой борьбы - в момент получения индивидом аттестата зрелости? К этому времени «несправедливое распределение социальных условий» уже сделало свое дело. Бесполезно предоставлять формальное равенство на ринге, если один из боксеров страдает дистрофией или полиомиелитом из-за тяжелого детства. Различие в социальных условиях фатально сказывается на развитии индивида уже на стадии внутриутробного развития. Общество должно стремиться свести к нулю любое неравенство между индивидами, вызванное социальными причинами, смирившись покуда лишь с различиями, обусловленными генетически и экзистенциально. Только тогда общество, по Дюркгейму, будет «...устроено таким образом, что общественное неравенство точно выражает естественное неравенство».

Все это в совокупности означает, что должен быть осуществлен переход *от производства и воспроизводства вещей к производству и воспроизводству индивидов*. Общество производящих индивидов, ориентированное на идеал индивидуальной свободы, переходит в общество, занятое производством самих этих индивидов, способных свободно производить, и направляемое при этом идеалом социальной справедливости. Иными словами, должен быть осуществлен переход к превращению в предмет деятельности, а затем производству и воспроизводству всей системы разделения труда, общественных отношений, что, по определению Маркса-младогегельянца, и будет означать *производство человеческой сущности*.

Одно важное замечание. Сейчас стало модным ругать известный тезис о сущности как ансамбле (совокупности) человеческих отношений. Но автор тезиса понимал «сущность» как раздел «Логики», а не как «наше все». В этом смысле «сущность человека» - не более чем один из нескольких десятков этажей идеального типа «Человек».

Эта проблематика подробнее разработана в книге «Смысл».

Социальная эпоха, «царство справедливости» имеет дело с социальными отношениями. В центре ее находится не производство человеком вещей, а производство самого человека таким, чтобы он потом мог успешно производить вещи, успешно конкурировать, быть свободным и т.д. Лишь по завершении этой эпохи мы сможем добраться до осуществления сократовской утопии гуманизма, идеального «государства мудрецов». А сейчас, если бы Сократ с кем-то начал обсуждать, что такое Прекрасное само по себе, скорее всего оказалось бы для начала, что его собеседник - дебил. Или в лучшем случае он просто плохо слышит. Его не долечили после простуды, и Сократ должен орать ему в ухо. А поорав, он выяснил бы в довершение всего, что второй участник «диалога» все равно не понял ни слова, поскольку не говорит по-гречески. Ну какое равное и свободное обсуждение Прекрасного, Блага и Истины может быть при таких делах?!

Сверхзадача социальной эпохи - полное раскрытие потенциала разнообразия способностей, предзаложенных генетически и обусловленных экзистенциальным опытом, снятие коросты социальных уродств, подменяющих это - подлинное - разнообразие. Каждый из людей Социальной истории будет гораздо более «всесторонним» и «гармоничным», чем мы, несчастные уроды, но притом, как камертон, будет резонировать на какую-то определенную ноту из музыки небесных сфер, каждый будет влюблен в свой эйдос, будет являться как бы его свидетелем, представителем и глашатаем. Вот тогда-то они смогут вступить в этот сократический диалог как свободные и равные. Дальнейшее - проблематика эпохи Гуманизма, которую я здесь опускаю.

Третье разделение. Мы разделили историю человечества на три истории. Затем первую из них, Историю общества, разделили на три эпохи. Теперь разделим первую из этих эпох на три фазы. Будем говорить о фазе Традиции, фазе Культуры и фазе Цивилизации как о трех конкретных идеальных типах внутри идеального типа «Предыстории».

Теперь критическому разуму самое время насторожиться, поскольку предыдущие идеальные типы относились большей частью к тому, чего еще не было в истории и что только ожидается. Последние же три фазы предназначены для описания того, что уже было и, по мнению Фукуямы, недавно и бесповоротно окончилось.

Здесь по ряду причин, на которых нет возможности сейчас остановиться, я использую несколько другие категориальные расслоения. Я буду говорить о различении указанных трех фаз по формам коллективного сознания, формам этноса и формам производственной деятельности.

Расслоение по формам коллективного сознания. Фазе Традиции соответствует мифологическое сознание, фазе Культуры - верящее, религиозное сознание, фазе Цивилизации - рационализированное сознание.

Расслоение по форме этноса. Фазе Традиции отвечает родовая или родо-племенная форма этноса. Фазе Культуры отвечает имперская форма этноса. Фазе Цивилизации соответствует национальная или национально-государственная форма этноса.

Расслоение по форме производства. Фаза Традиции - это технологическая форма деятельности. Фаза Культуры - организационная. Фаза Цивилизации - экономическая.

Я только напомню, что можно с разбиениями идти и дальше вглубь. В книге «После коммунизма» каждая из этих фаз разделена на три формации (наконец-то!), где мы используем такие знакомые имена формаций, как «капитализм», «феодализм» и пр. - но всего не пять штук, как у Маркса, а целых девять

Усложним немного картину. Представьте, что идеальный тип - трехслойный пирог, ибо в каждом реальном обществе мы видим все три слоя: и традицию, и культуру, и цивилизацию. В зависимости от того, какой из этих слоев самый толстый, он может, даже будучи нижним или средним, а не верхним, определять собой все остальное. Тогда для более адекватного описания окружающей действительности мы получим три социологических идеальных типа: общество Традиции, общество Культуры и общество Цивилизации.

Если мы отождествим общество Традиции с классическим Востоком (типа Китая), а общество Цивилизации - с классическим Западом (типа США), у нас вдруг средь бела дня появляется некий третий, незнакомый науке мир - общество Культуры. Это важное следствие принятой нами троичности мышления. Дело в том, что в дихотомическом мышлении не менее трети феноменов, эмпирически вполне осязаемых, исчезают, они просто невидимы. Мы тупо смотрим на общество типа России и принимаемся стенать: «Что это такое? Какое-то оно переходное! Это - не Восток, но и не Запад! Недоношенное? Или застрявшее? Или недоделанное? Или невидимое?» Но с Россией в этом смысле все в порядке, это у нас проблемы: нет понятийного аппарата, нет адекватных идеальных типов. Мы используем весьма примитивный бинокль, в котором каждая трубка смотрит в свою сторону, поэтому между их полями зрения возникает обширная «слепая зона», концептуальная черная дыра. И третья часть реальности там бесследно пропадает.

Таким образом, мы можем вернуться к ныне вышедшему из моды политологическому образу Первого, Второго и Третьего миров,

переосмыслив и уточнив его. Первый мир - это общества Цивилизации (классический Запад), третий мир - это общества Традиции (классический Восток). Однако старое наполнение понятия «третий мир» должно быть пересмотрено: определенная его часть должна быть отнесена скорее ко второму миру, то есть к обществам Культуры. Понятие «второго мира» нужно полностью восстановить в правах. Российская империя (включая и советский период ее истории) является классическим представителем этого типа. Видимо, сюда же можно отнести некоторые страны ислама. Но часть стран, отнесенных к прежнему «второму миру» по формальному признаку принадлежности к «социалистическому лагерю», скорее тяготеют к третьемирскому типу.

Если ввести, наряду с «большой симметрией» между идеальными типами Природы и Общества, «малую симметрию» между предысторией и социальной эпохой (здесь я вновь отсылаю вас к трактовке «самоотчуждения» в книге «Смысл»), можно сказать, что первая, вторая и третья фазы предыстории отражаются, как в зеркале, в будущем, то есть в следующей (за фукуямовской) фазе истории. Всмотревшись, как в зеркало, в то, что я назвал социальной историей, мы можем усмотреть там пост-цивилизационную фазу, затем пост-культурную и, наконец, пост-традиционную.

И тогда мы можем говорить о трех типах «органичной» модернизации, понимая под такой модернизацией переход общества через фукуямовскую границу в постисторическую фазу, симметричную своему предысторическому состоянию.

В этом смысле органичная модернизация для стран «классического» (абстрактного) Запада - это переход из так называемого индустриального в постиндустриальное общество (или в моей терминологии - переход из общества Цивилизации в пост-цивилизационную фазу). Эта модернизация в принципе достижима эволюционным путем, потому что зрелое общество Цивилизации при переходе через границу Предыстории как бы на ощупь находит себя как свой предмет деятельности, уже ставший и налично данный, и поэтому нуждается в минимуме социального конструирования. (Не будем только забывать, что речь идет об идеальных типах. Правда, нужно иметь также в виду, что большинство современных текстов по философии истории оперируют гораздо более абстрактными идеальными типами.)

Обществу второго мира, которое хочет прыгнуть в будущее, минуя пару фаз (из культурного состояния в пост-культурное), приходится труднее. То есть, у него отсутствуют или недостаточно развиты две базовые формы деятельности, которые должны быть заимствованы. Но тем не менее такое заимствование возможно, если эти формы где-то уже существуют.

Если мы не изобретаем эти формы из головы, не создаем их из пустого места, если мы можем трансплантировать их из более «развитых» стран, то можно говорить о втором типе модернизации, а именно: о переходе из обществ культуры в пост-культурную фазу. И даже из обществ традиционных - в пост-традиционные. Конечно, это чрезвычайно сложные переходы, в абстракции это - скачки через некую пропасть, но они теоретически возможны. В принципе, используя введенные идеальные типы, можно говорить о трех «классических» (органичных) типах модернизации и о шести «неклассических».

7

Осталось сказать самое главное - каковы концептуальные координаты переживаемого момента, где мы с Фукуямой очутились? В терминах вышесказанного мы находимся не в конце истории, а на некотором ее пороге. Этот порог - переход от первой исторической эпохи ко второй (всего в человеческой Истории их девять). То есть, из эпохи Предыстории мы переходим в Социальную эпоху. Человечество вовсе не умирает от старости, оно едва достигло младшего школьного возраста.

У Платона в «Государстве» есть образы трех типов общественного устройства, отвечающих трем эпохам внутри Истории общества: государства ремесленников, государства стражей и государства мудрецов. В этих идеальных типах ремесленники олицетворяют слой марксовых «производительных сил», стражи - слой общественных отношений, а мудрецы - слой форм сознания. Так вот, по форме деятельности мирохозяйственная система только начинает переход от «государства ремесленников» к «государству стражей» (отнюдь не мудрецов, до них еще целая эпоха) .

В трансцендентной сфере идеалов происходит исторический сдвиг от Свободы к Справедливости. Я не хочу быть дурно понятым: это не значит, что социальная свобода умаляется. Достигнутое в этой сфере не ущемляется, напротив - превращается в фундамент для исторического творчества. Автомобиль в этом смысле не «отменяет» телегу: если в него внимательно всмотреться, телегу можно усмотреть. Сейчас я свободен прежде всего как полноправный и суверенный борец за сохранение и приумножение своей собственности. К сожалению, на эту свободную борьбу уходит все время. Я свободен ехать куда угодно, но должен сам впрягаться в свой воз и на себе его тащить. У меня почти не остается времени и сил на самого себя, не говоря уже о том, чтобы задаться «метафизическими» вопросами о возможных целях и маршруте движения. Смысл социальной эпохи в том, чтобы из «предмета» поездки превратиться для начала в «субъекта»: по-

ставить на телегу двигатель и, перейдя в роль водителя, заняться совершенствованием водительского мастерства. А в перспективе эпохи гуманизма - вручить роль шофера компьютеру, который лучше увертывается от самосвалов, и освободить ум и сердце для истинно человеческих вопросов об «идеале», т.е. о том, куда ехать и зачем.

В наступающей второй, социальной эпохе Истории общества нам предстоит всерьез заняться вопросом: как сделать так, чтобы свободный производитель, возникший как продукт Предыстерической эпохи, не был бы свободным дебилом или уродом? Чтобы в результате извращений, несовершенств и ограничений предыстерической (точнее, доисторической) системы выращивания детей, воспитания и образования человек не был, как сейчас, лишен большинства степеней свободы, потенциально присущих ему от зачатия?

Это некая педагогическая страна Касталия, в которую постепенно будет превращаться все общество. Или это некие израильские киббуцы, в которых самое главное - воспитание ребенка. А когда он воспитан, он оттуда вылетает как пробка - жить он там уже не может. Школа - не место для взрослого свободного индивида, жаждущего самоутверждения. Если, конечно, он не педагог по призванию. Вообще эти вещи трудносовместимые. Черты такого мира многим современным (т.е. предысторическим) людям пришлись бы не по нраву. Но с этим надо разбираться отдельно.

Теперь вернемся на минуту к идее Гегеля о «духе народов». Он говорит примерно следующее: имеется народ, имеется присущий ему особый дух, а мимо идет абсолютная идея, и она приостанавливается на какой-то имманентной ступени, которая вступает в резонанс с духом данного народа. Тогда этот народ призывается, у него - миссия, и он играет важную роль на этом отрезке истории. Потом абсолютная идея говорит: «Ну, большое спасибо, эту ступеньку мы прошли. Вы тут побудьте, а я пошла дальше». И народ, отработав свое, переходит в некий исторический пассив: он необязательно разваливается, необязательно подвергается нападению каких-то кочевников (гиксосов или аморреев), - просто может отойти на обочину и тихо коптить небо.

Рассматривая прошедшую эпоху с точки зрения этой гегелевской идеи, можно сказать, что на протяжении всей Предыстории доминировал принцип свободы, понимаемой в незатейливом духе Фукуямы. Его торжество стало особенно очевидным в фазе Цивилизации. Это был звездный час англосаксонского этноса, британской империи, американской нации. Они сыграли роль ступени-носителя. Теперь солнце этого социума закатывается. Ему никто не хочет делать ничего плохого, просто он выполнил свою историческую миссию, и дальше он может подождать. Либо он должен переродиться, страстно полю-

бить идею справедливости (что не исключено, случаются ведь пассионарные взрывы), либо на передний план выйдут другие народы, дух которых вступает в резонанс с новой ипостасью идеала. Наступает Социальная эпоха, в которой Россия, от рождения настроенная на волну Правды-справедливости, имеет исторический шанс.

Наконец, можно сказать, что Россия (в терминах этих абстрактных идеальных типов) - общество с доминированием фазы Культуры. Органичная для нее модернизация - переход не в постиндустриализм (то есть не в пост-цивилизационное состояние), а сразу в следующую, пост-культурную фазу. Поэтому, если ей и предстоит некая стремительная модернизация, то, по крайней мере, не в самом ближайшем будущем. Ибо сейчас мы хотя и выходим из фукуямовской истории, входим в Социальную эпоху, но только в первую ее фазу - пост-цивилизационную. Там правят бал другие. Есть своя роль в этих терминах и у России. Но я не хочу здесь чрезмерно онтологизировать идеальные типы. Будем считать, что это не более чем намеки, абстрактные картинки.

Итак, как уже было сказано, перед нами не конец истории, это только порог. Однако его высота чрезвычайна. Порога такой высоты в истории человечества еще не было. Ведь переход, например, от фазы Культуры к фазе Цивилизации - это Реформация, колоссальная волна религиозных войн, гибель целых этносов, это несколько столетий смутного времени. А мы сейчас сталкиваемся не с межфазовым переходом, а с переходом между целыми эпохами (в терминах идеальных типов). Отсюда - беспрецедентный трагизм нашего времени, катастрофический опыт России и Германии, Японии и Китая, две чудовищные мировые войны и балансирование на грани третьей, соседство усыпляющего бытового комфорта Запада с мучительной гибелью миллионов в третьем мире от социальных и природных катаклизмов.

Вместе с тем отдельные островки, уклады, авангардные части стран и народов уже взобрались на этот порог, даже перевалили его. Десант высажен, вбиты крючья, - похоже, перебраться через него можно. Поэтому есть шанс, что мир переживет этот небывалый кризис. Просто может статься, что он переживет его без России.

Нам говорят: История остановилась, потому что остановилась идея Истории, воплощалась-воплощалась - и довоплотилась, уперлась в стену.

Смысл моей позиции: это не стена. Всего лишь - порог. Он должен быть и будет преодолен, осуществится выход в новые пространства исторических форм. Мы должны привести в движение идею Истории, идею России. А без этого нашего творческого усилия сама по себе История не придет в движение - и тогда нашим общим уделом будет, пользуясь выражением Гегеля, «лишь гнилое существование».

ВЕК ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ

ТЕЗИСЫ

Вначале – слово Ивану Ильину:

«Кто берет власть, тот берет не только полномочие и не столько полномочие, сколько ***обязанность властвовать****. Он принимает тем самым не только высший ранг и почет, но и высшую* ***ответственность и опасность.***

Возле власти – возле смерти.

К государственной власти должны восходить ***лучшие*** *люди. И тот, кто требует доказательств для этого тезиса, тот одним этим требованием своим обнаруживает упадочность и извращенность современного правосознания.*

Только тот государственный строй на высоте, который действительно организует отбор таких людей, лучших людей к власти; и всякий другой строй (ка*кое бы историческое название он ни носил - «самодержавие» или «демократическая республика») - обречен на разложение и крушение.*

И пусть никто не говорит, что это «элементарно» или «общеизвестно»; что это якобы «старая пропись»... Ибо из-за попрания этой аксиомы Россия рухнула на наших глазах...

Получающий власть (безразлично, в каком объеме) получает в свое распоряжение часть драгоценнейшего всенародного до-

стояния, выношенного и выстраданного веками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными велениями - есть общенародное сокровище, плод многих страданий и долгой культуры».

ПРОБЛЕМА: ЯЗЫК ВЛАСТИ И ЯЗЫК ИДЕИ

Вопрошающий сегодня о прошлом, настоящем и будущем России - на каком языке желал бы услышать ответ?

Казалось бы - что за вопрос? На русском. Да хоть на английском! Лишь бы ответ.

То есть, понятное дело, подразумевается (это уж мы подыгрываем недоумку, предвидя следующий контрвопрос), что ответ должен состоять из слов, которые наличествуют в словаре и притом употреблены в сочетаниях, не противоречащих синтаксису и здравому смыслу.

В таком случае рассмотрим примеры.

– Где я? - пролепетала миледи, очнувшись.

– В квадрате Альфа-Семнадцать! - отреагировал бравый майор…

Или вот еще:

«Плывет… Куда ж нам плыть?»

– Да к регулируемому рынку, Александр Сергеич!

На эти шуточки вопрошающий может отреагировать в том плане, что вы, мол, нас не запутаете и что вам нужны словесные ухищрения, а нам - великая Россия.

То есть предлагается объясняться все на тех же пальцах. Трех. Но тогда не стоит ожидать, что из них вдруг может сложиться какая-то принципиально новая комбинация.

В чем состоит русская Идея? Пусть даже мы закроем сейчас глаза на жизненную катастрофу целого поколения мыслителей «серебряного века», так и не нашедших ответа, и попытаемся подойти к вопросу «абстрактно». Все равно, прежде чем всерьез говорить на эту тему, хорошо бы рассмотреть три-четыре примера ответов на аналогичные вопросы. Скажем, в чем идея Германии, Болгарии или Верхней Вольты? То есть любой ответ, понятный вопрошающему, представляет собой выбор слова (или нескольких слов) из словаря известного ему языка. Так что это за словарь? Что это за язык?

А теперь встречные вопросы к вопрошающему. Он употребляет иноязычные слова «приватизация», «парламент» (или «монархия», «патриотизм»). Из какого словаря, какого языка они позаимствованы? Какие еще слова из этих словарей ему известны? И умеет ли он из них складывать правильные предложения?

Мораль проста: когда вопрошающий обращается к оракулу или публицисту за ответами на классические вопросы о том, кто мы, куда идем и откуда, он должен приложить к запросу *список слов*, из коих ответ должен быть составлен. И если списки истца и ответчика совпадают - перо автора и мозги читателя скрипят в унисон. Если же общий список пуст - любой, сколь угодно судьбоносный ответ отзовется гулом пустой корыстной жести...

Компьютерные «пользовательские» программы типа «Нортон» учитывают это обстоятельство самым явным образом. На экране постоянно присутствует либо полный список слов, с которыми пользователь может обратиться к компьютеру, либо (в силу того, что слов слишком много и они не помещаются на экране) полный набор рубрик-ячеек, по которым, следуя определенному правилу, разложены все такие слова. Роль «правила» обычно играет таблица, «дерево» (граф) или просто алфавитный указатель. Любое обращение к компьютеру - все равно, с вопросом или с командой - сводится к тому, что надо несколько раз подряд осуществить выбор, «ткнув пальцем» в одно из набора слов, появляющегося на экране.

Важно осознать эпохальный смысл данного изобретения. Слово «компьютер» (буквально: «счетная машинка») вводит в серьезное заблуждение. Перед нами - объективированный и материализованный *язык*, впервые отделенный от человека-носителя. На экран монитора проецируется уровень слов-символов языка, а связи между ними и их интерпретации (синтаксис и все прочее) упрятаны под крышку чудо-прибора.

Вот и я предлагаю идеологам и политикам посидеть рядом со мной у воображаемого компьютера, на экране которого изображена примерно следующая таблица:

Форма сознания [Мера]	Миф-магия [Воля]	Религия [Вера]	Идеология [Интерес]
Форма общения [Мера]	Война [Сила]	Политика [Власть]	Рынок [Деньги]
Форма производства [Мера]	Технология [Энергия]	Организация [Информация]	Экономика [Стоимость]
	Традиция	**Культура**	**Цивилизация**

Общее устройство предлагаемого мною языка-посредника описано в книге «Смысл»[1], а основные цели его использования - в статье «Порог истории», вошедшей в состав первого тома «Иного». Этим я

[1] Чернышев С. Смысл. Периодическая система его элементов. М., 1993.

вовсе не хочу сказать, что читать дальше могут только те, кто ознакомился с двумя указанными сочинениями. Речь об ином.

Диалог русской идеи и российской власти зашел в тупик. Говорить о глухоте современных властей к каким-либо идеям стало банальностью. Но глухота идеологов к проблемам власти ничуть не меньше. Те из них, которые по видимости откликнулись на ее немой призыв, на деле совершили нечто бессмысленное: они ушли во власть и стали ее частью, аппаратчиками, потеряв качество носителей и представителей идеи.

Долгие годы Власть и Идея говорили на разных языках. В настоящее время они окончательно перестали слушать друг друга. Чтобы разобраться со сложившейся ситуацией, нужен некий объемлющий *метаязык*, который позволил бы держать в поле зрения такие понятия, как *власть*, *идея*, *идея власти* и *власть идеи*. Первые три кратко рассматриваются ниже. Проблематика последнего относится к третьему тому «Иного».

ИДЕЯ БЕЗ ВЛАСТИ

Главное, что вносит неопределенность в вопрос о судьбе преобразований в России,- отсутствие субъекта каких-либо преобразований. Со времен поздней перестройки «пошел процесс» по преимуществу естественноисторического, природного характера. А природные процессы, в отличие от сознательно проектируемых и направляемых, обычно непредсказуемы.

Что касается идеи потенциальных преобразований - она переживает фазу стремительного оформления. Пространство, в котором предстоит действовать грядущему субъекту реформ (когда и если он появится), можно уже сегодня очертить следующими понятиями.

1. *Кризис переживает не столько собственно Россия, сколько наши представления о ней*. Есть некая естественная органика социального бытия, которое течет без каких-то привнесенных извне или неорганичных катастроф. И есть совершенно разрушительный взгляд общества на самое себя, «взламывающий» эту органику через неадекватные действия властей, мифы и психозы, нагнетаемые средствами массовой информации, разнообразные личностные кризисы и множество других путей.

2. *Дефект нашего мышления о самих себе, его кризисность проявляется уже в том, что это мышление дихотомично*, т.е. основано на дуальных оппозициях, парах противоположных понятий (Запад - Восток, открытое общество - закрытое общество, прогресс - реакция, демократия - тоталитаризм, целое - часть и т.п.).

Проблема не в том, что такое мышление порочно само по себе (оно благополучно существует тысячи лет, доказало свою практическую эффективность для массы задач), а в том, что применяется к такому предмету, как Россия, про которую на всех заборах написано, что она - не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, не такая и не сякая. «Третьего не дано» не есть закон природы. Это всего лишь закон одной из систем логики, который мы применяем к такому предмету как Россия. А **Россия по самому своему определению есть *Иное***, «третье», всегда нечто «между».

В результате, когда мы используем эти испытанные импортные понятия, все сформулированные с их помощью вопросы про Россию оказываются бессмысленными. Какой должна быть идеология российских реформ? Какова система национальных интересов России? Каковы основные направления модернизации нашей экономики? Повторяю, не ответов на эти вопросы нет, а сами они по отношению к этой заколдованной стране изначально не имеют смысла.

Если мы имеем дело с чем-то, по своему определению являющимся неким «третьим», *необходимо перейти от двоичной логики к троичной*, где хотя бы три базовых начала. Это - не переход к абсолютной истине, а просто шаг в использовании более адекватных понятийных конструкций, моделей и взглядов на общество. Далее будет кратко изложен вариант такого «троичного» взгляда на Россию и на то, что с ней происходит.

3. Всякий общественный организм можно рассматривать как трехслойный. В нем есть самый древний слой - назовем его «традицией»; следующий за ним, назовем его «культурой»; и самый исторически новый, называемый ниже «цивилизацией». В разных обществах соотношение между ними различно, но в каждом обществе в той или иной степени, особенно в XX веке, все три слоя представлены (даже в странах тропической Африки можно найти свидетельства «цивилизации» в виде телевизоров, асфальта и пародии на «парламент»). В зависимости от того, какой из слоев является наиболее исторически укорененным в данном социуме и определяющим собою два других, можно упрощенно говорить о трех идеальных типах обществ: *обществе традиции*, *обществе культуры* и *обществе цивилизации*.

Эти три идеальных типа (в веберовском смысле) можно соотнести с членением, которое возникло в политологии после Второй мировой войны, а именно: Первый мир, Второй мир и Третий мир. В этих терминах *Россия преимущественно должна рассматриваться как общество второго типа, или общество культуры*.

Что такое общество культуры? Прежде всего это некая понятийная рамка, вмещающая колоссальное разнообразие очень по-разно-

му устроенных обществ. Некоторое представление, какими могут быть общества культуры, дает, скажем, зрелая Римская империя.

В этих понятийных координатах Россия больше не проваливается в щель между «востоком» и западом», не выглядит ни промежуточным, ни недоношенным, ни застрявшим вариантом социума. Это вполне нормальный классический представитель общества второго типа - общества культуры, в котором есть замечательная литература, музыка, живопись, прекрасно поставленное образование, люди прилично одеты, но при этом в общественных местах хронически наплевано, транспорт ходит с перебоями и асфальт с выбоинами. Иными словами, с цивилизацией большие проблемы.

Для обществ традиции, как наиболее близких природе, характерен процесс как бы естественного роста, имеющий вполне естественные, природные ограничители. Общества культуры, коим свойственна имперская форма, развиваются в форме экспансии, которая также ограничена и географическими факторами, и силой сопротивления соседей. Наконец, общества цивилизации замыкают единую сеть мирохозяйственных связей, и эта система целиком и полностью покрывает поверхность земного шара пленкой экономических отношений. А дальше экстенсивное развитие упирается в собственные границы, ибо расширяться в пустоту уже некуда. Общества цивилизации переделили весь мир, столкнулись друг с другом, и все это завершилось Первой мировой войной.

4. Между Первой и Второй мировыми войнами происходит некое таинство, прорыв в метаисторическое зазеркалье: из Истории # 1 в Историю # 2. Для описания этого введем еще одно новое понятие, также используя для него знакомое слово - «*трансформация*»[1]. Вторая часть этого слова намекает на идеальные типы, для которых Маркс придумал понятие «формация» (рабовладение, феодализм, капитализм и пр.).

Как отличить трансформацию от модернизации? Модернизация — вещь очень простая, придумана теоретиками и политиками обществ цивилизации для того, чтобы объяснить, куда надо двигаться отсталым обществам традиции и непонятным промежуточным обществам культуры (которые даже не имели своего статуса - они все сваливались под общую вывеску «закрытое общество»). И тем, и другим предписывалась модернизация, т.е. быстрый, управляемый, направляемый извне и всячески спонсируемый переход к типу обществ цивилизации. Модернизация - движение внутри Истории # 1

[1] В книге «Смысл» вместо термина «трансформация» употреблялся термин «органическая модернизация», а вместо «модернизации» — «либеральная модернизация».

от отсталого общества традиции или общества культуры к прогрессивному обществу цивилизации.

Трансформация - в некотором смысле обратное движение, движение в Зазеркалье, когда экстенсивного «прогресса» в дурную бесконечность уже нет, а есть развитие общества вглубь самого себя, превращение самого себя в собственный предмет. Таким путем перерабатывается как бы кожура социума, а затем все более глубокие его слои. Сначала в предмет превращается цивилизация, потом - культура и уже после этого - традиция.

В этом смысле можно говорить, что возникает представление об обществах *метацивилизации*, *метакультуры* и *метатрадиции*, используя двойное значение частицы «мета-». Во-первых, по Аристотелю, «мета-» означает «то, что после» и тождественно «пост-» (скажем, «постиндустриальное общество»). Во-вторых, в математике метатеория означает теорию, имеющую своим предметом теории. В данном случае очень точно применимы оба значения: метацивилизация - это общество, которое превращает в свой предмет цивилизацию как таковую и начинает с ней что-то делать.

При трансформации создается парадоксальная ситуация, когда те, кто до трансформации находился сзади, в случае ее успеха могут оказаться впереди. Примером такой микротрансформации служит Япония: полуфеодальное общество стало в большей степени постиндустриальным, нежели классические индустриальные страны Запада.

Таким образом, *по отношению к сегодняшней России призыв к модернизации означает «Вперед, в прошлое!», а призыв к трансформации звучит как «Назад, в будущее!»*. Сейчас складывается парадоксальная ситуация, когда для большинства нашего образованного класса прошлое прогрессивного человечества в виде ступени цивилизации выступает как воображаемая желанная цель, светлое будущее, которого надо достичь путем модернизации.

Трансформация же состоит в переходе к обществу метакультуры, минуя общество метацивилизации, что звучит как призыв вернуться в прошлое, отказавшись от благ цивилизации, - если только забыть про приставку «мета-». На самом деле это не отказ, а призыв к творческому заимствованию готовых элементов цивилизации и метацивилизации, к трансплантации, - имеющей, однако, в виду более высокую цель. Развивать здесь эти очень важные представления просто нет возможности.

5. Французской революцией было впервые понято и озвучено внутреннее разделение загадочного «идеала». Это известная триада: «*Свобода, равенство, братство*».

История # 1 (История, в которой возникают общества традиции, культуры и цивилизации) развивалась под знаком первого чле-

на этой триады - «свободы». Фукуяма прав в том смысле, что свободу, которую имеет индивид в современном западном обществе, с точки зрения его стандартов, уже невозможно превзойти: индивид в нем свободен в меру того, сколько он может заработать. Имея деньги, он может купить себе какую угодно свободу. Однако заработок индивида связан с его *способностями* к зарабатыванию. Способности же ему отпущены не только природой, но не в последнюю очередь уродующей ее системой образования и воспитания. Успех его также зависит и от стартового положения, которое ему обеспечивают родители. Таким образом, индивид получает (или, куда чаще, не получает) значительную долю своих способностей и саму стартовую позицию как случайный выигрыш в социальную лотерею.

Наступающая эпоха (эпоха Истории # 2) будет развиваться под знаком «равенства» - равенства не в смысле уравниловки в распределении благ, а достижения все более полного выравнивания социальных условий для развития способностей каждой личности, отпущенных природой. Это означает: различия в способностях личностей, вступающих в *свободное* соревнование, все равно останутся, но на протяжении Истории # 2 будет снят *социально обусловленный слой* этих различий, и останутся слои различий, обусловленные экзистенциально и генетически.

Роль носителя идеала в Истории # 1 играл англосаксонский социум, с врожденной ему «резонансной» настройкой на идеал свободы. Но коль скоро мы из Истории # 1 - царства свободы вступаем в Историю # 2 - царство равенства, у России, по многим признакам являющейся носителем идеала Правды-справедливости, есть масса шансов попасть в резонанс с доминирующей идеей Истории # 2 со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Все сейчас помешаны на вопросе экономической реформы, и он считается основным. Так вот, необходимо ясно представлять себе, что такое *экономика общества, построенного согласно программе, вытекающей из реализации идеи социальной справедливости*, то есть общества, где в центре находится *воспроизводство человека*, «производство человеческого капитала». Это - очень содержательная, конкретная идея. Тогда будет гораздо легче понимать, что нужно сделать с денежной массой, со структурной реформой в тяжелой индустрии, экспортным потенциалом и пр. и пр. А покуда этого нет - подобные разговоры имеют пустопорожний характер.

6. Итак, во-первых, *Россия - классическое общество Второго мира, общество культуры*. При определенных условиях она может стать претендентом на роль естественного лидера Второго мира. Это не так мало. Россия переживает сейчас *кризис самоидентифика-*

ции, поскольку она должна осознать себя в этом качестве, - полноправного члена мирового сообщества, а не какой-то эмбриональной недоношенной структуры, которая обречена то ли на скорейшую деградацию, то ли на быстрейшее копирование западных образцов, - и перестать как дергаться на Запад, так и сползать на Восток.

Во-вторых, *России предстоит не модернизация, а трансформация*. Трансформация является выходом на исходные рубежи для прорыва в Историю # 2, от общества культуры - к обществу метакультуры, как бы минуя фазы цивилизации и метацивилизации. Последнее не значит, что в теле России, в российском социуме в случае успеха трансформации образуется грандиозная дыра или что мы будем жить без цивилизации. Но это значит, что мы должны максимально культурно (во всех смыслах) осуществить заимствование и привнести в наше общество все лучшие (и в первую очередь экономические) завоевания как обществ цивилизации, которые существовали уже в XIX веке и ранее, так и обществ метацивилизации (т. наз. «постиндустриальных»), которые возникли и продолжают возникать в XX веке.

В третьих, парадигма мирового развития в метаисторическую эпоху определяется идеалом равенства, *социальной справедливости в воспроизводстве человека*. Тем самым русская культура, резонансная в отношении этого идеала, приобретает широкую перспективу развития. Российское общество, отставшее в производстве вещей, может вырваться вперед в «производстве личностей».

ВЛАСТЬ БЕЗ ИДЕИ

Власть в обществах Второго и Первого мира зачастую прекрасно обходилась без идей или взаимодействовала с ними внешним образом. Но даже такое взаимодействие остается недостаточно изученным. А без этого, в свою очередь, невозможно понять феномен идеократий начала XX века.

1. В своей жизнедеятельности человек сталкивается с тремя сортами объектов. Это *вещи*, *люди* и *идеи*. Человек лишь недавно научился обращаться с *вещами*. Вещь становится все более послушна воле человека, по мере того как он учится добывать ее из природы, правильно использовать и, наконец, массово производить. Перефразируя слова Эйнштейна, можно сказать, что вещь хитра, но не злонамеренна. Она может жестоко отомстить за неправильное с собой обращение, но не строит в отношении человека сознательных планов. Если первобытный охотник считал волка равным соперником и играл с ним в игру «кто кого перехитрит», то современный расстре-

ливает беззащитных животных с низко летящего вертолета, нимало не интересуясь внутренним миром живой мишени.

С такими объектами, как *люди,* все обстоит гораздо сложнее. Они активно сопротивляются попыткам постичь секрет их устройства и всем, кто пытается обращаться с ними как с вещью, отвечают взаимностью. Охотник на человека в любой момент рискует превратиться в дичь (см. «Остров доктора Моро»). Осознанно или неосознанно, люди всегда стремятся свести непредсказуемые игры с людьми к знакомым формам деятельности с вещами. Классическим выражением такого редукционизма является пословица «хороший индеец - мертвый индеец». И тут не должно быть иллюзий: сфера действия этой пословицы выходит далеко за рамки исторических и географических обстоятельств своего появления на свет. Слово «индеец» можно с полным основанием заменить на слово «человек». Например, люди научились должным образом обращаться с Сократом только после того, как умертвили его.

Здесь мы подходим к третьему, самому сложному виду объектов деятельности - к *идеям*. Идеи в обыденной жизни до того невидимы, что это постоянно вызывает сомнения в их существовании. Идеи являются когда хотят и кому хотят и, как правило, немедленно исчезают при появлении комиссии физика Китайгородского. Применительно к идеям вообще бессмысленны вопросы о том, где их взять, как они устроены и как наладить их конвейерное производство. Идеи сами берут человека как вещь и вызывают в нем волю, веру или интерес. Единственное, что могут сделать люди, стремясь к избавлению от этой власти, - это локализовать идею, отождествив ее с носителем, а того побыстрее овеществить, превратив в памятник или труп.

2. Таким образом, человеческое существование выглядит как дом, в подвале которого расположена мастерская по производству вещей, на чердаке обитают идеи-привидения, а пространство между ними заполнено состязанием с себе подобными. Люди как бы погружены в одну всеобъемлющую *игру*, правила которой, установленные не ими, они вынуждены соблюдать. Ни один из игроков никогда не знает всех правил; к тому же они подвержены имманентному саморазвитию. Такие игры Маркс называл «господствующими абстракциями». Выигрышем и одновременно мерой успеха в игре является некий универсальный *ресурс*, который по усмотрению победителя можно конвертировать в любые вещи.

Наиболее известным и освоенным людьми сортом такой игры является *политика*. Ресурс, который выигрывается в ней и служит мерой успеха игрока, - *власть*. Играя по определенным правилам («игра без правил» - это наивный взгляд на политику извне), нуж-

но отобрать кусок власти у власть имущих, удержать ее от наскоков других игроков и обменять в политическом торге на другие виды власти, обещающие наиболее быстрый рост ее объема. При этом подлинным политическим игрокам совершенно безразлично, чему или кому сопоставлена та порция власти, которой они располагают в настоящий момент: является ли она властью над Захолустьинским районом, подотраслью макаронного машиностроения, спецназом или театральными кассами. Власть ликвидна, т.е. пригодна для конвертации в любой вид жизненных благ.

Каждый из *субъектов* игры стремится превратить других игроков в *предмет* своих манипуляций, лишив их качества субъектности по отношению к самому себе. Например, неопытный шахматист в сеансе одновременной игры задумался над ходом в ладейном окончании, в то время как его соперник-гроссмейстер знает теорию эндшпиля, в которой весь класс таких позиций известен как стандартный. На этой доске игра уже закончена, началась *технология*: планы соперника больше не интересуют гроссмейстера, он по известному алгоритму, «на автомате» доводит партию до победы.

Более архаичным видом такой игры является *война*. Дополитическое бытие человека - «война всех против всех». Хотя и в современном мире, как известно, «война - лишь продолжение политики иными средствами». Универсальный ресурс, измеряющий выигрыш в этой архаической игре, - *сила*. Она определяется многими факторами. Среди них и грубая физическая сила воина, и качество его оружия, и совершенство используемого искусства единоборства, и массовость производства вооружений и амуниции, и плодородие земли, на которой проживает племя, поставляющее воинов. Сила зависит от того, построено ли войско «свиньей» или македонской фалангой, удачно ли стратегами выбираются оборонительные позиции, хорошо ли подкованы кони.

Как и в случае с властью, игра состоит в том, чтобы отобрать силу у соперника и превратить ее в свою.

Наконец, верхний, самый новый слой игры - это *рынок*, и эта игра ведется на *деньги*.

Первоначально «винтовка рождает власть», а власть приносит деньги. Но по мере развития политической, а затем и рыночной игры пирамида часто переворачивается: финансовые тузы становятся старшими в колоде, политики получают устойчивое звание «продажных», а мордовороты из силовых структур беспрекословно подчиняются рахитичным чиновникам.

3. Предположим, некто NN, зам. зав. отделом облисполкома, в результате серии блистательных политических маневров выигрывает

кресло первого секретаря Захолустьинского райкома партии. Казалось бы, можно торжествовать победу. Но тут выясняется пренеприятное обстоятельство, имеющее к политике самое отдаленное отношение. В районе катастрофически падают надои, что грозит NN утерей всех плодов победы и более того - концом политической карьеры. Существуют три возможных пути выхода из такой ситуации. Во-первых, можно окунуться в унылую проблематику производства, что не вызывает у NN, прожженного политика, никакого энтузиазма. Во-вторых, можно срочно включиться в смертельную схватку председателя облисполкома со вторым секретарем обкома партии на стороне последнего. В случае успеха новый председатель исполкома скорее всего вернет NN в прежнюю контору со значительным повышением, даже если в районе передохнет вся скотина. Наконец, в-третьих, если NN обладает тонким чутьем к новейшим идеологическим веяниям, он может инспирировать выдвижение рабочими Захолустьинского молокозавода нового трудового почина «До обеда - ни в одном глазу!». В таком случае в рейтинге районов он сможет компенсировать последнее место по линии сельхозотдела жирным плюсом в графе отдела пропаганды.

Так или иначе невозможно длительное время пребывать в чистой сфере борьбы за власть. В какой-то момент выясняется, что конкретная порция власти сопоставлена вполне конкретным производственным процессам или осуществляется во имя и в соответствии с мандатом вполне определенной идеи. И если эти процессы дегенерируют или идея исчерпывает свой потенциал, - власть усыхает как шагреневая кожа, хотя никто из политических противников впрямую на нее не покушается. И чтобы парировать эту угрозу, властолюбцу приходится то и дело спускаться в производственный подвал и карабкаться на идеологический чердак.

4. На эту же ситуацию можно посмотреть с другой стороны. После завоевания очередной порции силы, власти или денег победитель может поступить со своим выигрышем трояким образом. Либо использовать как форму присвоения результатов производства, то есть, грубо говоря, проесть. Либо вложить весь завоеванный ресурс опять в игру, то есть в расширенное воспроизводство самого этого ресурса: например, пустить все деньги в дело, не взяв ничего из прибыли себе и не заплатив дивидендов акционерам. Наконец, можно использовать весь выигрыш для достижения каких-то целей, лежащих вне как сферы производства, так и сферы борьбы за власть. Речь может, например, идти о меценатстве, возведении хрустальных мостов или паломничестве ко святым местам.

Профессиональный игрок в военные, политические или рыночные шахматы, не желающий видеть ничего, кроме своих ше-

стидесяти четырех клеток, постоянно вынуждается неумолимыми внешними обстоятельствами отвлекаться то в сферу вещей, то в сферу идей. И если ему чудом удастся приподняться над рутиной и задуматься о смысле этих бесконечных отвлечений, он может почувствовать, что его шахматная партия включена элементом в какую-то объемлющую ее, таинственную игру. Некто невидимый (а может, несуществующий) постоянно то ли ставит на нем эксперименты, то ли предлагает ему простенькие тесты: а ну-ка, посмотрим, что ты сделаешь со своим выигрышем на этот раз? Среди опытных игроков бытует убеждение (или предрассудок?), что от этого и впрямь может зависеть нечто большее, чем успех в последующих партиях.

Форма общения как бы расслаивается на три пласта. Средний, где она обращена на самое себя, выступает как чистая, самодостаточная игра, превращается в военное, политическое или рыночное «искусство для искусства». «Нижний слой», обращенный к формам производства, выступает как форма присвоения, собственность. «Верхний», обращенный к идеальному слою, оказывается формой отчуждения.

Но такое же расслоение характерно и для форм производства, и для форм сознания. В производстве выделяется три проблемных слоя: сфера поддержания (ремонта), функционирования и совершенствования производства. Нижний слой поддержания как раз и является чистым производством ради производства, производством, замкнутым на самое себя.

В слое форм сознания чистой, самодостаточной формой оказывается верхний пласт: форма сознания, обращенная на себя, выступает как самосознание общества. Пласт форм сознания, обращенный к формам общения, служит источником обычаев, норм и правил, регулирующих протекание военной, политической и рыночной игры. Пласт, обращенный к формам производства, задает цели и нормативы этого производства, невыводимые из его собственной логики.

5. В трагическом положении оказывается общество Второго мира, где происходит утеря преемственности власти и на поле политической игры оказываются новые команды игроков. И дело тут не в неумении - положение может даже усугубиться, если новички демонстрируют высокий профессионализм.

Субъективная логика власти и объективная логика выживания общества в этот момент совершенно не совпадают. Рассмотрим и то, и другое.

Новая команда политиков совершенно логично полагает, что ее главное дело – захват, удержание и укрепление власти. При этом она – опять же совершенно логично – рассматривает сферы произ-

водства и общественного сознания как фишки, рычаги или подручные средства в своей игре, не подозревая, что при этом рубит сук, на котором сидит, и пилит сук, за который держится.

Новая власть, одержавшая политическую победу и отразившая главные удары предшественников и соперников, абсолютно невменяема и глуха как к увещеваниям извне, так и к т. наз. «урокам истории». Современникам этот феномен хорошо известен под названием «гласность без слышимости». Новая власть воображает, что держит бога за бороду. Ощущения ее не обманывают, но в их интерпретации она ошибается. Держит она не бога, а самое себя, а то, что кажется бородой, таковой не является. Чтобы в этом убедиться, достаточно один раз сильно дернуть.

Если присмотреться к действиям власти с точки зрения логики общественного выживания, мы увидим несколько печальных взаимозависимостей. Первую я бы сформулировал так. Деструктивное воздействие власти на производство и на общественное сознание является быстрым и непосредственным, в то время как ответное деструктивное воздействие этих двух сфер на сферу политическую – более медленным и опосредованным. Но верно и обратное. Конструктивное воздействие власти на указанные сферы является сложным и опосредованным, в то время как их конструктивный ответ - непосредственным и достаточно зримым.

Это означает, в частности, что власть нуждается в относительно длительном периоде стабильности и отсутствия внешних угроз, чтобы понять эту и несколько иных простых истин. Такую, например, что именно она сама (а не какой бы то ни было внешний или внутренний супостат) является своим главным и смертельным врагом. Или такую, что сферы производства и общественного сознания не могут быть средством в политических играх, а являются автономными и самоценными, и чем лучше обеспечена эта автономия - тем больше шансов у общества (а значит, и у власти) уцелеть.

Чаще всего новая власть оказывалась абсолютно не в силах постичь столь сложные материи. Самообучение власти проходит по хорошо известному и прискорбному сценарию. Сначала она по неведению собственными руками ввергает общество и самое себя в смертельный кризис, платит за учебу разрухой, голодом и миллионами жизней и лишь затем - в случае, если преемственность власти все же чудом удалось сохранить, - ценой невероятных потерь кое-как нащупывает хрупкий баланс между тремя указанными сферами. Так, в частности, произошло и с партией большевиков.

Новая российская власть в этом смысле не является исключением. Не погрешив ни перед совестью, ни перед истиной, ей даже мож-

но высказать кучу комплиментов. Мы имеем дело с одной из наиболее высокообразованных и динамичных администраций в истории не только России, но и, может быть (чем черт не шутит), всего человечества. Она блестяще и почти бескровно разделалась с тугодумной и склеротичной предшественницей и со скоростью мирового рекордсмена движется по давно известному пути. В частности, она руками и ногами влезла в сферы производства и общественного сознания. И в первой и во второй она подготавливает свою гибель (вместе с обществом) стахановскими темпами. Если нам с вами удастся пройти через очередную катастрофу, потеряв большую часть территории, половину населения и девяносто пять процентов экономического потенциала, но сохранив при этом Чубайса (сиречь преемственность), тогда власть наконец-то, быть может, научится - среди прочего - отличать политику от организации, а рынок от экономики. Ибо первые являются формами взаимодействия борющихся субъектов, а вторые - формами разделения общественного труда. Что и говорить, это важные истины, и, лишь познав их (пусть даже такой ценой), власть сделает себя и уцелевшее население более свободными.

6. Классическая власть в архаическом обществе заключает в себе все на свете и в том числе три важных куста функций, связанных:

- с воспроизводством самой власти (захватом, удержанием, обменом и т.д.);

- с манипулированием предметом, которому эта власть сопоставлена (например, Захолустьинским районом или подотраслью машиностроения);

- с целеполаганием, каковое должно объяснять местным властям и трудящимся Захолустьинского района или подотрасли машиностроения, что именно они должны делать со своим районом или подотраслью.

Традиционно все эти функции были сконцентрированы в одном месте, и все пертурбации во власти имели форму битв под ковром. Это как бы была «власть в себе», и указанные ее функции по отдельности со стороны не были различимы.

Постепенно, по мере развития общественного разделения труда, начинает вычленяться функция овладения предметом и выясняться ее особость. Приведу пример.

Министерский пост в министерстве транспорта - очень существенная часть политической власти. (Не случайно член Политбюро Каганович был министром транспорта.) Министр транспорта (как и любой другой министр), во-первых, должен владеть искусством борьбы за власть: приемами ее захвата, сохранения и конвертации. Это умение включает комплекс таких методов, как, к примеру, за-

ключение временных союзов и своевременный выход из них, делегирование полномочий, которые невыгодны (с тем чтобы этот участок «завалил» кто-то другой), ведение пропагандистских кампаний, аппаратные интриги... Министр должен обладать коварством, способностью к обману и пр.

Однако, во-вторых, чтобы быть министром транспорта, министр должен знать хоть что-то про транспорт или иметь советников-специалистов, ибо, если случится пара катастроф на царском поезде или спецпоезде Политбюро, если разобьется слишком много самолетов и т.п., министр тоже может поплатиться своим постом.

Эти две функции, вообще говоря, никак не связаны между собой. Министр как борец за власть и министр как специалист по транспорту - вещи разные.

Но есть еще и третья функция, которую пытаются взвалить на несчастного министра. Он должен понять, что в принципе нужно делать с транспортной сетью, ибо исходя из одних и тех же ресурсов, выделенных ему на основании решений Политбюро, можно делать совершенно разные вещи. Можно целиком и полностью приспособить транспортную сеть под нужды международного туризма как источника валютных поступлений. Можно превратить ее в сеть рокадных дорог, ведущих к потенциальной линии фронта. Можно осуществить программу электрификации и вытеснения паровозов электровозами. Можно перейти с широкой колеи на узкую, европейскую. Все эти программы равноценны в том смысле, что каждая из них заберет все ресурсы и принесет определенную пользу. Однако вопрос, какую из них предпочесть, лежит как вне сферы борьбы за чистую власть, так и вне сферы компетенции работника транспорта, хотя тесно с ними связан. Ведь выбор удачной или неудачной цели сопряжен с мобилизацией ресурсов, а также с лозунгами, откликом масс, с имиджем министра и т.д.

По мере развертывания реформ на транспорте выясняется, что предметники знают многое о предмете, кроме одного - что с ним, собственно, надо делать. Осознание этого факта приходит крайне медленно. Дифференциация этой функции запаздывает. Пока лишь спонтанно осознается, что чего-то не хватает. Это что-то называется идеей, программой.

Конечно, примитивизм ситуации, в которой мы находимся, диктует примитивизм интерпретации сказанного. Все вспоминают, что в ЦК КПСС был Общий отдел, где осуществлялось таинство самой власти, были отделы Оборонной промышленности и прочие, занимающиеся предметом, и был Идеологический отдел, занимавшийся целеполаганием...

Новая власть по старой привычке пытается породить программы и идеи из себя, поскольку традиционно в нашем царстве-государстве на высокую трибуну всходил генсек и их озвучивал («надо построить БАМ», «надо создать материальную базу коммунизма» и пр.). Последним, кому это удавалось, был Андропов. С тех пор появление власти в роли целеуказателя вызывает сначала сдержанные смешки, которые потом переходят в гомерический хохот. Еще не отрефлексировано - почему, но уже осознается, что так поступать нельзя! Идут лихорадочные поиски, кому поручить интеллектуальное обеспечение функции целеполагания, выдвижения программ.

Сейчас мы находимся в начале процесса, конец которого может выглядеть как вычленение функции целеполагания в явном виде, ее институциализация и осознание того, что этот институт не совпадает ни с институтом политической власти, ни с институтом производства (включающим специалистов-предметников и разнообразных экспертов). Его надо куда-то поместить. Попытки приткнуть его в существующие политические институты ни к чему, кроме курьезных ситуаций, не ведут.

Вопрос о том, что делать с функцией целеполагания, исключительно важен, ибо с переходом в Постзазеркалье (из индустриальных в постиндустриальные общества и миры) мы попадаем в совершенно другое социальное устройство, где эта функция должна существовать иначе.

Здесь необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, классическая точка зрения на целеполагание состоит в том, что сначала необходимо исследование, глубокое погружение в предмет и его имманентные тенденции, и лишь потом на этой основе (может быть, через несколько поколений) осуществится целеполагание в отношении данного предмета.

Я хочу противопоставить этому другую точку зрения, радикализировав ее и доведя до смешного, чтобы она была ясна. А именно: целеполагание и исследование просто не имеют к друг другу никакого отношения, абсолютно никак не связаны и обращены на совершенно разные пласты бытия. Поэтому целеполагание не следует за исследованием, не предшествует ему, — они всегда идут в обществе параллельно. Потом между ними возникает сложное взаимодействие.

Целеполагальщики не имеют представления об обществе. Они живут, «под собою не чуя страны». А предметники рационально, на блестящем уровне знают общество или его подсистему, но почему-то никак не могут внятно сказать, что же с ними делать.

Во-вторых, когда мы занимаемся такими вещами, как цели, ценности, идеи, мы как бы выступаем в роли специалистов-пред-

метников по целям и ценностям. Говоря о них, мы примериваем знакомую одежду аналитиков, используем те же понятия, что и в разговоре о структуре промышленности, социальной стратификации и т. п. Но следует помнить, что взаимоотношения с идеями и ценностями — вещи в принципе другой природы, которые почти не рефлексируются.

Я просто констатирую, что слой рационализирующего, понятийного мышления в человеке выше и новей, чем слой ценностный. Поэтому обратная рефлексия имеет ограниченный характер. Мы обнаруживаем в себе ценности раньше, чем получаем способность их обсуждать. Поэтому попытки их рационального сравнения с целью выяснить, какая из этих ценностей подходит больше, какая меньше, какая оптимальнее, — как правило, не удаются. Людям, конечно, нельзя запретить это обсуждать, однако надо отдавать себе отчет, что мы сталкиваемся с феноменом не только не концептуализированным, но даже доконцептуальным.

ИДЕЯ ВЛАСТИ

Существует глубокий разрыв между идеалистическим представлением о власти как об институте, занятом решением проблем функционирования, воспроизводства и развития общества, и реалистическим, «циничным» - как о замкнутом, самодостаточном процессе перманентной борьбы за власть.

1. У нас в обществе бытует слишком высокий стандарт ожиданий относительно принимаемых властными структурами решений и их результатов. Ожидай мы, что власть будет вести себя как какой-нибудь мрачный латиноамериканский диктатор - захватит столицу, «прищучит» всех и вся, наложит лапу на все прибыльные места и будет сидеть, как собака на сене, - таких драматических коллизий между тем, что происходит, и тем, что ожидается, не было бы. Но мы все еще живем в мире представлений, что Россия - великая держава, что державная власть почти не ошибается (последнее связано и с тем, что наши газеты раньше не писали об ошибках), и поэтому с чрезмерным пристрастием следим за происходящим, поэтому каждый неверный шаг властей сопровождается свистом, улюлюканьем и веером разнообразных оценок и интерпретаций. Это - субъективный фактор.

Однако есть и объективная сторона ситуации. Если предположить, что наша власть должна решить почти нереальную задачу - остановить обвал, удержать страну на грани Третьего мира, не дать ей в него свалиться, остановить развал промышленности, падение престижа, разобраться с системой национальных интересов, предотвратить разбегание территорий и пр., - если мы этого ждем от

власти, значит, мы ждем очень высокого, невероятно изощренного качества принятия политических решений.

В западных обществах сложилась совершенно другая культура власти. Там власть, помимо способности захватывать и удерживать рычаги власти, имеет еще некоторые свойства и качества, позволяющие ей вырабатывать содержательные политические решения проблем, встающих перед обществом. Точнее, там уже выработалась система *складывания* решений. То есть процесс, который выглядит снаружи как принятие решения, является «изнутри» процессом просвещенного самоуправляемого складывания результирующего вектора системы интересов с учетом ситуации. В таких обществах, даже если решение принимается не вследствие сознательных шагов властей, а является результатом сложного торга, «устаканивания», баланса сил, все равно общество застраховано культурой власти, ее преемственностью от грубых ошибок.

Наше общество в неизмеримо большей степени зависит от сознательно вырабатываемых решений, чем те социумы, которые развиваются эволюционным путем. У «них» идет процесс органичного целостного роста, где в принципе особых решений не требуется, и в каждый момент, когда нужно что-то решать, выясняется, что общество уже созрело для того, чтобы решение встающей проблемы сложилось «само» как результирующая интересов разнообразных сил, в том числе гражданского общества и власти. Мы же все время развиваемся по циклу: стагнация, - отставание, - Крымская или русско-японская война, - внешний вызов, - авральные сроки, - реформаторские усилия центральной власти, которая призывает Столыпина или руководится непосредственно царем-реформатором типа Александра II, - лучшие умы садятся и срочно начинают думать, какие драматические шаги надо предпринять, - вырабатываются и проводятся в жизнь решения, - выясняется, что жизнь страны не такова, как реформаторы себе представляли и т.д.

Сейчас масштабы вызова и соответственно количество и качество необходимых решений беспрецедентны. Вряд ли в нашей предыдущей истории можно найти подобный порог. Ситуация требует от нашей власти способности быстро и в большом количестве принимать очень качественные решения. Вместе с тем наша власть, как всякая традиционная власть, к этой задаче никакого отношения не имеет[1].

2. У власти находятся люди, специализирующиеся не на решении каких-то там проблем, а на *власти как таковой*, т.е. на ее захвате, удержании, приумножении, купле-продаже, конвертации

[1] Сказанное здесь и ниже относится почти в равной степени к доперестроечной, перестроечной и «демократической» генерациям власти.

и пр. Кто это сказал, откуда взялись какие-то там несчастные «решения», которые якобы надо вырабатывать? При необходимости - в пропагандистских целях, чтобы газетчики или ученые отвязались, - власти покивают, что их, конечно, надо вырабатывать. Но сами решения являются для них лишь шагом, отвлекающим жестом, фишкой в этой игре, главная и единственная цель которой - захват, удержание и конвертация власти.

Профессиональные аппаратчики, сотрудники «общих отделов» и «секретариатов» будут утверждать, что процесс принятия решений разработан, регламентирован и неуклонно осуществляется. Однако они при этом имеют в виду нечто совершенно другое: процедуру «визирования» проектов указов, законов и прочих документов.

Что процессы решения проблем *как таковые*, онтологически могут рассматриваться как существующие; что есть дисциплины и на Западе, и у нас, которые сорок лет занимаются исследованием и проектированием процессов выработки решений; что есть целая наука - системный анализ со всякими там «деревьями альтернатив», критериями отбора, функциональными понятийными схемами, помогающими принять решения; и что вообще это имеет какое-то отношение к власти - про все это наша власть не знает.

Итак, я констатирую ситуацию. С одной стороны, существует нечто, называемое властью, по отношению к которой обществом предъявляется требование вырабатывать с очень высокой скоростью в большом количестве чрезвычайно качественные решения, т.е. организовать некую фабрику по выработке решений экономических, политических, социальных и других внутренних и международных проблем, - если только мы действительно хотим выстоять перед лицом нынешнего вызова и не свалиться в Третий мир. С другой стороны, имеется реальная власть традиционного типа, которая представляет чехарду команд специалистов-практиков по борьбе за власть. Для них всего этого мира просто не существует: никаких решений, выработки их, критериев, альтернатив. Для них все это - умствования аналитиков, некий посторонний идеалистический взгляд, требующий от власти того, чем она не умеет, да и не желает заниматься.

Власть с неудовлетворением обнаруживает, что от нее требуется что-то делать со сферой производства и сферой общественного сознания, находящимися «извне» сферы ее непосредственных интересов. За последние три года это «столкновение с предметом» все время отодвигалось «на потом». Каждый раз, когда власть традиционного типа оказывается перед необходимостью принять какие-нибудь решения (политические, экономические, социальные, по национальным вопросам), она ухитряется организовать шумную кампанию по

выявлению сил зла, против которых она должна бороться, спасая отечество. О каких, к примеру, реформах может идти речь, если не устранен еще заговор красно-коричневых (экстремистов-монетаристов)? Это позволяет власти почувствовать себя в родной стихии, отвлечь внимание всех ожидающих от нее каких-то «решений».

В случае крупных провалов очередная кампания по борьбе с силами зла, с оппозицией и пр. позволяет увернуться от проклятых вопросов: кто конкретно принимал решение по данной проблеме? кто его готовил? кто за него отвечает? Ни разу еще вопрос, поставленный в нашем обществе относительно подобных материй, не получал сколько-нибудь определенного ответа. Попытки парламента, каких-то общественных структур организовать комиссии по выявлению лиц, принявших то или иное дурацкое решение, проваливаются не потому, что есть тайный заговор власти по пресечению подобных расследований, а потому, что невозможно найти никаких следов процессов выработки решений - их просто нет в природе! «Выработка решений» - это социологический идеальный тип, абстракция. Погружение ее в наши реалии ничего не дает: никто не пытался составить полный перечень альтернатив, никто не выдвигал критериев, никто не осуществлял анализ и выбор по этим критериям в соответствии с принятой технологией...

> *Конечно, при соотнесении данной абстрактной картины с реальностью сразу было бы необходимо вносить поправки. Так, в ситуации «догоняющего» развития в недрах традиционной власти постоянно возникают островки и подсистемы нормативно спроектированных процессов решения проблем. Это в большей степени касается ВПК и армии, но почти не затрагивает собственно политическую власть из-за специфической закрытости ее сферы выработки решений. Однако здесь я решаю совершенно другую задачу — с максимальной четкостью и контрастностью обрисовать соответствующие «идеальные типы».*

Проникни мы вдруг сейчас телепатическим способом в мысли помощников, советников, вице-премьеров и даже страшно сказать кого еще, нам это совершенно не помогло бы ответить на вопрос, каким же, черт побери, образом все это так получилось и кто принял это решение. За сутки в коридорах власти происходят тысячи разнообразных встреч, бесед, совещаний, стычек, интриг, по ходу которых стихийно складывается то, что внешне выглядит как принятие кем-то решения. А в конце концов Кутузов сидит в избе под Филями, чешет свою седую голову и думает: «Где же и когда же это все случилось? И как же это я все это допустил?»

3. Каковы возможные сценарии разрешения этой коллизии? Условно можно назвать три.

А. Непонятно откуда взявшиеся требования о том, чтобы наша власть оказалась на высоте абстрактного идеалистического стандарта системы выработки решений, повиснут в воздухе, а общество провалится в Третий мир. При этом обвал будет невероятным, потому что наше общество отличается от стран Третьего мира по целому ряду аспектов, и прежде всего по уровню ожиданий (не только по присущим нашим людям потребительским моделям, но и по представлениям о стране, о ее месте в мире, о том, что общество вправе требовать от власти и т.п.).

Б. Весь мир, встав на цыпочки, чтоб не спугнуть наши реформы, замрет в ожидании на 200 - 300 лет, как и все крикуны-оппозиционеры внутри страны, покуда в России естественным путем не возникнет легитимная власть западного типа и соответствующая ей политическая культура, т.е. покуда в обществе, в институтах власти эволюционным путем не выработаются механизмы складывания политических решений.

В. Если некто ждет от власти, что она наладит фабрику выработки политических решений, адекватных ситуации и нашим ожиданиям, то им должно быть ясно: это означает, что нынешняя система институтов и технология власти должна быть заменена другой. Новое социальное устройство мы, конечно, тоже можем пожелать называть словом «власть», но это будет нечто качественно иное.

Это означало бы переход из нынешнего состояния нашей культуры в некую *метакультуру*, где от лиц, включенных в систему принятия решений, уже не требуется способностей к борьбе под ковром, популистским жестам, организации тайных коалиций и т.п. От них требуется совершенно иное - высокий уровень социальной ответственности, выражающийся прежде всего в способности организовывать процесс выработки решений, осуществлять его, надзирать за ним, воплощать в жизнь эти решения.

4. «Идеальные типы» обществ связаны между собой вполне определенными соотношениями, аналогичными отношениям между элементами Периодической таблицы, гомологическим рядам или «разрешенным переходам» в квантовой механике. В частности, каждому типу власти соответствует вполне определенная форма производства и форма общественного сознания. Кроме того, для каждого идеального типа может быть указан спектр возможных переходов к другим идеальным типам, а прочие переходы практически нереализуемы.

Таким образом, используя введенные выше понятийные различения, можно сформулировать следующие выводы относительно институтов власти.

Перед российской властью сегодня - три возможных пути: *консервация*, *модернизация* и *трансформация*.

А. При *консервации*: власть спасает, закрепляет и налаживает воспроизводство самое себя как Власти — верховного уклада общества Второго мира. В сфере форм производства в этом случае предстоит возврат к той или иной разновидности централизованной организации «народного хозяйства». В сфере форм сознания - реставрация религиозной надстройки в виде православного или коммунистического фундаментализма.

В обществах Второго мира власть в качестве доминирующего уклада готова допустить «рынок» только в рамках перманентного НЭПа: днем, в рабочее время контролируемые Властью бизнесмены могут разъезжать в лимузинах, играть в корпоративные захваты и рынки ценных бумаг, - но к вечеру «карета обязана превратиться в тыкву». Сдав всю «прибыль» (скажем, в форме налогов или просто бандразверстки), они могут получить за это зарплату и премиальные, не превышающие оклад «курирующего» их чиновника... Фактически в этих обществах «банкир», «биржевик» и т.п. просто должны входить в «номенклатуру ЦК».

Б. При *модернизации*: власть инициирует и всячески поощряет и насаждает (как путем всесторонней либерализации, так и через политику широкого заимствования форм из стран Первого мира) качественное системное преобразование общества - переход из Второго мира в Первый.

Однако, если даже опустить все трудности подобного перехода в сфере форм производства и форм сознания, глубочайшую коллизию при этом должна пережить сама власть. В обществах Первого мира над *политикой* доминирует *рынок*, власть подчинена деньгам. Кроме того, сама власть там претерпевает формационное преобразование, превращаясь из харизматической в легитимную. Поэтому властвующая элита в ходе модернизации должна либо целиком отдать свои полномочия контрэлите - субъекту модернизации, либо легитимизироваться и добровольно пойти на роль уклада, подчиненного рынку, либо, наконец, сама чудесным образом преобразиться из политической элиты в финансовую.

Конечно, можно сказать, что подобного сорта системные преобразования обществ естественны, органичны: ведь они каким-то образом уже не раз имели место в истории. Все нынешние страны Первого мира не свалились в готовом виде с небес, а в ходе эволюционно-революционных процессов возникли из обществ Второго и Третьего мира. Однако этой точке зрения можно противопоставить противоположную: все общества, которые в состоянии были в ходе

истории эволюционным путем перейти из Второго мира в Первый, уже сделали это. Нынешние страны Второго и Третьего миров содержат в себе мощные культурные и традиционные механизмы, тормозящие такой переход. Модернизация же подразумевает нечто совершенно отличное от эволюции: *сознательно направляемый сверху и/или из-за рубежа* перевод общества *в исторически короткие сроки* из Третьего или Второго мира - в Первый, *в условиях, когда он уже существует* (как источник моделей и образцов для подражания, готовых форм для трансплантации, идеологического обеспечения и материальных ресурсов).

Все известные случаи успешной «модернизации», на которые ссылается одноименная теория, относятся к периоду после второй мировой войны. Однако разбирательство с каждым из них по существу, по всей видимости, показало бы, что в большинстве случаев следовало бы говорить *не о модернизации, а о трансформации*, то есть о переходе не к обществу Первого мира, а непосредственно к обществу, в котором доминирует один из постиндустриальных укладов.

Побочные эффекты модернизационной политики вполне могут по своим последствиям перевесить успехи на главном направлении: например, неизбежное ослабление слоя-уклада Власти ведет не только к усилению уклада Денег (вышележащего на эволюционной лестнице форм деятельности), но и к пропорциональному или даже опережающему разрастанию архаического уклада Силы. Угроза бандократии - при определенных обстоятельствах закономерный продукт модернизации обществ Второго мира.

В. При *трансформации*:

Власть преобразуется в Метавласть - сознательно спроектированный и рационально построенный механизм принятия решений. Политика как стихия «естественного отбора» носителей власти шаг за шагом вытесняется системой выращивания и отбора лиц, принимающих решения (ЛПР) и обладающих для этого необходимыми качествами, - вполне определенными способностями и уровнем социальной ответственности, - заменяющими иррациональную «харизму».

Стратегия модернизации и последующей «постиндустриализации» означает преодоление пропасти в два приема, в то время как трансформация означает, что через пропасть перебрасывается мост из творчески заимствуемых форм индустриальных и постиндустриальных обществ. Трансформация применительно к российскому обществу соответствует переходу из Второго мира не в Первый, а в «Пятый», в мир Посткультурных обществ.

Трансформация - это процесс, принципиально не замкнутый в рамках государственных рубежей. При этом на начальных ее этапах неизбежно вытеснение экономического и метаэкономического укладов за национальные границы, в пространство мирохозяйственной системы. Об обстоятельствах такого вытеснения сказано кое-что в Приложении.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИДЕОКРАТИЯМ

Роковой промежуток между двумя мировыми войнами - особое, *межисторическое* время. Не случайно почти одновременное появление именно в этот момент целого ряда различных вариантов тоталитарной *идеократии*. Имеется в виду прежде всего российский большевизм, итальянский фашизм, германский нацизм и тэнноизм в Японии.

То был первый толчок грядущей трансформации, зарождение и прорыв в реальность - на стыке Первого и Второго миров - элементов и укладов Пятого мира, метакультурного, «технотронного» будущего. Но бесчеловечные формы и катастрофические последствия этого прорыва надолго демонизировали идеократии, воздвигли труднопреодолимые психологические барьеры на пути их объективного исследования. Эти барьеры сохраняются и по сей день. Они должны быть осознаны и сняты. Ниже названы некоторые из них.

А. Всякий разрыв исторической ткани открывает путь не только для вторжения сил хаоса, но и для творчества новых форм деятельности. Однако для идентификации новых форм, которые несли в себе «идеократии», не было адекватных понятийных средств.

Б. Всякой устоявшейся исторической форме свойственно трактовать себя в качестве единственно разумной, максимально гуманной, общечеловеческой и в пределе - окончательной (эффект Фукуямы). Всякая новая, эволюционно более высокая форма стремится подчинить все предыдущие себе и воспринимается ими как смертельная угроза и воплощение сил зла.

В. Всякая новая форма действительно может стать воплощением сил зла, сил добра или тех и других частично и/или попеременно. Но это зависит не от свойств формы самой по себе, а от обстоятельств ее появления на свет и конфигурации борющихся вокруг нее сил. Примером может послужить амбивалентность таких понятий, как «электричество», «капитал» или «генетика». Что полезно - то опасно, и наоборот[1].

[1] Эту фразу я часто слышал от С.П.Никанорова.

Главной чертой, отличающей идеократии от архаических форм власти Второго мира, было особое качество, новый тип отношений между Властью и Идеей, принятие властью идеи внутрь, в качестве своей интимной сердцевины, и сознательное хождение идеи во власть с целью самореализации.

Два основных препятствия не позволили развить это новое качество до новой, жизнеспособной формы и обусловили злокачественное перерождение и гибель первых ростков трансформации.

Со стороны власти - то, что она не смогла выйти за рамки собственной архаической формы, не превратилась в *метавласть*, сознательно конструирующую самое себя как процесс решения проблем общественного развития. Власть так и не смогла превратить себя в предмет собственной деятельности. В частности, старый механизм ротации кадров через «естественный отбор» политической, партийной, фракционной борьбы был разрушен, а попытки построить новую систему «выращивания и выдвижения кадров» - в отсутствие объективных критериев и требований со стороны процессов принятия решений – привели к известным результатам.

Со стороны идеи - исторически и социально обусловленный примитивизм самой идеи, ее архаичная, неконструктивная форма. Наличия идеи для достижения метаисторического качества недостаточно, необходима *рефлексия* идеи по отношению к самой себе. Это означает, что в составе Идеи должны выделяться и функционировать *идея идеи*, *идея производства* и *идея власти*.

В результате и само новое качество взаимодействия Власти и Идеи осталось неотрефлектированным, их специфические роли - непроясненными. Вместо создания новой формы этого взаимодействия произошло его замещение зеркальной, архаической формой, нерасчлененным воплощением власти-идеи в сакральной фигуре генсека, дуче, фюрера, императора-тэнно. Механизм такого предысторического замещения вообще доминировал при формировании идеократий. Постиндустриальный уклад, зародившись в многокомпонентном социальном растворе начала века, не находил там адекватных элементов для своих свободных валентностей и поневоле обрастал их архаическими двойниками из предыдущих строк менделеевской таблицы.

Но катастрофическая попытка трансформации, прорыва отдельных социумов из Второго мира в Пятый катализировала массовую трансформацию Третьего мира в Четвертый, постиндустриальный. В его теле, в свою очередь, теперь созрели элементы, ткани и готовые уклады обществ грядущего, Пятого мира. Новый век, опирающийся на эти материальные и духовные островки будущего, наученный горьким опытом ранних идеократий, может стать веком новой Трансформации.

ПРИЛОЖЕНИЕ[1]

НОВЫЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ РУССКИЕ ТЕСТО ДЛЯ МАНИФЕСТА

1

Процесс распада того, что было российско-советской империей, сверхдержавой номер два, неуклонно продолжается. Возникает впечатление, что евразийский гигант обречен на атомарный распад, аннигиляцию, физическое исчезновение с карты мира.

Однако, как установили еще Лавуазье с Ломоносовым, ничто материальное не исчезает бесследно. Так и российско-советская империя, рассыпаясь, завещает преемникам свою мощь воплощенной в уникальном человеческом материале. Энергия распадающихся связей одного из наиболее сложноорганизованных обществ в истории не могла просто испариться, значительная ее часть преобразовалась в богатейший личностный потенциал миллионов бывших граждан СССР. Это целый социальный слой с высоким образовательным уровнем, сочетающий профессионализм и практические навыки с широким кругозором и эрудицией. Это личности, для которых характерны гибкость, открытость, высокая рефлексивность, привыкшие постоянно приспосабливаться, изворачиваться и отыскивать новые ходы в борьбе с изощренной административной системой. Это люди, не понаслышке знакомые с современной культурой и постиндустриальными технологиями, но при этом свободно выживающие в условиях, по западным стандартам экстремальных.

Значительному большинству этих людей просто нет места в постсоветской России. В этих условиях многие предпочли прямую эмиграцию, многие ушли в подполье теневой экономики. Самые энергичные, образованные и независимые ринулись во вновь открывшуюся сферу легального «бизнеса».

Однако устройство нового российского бизнеса таково, что всякое предприятие, едва выросшее из кооперативных пеленок, оказывается перед жестким выбором. Либо оно должно идти на поклон

[1] Этот незаконченный текст-сценарий одной из возможных альтернатив развития представляет собой конспект идей, обсуждавшихся с С.В. Кугушевым, и был подготовлен еще в 1993 году. Отсюда и осторожность в формулировании ряда тенденций, которые сегодня, спустя два года, уже вполне очевидны.

к корпоративным, аппаратным и мафиозным структурам, платить разнообразную дань и выкупать «квоты» и «лицензии». Либо шаг за шагом переносить свою активность за рубежи России, где только и существуют нормальные условия для бизнеса без кавычек.

Наиболее динамичный и талантливый слой молодых российских предпринимателей давно уже сделал выбор в пользу второго варианта. Пройдя через детские ясли бартера, совместных предприятий и «оффшоров», они выходят на просторы мировой экономики. Здоровое ядро нового российского бизнеса, ныне вынужденно «отчуждаемое» вовне, в мировую экономическую систему, способно интегрироваться в элиту международного бизнеса; в такой форме российско-советская империя имеет шанс спасти важную часть своего потенциала, которой сегодня не в силах распорядиться, как бы отдав ее «в кредит» на Запад и сохраняя возможность получить назад с колоссальными процентами. Но такой кредит сопряжен с риском, он способен обернуться потерей - и на сей раз уже окончательной - наиболее ликвидной части общественного капитала.

2

Каковы же их отношения с отечеством, с которым они стремятся сохранять экономические или хотя бы просто человеческие связи? Здесь они рассматриваются как отщепенцы и выскочки, на которых косо смотрят нищие сограждане, которых стремятся ободрать налоговые и таможенные службы, к зарубежным счетам которых проявляют неослабный интерес Минфин, компетентные органы и крепнущая мафия... Это сегодня. А завтра отечество может провалиться в болото вековой стагнации или просто рассыпаться в пыль, оставив их в положении невольных космополитов, лиц без родины, гражданства и национальности.

Но вынужденный космополитизм не только грозит в перспективе исковеркать судьбы детей, родных и близких новых российских предпринимателей, но и может обернуться конкретной упущенной прибылью уже сегодня и завтра.

Во-первых, что достаточно очевидно, в условиях, когда Россия становится всепланетным очагом нестабильности, тараканьим рассадником мафии, новым эльдорадо наркобизнеса и т.п., российское происхождение превращается в визитную карточку весьма дурного свойства и грозит наглухо закрыть ее невольным предъявителям путь в приличное общество и цивилизованный бизнес.

Второе обстоятельство менее очевидно, но гораздо более важно. На ранних этапах интеграции в мировую экономическую систему,

в условиях весьма жесткой конкуренции и сопротивления, с которым неизбежно сталкиваются новички, они особенно нуждаются во взаимопомощи и опоре друг на друга. Речь идет не о какой-то мафиозности или национализме, а о том мощном потенциале, о той естественной основе для взаимодействия, которые обусловлены их причастностью к одной из мировых культур - российско-евразийской. Если Россия переживет нынешний кризис и сохранится как полюс притяжения, очаг исторической и культурной общности, как ядро личностной самоидентификации - это станет катализатором успеха транснациональных корпораций и финансовых империй, создаваемых новыми российскими предпринимателями, даст им естественную почву для сотрудничества. В противном случае российско-евразийское происхождение оставит на каждом из них пятно прокаженного, послужит силой взаимного отталкивания.

Вот почему невольные российские «космополиты» жизненно заинтересованы не только в том, чтобы сохранять связи с родиной, но и в том, чтобы все активнее вмешиваться в идущие там процессы. По мере роста своих финансовых и иных возможностей они могут и должны оказывать возрастающее воздействие на становление новой интеллектуальной, духовной и творческой элиты, формирование ее силами общественного самосознания российско-евразийского суперэтноса и создание на этой основе новой социально-политической и экономической общности.

3

В свое время крохотная кучка «диссидентов» - буквально несколько десятков человек, - не обладающая ни властными, ни экономическими рычагами, в опоре на западное общественное мнение смогла противостоять мощи целой советской империи. Правда, не стоит забывать, что их влияние оказалось в основном деструктивным. Воздействие скоординированной группы «транснациональных» российских предпринимателей, обладающих мощными экономическими рычагами и значительной свободой действий, может оказаться неизмеримо большим и при этом вполне конструктивным.

Если пуповина связей новых российских предпринимателей с родиной не будет до конца перерезана, взаимоотношения с ней могут сложиться более взаимовыгодным образом. Как некий идеальный сценарий (перспективы которого пока просматриваются с трудом) можно представить себе такую стратегию достойного вхождения России в мировую экономику XXI века, в которой основная ставка сознательно делается именно на «транснациональных русских». При этом есть возможность серьезно потеснить идею «заго-

вора зарубежных толстосумов», традиционно искушающую российское подсознание. Клин можно вышибить клином! Как привлечь действительно эффективные зарубежные инвестиции? Это должны быть инвестиции «транснациональных русских»! Как уберечься от угрозы (действительной или мнимой) скупки национальных богатств зарубежным капиталом? Это должен быть капитал «транснациональных русских»! Как отечественному бизнесу выстоять в борьбе с зарубежным? Перенести центр борьбы за рубеж!

Для того чтобы отношение российского общества к своим блудным экономическим вундеркиндам могло претерпеть радикальную эволюцию, необходимо серьезное вмешательство «транснациональных русских» в формирование общественного самосознания. Речь идет о долговременном альянсе новых российских предпринимателей с уцелевшими представителями интеллектуального, духовного и творческого сообщества России. При этом светлые цели и идиллические сценарии можно оставить на потом. Ближайшие задачи такого альянса могут и должны быть весьма прагматическими. Чтобы уяснить, в чем они состоят, полезно ответить на несколько вопросов.

4

В чем секрет успехов «транснациональных русских»?

В отличие от традиционных *бизнесменов*, включающихся в уже накатанные формы деятельности, играющих по установившимся правилам (даже в случае экспансии-диверсификации), это *предприниматели*, т.е. создатели новых схем деятельности на материале сложившихся экономических и юридических форм. Это как бы бизнес не на традиционных экономических функциях, а на первой производной от них. Сегодняшний российский котел, в котором наряду с махинаторами и авантюристами вываривaются экономические новаторы и изобретатели новых форм, создает более подходящие, чем на Западе, условия для развития соответствующих конструкторских способностей. И если человек, обладающий такими способностями, вырывается на просторы мировой экономики, то его последующие успехи - для него лишь вопрос овладения материалом, т.е. классическими формами бизнеса.

Существенно ли для новых схем, изобретаемых «транснациональными русскими», задействование элементов российской экономики, - или они могут быть чисто зарубежными?

Если для классических *бизнесменов* основной формой деятельности является конкурентная борьба в рамках своей экологической ниши, для *дельцов* теневой экономики - лоббирование в структурах власти и использование механизмов коррупции, то для *предпринимателей* все большее значение приобретает «игра» с существующим

экономическим законодательством. Государственное регулирование всегда адресовано уже известным, сложившимся формам деятельности, нацелено на их взаимное ограничение, налогообложение и т.п. Новая предпринимательская схема может оказаться «невидимой» для них и, формально не нарушая никаких правил, свободно обводит защитников и посылает мяч в ворота. Изобретение подобных схем тем сложнее, чем более плотной является ткань законов, чем выше культура и опыт законодательных органов и чем динамичнее их реакция на появление нового. В этом отношении Россия представляет собой сегодня подлинный Клондайк для предпринимателей. С другой стороны, для российских законодателей характерны внезапное шараханье и шулерские приемы. В таких правовых катаклизмах целые сферы бизнеса могут внезапно затонуть, как Атлантида. Поэтому предпринимателям, действующим здесь, необходима система аварийной эвакуации капитала за законодательную границу и быстрого его возвращения по мере необходимости.

Но чем и как «транснациональные русские» могут быть взаимно полезны? Захотят ли (и смогут ли) они друг другу помочь в сфере бизнеса?

Классический *бизнесмен* выигрывает или проигрывает в зависимости от того, насколько эффективно он владеет своей (как правило, единственной) формой деятельности в сравнении с другими носителями той же формы. *Предприниматель* же выигрывает в зависимости от того, насколько разнообразен арсенал традиционных форм, которыми он владеет, и насколько быстро и хорошо он умеет сооружать новые формы из этого конструктора. Получающиеся при этом новые формы добавляются к традиционным в качестве дополнительных элементов конструктора, расширяя тем самым арсенал предпринимателя.

Настоящим предпринимателям легко понять, что обмен изобретенными схемами принес бы им колоссальную выгоду, даже если бы был не вполне «эквивалентным» (скажем, десять простых схем за сто изощренных). Но построить суперсхему такого обмена - дело непростое и чрезвычайно деликатное по целому ряду причин. Во-первых, это индивидуальные ноу-хау, на которых базируется предпринимательский успех и которые не защитить патентами. Во-вторых, желательно, чтобы их секрет раньше времени не просочился к законодателям... И здесь принадлежность к единой культуре, общность происхождения и опыта являются хотя и не достаточными, но необходимыми условиями для взаимопонимания и сотрудничества. Другим, решающим условием налаживания обмена схемами на регулярной основе может стать его специфическое интеллектуальное обеспечение...

5

С учетом сказанного выше насколько эффективна может быть интеллектуальная поддержка предпринимательству «транснациональных русских»?

Обыденному сознанию представляется, что видимое экономическое пространство плотно заселено и борьба за его передел давно окончена. Но пространство *сознательно конструируемых форм и схем деятельности*, открытое лишь интеллектуально-вооруженному взгляду, устроено совершенно не так. Оно не совпадает с классическим членением мирового хозяйства на «национальные экономики», «рынки сбыта» и «отрасли промышленности». В нем есть не только незанятые экологические ниши, но и громадные зияющие пустоты, где возможны новые суперэффективные предпринимательские схемы, не нарушающие букву закона. Привлечение специальных интеллектуальных средств может поставить проектирование новых бизнес-схем на поток, то есть от первой производной традиционных экономических функций перейти ко второй и последующим. [...]

КАЛЬДЕРА РОССИЯ

Кальдеру я впервые увидел ночью, поздней осенью 1990 года. Где-то в душе лопнул предохранитель, и меня вышвырнуло в сознание эмоциональным взрывом. Это был один из тех снов, что в момент пробуждения выпархивают из рук жар-птицей, не обронив и огненного пера. Остается лишь слепок, посмертная маска собственного лица, обращенного внутрь, к ночному измерению бытия. «Я умер – я проснулся».

Прошло несколько лет, покуда в сознании проступили контуры смысла. Осколки сна, посланца небесных глубин, метеоритными брызгами впиваются в душу, застревают в ней, обволакиваются ею, затягиваются в тектонические разломы, переплавляются в ее магме - становятся *своим*. Сон и жизнь на равных оставляют отметину душевной оспы: кратер вулкана неотличим от метеоритной воронки.

А тогда этот сон связался у меня с письмами Устрялова.

КАЛЬДЕРА ПЕРВАЯ

...В стране иррационального вихря, которую
не обнять умом и не измерить логикой,
им вдруг не нашлось места, — им, лучшим ее сынам!..
Горький, мучительно трагический удел...

Н. Устрялов

В январе 1990 г. от Лакшина, ныне покойного, мне передали стопку писем Н.В. Устрялова. Собственно, это были машинописные копии шестидесяти неопубликованных писем к европейскому адресату, отправленных в 1930-35 годах из Харбина.

Так в мою жизнь впервые вошел этот человек. Ведь событие значит: *со-бытие* — бытие, бывшее раздельным и становящееся отныне совместным.

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№2

12 сентября 1930 г.

В «Большевике» (№10) — большая рецензия на мою последнюю книжку. Много цитат, помет типа «класс. враг», но, в общем, сносно (соответств. отмечена 7 глава). Но на съезде Сталин обругал меня «краснобаем и кривлякой», а восходящее светило Киров поставил мою фамилию рядом с проф. Платоновым, тоже одобряющим правый уклон. Этим соседством я мог бы гордиться — еще с гимназических лет увлечен работами Платонова, — но надлежит все же помнить, что в настоящее время Платонов сидит в Ленинградской тюрьме. Словом, сложно, очень сложно...

№3

30 октября 1930 г.

Мне особенно хочется подробно установить, что из нашей позиции абсолютно не вытекает «вредительство» — совершенно напротив. В советской прессе последнего времени идет тяжеловесная идеологическая кампания, вскрывающая внутреннюю необходимую связь между «вредительством» Кондратьева-Громана-Юровского и их теоретическими работами.

[...]

В №7 журнала «Проблемы экономики» напечатана обстоятельная статья Белого «Кто кого», посвященная в значительной части устряловщине. Сам Устрялов именуется «нашим злейшим классовым врагом». Конечно, к нему, в качестве бессознательного пособника, пристегнут Бухарин.

В «Правде» Радек ярко пишет о Кондратьеве-Громане. Ярко и ... гадко. Жутко!

№4

1 февраля 1931 г.

Протест против террора! Что это за лозунг? Конечно, террор отвратителен, но «протест» против него в современных условиях и в наших устах будет походить на жалкий писк давимой мыши. Нашего брата истребляют — это грустно, но если мы хотим и можем высказываться, то говорить надо о другом.

Прошло время, когда можно и нужно было пытаться публицистикой оказать непосредственное воздействие на ход событий. Все слова такого типа, в сущности сказаны. Но остаются большие анализы, [...] в коих русская революция должна обрести свое место и свой положительный смысл. Они [...] по природе своей должны быть проникнуты философско-историческим спокойствием. И, что особенно любопытно, тогда они, быть может, даже будут в состоянии сыграть и какую-либо «практическую» роль — так сказать, рикошетом.

События в России огромны по своим масштабам. Их огромность только теперь начинает вырисовываться в действительных своих очертаниях. Я не могу согласиться с Вами насчет «безумств» etc [...] Т.е., конечно, «безумства» и преступления есть, но они глубоко имманентны громадному историческому процессу, развертывающемуся в стране[1].

Подлинное событие, подобно сну — вне настоящего. Случайно происшедшее (или приснившееся) погружается в память, в ее глубинные, неповоротливые слои. Там идет своя сосредоточенная работа, беззвучная точечная сварка. И однажды происшествие соединяется с музыкой, случай — с мыслью, взгляд — с ветром, образуя каркас *события*. Может быть, сама судьба зависит от того, успеем ли мы прежде смерти понять событийный смысл мимолетной встречи или впечатления раннего детства. Отсюда — магическая власть воспоминания, возвращения. Должно быть, и ветер возвращается на круги своя, чтобы припомнить что-то важное, случившееся с Екклесиастом.

Лишь теперь, задним числом я стал понимать, что же так поразило тогда в этих письмах. Это было не содержание, но и не стиль, – нет, и то, и другое порознь было знакомо по другим текстам, – но немыслимое совмещение того и другого в едином культурном пространстве. Человек, писавший их, явно принадлежал к героям мифа о «России, которую мы потеряли» и по своему духовному уровню стоял, вне сомнений, наравне с выдающимися фигурами русского «серебряного века». К началу 20-х этот человеческий тип, и без того немногочисленный, был стерт с 1/6 лица Земли. Тех, кто не превратился в дым революционного огня и не эмигрировал подобру-поздорову, поджидали философские пароходы, плывшие за рубеж, а чуть позже – в Соловки. Благодаря ручейку запретного «тамиздата» (с началом перестройки превратившегося в поток) было известно, что отдельные их призраки за железным занавесом продолжали незримо сосуществовать с советским народом в едином физическом (но не культурно-историческом!) времени и даже кое-что пописывать о России. Но это были либо мемуары, либо антисоветские памфлеты,

[1] Оригиналы писем ныне переданы в РГАЛИ.

либо — как у Бердяева — взгляд с заоблачно-философских или метаисторических высот.

К четвертому году от рождества Гласности жанр-ритуал присвоения советского гражданства подобным текстам уже прочно установился. Сначала — пространное введение популярного публициста NN, где раздумья о судьбах интеллигенции (на примере себя и реабилитируемого автора) подаются с гарниром историософского ликбеза и под соусом из розовых соплей. Затем — куцая выборка текстов, с ошибками и без ссылок перепечатанных из брошюр YMCA-PRESS. И наконец — справочный материал, содержащий годы жизни (неверные), названия дореволюционных изданий (перевранные), расшифровку слов «кадет» и «трансце(н)дентный» и коэффициент пересчета пудов и аршинов в килограммо-метры.

Устрялов, — человек из Атлантиды, ученик и собеседник Трубецкого, Вышеславцева, Бердяева, — белоэмигрант, служащий на КВЖД, — наблюдал и переживал *изнутри* большевистскую реальность 30-х, которая мною, вполне советским человеком 1990-го года, воспринималась почти как своя! Он смотрел на сталинскую империю глазами, которые та почитала окончательно выколотыми.

Над православной Русью сомкнулись исторические воды, а на ее месте из глубины шлаковым вулканическим грибом выпучилась безбожная «империя зла». Порвалась связь времен! Но в нем, в Устрялове, раздирающая сила двух эпох, двух расходящихся тектонических плит никак не могла преодолеть звонкого натяжения ниточки-жизни.

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№8
6 апреля 1931 г.
Дорогой Григорий Никифорович.

В дополнение к письму, на днях отправленному прямым путем, пишу окольно, через Канаду.

Политически приходится жить какою-то «двойной жизнью». С одной стороны, ежедневная живая информация об ужасах и жутких бессмыслицах советской действительности; с другой – вести по части достижений. Сегодня беседуешь с бежавшим из Владивостока спецом и буквально содрогаешься от его рассказов; завтра в беседе с коммунистом черпаешь надежду на конечную удачу страшного передела, преобразования страны. Так и живешь между ура и караул... А сам — помалкиваешь par excellence.

Истребление интеллигенции представляется мне — ошибкой, пусть исторически объяснимой, роковой. [...] Власть своими террористическими перегибами затрудняет выполнение собственной экономической программы; это легко доказать.

Впечатление жестокой идейной деградации производят советские журналы /юридические, философские, да и общеполитические/, еще недавно изобиловавшие сплошь и рядом содержательнейшими материалами. Ныне партийная интеллигенция разгромлена за уклоны, прет какая-то серая, полуграмотная публика. Кто из старых остался, тому приходится нудно и жалко каяться. Есть такие, что каются трижды, дезавуируя предыдущее покаяние. Не знаю, что это: зрелище для богов, или адская скука...

[...]

Эти милые люди все тянут из меня откровенные признания и недовольны сухостью моих ответов. При случае, разъясните, что иначе же нельзя!.. Они наивны во всем, хотя, повидимому, вполне симпатичны. В последнем письме я отметил, что лишь в личном свидании можно разъяснить неясности...

Приходится подчас вплотную соприкасаться с новым человеческим материалом, репрезентативным типом современного периода нашей революции. Наблюдаешь этот материал в конкретной работе. И всякий раз впадаешь в озадаченное раздумье: мыслимы ли, возможны ли действительные успехи, подлинная победа с таким личным составом, с таким руководством? Разум мрачно бубнит: немыслимы, невозможны.

[...]

Вы правы насчет «страшных микробов мозговой чумы», витающих в нашей стране. И, конечно, я отнюдь не зарекаюсь [...] на будущее и от «активных откликов». Стараюсь нащупать их тональность... и пока не выходит, вернее, тактическое чутье подсказывает воздержание от попыток непосредственного воздействия на процесс.

№9

1 мая 1931 г.

...Даже генеральная жуткая трагедия нашего слоя, наличность которой я менее всего склонен отрицать, не должна лишать нас ясного зрения и надлежащей объективности. Дело не в том, что мы гибнем и погибнем, а в том, что из этого всего получится. Я совсем не считаю нашу трагедию положительным явлением, но события столь грандиозны, что не она стоит в их центре и не ею должны определяться наши общие оценки.

Поверьте, [...] исходные, последние точки миросозерцания, наверное, останутся при мне уже до смерти, и они достаточно гарантируют специфическую мою изолированность.

Но чем пристальнее всматриваешься в окружающее, тем настойчивее диктуется сочувственное внимание к огромному и страшному процессу, творящемуся перед нами. И мучительно ищешь критериев, методов познания и слов, способных адекват-

но выразить смысл и сущность этого процесса. Это выражение должно быть бескорыстным и в самом высшем смысле слова. Оно должно быть выше индивидуальных и групповых страданий, выпавших на нашу долю. Оно должно быть вне и выше каких-либо не только личных, но и слоевых, интеллигентских упований.

№19

12 января 1932 г.

Так вот и живем — на вулкане, парадоксально напоминающем болото.

…Неведомое существо смотрело на Землю сквозь мои спящие глазницы с космической высоты. Евразия беззвучно наплывала с головокружительным креном, словно существо клонило голову набок. Точнее, не было ни существа, ни головы, ни глаз, — был лишь взгляд как таковой: не изучающий, не следящий, не осуждающий, не отчужденный, не властный — никакой. Он все вбирал в себя, как безукоризненная оптика орбитального телескопа. Он был глубже пространства, в которое глядел. И этот взгляд понимал, сострадал и любил.

Земля была обращена ко взгляду ночной стороной. Лишь часть континента, очертаниями повторявшая контурную карту России-СССР, вспухала темно-багровым нарывом. Неслышный, был осязаем грозный подземный гул. Сквозь трещины коры просверкивала молниями кипящая лава.

Я не уловил момент взрыва. Видимое изображение не было непрерывным. Казалось, взгляд иногда смаргивал, — и тогда выпадали целые интервалы времени. Или он вообще был дискретным, как картинка, передаваемая первым луноходом. Или взрыв произошел быстрее света — а значит, не был физическим? — и вспышка от взрыва успела осветить лишь то, что происходило мгновение спустя.

Будто апокалипсический консервный нож выворотил из тела планеты то, что было Россией — ее почвой, дерном, культурным слоем — и разметал клочья окрест. Под содранной кожей обнажился котлован с огненными пузырями на дне. Края его стали оседать, проваливаться, — и сквозь проломы внутрь и вниз хлынули холодные воды Северного, Восточного и Западного океанов. На какое-то время котел заволокло облаками пара. Когда же они рассеялись – внизу простиралась унылая равнина, покрытая докипающим, стынущим болотом вулканической грязи с мертвыми островами пемзы и пепла. А вокруг, словно по периметру костра, в котором разорвалась граната, — тлели и вспыхивали угольки, частицы еще живого тела. В Европе: Германии и Франции, Чехии, Болгарии, на Балканах… На севере и юге далекой Америки… В Австралии… И в Маньчжурии.

Постановление о возбуждении производства
по вновь открывшимся обстоятельствам
18 августа 1988 г.
г. Москва

Ст. военный прокурор отдела ГВП подполковник юстиции Панкратов, рассмотрев материалы уголовного дела Н-11488 в отношении Устрялова Н.В. и заявление гражданки Устряловой Е.И., —

установил:

14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР на основании ст.ст. 58-1 «а», 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР осужден к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества

Устрялов Николай Васильевич, 1890 года рождения, уроженец г.Ленинграда, русский, беспартийный, профессор экономической географии Московского института инженеров транспорта.

Судом Устрялов признан виновным в том, что «с 1928 года являлся агентом японской разведки и проводил шпионскую работу. В 1935 г. установил контрреволюционную связь с Тухачевским, от которого знал о подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и о связи с антисоветской террористической организацией правых. Кроме того, Устрялов вел активную контрреволюционную пропаганду и распространял клевету на руководство ВКП(б)» (из приговора, л.д. 52).

В тот же день приговор в отношении Устрялова Н.В. был приведен в исполнение (л.д. 53).

Изучение материалов дела показало, что следствие проведено неполно, с грубыми нарушениями уголовно-процессуального законодательства.

Так, обвинение в шпионаже и иной контрреволюционной деятельности основано только на признательных показаниях Устрялова, которые он дал на предварительном следствии и подтвердил в судебном заседании. Других доказательств в деле не имеется (л.д. 6-31, 32-39, 41-43).

Вместе с тем установлено, Устрялов — русский политический деятель и публицист, с 1917 года видный деятель партии кадетов, один из идеологов сменовеховства. В 1918-1920 гг. Устрялов являлся председателем Восточного отдела ЦК кадетской партии и «Русского бюро печати».

В 1918 г. в газете Рябушинского «Утро России» (печатный орган московских меньшевиков и эсеров) помещено несколько статей Устрялова, а именно: «У врат мира», в которой он описывает Октябрьскую революцию как «период глубочайшего национального падения, разложения, когда потрясены основы государственного бытия и ядом злой отравы отравлены корни народного самосознания», «У перевала», в которой говорится о «мучениях, переживаемых Россией и грядущей расправе над большевиками»;

«Расплата», в ней искажается истинный смысл и роль III Интернационала; «Конец большевизма», содержание которой раскрывается заголовком; [...] и т.д.

С 1918 г. Устрялов — директор пресс-бюро при «Российском правительстве» Колчака. После разгрома колчаковщины эмигрировал и проживал до 1935 г. в Харбине, где являлся профессором университета, а с 1928 г. — одновременно и директор Центральной библиотеки КВЖД.

В 1935 г. вместе с другими служащими КВЖД Устрялов с семьей возвратился в СССР.

В Большой Советской энциклопедии (третье издание, 1977 г., том 27, стр. 133), в частности, указано, что Устрялов Н.В. (псевдоним — П.Сурмин) в 1920 г. выдвинул программу так называемой смены вех. Он рассчитывал на буржуазное перерождение советского строя...

В политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду 27 марта 1922 года В.И. Ленин назвал Устрялова откровенным классовым врагом. В этом отчете В.И.Ленин, давая характеристику НЭПу и отношения к ней идеологов сменовеховства, указал, что «...некоторые из «сменовеховцев» прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов. Кажется он был министром при Колчаке.» [...] (В.И.Ленин, соч. т. 33, изд 4, стр. 256-258).

В связи с ходатайствами жены Устрялова о реабилитации, по делу в 1955-1956 гг проводилась проверка, которая однако не была завершена, а заявителю сообщено об отсутствии оснований к постановке вопроса об опротестовании приговора (л.д. 53-95).

Так, не было проверено агентурное дело, на основании материалов которого был арестован Устрялов (83-86, 61).

Не завершена проверка деятельности Устрялова в период нахождения его на службе в «Российском правительстве Колчака» (л.д. 63-67). [...] Кроме того, не выяснено, действительно ли существовала в г.Харбине школа по подготовке японских разведчиков, в которой Устрялов мог читать курс лекций и т.д.

При таких обстоятельствах, по имеющимся в деле материалам сделать вывод об обоснованности осуждения Устрялова не представляется возможным.

На основании изложенного и руководствуясь п. 4 ст. 384, ч. 2 ст. 386 УПК РСФСР, —

Постановил:

1. Возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу Н-11488 в отношении Устрялова Н.В.

[...]

Ст. военный прокурор отдела ГВП
подполковник юстиции В. Панкратов[1]

[1] Фамилия по этическим соображениям изменена

В годы расцвета афинской демократии мудрец и государственный деятель Солон посетил с дружественным визитом Египет. В ходе встречи со жрецами-историками города Саис он поделился с ними сведениями из официального «Краткого курса истории Афин»…

«И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма преклонных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» — спросил Солон. Все вы юны умом, — ответил тот, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи погибели людей, и притом самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные, — из-за тысяч других бедствий. […] Сохраняющиеся у нас предания древнее всех… […] Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих. Взять хотя бы те ваши родословные, Солон, которые ты только что излагал, ведь они почти ничем не отличаются от детских сказок. Так, вы храните память только об одном потопе, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране.» (Платон. «Тимей.»)

[Из справки на бланке Центрального государственного исторического архива г. Москвы:]

На Ваш запрос сообщаем, что в фонде Московского университета хранится личное дело Устрялова Николая Васильевича (ф.418, оп.322 д.1843). Из документов дела следует, что Н.В.Устрялов родился в С.-Петербурге 25 декабря 1890 года (л.13). 28 мая 1908 года он по определению Калужского дворянского депутатского собрания был «сопричислен к роду дворян Устряловых и записан в третью часть дворянской родословной книги по Калужской губ». (л.12).

В 1901 году Н.В. Устрялов поступил в Калужскую Николаевскую гимназию (л. 4). […] Окончив с серебряной медалью гимназию Н.В. Устрялов в 1908 году поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил с дипломом I степени в 1913 году (л. I).

В этом же фонде имеется дипломное сочинение Н.В. Устрялова «Теория права как этического минимума в исторических ее выражениях» (ф. 418, оп. 513, д. 8907).

[Из рукописи: В Юридический Факультет Пермского Государственного Университета и.д. орд. проф. А.Н. Круглевского и и.д. экстр. проф. В.Н. Дурденевского Представление об ученых трудах прив.доц. Н.В. Устрялова]

[...] Две другие более крупные работы пр.-доц. Устрялова посвящены идеологии славянофильства — национальной и государственной. Доклад «Национальная проблема у первых славянофилов», прочитанный 25 марта 1916 года в Московском Религиозно-Философском Обществе и напечатанный в «Русской Мысли», 1916, кн.X, содержит блестящий анализ трех основных линий данной проблемы в учениях Киреевского и Хомякова. [...] Продолжением последнего была [...] статья «Идея самодержавия у славянофилов», принятая к напечатанию «Русской Мыслью», но с прекращением журнала не появившаяся.

[Из рукописи: Curriculum Vitae преподавателя Харбинских высших экономико-юридических курсов Н.В. Устрялова (Копия с копии)]

В 1908 году окончил с серебряной медалью Калужскую гимназию и поступил на Юридический Факультет Московского университета, который окончил в 1913 году и был при нем оставлен профессором Вышеславцевым по рекомендации проф. кн. Трубецкого по кафедре энциклопедии и истории и философии права.

Весною и летом 1914 года сдал магистерские экзамены по истории и философии права и по государственному праву при Московском университете. Весною 1916 года сдал при том же университете магистерский экзамен по международному праву, а осенью прочел пробные лекции на темы «Идея государства у Платона» и «Теория самодержавия у славянофилов». [...]

В учебном 1917-1918 году читал в Московском университете курс по истории русской политической мысли.

Осенью 1918 года перешел в Пермский университет. [...]

После взятия Перми войсками Омского Правительства был откомандирован в Омск на должность Юрисконсульта Совета Министров. Затем занимал должность Директора Пресс-Бюро, после чего покинул правительственную службу, перейдя в Русское Бюро Печати, вместе с которым перед падением Омска эвакуировался в Иркутск, где стоял во главе Бюро до самого падения правительства. [...]

Верно:

Делопроизводитель Юридического факультета в г. Харбине В. Горохов.

Из воспоминаний Елизаветы Рачинской «Калейдоскоп жизни»[1].

В 1920 году по линии КВЖД от ст. Маньчжурия на северной границе Маньчжурии и Забайкалья следовали почти непрерывно на юг эшелоны с уезжающими чехами и словаками, японские воинские части и беженцы.

Остатки армии адмирала Колчака заканчивали свой «ледяной поход». [...] А русские беженцы видели для себя, прежде всего, возможность остановиться в Харбине, где они могли передохнуть, осмотреться и решить проблему своего будущего.

С этой волной в Харбин прибыла группа молодых доцентов российских университетов. Среди них были Георгий Константинович Гинс и Николай Васильевич Устрялов. Как вспоминает Г.К. Гинс, последний был настроен панически, даже «упал в обморок» от волнения и заявлял во всеуслышание, что надо было ехать на Запад, а не на Восток...

[...]

«Спустя некоторое время, — продолжает Г.К. Гинс[2], тот же профессор, будущий сменовеховец, посетил меня для переговоров о совместном с ним открытии высшего учебного заведения. Выяснилось, что кроме нас с ним в Харбин прибыло еще несколько человек преподавателей высших учебных заведений и что среди местных жителей есть также подходящие сотрудники. [...]

И вот...

«Первого марта 1920 г. в помещении Харбинского Коммерческого училища состоялось открытие и были прочитаны вступительные лекции на Экономико-юридических курсах. [...]

Спустя год или два «Курсы» были переименованы в Юридический факультет с экономическим отделением. Позднее прибавилось восточно-экономическое. [...] Факультет одно время стал похож на маленький университет. Профессора выступали с публичными лекциями, устраивали диспуты, привлекавшие множество посетителей. Факультет стал издавать свои «Известия»: вышло двенадцать томов. [...] Около трехсот молодых людей получили высшее образование и сдали выпускные экзамены.

Первого марта 1920 года [...] начался тот период эмигрантской жизни для многих покинувших родину, который живет в памяти как светлое воспоминание. В эмиграции удалось осуществить культурное начинание крупного значения».

[...]

Первая лекция (вступительная), которую мне пришлось прослушать на Факультете, была прочитана профессором общей теории и философии права Николаем Васильевичем Устряловым.

[1] YMCA-PRESS, P., 1990. сю174-178

[2] «Новое русское слово», N.Y., 19.11.1960

Довольно высокий, одетый с изящной небрежностью, с небольшой эспаньолкой, придававшей ему нечто мефистофельское, Устрялов сразу овладел вниманием аудитории. Он читал с блеском, легко и непринужденно развивая тему, щеголяя цитатами, сам увлекаясь и увлекая слушателей.

[...]

Устрялов говорил о том, что человечество переживает кризис, подобный кризису античной культуры... «Видны сумерки формальной демократии. Кончается исторический цикл христианской культуры. Происходит перелом исторических путей». Он вслед за Ницше повторял: «Волненьем, смятеньем и тревогой объято современное человечество. В безбрежном огненном море плавятся привычные формы жизни и колеблется старая почва...»

Россия усеяла поверхность планеты могилами и целыми кладбищами, где похоронено самое блистательное поколение ее образованного слоя. Те, что остались внутри, в котловане, были истреблены физически и растоптаны нравственно в течение двух-трех десятилетий. Те, кого взрывом разбросало по свету — искалечены духовно и обречены на медленное угасание в роли второсортного «человеческого материала», лишенного корней. Но главное все же не в количестве смертей, а в масштабе поражения, общего для обоих враждовавших лагерей этого поколения: как русской интеллигенции, так и российской власти. Впервые в истории такая интеллектуальная и духовная мощь была сконцентрирована на решении вопроса о смысле исторического существования страны и о путях ее сознательного реформирования. И в результате — сокрушительное поражение, катастрофа.

Это — вечный урок для всех, кто берется сегодня и соберется завтра решать российские «проклятые вопросы». О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?

Советские «образованцы», идейно унавозившие почву для перестройки с последующей рыночной демократией, по своему духовному и интеллектуальному уровню соотносятся с предшественниками примерно так же, как подполковник юстиции Панкратов — с посмертно-подзащитным Устряловым. И стоя на бескрайнем развале либеральной и патриотической макулатуры «великого десятилетия» 1984-94 г.г., не хочется спешить с обобщениями о причинах очередного краха очередных российских реформ. Не честнее ли — и не соразмернее ли с собственными силами — вглядеться в единый человеческий атом этого Великого отечественного поражения, Бородина 1917 года, которое вытолкнуло-таки патриархальную Москву на космическую орбиту мировой сверхдержавы?

Тем более что начатое было по этому поводу «производство по вновь открывшимся обстоятельствам» безнадежно увязло в банально-

стях. Архивы открылись. Заполнились искателями «клубнички». И – опустели страшной пустотой. Вновь под их сводами в ненарушаемой тишине мертвые России исповедуются, спорят, взывают к живым.

Из «Дневника колчаковца»[1]
1919 год.
Омск, 9 февраля

Вот уже завтра неделя как приехали в Омск. [...]

Общее политическое положение смутно, тревожно, неустойчиво. [...] Жизнь все время, как на вулкане. Мало у кого есть надежда победить большевиков. Сам по себе Омск занятен, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу — или бывшие люди царских времен, или падучие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злою судьбой в это сибирское захолустье: — нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это — отживший, старый мир, и не ему торжествовать победу. Грустно.

Понимаешь, сознаешь, ощущаешь все это, — и все же не оторвешься от круга уходящей жизни, ибо в ней — корни и души, и тела... С ней умереть, с ней уйти... [...] Нововсякомслучае, — ave vita nova, morituri te salutant...

(11 ч. 15 м.д.)

Омск, 7-8 марта

Что-то будет? Весна приближается, а вместе с нею разгадка. Последний, решительный бой.

Большевики, видимо, держатся крепко. Молодцы! Говорят, Украина уже окончательно ими очищена и близится решительная схватка с Деникиным. Последний секретно сообщает, что положение серьезно.

[...]

Vive la Russie revolutionnaire! Пусть мы боремся с нею, — не признавать ее величия было бы близоруко и... непатриотично. Мы должны «до полной победы» продолжать нашу борьбу с большевизмом, но мы обязаны воздать ему должное. [...]

Хочется верить, — настанет пора, когда, истребив и похоронивши большевиков, мы со спокойною совестью бросим на их могилы иммортели... (Ночь).

Омск, 8-9 марта

У большевиков более многочисленная и более совершенная (!) армия, чем у нас. Разве вот если будет измена или наш случайный

[1] Н.В. Устрялов. Белый Омск. Дневник колчаковца. Альманах «Русское прошлое», 1991, № 2. СПб., издание советско-американского СП «Свелен», стр. 283-3383

успех нанесет им моральный удар... Последние вести благоприятны — взяты Оханск и Оса, и на Бирском направлении на нашу сторону перешли три красных полка. Но никаких расчетов на такие единичные успехи строить не приходится. Войска наши посредственны, офицеров совсем мало, мобилизация проводится ставкой бессистемно и бессмысленно.

Говорят, что у большевиков много офицеров и даже офицеров Генерального штаба, которые, впрочем, иногда «играют в поддавки». Так, недавняя кунгурская операция была ими задумана таким образом, что наши могли отрезать большую часть их наступавшей колонны. Но не сумели, и так и не взяли отдававшиеся шашки...

Омск, 10 мая.

Заботы, хлопоты без конца. Организовалось, наконец, «русское общественное бюро печати»... «но радости нет»! Дело не подвигается ни на шаг вперед, — напротив... Нет помещения, нет людей, которые взялись бы уладить хозяйственную сторону организации, уже начинаются взаимные пререкания, — и только без толку сыплются новые тысячи и миллионы... [...]

Говорят, провинциальные кадеты точат зубы на центральный Комитет. — Вообще словно каждый здесь точит зубы на всех и все на каждого. Так делается национальное дело.

Омск, 14 мая.

Плохие вести со всех сторон. На фронте идет наступление большевиков, пока очень успешное. Сданы им Бугуруслан, Сергиевск, Чистополь и уже, по-видимому, Бугульма.

Плохо и в сфере нашего предприятия. Идет травля против него и справа, и слева. [...] Любопытно, что ген. Марковский будто бы уверен, что предприятие попало в руки... эсеровской компании (!!), в то время как эсэрствующие газеты видят в его создании попытку «кадетизации общественного мнения»... [...] Если погибнем — значит, достойны гибели. (11 ч. вечера).

Омск, 26 мая

Самые последние вести — ничего. Юденич непосредственно угрожает Петербургу, Деникин идет на Царицын, наши оправляются... [...] Большевики — как затравленные звери, умирают, но не сдаются. Честь им и слава! [...] Во всяком случае, жить все интереснее и интереснее становится. И за Россию все спокойнее. Откровенно говоря, ее будущее обеспечено — вне зависимости от того, кто победит — Колчак или Ленин... (6 ч. 50 м. вечера).

Омск, 20 июля

Сейчас вместе с делегацией омского «блока» был у Верховного Правителя — в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобы дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренно, откровенно. Об «отсутствии поря-

дочных людей», «о трудном положении армии («развал»)», о союзниках. «Мое мнение — они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна»... [...] Об отвратительных злоупотреблениях агентов власти на фронте и в тылу. «Худшие враги правительства — его собственные агенты». То же и у Деникина, то же и у большевиков — «это общее явление, нет людей»... [...] (5 ч. дня).

«Диктатор»... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. [...] Видимо, лозунг «цель оправдывает средства» ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В это отношении величайший человек современности (тоже, к гордости нашей, русский) Ленин — является ему живым и разительным контрастом.

Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но я боюсь — слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории... (8 ч. вечера)

Омск, 25 июля

Все более и более заманчивою представляется Москва, хотя бы даже и большевистская. С тоскливою, но сладкою грустью вспоминаются ее улицы, дома, былые дни жизни в ней, и тянет туда, тянет все чаще и все сильней. И Калуга представляется, милая, родная... Доведется ли вас увидеть, славные, любимые?... (7 ч. 10 м. вечера).

Омск, 7 сентября

А ветер гуляет. У нас все еще продолжается бой за Омск. На южной линии, у Сахарова, лучше, на северной, у Пепеляева, напряженно, — ни в ту, ни в другую сторону. У Деникина, видимо, средне — вот-вот возьмут Царицын. Тошно. На радость всего мира Россия добивает себя, истощает.

Омск, 29 сентября.

...Тревожно — по всем направлениям, по всем этажам души... [...] Живешь ведь прямо на вулкане...

Омск, 29 октября.

Объявлена «разгрузка» — то есть эвакуация — Омска. На фронте плохо, «катастрофично». Падение Омска, очевидно, неминуемо. Армия обойдена с севера, с юга, быстро отступает. Совет Министров переезжает в Иркутск.

Что делать? Сегодня начинается паника. Вагона не дадут. Идти пешком?... Холодно. Далеко ли дойдешь?.. Последние дни в уюте, в тепле. Дров купили на днях, вставили рамы... Запаслись сахарком. Боже, опять горе, и на этот раз — призрак полного ту-

пика, смерти... Спасся в Москве, в Калуге, в Перми — едва ли еще раз пройдет безнаказанно искушение судьбы. (8 ч. 45 м. утра)

Иркутск, 4 января.

Тяжело на душе. Окончательно рушится привычная идеология, отвергнутая, разбитая жизнью. [...]

И острый личный вопрос: что же делать, если сегодня окончательно завершится капитуляция правительства? Допустим, что можно будет уехать на Восток. [...] Но зачем ехать? Служить делу, в которое не веришь, которое считаешь вредным, уже безвозвратно проигранным? [...]

Остаться здесь? Но это значит, порвать с кругом не только привычных идей и представлений, но и с кругом близко духовно лиц; с привычною средой, которую уважал и даже, быть может, любил. Перейти в круг людей чуждых, не доверяющих, вероятно презирающих: «когда наша взяла, перешел к нам»... быть ренегатом в глазах друзей и врагов... Тяжко.

Уйти от политики? В книги? В науку? На востоке это невозможно, не позволит среда. Здесь? Тоже, пожалуй, невозможно: вряд ли здешний университет (эсеры) согласится пригласить, да и грядущие большевики не потерпят: председатель кадетского Центрального Восточного Комитета!

Что же делать? Опять распутье — и какое! Пойдешь налево — потеряешь одну половину души, направо — другую... Или, быть может, сегодня в 12 ч. вновь заговорят пулеметы и пушки, и судьба сама навяжет выход?...

КАЛЬДЕРА ВТОРАЯ

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
...
Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг!

В. Набоков. *Берлин, 1927*

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№54

16 февраля 1935 г.

Посылаю Вам копию письма Т.-Ш. Надеюсь, согласитесь с изложенными в нем соображениями.

[Копия:]

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Мне кажется, прежде всего, что журнал дает неправильную оценку сменовеховской идеологии. Быть может, внешняя, историческая судьба сменовеховства располагает, даже подстрекает к отмежеванию от него. [...] Неверно, что смена вех была односторонней и немой Каноссой. Когда я писал в начале 1922 года, что «наш путь в Каноссу укорачивается благодаря встречному движению самой Каноссы», я формулировал центральный тезис смены вех.

Сменовеховцы «бесследно» растворили себя в атмосфере родной страны. Но кто знает, — быть может, в нынешней мажорной национализации Октября [...] своеобразно претворен и наш идейный импульс, химически всосавшийся в тело и душу революции! Ошибаясь во многом, мы в главном не ошиблись; теперь это ясно как день.

[...]

Журнал упорно противопоставляет «великий русский народ» советскому госкапитализму, «бездушной и тупой коммунистической всесильной бюрократии». Мне кажется, не следует злоупотреблять этим противопоставлением. Великая стройка наших дней есть, несомненно, дело великого русского народа, но — народа, организованного и направленного ведущим партийным слоем. [...] Да, партия мучила и мучит народ, но без этих мук, разумеется, не было бы и материала для пореволюционного пафоса, не было бы ни пятилеток, ни социальной правды, ни национальной силы, которыми он, этот пафос, теперь вдохновляется. [...]

Киреевский некогда говорил о силе, которой «намагнитили» Иверскую икону /»доску»/ вековые молитвы верующих. Можно сказать, что наш «марксизм» приобретает аналогичную живую силу, поскольку именно под его флагом творится новый мир, возрождается наша страна тяжкими путями страданий, лишений и героизма.

[...]

В этой связи худо, прямо безвкусно звучат крепкие слова И.Ильинской по адресу возвращенцев [...] Тут полное непонимание сложного воздуха революции и ... ущерб любви к реальной, настоящей, а не фантастической родине.

Во времена «зрелого застоя» в обиходной русской речи укоренилось слово «невозвращенец». Чаще всего так именовался советский гражданин, который, выехав за рубеж в составе официальной делегации или туристической группы, ускользал от внимания бдительных коллег и обращался к тамошним властям с просьбой о политическом убежище. К началу восьмидесятых невозвращенчество приобрело массовый характер, а эмоциональный оттенок этого

слова для слуха части интеллигенции эволюционировал от опасливого полупрезрения к уважительной полузависти-полувосхищению хитростью и отвагой беглеца. Адекватный перевод слова на английский язык отсутствует. Оксфордский русско-английский словарь переводит его как «defector», что в обратном переводе означает прежде всего «дезертир», «отступник», — не то! Очевидно, дело здесь не в семантике, а в различии исторического опыта народов.

Однако, перелистав фундаментальный «Сводный словарь современной русской лексики», я не нашел в нем даже следов другого русского слова — «возвращенец». А ведь за ним стоит гораздо более значимое (да и более массовое) явление русской жизни. Политическими возвращенцами называли белоэмигрантов из образованных слоев общества, которые приняли сознательное решение вернуться в Советскую Россию. Идейным знаменем возвращенчества стал знаменитый сборник «Смена вех».

Среди «сменовеховцев» можно — с известной долей условности – выделить свои полюса: «наканунцев» и «евразийцев». Наканунцы вернулись раньше всех, однако, не желая рисковать, предварили свое возвращение столь бурным покаянием, столь пламенным изъявлением советской лояльности, что это не могло не повредить сменовеховским принципам. Евразийцы принципами поступались значительно меньше, были независимее в своих оценках и суждениях, но и на родину не спешили. Правда, конец и у тех, и у других часто был один. Немногие наканунцы умерли своей смертью; некоторые евразийцы вернулись в Россию не по своей воле.

Главным возвращенцем считается Устрялов. Хотя его собственный путь домой оказался одним из самых длинных.

Из «Дневника колчаковца»

Иркутск, 10 января.

[...] Помню, как-то в беседе с Ключниковым перед его отъездом обсуждали эту проблему. Он еще говорил — «ну, если увидим, что ошибались — придет время и встретимся с большевиками»... Он, быть может, прав, я соглашался. Теперь вот осуществилось...

Уехать на Восток, оттуда кругом — на юг России, оттуда — в Москву! Вот бы счастье, даже не верится... А потом — да здравствует Советская Россия! (12 ч.д.)

Из интервью, опубликованного в «Вестнике Маньчжурии»

1 февраля 1920 г.:

Выясняется с беспощадной несомненностью, что путь вооруженной борьбы против революции — бесплодный, неудавшийся путь. Жизнь отвергла его. [...] Тем обязательнее заявить это для

меня, что я активно прошел его до конца со всею верой, со всей убежденностью в его спасительности для родной страны.

[...]

Разумеется, все это отнюдь не означает безусловного приятия большевизма и полного примирения с ним. [...] Его не удалось победить силою оружия в гражданской борьбе — он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира. [...] Процесс внутреннего органического перерождения советской власти несомненно уже начинается...

Из статьи в газете «Новости жизни».

Харбин, 15 сентября 1920 г.

Повторяю еще и еще раз, путь примиренчества — тоже трудный, жертвенный путь, не сулящий каких-либо немедленных чудес. Но он настойчиво требуется теперь интересами страны. Ликвидируя организованную контрреволюцию, он ликвидирует и революцию внутри государства, сведя ее к эволюции. [...] Он один убережет страну от засилия иностранщины. Наконец, он неизбежно облагородит облик государственной и, главное, административной власти, столь нуждающейся в облагорожении. Пора расстаться с деморализующим революционным лозунгом «чем хуже, тем лучше». Нужно во имя государства теперь идти не на смерть от своих же пуль, как врангелевцы, а, как Брусилов и тысячи офицеров и интеллигентов, — на подвиг сознательной жертвенной работы с властью, во многом нам чуждой, многим нас от себя отталкивающей, богатой недостатками, но единственной, способной в данный момент править страною, взять ее в руки, преодолеть анархизм усталых и взбудораженных революцией масс и, что особенно важно, умеющей быть опасной врагам.

Каждый, для кого жизнь духа — не пустой звук, ощущает человеческое существование как поток, у которого два берега: физическая смерть и смерть духовная. И если потворство прихотям плоти ведет к отмиранию души, то безудержный идеализм — к голодной смерти или чаше цикуты. Обстоятельства времени и места то разводят эти берега пошире, открывая пространство для «частной жизни»: ее простых радостей, индивидуальных прихотей и поисков смысла, то грозно сдвигают, ставя перед таким жестким выбором, что берег уже не пугает, а манит отдохновением.

В жизни Устрялова долг и данность, как две каменные плиты, год от года медленно, но неотвратимо сближались, оставляя зазор не толще бритвенного лезвия. То было время, — по словам Тарковского, —

Когда судьба по следу шла за нами
Как сумасшедший с бритвою в руке.

«Бегущий по лезвию»… — вздор! Оно вонзилось в него, вошло в душу и плоть. А он — ушел в лезвие как в Зазеркалье. Его судьба — голограмма: не имея толщины, обладает глубиной.

Поверхность — плоская, отливающая серой сталью. Провозгласил возвращение долгом. Знал, что убьют. Вернулся. Расстрелян. «А птицы знали, понимали, что означает каждый выстрел…» Все это — так. Но под поверхностью угадываются контуры, уходящие в тень. И нужен особый свет, чтобы заглянуть в тайну этой голограммы.

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№20
17 января 1932 г.
Вести о жизни на родине — достаточно печальны.

[…]

По существу с идеологией очень слабо. Вашей интеллигентской душе — не разгуляться. В сущности, грустно читать, как, напр., Молотов в речах полемизирует с Каутским, с Бауэром. Это — не полемика, а просто карнавал для галерки с сожжением чучел. Куда девались былые богатыри мысли, слова, Бухарины, Троцкие?..

Но, быть может, так и надо? Сейчас время не мыслей и слов, а дел! Неинтересно, что думают и говорят советские новые люди, интересно и важно — что они делают, что у них выходит. […] Не бетховенскими симфониями, а комаринской и «барыней» бодрятся души солдат на войне. Мудрено ль, что пятилетка строится под идеологическую комаринскую сталинских «аксиом»?!.. Только бы «прошло»!..

№21
12 февраля 1932 г.
Наш домишко попал в центр «сражения». Как раз около него стояла китайская батарея, более суток бестолково паливщая в пространство. Вокруг него рвались шрапнели и небесные бомбы. Но обошлось счастливо: лишь южная стена его изрешечена извне круглыми картечными пулями, да в детскую залетел, разбив два стекла и исковеркав стул, средней величины осколок. Горячие дни мы провели в гостинице, в полной безопасности.

Налицо один из подлинно драматических конфликтов мировой истории, где бессмысленно искать «правых» и «виноватых». […]

Наша позиция? — «Не плакать, не смеяться, а понимать».

№26
31 августа 1932 г.
Детей в этом году отдаю в местную сов. школу, пусть погружаются в среду, дышат родным воздухом: школа сейчас здесь советизирована до корня. Легче и естественнее будет им переезжать восвояси, — а этот час приближается.

[...] Здешняя информация о родных местах совпадает с Вашей: юдоль скудости и упрямого пафоса стройки. Жизнь трудна, а нашему брату — в особенности.

Но, несомненно, есть и светлые проблески. Заметили ль Вы новую и, в сущности, сенсационную ноту в некоторых официальных выступлениях: внимание к личности и ее запросам? Казарменный стиль утомляет и надоедает. В Красной Нови печатает Пастернак «неактуальные» вещи, и вообще повеяло некоторым поворотом к «душе», — о, конечно, еще робким и неуверенным, но все-таки характерным. Как будто, меньше слышно об антиинтеллигентском терроре, времена 30 года отошли в прошлое... навсегда ли? всерьез ли?

На днях во сне я видел себя в Париже и... плакал от умиления перед «святыми камнями»...

№27

4 октября 1932 г.

Читали ли статью Федотова в 4 выпуске Нового Града? [...] Она волнует и возбуждает мысль, влечет к глубинным предпосылкам политического миросозерцания, которые сам я не всегда рискую ворошить: все ли по их части благополучно и сведены ли концы с концами? Мы не были бы «поколением рубежа» если б некие живые конфликты не гнездились в отдаленнейших уголках и складках наших душ.

Поколение рубежа — это те, кто в 17-му году, оперившись, пробовал крылья, кого время ударило влет; кто, выброшенный за рубеж, неудержимо стремился назад, в Россию. Для меня временные границы «поколения рубежа» отмечены символическими фигурами Муравьева — который так и не уехал, и Набокова — который так и не вернулся.

Муравьеву, философу Времени, было 33 года, когда он вместе с Устряловым оказался среди авторов еженедельника «Народоправство», выходившего в промежутке между двумя революциями 1917 года, а затем — в редакции газеты «Утро России», ядро которой составили будущие сменовеховцы. О нем самом говорят как о первом сменовеховце, которому не пришлось стать возвращенцем: Муравьев был единственным среди них, кто с самого начала гражданской войны принял решение остаться в Москве. Это решение не было поколеблено даже в 1920 году, когда он был осужден, а затем помилован по делу о т.наз. «Тактическом центре» — первому из череды будущих «процессов», затеянному чтобы запугать инакомыслящих. Его могли разлучить с Россией только два обстоятельства: смерть или насильственная высылка.

Набоков, которого революция застала восемнадцатилетним, в 19-м году бежал из Крыма в Европу, и в 22-м еще хорохорился:

«Мы только смутный цвет миндальный, // мы только первопутный снег, // оттенок тонкий, отзвук дальний, — // но мы пришли в зловещий век. // Навис он, грубый и огромный, // но что нам гром его тревог? // Мы целомудренно бездомны, // и с нами звезды, ветер, Бог.» Но уже через два с половиной года он почувствовал, что рана — смертельна:

Кость в груди нащупываю я:
родина, вот эта кость — твоя.
...
И тоскуют впадины ступней
по земле пронзительной твоей.

Александр Кожевников был младше Набокова всего на два года, но это, кажется, уже «зарубежное» поколение. 18-ти лет он уехал из России «из-за невозможности продолжить образование» и к 1933 году, спустя полжизни (хотя кто знает, что разделило эти даты?) превратился во французского интеллектуала Кожева, не замеченного в порочащих порывах ностальгии и возвращенчества; а спустя еще 17 лет — в общеевропейского чиновника, одного из активных создателей буржуазного Интернационала.

Символом «поколения рубежа» могло бы стать носимое вихрями между небом и землей фантастическое существо из жутковатого, опередившего свой век стихотворения Баратынского «Недоносок».

Бедный дух! Ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое...

Обращусь ли к небесам,
Оглянуся ли на землю —
Грозно, черно тут и и там;
Вопль унылый я подъемлю.

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№ 32
25 июня 1933 г.

Вы правы: не время оспаривать Федотова. Взялся было за это, да перо тяжелеет в руке. Отчетливо ощущаешь вместе с тем некий несносный жизненный тупик. Подчас положительно завидуешь людям, свободным от этих старомодных душевных конфликтов, — хотелось бы «перестроиться» вплоть до того, чтоб по Есенину, «задрав штаны, бежать за комсомолом»... и тут же констатируешь одышку!

[...] Наше положение таково, что мы не можем себе позволить вторичной смены вех: такие вещи в жизни проходят лишь

раз. Повторение тут невозможно, самоубийственно. Да и по существу ни политическая эмиграция, ни политическое невозвращенство — не представляет собою ничего привлекательного. Это не наш путь.

[...] Мы никогда не были сторонниками генеральной линии нынешней мерки, ни в какой степени не ответственны за нее политически, и ничто нам принципиально не препятствует отмечать ее темные стороны. Но [...] нам не нужно сходить с обычного нашего «тоноса», — мотива «приятия» не только «революции», но и выдвинутой ею конкретной власти. [...] А кроме того нам же нечего предъявить, нет у нас в кармане секрета спасения России. [...] И нечего искать средств в этом плане, — они могут найтись лишь в другом: в органических, внутренних силах самой страны...

№ 35

18 октября 1933 г.

Чему я охотно теперь посвятил бы статью — это внешней политике Сов. Союза: уж очень она любезно выполняет наши старые desiderata и идет навстречу нашим прогнозам!

Но — приходится быть немым, как карась. «Выступать» — негде, и абсолютно не по сезону.

Обстановка сейчас здесь, сами понимаете, ультрасуровая. [...]

Правда, мы старые воробьи, и ко многому привыкли. Так часто с разных сторон подкрадывалась опасность и заглядывала в глаза смерть, что уже отучаешься в соответствующих казусах предаваться острой тревоге. Охватывает полусонное безразличие, отвращение усталости: будь, что будет.

Досадно, что в такую минуту не чувствуешь себя органически, непосредственно сращенным с родною почвой, с кругом своей среды! [...] К нам доселе применимы старые строки Гиппиус — не в бровь, а в глаз:

Мы томимся — ни там, ни тут,
Дело наше такое — бездомное...
Петухи все поют, поют,
А лицо небес еще темное.

Паршиво. «Порок рождения». В одном из Ваших прежних писем, которое на днях я перечитал, Вы советуете принять меры к переделке себя для действительного, подлинного приобщения к родной среде. Я сам об этом очень часто думаю, — тем более, что, казалось бы, рациональных оснований для отталкивания от этой среды все меньше. И все же, и все же...

Смирись гордый человек! Но тут дело не в этом, во всяком случае, не только в этом. Очевидно, тут нужно не смириться, а «во второй раз родиться», как это бывало с великими мистиками и прочими людьми духовных «обращений».

Петухи все поют, поют, а мы ждем... и что мы можем делать, кроме как ждать? У нас и голоса, вероятно, ночные — чуждые и ушедшему дню, и идущему, если не пришедшему, утру.

Вторая кальдера приняла меня в свой зев в ночь на 22 октября 1993 года. С палубы парома, идущего из Гераклеона в Пирей, мы заметили прожектор маяка, очерчивающий тревожные круги, — словно патрульная машина ГАИ на месте ночной автокатастрофы. Из тьмы Средиземного моря, более теплого, чем Черное в августе, дохнуло холодом. В прочерках прожектора скорее осязаемо, чем зримо проступили контуры зубчатой стены.

Ночной причал, слабо освещенный фонарями, упирался в странную беззвездную мглу. Мы втиснулись в переполненное такси, и оно ринулось по дороге, круто уходящей вверх. Обочин не было. Слева шершаво отсвечивала каменная стена, справа был черный провал в никуда. Затем следовал головокружительный разворот — и стена с бездной менялись местами: справа тяжелый тусклый блеск скалы, слева — черное молоко.

И утром мы сразу ощутили дыхание огромной воронки. После бирюзово-безоблачных дней впервые появились хлопья тумана, ползущие снизу по склонам волна за волной, а на мраморном полу гостиничных галерей стояли холодные лужи.

Мы проснулись, солнце встало, а он спал, — Санторин, самый могучий вулкан Земли. Спал, тихо дыша и изредка — раз в столетие — вздрагивая во сне и стряхивая с каменной шкуры назойливые крошки человечьих жилищ. Он просыпается не часто, одно пробуждение от другого отделяют примерно двадцать тысячелетий. Последний раз это случилось на грани мифологических и исторических времен, за два-три столетия до Троянской войны.

Уже проплыл по Средиземному морю белоснежный бык-Зевс, неся на спине юную Европу. Остров Крит стал им брачным ложем. Уже пять веков правили там потомки их сына, легендарного царя Миноса. Но вновь проснулись в глубинах Тартара титаны и сторукие — отродье Геи. Море колебалось, как чаша, готовая вот-вот расплескаться. Землетрясения и извержения следовали одно за другим. Гроздь вулканических конусов Санторина, слившихся вместе, образовала гору в несколько километров высотой, на глазах выраставшую из воды. И вот однажды главный магматический канал оказался закупоренным пробкой застывшей лавы. Эта окаменевшая надстройка на какое-то время стиснула, сковала подземную стихию вулканического «базиса». Давление магмы и газов нарастало, покуда, — около 1450 г. до н.э., — не произошел чудовищный взрыв. Мощность его была эквивалентна сотням тысяч хиросимских атомных бомб...

Большая часть острова-горы взлетела в воздух. Около семидесяти кубических километров породы превратились в прах и пепел. Траурным покрывалом он лег на зеркало Эгейского моря, черными хлопьями засыпал его острова. Взрыв был слышен на расстоянии двух тысяч километров – во всей Европе, в Центральной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. Зловещий котел, стены которого обрушились внутрь, изрыгнул такую волну цунами, что в ста милях к югу, у берегов Крита она еще была семидесятиметровой. Все построенное или растущее на плодородных приморских равнинах этого острова на километры вглубь было содрано с лица земли. Могучий флот крито-минойской державы, пять веков господствовавший над Средиземным морем, перестал существовать. Чуть раньше смертоносная взрывная волна снесла четыре дворца-лабиринта: в Кноссе, Фесте, Малии и Като-Закросе, обратила в развалины и в щепки все дома знати и жилища бедняков, все, кроме подземных городов мертвых. Черный снег укрыл руины, поля и пастбища, — где по щиколотку, а где и по колено, — и наступила тишина…

Восточное побережье Санторина — пологое, плавно поднимающееся от сумрачного черно-серого галечника пляжей Камари и Перисcы. Наш «Фиат-Панда» букашкой ползет вверх по склону. Настораживает только шапка тумана над невысокой горой Пророка Илии — откуда бы ему взяться под яростно-безоблачным ультрафиолетом?

Внезапно подъем обрывается. Внизу — трехсотметровый провал, пропасть, край подковообразной разбитой чаши. Впереди, справа и слева — овал гигантских Лужников, зияющий зловещим проломом и наполовину затопленный, словно для некоей водной феерии… Но никакой цирк на воде не передаст и намека на то действо, что разыгралось здесь.

Солнце, поднимаясь над краем чаши, озаряет островок Аспрониси — одинокий зубец, уцелевший от западной трибуны. Воды — глубинного, густого, чернильно-фиолетового оттенка, нигде не просвечивают зелено-голубоватыми отмелями, не отражают лазурного неба. В середине чаши, километрах в пяти, из воды выглядывает черный бок морского чудища — вулканический островок Неа-Каймени, показавшийся на поверхности через полторы тысячи лет после катастрофы, при жизни философа Сенеки.

Долго, опасливо сползаем вниз по единственной дороге, — той самой, по которой промчал нас ночью отчаянный таксист. Снизу края воронки кажутся совершенно отвесными. И видно, что это — не чаша, а рваная рана с черно-красно-бурым каменным мясом и редкими струпьями недавних осыпей и смывов. Лишь на самом верху взреза яркая земная плоть переходит в желтоватый подкож-

ный жир осадочных пород, покрытый двадцатиметровой шкурой вулканической пемзы. И поверх кое-где — странные снежные полосы-шапки. Но это не ледники: едва различимые снизу, плывут облачками в знойном мареве гроздья беленых греческих домов. Люди жили здесь, на вулкане, с незапамятных времен, не подозревая о ближайшем прошлом, о роковых обстоятельствах рождения самого удивительного на свете острова.

Но люди, принадлежавшие к таинственному народу, жили здесь и тридцать пять веков назад, не ведая о своем будущем, отделенные тонкой перегородкой катастрофы от соседей по времени.

Из писем Н.В.Устрялова Г.Н.Дикому из Харбина

№37

23 ноября 1933 г.

[...] Мне кажется, следует решительно переключаться с русского национализма на имперский, т.е. неизбежно советский. Тактически это совершенно ясно. Это понимают и евразийцы, говорящие о «евразийском мире народов». Политически «советский национализм» — более ударный и реальный лозунг, нежели «евразийское сознание». Историософский тезис «советской нации» — вполне защитим, хотя привиться ему будет трудно: он принципиально неприемлем для коммунистического и интернационалистского мессианства.

Я считаю весьма достойными сожаления гитлероподобные настроения, явно проступающие в эмигрантской молодежи. [...] По здешним «фашистам» можно видеть, куда способны они завести. Здесь творится нечто положительно неописуемое по гнусности и глупости, невежественной темноте и разнузданности. Какая-то вакханалия предательства...

№39

31 декабря 1933 г.

[...] Дело, конечно, не в болтуне и ничтожестве В.Ф. Иванове, а в том, что на его лекциях ex officio и in corpore сидит местное духовенство во главе с архиереем, что аудитория его набита битком обывателем, что местная «пореволюционная молодежь» /младороссы — фашисты/ всецело восторгаются его откровениями и, главное, что этот стиль мысли и слова имеет высоких покровителей, вдохновителей, меценатов /sapienti sat/. Ни одна из эмигрантских газет не смеет восстать против этой ныне господствующей идеологии, перед которой чайная былого союза русского народа покажется центром изысканного академизма.

№41

27 февраля 1934 г.

[...] Я надеюсь, что если даже война произойдет, Советский Союз не выйдет из нее побежденным; повторится славная эпопея якобинской Франции.

Думаю я также, что замирение деревни уже началось, равно как и учеба руководителей промышленности происходит весьма интенсивно. Разумеется, все эти положительные явления не означают устранения многих тяжких сторон советской жизни, — и прежде всего той миллионной армии рабов /сосланных, лишенцев — рабочий класс №2/, которая своими страданиями и своими костьми обеспечивает успех многих замечательных строек.

Совсем недавно в руки мне попала (при совершенно мистических обстоятельствах, — как, впрочем, было и с другими материалами об Устрялове) книга М.Агурского «Идеология национал-большевизма», о существовании которой я узнал из мемуаров Рачинской. Добросовестность автора, культура работы с источниками и стремление к объективности — все это не могло не вызвать уважения, особенно если учесть время и место появления книги на свет. Однако от страницы к странице меня все более охватывало чувство горестного недоумения.

Автор был точен, корректен, без предубеждения относился к своему герою: «Я испытываю чувство глубокого уважения к этому выдающемуся мыслителю за его прозорливость, интеллектуальное мужество, но вместе с тем многие его взгляды внушают мне отвращение, и прежде всего апофеоз тоталитаризма. Устрялов сыграл выдающуюся роль в советской истории...» Более того, он специально подчеркивал, что все, кого судьба сводила с Устряловым, отмечали его высокие человеческие качества...

Все было правильно. И все — мимо. Устрялов «Национал-большевизма» никак не связывался, не совмещался... да просто не имел никакого отношения к Устрялову харбинских писем. Агурский доходчиво объяснил, почему Сталин, высказываясь об «устряловщине», приписывает харбинскому одиночке то, чего он не говорил, и наоборот, старательно обходит главные его тезисы. Но странно, что при этом автор не почувствовал неизбежной «заданности» собственной трактовки фактов и материалов.

Речь вовсе не идет о некоей «объективности», принципиально недостижимой в такой ситуации. Работы подобного жанра всегда строят некую модель, идеальный тип, объяснительную конструкцию, которую задним числом погружают в массив исторических документов с целью их интерпретации. Эта интерпретация поневоле приобретает документально-художественный характер. Но мне, дилетанту, всегда чудился некий грех в том, что героям своих творений мы присваиваем имена реальных людей, которые жили и умерли вовсе не для того, чтобы дать материал для поучительных жизнеописаний. Смыслы жизни и смерти всегда останутся закрытыми

для рационального познания, идет ли речь о других людях или о нас самих. И стоя перед фактами новейшей истории, как перед открытой могилой, хочется помолчать, а не слушать речи о том, каким покойный был при жизни.

Надеюсь, из моих заметок не удастся извлечь никакого конкретного «образа Устрялова», тем более претендующего на окончательность. Они — об ином.

Из речи И.В. Сталина на XIV съезде ВКП(б)

Сменовеховство — это идеология новой буржуазии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией... По ее мнению, коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас мы, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь «цезаря», который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики. [...]

Устрялов — автор этой идеологии. Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет».

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№44

2 апреля 1934 года.

Я считаю, я знаю, что Вы абсолютно правы: «Север» связан с безусловнейшей аскезой, и при том она, «аскеза», еще, пожалуй, minimum. Это несомненно, и я отдаю себе в том полный отчет. Готов признать также обязательность руководства генлинии, политической дисциплины. Но гораздо труднее отречься от всякой самостоятельности в сфере «историософской», в области больших социально-научных синтезов, прогнозов и проч. Но и это нужно, если поворачиваешься лицом к Северу: идеократия, как известно, есть государство с обязательным не только политическим, но и общим, всяческим миросозерцанием.

[...]

«Желание рождает мысль» — быть может, поэтому [...] все стараешься уловить первые намеки на первые ласточки, имеющие возвестить некую, хотя бы и скромную политическую «весну». Если социализм наш консолидируется, условия жизни несколько улучшатся, — люди должны же подобреть! Конечно, вот сроков не уловишь, длительны русские сроки!

№47

7 сентября 1934 года.

...Зачем мне отказываться от права и возможности свободных суждений на политические темы и от самых этих суждений? «Мечтать у нас не запрещено, товарищи». Ни своей публицистикой, ни скромной своей спецовской работой /кстати, библиотеку на днях снова открыли, и я опять при деле/ я не приношу никакого вреда своему государству.

Но — мои «ереси»? Но это же понятие относительное. Вот сегодня узаконили «родину», а завтра, глядишь, реабилитируют и «Бога». Почему же, в форме безусловно невинной, доброжелательной, «философической», не поднимать проблем завтрашнего дня?

«Но — скажете — это небезопасно лично для вас». Ну, Вам хорошо известно, что опасности по нынешним временам нас подстерегают решительно на каждом шагу, и подчас попадаешь в пасть беде именно тогда, когда хочешь ее избежать. Тут нужен некоторый запас фатализма. В 1920 я бухнул в сменовеховский колокол, совершенно не заглядывая в книгу грядущих моих личных судеб. «И ничего, живем». Правда, теперь потяжелели немножко, годы давят, — но ведь, пожалуй, с другой стороны это лишнее основание не обременять себя мыслями о личном будущем: жизнь-то, как это ни грустно, — в прошлом. Чего ж бояться?..

[...]

Если бы я мог рассчитывать на какую-либо практическую деятельность большого государственного масштаба, — тогда, быть может, стоило бы ради нее жертвовать маленькими радостями свободных суждений. Но абсолютно очевидно, что такая карьера, rebus sic stantibus, для меня исключена. И раз так, раз в перспективе — не более, чем та же «библиотека», тот же архив, право, нет смысла как-то переламывать себя.

Ласточка, минойская ласточка, унесенная вулканическим ветром на край земли, вздумала вернуться в родную кальдеру, где в зловонно-асфальтовом болоте, в дымах сернистых испарений ее поджидал венец каменноугольной неоэволюции — *дипловертеброн*, живой капкан с пастью-чемоданом. Динозавры, эти интеллектуалы светлого мезозойского будущего, активно хватали и пожирали все, что движется, — однако при этом не трогали неподвижные предметы, которые их глаз не воспринимал. Подслеповатый земноводный жабокрокодил был попроще, имел лишь один рефлекс: глотал все, что само лезло ему в пасть...

Из писем Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому из Харбина

№48

28 сентября 1934 года.

На всякий случай я решил привести в порядок свой личный архив — наиболее интересную переписку, дневниковые записи.

Приступаю к снятию копий в четырех экземплярах и к некоторой элементарной обработке материала.

По этому поводу у меня к Вам просьба: не могли бы Вы выяснить, нет ли в Париже какого-либо учреждения, куда было бы можно передать подобные документы на изв. условиях; в сущности, мое условие одно — не считать их доступными для публичного обозрения до моего разрешения /либо, скажем, в течении 20 что ли лет/.

№49

27 октября 1934 г.

Дорогой Г.Н.

Последние дни сплошь находился, можно сказать, в духовном общении с Вами: перечитывал Ваши письма за многие годы! И должен сказать, что испытывал при этом чувство самого живейшего и даже подчас взволнованного интереса. И не только потому, что — минувшее проходит предо мною, — но и потому также, что многие из наших вопросов, сомнений, дружеских споров — историей еще не разрешены, и доселе нас мучат. [...] Видно, как в эпоху Николая 1, общественной мысли суждено у нас биться в значительной мере подспудно, — на то и эпоха идеократий! Я уже препарировал переписку свою с Лежневым и Сувчинским, сейчас заканчивается приведение в порядок переписки со сменовеховцами /Пл.[1], Пот., Бобр.-П./, а потом перейдем к нашей с Вами.

№50

24 ноября 1934 года.

Смотрю на будущее — сами поймете — без наивных иллюзий, но с твердой готовностью к работе и к аскезе, с отрадным сознанием последовательного вывода... а, главное, — домой!..

Сулит ли этот милый, родной дом еще порцию жизни, или тянешься туда, как сказочный странник, на вечный покой, — в конце концов «все благо». В Вашем последнем письме Вы очень чутко, мне кажется, отметили, что пессимизм — это убыль, исчезновение любви, маскировка душевной опустошенности. Да здравствует же оптимистический фатализм — пусть не элементарный, не наивный, а умудренный опытом веры, любви и — страдания тоже...

№52

Харбин, 25 декабря 1934 года.

Объективно говоря, трагические события последних недель не лишены смысла и согласуются с общей закономерностью процесса.

История отметает многих людей первой главы, превратившихся в отработанный пар. Но, разумеется, все это куда спокой-

[1] Вероятно, в оригинале «Кл.», т.е. Ключников – *С.Ч.*

нее наблюдать из прекрасного далека во времени и пространстве. [...] Мудрено ведь, в самом деле, разобраться в клубке, включающем в себя и социализм, и родину, и мировую революцию, и единый фронт, и Лигу наций! То одни путаются, то другие. При этом «аминь» подчас оказывается более одиозен, нежели «долой», и кивающая голова может во благовремении слететь шустрее качаемой. Замечательное время.

В письмах Устрялова явственно различимы четыре слоя, и у каждого из них — свой адрес.

Первый откровенно адресован Большому Брату и его компетентным органам. Читать это бывает горько и стыдно.

Второй обращен как бы к формальному адресату, но написан явно с учетом возможной перлюстрации. И стилистически, и жанрово это — слой «идеологии сменовеховства». Именно этот Устрялов был героем нескончаемых партийных дебатов в течение пятнадцати лет, в 1920-35 г.г.

Третий и вправду обращен к адресату, указанному на конверте, – в тех случаях, когда письмо удавалось переслать окольным путем или с надежной оказией. Отсюда можно узнать немало нового о взглядах Устрялова на происходящее.

Наконец, четвертый (а за ним угадываются другие) адресован себе самому; а поскольку отправитель и получатель в этом случае пространственно совпадают, то, стало быть, письмо обращено в иное время.

[...]

Списался с Калугой, куда в случае переезда сразу направлю семью. Мать моя ответила восторженным письмом в духе «ныне отпущаеши», и считает дни, в надежде увидеться. [...]

Продолжаю работать над архивом письменного стола и памяти. Уже около тысячи страниц перепечатано, осталось еще примерно столько же. Дописывая незаписанное, мастерю примечания, дабы итоговую черту провести, по возможности, с сознанием полноты зафиксированного. Так бывает перед...

Перед новой жизнью? Перед вторым рождением?

№57

6 апреля 1935 года.

Уезжаем скоро, — в последней декаде апреля или в первой декаде мая. Едем всей семьей — прямо в Москву.

Токийское соглашение обеспечило мне 15 тысяч золотых рублей заштатных. Продал дом за 7 тысяч йен. Итого получилась бы возможность жизни заграницей лет около десяти!

Но нужно же в такие решительные минуты иметь мужество подчиняться логике идеи. Общие знакомые считают, что я

сошел с ума, — с обывательской точки зрения они б.м. правы. Когда меня спрашивают, для чего я так поступаю, я отвечаю:

Для биографии.

Впрочем, шутки в сторону. Вы поймете меня лучше других. Тут не только своеобразный долг чести /абсолютно бескорыстный и не рассчитанный на то, чтобы кто-то «понял и оценил»/, – тут и собачья тоска по дому, и усталость от перманентной двусмыслицы нашего заграничного бытия. Будь же, что будет, чему следует быть!

№58

22 апреля 1935 года.

Да, Вы безусловно правы: путь эмиграции /хотя бы даже и с советским паспортом в кармане/ был бы не только срывом всей моей политической линии, идейным банкротством, но и источником неизбывных личных мучений, жестокой внутренней опустошенности. Возвращение на родину воспринимаю я не только как непререкаемый долг чести, но и как живую радость...

[...]

Возвращение — для надлежащей работы под знаком и в пределах правительственной политики, возрождающей и перестраивающей страну. Предоставление своих сил в распоряжение государства. Это, можно сказать, — имманентный и естественный вывод «устряловщины», ее последний, завершающий акт, осуществляющий и вместе с тем упраздняющий ее.

[...]

Если это даже и своеобразный акт самосожжения, то в духе евангельского афоризма: потерявший душу свою найдет ее.

[...]

По отношению ко мне [...] долг повелевает сугубо. В некотором роде я, как Вы знаете, — фигура символическая, репрезентативная. Недаром и в советском, и в антисоветском лагерях сейчас живо интересуются моим решением. И ясно, что это решение должно быть принято лишь по мотивам строго идейным: position oblige. При других условиях, не скрою, я предпочел бы вернуться в Россию кружным путем, через океаны, тропики и Европу, — такое путешествие издавна было заветной моей мечтой. [...]

Но что ждет меня там, за рубежом, на родине? — Вопрос интересный, но не имеющий отношения к здешнему моему выбору, — ибо долг, как известно, повелевает безусловно и не связан с представлением о награде или каре.

[...]

Государство ныне строится, как в годы Петра, суровыми и жесткими методами, подчас на костях и слезах. В своей публицистике я осознавал этот процесс, уясняя его смысл и неоднократ-

но призывал понять и оправдать его. Тем настоятельнее необходимость сделать из этих ответственных призывов не только логический, но, когда нужно, и жизненный вывод. Ежели государству понадобятся и мои собственные «кости», — что же делать, нельзя ему в них отказывать.

«Кость в груди нащупываю я…»

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что тут не только вопрос приличия, достоинства, долга, Нет, тут также неудержимое, радостное, обостренное долгой разлукой тяготение к родной земле, — как Вы пишете, — «к воздуху, цветам, краскам, климату», к душевно-телесному облику родины. Иначе говоря, тут не только долг, но и любовь. И против союза этих двух сил, — Вы сами понимаете, — не могут устоять никакие другие.

№59
11 мая 1935 года.
Посылаю Вам листок своего дневника /от 26/11/, посвященный статье Ф. в посл. № «Совр.Зап.» При случае, можете ему его показать. Это, можно сказать, последние брызги моей мысли заграницей — перед окончательным и всецелым приобщением к родной стихии. Там, разумеется, я уже не позволю себе даже и в дневниковых записях отклоняться от системы идей, обязательных для всех…

№60
19 мая 1935 года. Харбин.
Дорогой Г.Н.
Сегодня уезжаем в Москву.

Из воспоминаний Елизаветы Рачинской «Калейдоскоп жизни»[1]

Судьба Н.В. Устрялова после возвращения его в СССР очень долго оставалась мне неизвестной. Совершенно случайно я познакомилась со статьей Ю.Клявера в «Новом русском слове» (от 17.12.1980), в которой […] он пишет следующее:

«Имел ли Устрялов влияние на конкретную политику советской власти? Об этом он откровенно мечтал и в предисловии к одной из своих книг писал: «Словно и впрямь удел мой — истину царям с улыбкой говорить?» Это был самообман. Власть была только у Сталина… […]

В ответ на сталинскую Конституцию Устрялов в последний раз отозвался в Москве статьей «Рефлекс права». Это подсказывание идеи права в стране общего бесправия стоило Устрялову жизни.»

Повторяю, рана этого поколения была смертельна. Кальдера не отпустила никого. Устрялов «как незаконная комета», казалось,

[1] YMCA-PRESS, Paris, 1990, стр. 184

вырвался из оков притяжения, — но достигнув точки ухода, бифуркации, вдруг повернул вспять и, прочертив ослепительную дугу, сгорел в атмосфере, что успела стать чужой. А те, кто не вернулся, – угасая, все чувствовали узы ее гравитации. И не нам судить, чей конец был страшнее.

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, — мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду жил,

дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд —
поздно, поздно! — никто не ответит,
и душа никому не простит.

Париж, 1939

КАЛЬДЕРА ТРЕТЬЯ

...Мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землею а под нами — громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы.

Александр Блок, 1908 г.

Мы (в большинстве) завидуем нашим потомкам. — Потомки наши будут завидовать нам. Каждый час нашей эпохи будет жеваться до исступления.

Великая Россия творится в великих потрясениях. Антитеза Столыпина «снята». Кому нужна Великая Россия, тот должен принять и великие потрясения.

Николай Устрялов, 1920 г.

Минойский город был пуст. Мы стояли на перекрестке, среди каменных двухэтажных домов, — точнее, их остовов. Сквозь зияющие оконные и дверные проемы с рамами из добротного деревянного бруса виднелись рухнувшие лестницы, перегородки и остатки кухонной утвари. Над городом царили тишина и полумрак. Тишина – потому что улицы были выстланы вулканической пылью, гасящей звуки. Полумрак — потому что город, точнее, его раскопанная часть (площадью примерно в три футбольных поля) накрыт сверху шатром из рифленых конструкций, уберегающим от дождей и выветривания.

В 1967 году здесь, близ местечка Акротири у южного побережья Санторина, начались раскопки. Под слоем пемзы, толщина которого у края острова составляет «всего» четыре-шесть метров, наткнулись на остатки множества домов. Профессор Маринатос, руководивший археологами, поспешил объявить, что найден царский город, метрополия минойской Атлантиды, которую постигла участь Помпеи. Однако многое наводит на мысль, что город занимал большую часть острова, в том числе и ту, что ушла под воду, а раскопанное представляет собой что-то вроде Южного Бутова.

Пепел и пемза, которые погребли под собой руины, законсервировали и сохранили их. В противном случае мегатонны ударной вол-

ны от взрыва Санторина превратила бы все в порошок. И благодаря этому «мгновенному снимку» многое удалось узнать.

Минойский город был пуст в момент извержения. Город разрушен сильнейшим землетрясением примерно за год до этого: зерна, оставленные на развалинах, проросли до начала пеплопада. Все жители успели уйти — в отличие от Помпей, не было найдено ни одного человеческого скелета. Можно лишь догадываться об обстоятельствах трагической эвакуации. Это не было просто паническим бегством: люди успели собрать и вывезти все наиболее ценные предметы и орудия труда. Но на счастье археологов, есть вещи, которые невозможно увезти. Почти в каждом из раскопанных домов была комната, от пола до потолка украшенная фресками! Словно распахнулось окно в удивительный, давно исчезнувший мир.

…Длинные многовесельные суда, украшенные праздничными гирляндами, идущие в парадном строю вдоль берега с узнаваемыми двухэтажными домами, которые — оказывается! — были разноцветными… Голубая река (или протока?), вьющаяся среди пальм и неведомых тропических растений, а по берегам — множество птиц, олени, львы, голубые обезьяны… Весенние холмы, покрытые лилиями, над ними — порхающие ласточки… Какой радостной полнотой жизни, какой спокойной энергией веет от этих картин, как не похожа их «цветущая сложность» на суровый экспрессионизм каменистых склонов нынешнего Санторина! В каком мире жили минойцы Акротири? В реальном — или фантастическом?

Они жили в кальдере.

В 1947 году шведское научное суденышко «Альбатрос», поднимая колонки грунта со дна Средиземного моря в районе острова Крит, обнаружило два четких слоя вулканического пепла на разных уровнях. Это были следы двух пробуждений вулкана Санторин. Нижний, более древний, отвечал времени последнего ледникового периода. За двадцать два тысячелетия до минойской катастрофы пепел вулкана уже однажды покрывал половину средиземноморья от Сицилии до Турции, а на его месте возникала огромная воронка…

Чаша Санторина — далеко не единственная кальдера на свете, хотя и самая большая из них. Благодаря этому обстоятельству, можно многое сказать о том, как выглядел остров в эпоху между двумя пробуждениями подземной стихии.

Дремлющий вулкан как тюбик выдавливает магматическую пасту, постепенно заполняя дно кальдеры, а вода и ветер подвергают эрозии ее стены, выстилая чашу изнутри плодородными осадочными породами. Горячие источники выносят на поверхность минеральные соли — каждый со своим неповторимым составом. Постепенно

образуется долина с центральным холмом, окаймленная невысокими горами, со своим микроклиматом, уникальным растительным и животным миром. И вся эта благодать, — подлинный Эдем в перерыве между двумя Тартарами, — на геологических часах длящаяся мгновение, по историческим меркам почти равна вечности.

Но можно предполагать, что Санторин в минойскую эпоху выглядел еще удивительнее. Если непредвзято взглянуть на известный миф платоновского «Крития», заезженный атлантофилами, то бросается в глаза необычная конфигурация центрального острова, чересчур изощренная, чтобы быть простой выдумкой.

«Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины, примерно вот в каком месте: от моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях1 от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая. […] Тот холм […] он укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, а водных — три) все большего диаметра, проведенными словно циркулем из середины острова. […] А островок в середине Посейдон без труда, как то и подобает богу, привел в благоустроенный вид, источил из земли два родника — один теплый, а другой холодный – и заставил землю давать разнообразное и достаточное для жизни пропитание.

[…]

Самое большое по окружности водное кольцо […] имело в ширину три стадия, и следовавшее за ним земляное кольцо было равно ему по ширине; из двух следующих колец водное было в два стадия шириной и земляное опять-таки было равно водному; наконец, водное кольцо, опоясывавшее находившийся в середине остров, было в стадий шириной.

Остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев в диаметре. […]

К услугам царей было два источника — родник холодной и родник горячей воды, которые давали воду в изобилии, и при том удивительную как на вкус, так и по целительной силе. […] Излишки воды они отвели в священную рощу Посейдона, где благодаря плодородной почве росли деревья неимоверной красоты и величины.» (Платон. «Критий»)

Что за странные кольца и валы? Платон указывает на их божественное (т.е. дочеловеческое, природное) происхождение — в от-

[1] 1 стадий = 193 метра, т.е. радиус равнины — примерно десять километров

личие от соединившего их поперечного канала, прорытого позднее атлантами. Разгадка проста. Подобную структуру — тройную кальдеру-матрешку — можно увидеть сегодня собственными глазами, пролетая на самолете над вулканами камчатской гряды. Видимо, через некоторое время после основного взрыва вулкана последовал другой, меньшей мощности, кальдера которого оказалась заключенной внутри основной, затем — еще один, самый слабый, и лишь после него вулкан затих на тысячелетия…

Катастрофа Санторина заживо кремировала крито-минойскую цивилизацию, которой отныне суждено было остаться золотым сном человеческого детства. Несколько десятилетий никто из врагов не решался прийти на пепелище, покуда развалины кносского дворца-лабиринта, словно освободившуюся квартиру репрессированного, не заселили грубоватые, жизнерадостные ахейцы.

Конечно, часть сельского населения в центральных районах Крита уцелела. Конечно, в живых остались некоторые представители минойской элиты, — те, кого катастрофа застала в Малой Азии, в Египте или на Кипре, кто чудом спасся, укрывшись в пещере или землянке бедняка. Они остались, но их родина, минойская держава, распалась на первоэлементы земли, воздуха, огня и воды, ускользнула в иероглифы Саиса, в греческий миф, обернулась Атлантидой. Они остались, — как свет звезды, которая угасла, — доживать свой век рядом с ахейцами, вожди которых понимали минойский язык. Ведь это был язык их хозяев, властителей моря, могущественных врагов и мудрых учителей. Но спустя два века и сами ахейцы оставили бастионы Микен и Тиринфа под натиском дорийских орд и рассеялись в походах «народов моря». Тайна «линейного письма А» была забыта, потомки минойцев окончательно растворились в волнах пришлого варварства, а на склонах кальдеры, на руинах критских дворцов запестрела плесень чужих жилищ…

«Новоселы моей страны!» — взывает Марина Цветаева, еще одна из бездомного племени возвращенцев. Выкрикивает и — осекается. Язык ее стихов — язык Атлантиды. И бузина возле дома, который пуст, для пришельцев связана не с «кровью сердца», а с киевским дядькой.

Устрялов учился говорить с «новоселами» на их собственном «новоязе». И был услышан…

> *Помню, сидел как-то в казенной пермской столовке. Кругом за столиками — красноармейцы, комиссары, чрезвычаевцы (из «батальона губчека»)… Украдкой всматривался, запоминая… Вспомнились невольно парижские музеи революции. «Тип якобинца» отошел в историю, ярко запечатленный, отлившийся в*

чеканные формы. Так и здесь. «Тип большевика» — несомненно, столь же отлился уже. Что-то общее было в них всех. В массе. Выражение лиц, стиль одежды, манера держаться... Жуткий, страшный тип. Но — чувствуется сила, своеобразие, главное воля. «Программа двадцатого века», — как «89» и «93» были программою девятнадцатого.

...Потом тоже будут показывать в музеях восковыми фигурами.

[1920 г.]

Камня на камне не оставит пролетающий над Россией вихрь ни от старой, выродившейся власти, ни, что еще важнее, от старой радикальной интеллигенции, ни от отжившего социального порядка. Изменится весь облик страны. [...] Но что же делать?... Это — Россия, и притом единственная: другой нет и не будет... И под новым обликом в ней — та же субстанция, та же великая национальная душа. Какова бы она ни была, наша жизнь – в ней, а не вне ее.

Если за эти пять лет преобразились люди революции, то изменились и многие из нас, интеллигенции старой России. [...] Мы освободились от великого порока «гордости ума», перестали считать себя солью родной земли, и готовы служить этой земле, хотя избрала она не тот путь, какой в самоуверенном ослеплении мы ей указывали. Мы узнали, что все пути ведут в единый Рим...

Мы не отрекаемся от родных пепелищ, не забываем дорогих могил, но знаем теперь, что от прошлого ничего, кроме пепелищ и могил, не осталось. Мертвое мы уже не примем за живое, не станем поперек жизни. Не забудем, что и старые свои исторические задачи новая Россия разрешает по-новому, в свете нового всемирно-исторического периода, в который вступает современное человечество.

[7 ноября 1922 г.]

Много потрясений пережило «цивилизованное человечество» за эти годы, и много, слишком много, горя. [...]

И вся эта нынешняя бестолковица потерявших подлинную взаимную связь, маниакально «самоопределяющихся» народов, кружащихся исступленно в каком-то мрачном танце сатаны, разве не свидетельствует она о мертвенном разложении человечества на составные элементы?

А роковое бессилие справиться с чарами войны, формально прекратившейся? А явственное отсутствие единой великой идеи, способной дать существенно новое содержание историческому процессу?..

[ноябрь 1920 г.]

[...] Человечество [...] искупает «первородный грех», свое роковое несовершенство [...] . Прогресс есть прежде всего искупление. Вот почему он катастрофичен (предсмертная мысль

Вл. Соловьева). Его катастрофы суть одновременно проклятие и благословение человечества: будучи следствием «испорченности» человеческой природы, они вместе с тем — залог ее исцеления.

[1920 г.]

Уж не нырнуть за ним, летейские воды покрылись ледяной броней; но как проруби, еще открыты в мир глаза, хранящие его живые черты.

Седовласая парижанка Лидия Григорьевна Эпштейн-Дикая прекрасно помнит Николая Васильевича как преподавателя в харбинском училище, старого семейного знакомого, партнера по воскресным походам, ближайшего друга ее отца, — которому и были адресованы харбинские письма. Мы сидели за чаем в квартире Льва Остермана, — неподалеку от легендарной 3-й улицы Строителей, где жил герой «Иронии судьбы», — и она, загадочно улыбнувшись, поведала, что Устрялов был «шармёр»... Покуда ее глаза, видевшие так много, лукаво, исподтишка посматривали на меня (знакомо ли «молодому человеку» это слово?), я вспоминал, где читал его (не слышал живьем никогда!). Конечно, — Бердяев, в «Самопознании», так именовал любимого кота Мури. Потом по этому поводу над ним еще издевался Галковский в своем «Тупике»...

Женщины любили его. Он отвечал им взаимностью. При всем том, при всей былинности его жизненных обстоятельств Устрялов – совсем не герой. Достаточно вспомнить тот обморок (если Гинс, конечно, его не присочинил). А первая реакция на весть о падении Омска? «Дров купили на днях, вставили рамы... Запаслись сахарком. Боже, опять горе...» Ему была свойственна болезненная мнительность в вопросах здоровья. Устрялов считал, что у него хронический колит, и чуть было не собрался по этому поводу помирать, питался молоком и кашей. А потом, пройдя по случаю обследование у американских врачей, не обнаруживших никакого колита, мгновенно выздоровел и сладострастно предался чревоугодию, с простодушной радостью оповещая об этом друзей.

«Шармёр». Вот он — на архивном фото — в стайке харбинских дачников, высокий и немного грузноватый, и впрямь похожий на кота, стоит, склонив набок голову с пресловутой мефистофельской бородкой. Вокруг — чьи-то дети и жены, за спиной, хвойным медвежьим боком — Большой Хинган. А дальше, словно брустверы и эскарпы, возведенные для обороны Москвы от всепроникающей устряловщины, громоздятся Яблоновый хребет, Саяны и Енисейский кряж, Алтай, Кузнецкий Алатау, тысячеверстные приобские болота, последним бастионом — Урал. Там, в столице, одинокий маньчжурский профессор права — притча во языцех, товарищ Ста-

лин вслед за Лениным величает его главным идеологом классового врага. Его не устают поминать Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Киров. Вот вам и «шармёр»…

Но так ли уж страшен Устрялов, как его малюют Ильич и товарищ Коба?

Первое впечатление от полемики лидеров ВКП(б) с главным сменовеховцем — скука и отвращение. Затем приходит удивительное открытие: ведь никакой полемики-то нет! Вместо этого — «диалог» глухонемых: хитрецы из Политбюро, меча громы в харбинского Фому, целят в московского Ерему. Фамилия бедного Николая Васильевича используется как бранное слово, которым Троцкий припечатывает Сталина и наоборот, Зиновьев и Бухарин, побывав устряловцами, в свою очередь приписывают устряловщину генеральной линии партии. Это и был, по определению самого виновника торжества, «карнавал для галерки с сожжением чучел», — кстати, проницательно проанализированный Агурским.

Картонный Сталин отчаянно сражался с надувным Устряловым…

Как известно, товарищ Сталин был изрядный шутник. Только вот не слишком ли — на полтора десятилетия! — затянулась эта шутка? Пятнадцать лет имя основателя «сменовеховства» мусолилось на страницах официальной печати, склонялось в протоколах пленумов и съездов, трепалось в дискуссиях с партийной оппозицией. В 1936 году Устрялов удостоился в первом издании Большой советской энциклопедии персональной статьи таких размеров, что мог позавидовать не один представитель ленинской гвардии. У энциклопедической истории был хэппи-энд: ныне профессор У. во всем раскаялся, признал ошибки и успешно преподает в МИИТе. Но точку в борьбе с неискоренимой устряловщиной год спустя поставила не эта статья, а ст.ст. 58-1»а», 58-8, 58-10, 58-11…

Точку ли?

Сталин явно страдал неким «комплексом устряловщины», испытывал безотчетный страх перед чем-то, связанным с этим бесконечно далеким человеком. Перед чем? К чему всемогущему генсеку эти угрозы с высокой трибуны съезда в адрес профессора-одиночки, за которым — ни партии, ни Запада, ни «крыши»? Они могли иметь только обратный эффект. *Устрялофобия* — вот диагноз психического недуга ВКП(б). Но помогло ли физическое устранение ее видимой причины?

Рациональный анализ текстов самого Устрялова не помогает объяснению этой фобии. Он лишь задает новые загадки.

Во множестве статей и писем Устрялов бьется над задачей, которая, очевидно, не имела и не могла иметь решения. Он пытается

нащупать такое положение возвращенца между белой эмиграцией и советской властью, которое не было бы ни полной капитуляцией, ни непримиримо-деструктивной оппозицией. Он ищет какую-то линию достойного человеческого поведения в пространстве между двух враждующих лагерей. Но линия не отыскивалась, потому что не было пространства. Поэтически это еще было мыслимо: *«А я стою один меж них // В ревущем пламени и дыме // И всеми силами своими // Молюсь за тех и за других»*. Но Устрялов-то хотел вывести формулу, определить координаты этой позиции, выразить ее рационально, да притом так, чтобы она была признана в обоих лагерях. Результат было нетрудно предугадать. К тому же в русской культурной традиции глубоко укоренены страх оборотничества и связанная с ним специфическая подозрительность к перебежчикам. Враг рода человеческого как таковой, в своем собственном обличии часто удостаивается лишь снисходительно-юмористического отношения, черти с чертенятами — неизменные неудачники и страдальцы в народных сказках. Подлинный ужас вызывает зло в оболочке добра — Антихрист. Роль в моноспектакле, которую пытался сочинить Устрялов, неуклонно воспринималась одной стороной как роль Иуды, предавшего Белое дело, а другой — как коварный замысел классового врага подорвать советскую власть изнутри.

Однако на страницах прессы устряловщине противостояли не только партийные бонзы, занятые «сожжением чучел», и бдительные журналисты-разоблачители, но и официальные коммунистические профессора, считавшие своим долгом полемизировать «по существу». Попытки Устрялова направить эту полемику в осмысленное русло лишь углубляют ощущение постигшей страну интеллектуальной катастрофы. В тщетных усилиях приноровиться к уровню «оппонентов» он становился на четвереньки, склоняясь к колыбели пролетарской идеологии, лепетал: «ма-м-ма», «ба-б-ба»… Но дитя, классово щурясь, пролепетывало в ответ свой непреклонный «бобок».

Лишь иногда, то ли забывшись, то ли устав от дремучести ахейцев-»новоселов», Устрялов переходит на минойский и произносит пламенные монологи и целые лекции, которые повисают в пустоте.

В них не содержится каких-то беспрецедентных открытий, — да этого и трудно ожидать от газетно-журнальной публицистики. Дело в ином. Устрялов свободно и непринужденно, как своё, использует понятийный арсенал, наработанный «серебряным веком». Каждый такой монолог — концептуальные очки, открывающие новую грань реальности, невидимую невооруженным глазом. Не вина, а беда Устрялова, что Проницательный читатель использовал эти очки в соответствии с «ноу-хау» из басни Крылова.

Что ж, поможем, пожалуй, следователю Панкратову и другим читателям Николая Васильевича определить его классовое нутро и партийно-политическую принадлежность. Будем основываться, как это принято у нас, на признательных показаниях самого Устрялова, благо он не поленился, дал на себя матерьяльчик.

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ. О РЫНОЧНЫХ РЕФОРМАХ В РОССИИ

Первое, что инкриминировалось Устрялову — призывы к буржуазному перерождению советской власти и апологетика рыночного хозяйства. В его статьях времен НЭПа, действительно, немало пассажей, которые украсили бы «Новый мир» времен безраздельного господства Селюнина-Шмелева. Однако ему и в голову не приходило, что «рынок» может быть возведен в ранг «идеологии», из средства превращен в цель, боевой лозунг и критерий партийности.

Судя по всему, из бурь революции Россия выходит отрезвевшей и «оземлившейся», утратившей многое от своей былой психологии. Часто приходится слышать, что страна психологически «американизируется». [...] Ушла из русской жизни чеховщина, тургеневщина, исчезли и мотивы народнического «покаяния». — Но не значит ли это, что ушла и «достоевщина»? Что нет уже и гоголевской «птицы-тройки»?..

Но что же остается тогда от «великого призвания» России? Не о «второй же Америке» размышляют лучшие люди Европы и не для того же тосковал одинокий Чаадаев, метался в духовной лихорадке Герцен, пророчествовали славянофилы, бредил вещий Достоевский, не для того же творилась русская история и созидалась русская мысль, чтобы после величайшей из национальных революций русский мужик приобщился идее свободного накопления, а русский интеллигент — духу размеренного мещанства!

[8 апреля 1923 г.]

[...] Мы ни с какой стороны не заинтересованы в реставрации «обычных буржуазных форм», как таковых. Больше того: мы не думаем, что эти формы в аспекте всеобщей истории вечны или даже особенно долговечны [...] Ленин ошибается, когда говорит, что, указывая на грозящую советской власти опасность «скатиться в буржуазное болото», мы «стремимся к тому, чтобы это стало неизбежным». Буржуазный строй не есть для нас фетиш, идол, цель в себе, и мы не только не отрицаем исключительного значения русской революции, как первого бурного откровения некоей новой исторической эры, но и стремимся к тому, чтобы как можно больше положительных ее достижений в социально-поли-

тической сфере остались зафиксированными, чтобы она дала максимальные результаты и в русском, и в мировом масштабе.

[июль 1922 г.]

Как всегда, текст Устрялова повергает Проницательного читателя, вожделеющего расстановки точек над всем алфавитом, в состояние злобного недоумения. Ежели вещий Достоевский бредил не для того, чтобы русский мужик мог купить билет Мавроди, то уж не для того ли, чтоб он насладился продразверсткой? Ну, а коли речь (память ностальгически суфлирует) о «всемирно-исторической роли Великой октябрьской», то подозрителен настойчивый акцент на ее национальном духе и характере…

МОНОЛОГ ВТОРОЙ. О НАЦИОНАЛИЗМЕ И КОСМОПОЛИТИЗМЕ

Читателям всех трех изданий БСЭ известно второе из главных прегрешений Устрялова: имперский патриотизм и великодержавный национализм. Авторы и составители энциклопедии жили в то счастливое время, когда еще не было известно, что в силу непостижимых причин (то ли по определению, то ли в соответствии с секретным Указом) приверженность к рынку абсолютно противопоказана патриоту и наоборот. Поэтому в качестве портрета нашего героя они преподносят жутковатый гибрид Гайдара со Стерлиговым.

Итак, Устрялов — национал-большевик, чуть ли не фашист, непримиримый враг пролетарского интернационализма и космополитизма. Терпеливо сносивший подобный бред добрых три года, Устрялов разразился в октябре 1923 года фундаментальной статьей «О нашей идеологии».

…В печати нам уже неоднократно приходилось слышать упреки в некоторой «старомодности» нашего национализма, неизбежной ограниченности нашего патриотического кругозора, в недостаточном чутье тех «катастрофических» перемен, которые вносит в мировую и русскую историю нынешний кризис. […] Их доводится выслушивать нередко и от близких нам тактически в данный момент […] берлинских «накануне» («соскользнувших влево» сменовеховцев), и московско-питерских примиренцев (Лежнев, Тан, Адрианов). Само собою разумеется, что и коммунистические идеологи, со своей стороны, вполне присоединяются к подобным обвинениям по нашему адресу…

Трагикомизм ситуации в том, что Устрялов (не знаю, сознательно или невольно) в качестве «отдельных недопонявших» перечисляет практически всю свою потенциальную аудиторию. Вне этого круга мало кто, за исключением соседей и родственников, мог интересоваться или просто узнать, — о чем он там пишет в своем Харбине?

[...] Превращение мира в одно хозяйственное целое еще далеко не убивает ни национальных культур, ни национальных особенностей. Интернационал, по самому смыслу этого термина, есть не уничтожение наций, а только установление постоянной и положительной связи между ними. В пределах исторического предвидения (и то достаточно еще отдаленного и туманного) рисуются «соединенные штаты мира», а не «единый человеческий народ», лишенный расовых и национальных перегородок. Этнографические и культурные типы сохранят свое индивидуальное бытие. [...] Подобно тому, как истинная гармония «не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством, по временам и жестокая борьба» (К. Леонтьев), — так и жизнь человечества не может быть сведена к узкому единству отвлеченного космополитизма, ибо представляет собою своего рода радугу расовых особенностей и национальных культур. Пусть эта радуга в процессе всемирной истории перманентно тяготеет к «белому лучу» всечеловеческой идеи, но никогда нельзя забывать, что белый луч есть, в свою очередь, результат сочетания красок, творческий синтез цветов.

Таким образом, признание неизбежности и желательности существенных изменений в сфере взаимоотношений между государствами и нациями отнюдь не может парализовать работы по уяснению «ликов» отдельных национальных культур и тем более стремления к собственному национальному самосознанию. В доме Отца обителей много, и каждый народ призван заботиться прежде всего о своей обители. Украшая ее, он совершенствует весь «дом Отца».

В интернациональном доме «отца народов» те, кто стремился к национальному самосознанию, обретал совсем иные обители…

[...] Чтобы достичь высот интернационала, необходимо прежде пробудить и развить в нациях подлинное культурное самосознание. Иначе вместо интернационала «мировых штатов» – явления высшей дифференциации и интеграции — получится просто первобытный хаос, таящий в себе неизбежный распад.

Следствию стоит обратить внимание, что речь-то идет о двух разных интернационалах. «Белый», устряловский интернационал – это «творческий синтез цветов», «явление высшей дифференциации и интеграции». Красный Интернационал — монохроматичен, являет собой торжество социальной однородности. Получается,

что «красное» как составная часть должно входить в устряловское «белое». Сэр Исаак Ньютон одобрил бы эту мысль, но вряд ли ею восхитились бы Радек с Бухариным, Врангель и столь любимый Николаем Васильевичем адмирал Колчак. Продолжим, однако, заслушивание признательных показаний.

Перед Россией — великая задача духовного самосознания. [...] Как бы ни относиться к импрессионистской системе Шпенглера, — многое из того, что он говорит о «душах культур», заслуживает самого пристального внимания.

Тем знаменательнее его оценка России как самостоятельного культурного мира, таящего в глубине души своей источник новых откровений духа, новых духовных ценностей. «Русский дух», – уверен Шпенглер, — знаменует собою обетование грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее». Шпенглер провидит даже, что русский народ даст миру новую религию, «третью из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве»...

[октябрь 1923 г.]

В родном СНГ, где борцов с фашизмом во сто крат больше, чем фашистов, а поголовье последних неизмеримо превышает число действительно знающих, что такое фашизм — фамилия автора «Заката Европы», вместо того, чтобы облегчить участь Устрялова, способна вызвать самые неожиданные подозрения с противоположных сторон. Поэтому для верности я не поленился добраться до раритетной книги Устрялова «Германский национал-социализм». Цитирую:

Национальная идея жива, и долго будет жить, но те формы ее воплощения, которые отстаиваются фашизмом, внутренне обветшали. [...]

Большевизм принципиально интернационалистичен, и в этом отношении, несомненно, созвучен большой, «вселенской» идее наступающего исторического периода. Фашизм вызывающе шовинистичен, и в этом своем качестве «реакционен», принадлежит эпохе уходящей.

[1933 г.]

Впрочем, Устрялов и тут не дает расслабиться любителям однозначно определять партийную принадлежность методом вылавливания словосочетаний:

В своем расизме Гитлер выступает законченным эпигоном реакционеров прошлого века. Необходимо тут же отметить, что в итальянском фашизме расистский дух отсутствует начисто: Муссолини для него и достаточно культурен, и достаточно дальновиден. Иначе говоря, расизм отнюдь не есть необходимый элемент фашистской идеологии.

Монолог третий. О славянофильстве и западничестве

Поминание «русского духа» (пусть даже со ссылкой на Шпенглера) дает все основания заподозрить Устрялова в славянофильстве. Тем более и следствие однозначно вскрыло его славянофильские пристрастия времен Московского университета.

Эти строки пишутся в момент очередного кульбита общественного мнения, когда вышеуказанные пристрастия уже, вроде бы, перестают быть поводом для подозрений в измене, но еще, кажется, не стали основанием для автоматического предоставления поста в администрации и пожизненной пенсии в восемь с половиной минимальных зарплат. Отсюда и неопределенность жанровых координат данного раздела на широкой шкале от доноса и до представления к награде. Признания самого Устрялова не облегчают задачу следствия.

Когда из общества улетучивается иррациональное, — общество начинает шататься: излишняя трезвость действует на него опьяняюще.

[...]

Интересы оказались социально бездарнее, бесплоднее идей[1]*. Ведь еще Аристотель отмечал роковую хрупкость общества, построенного на эгоизме его элементов, не спаянного высшими началами, нравственными или религиозными. Хитроумными комбинациями, мастерскими маневрами старается старая Европа предотвратить окончательную катастрофу: все чудеса парламентской техники, покладистой печати, патетических ораторов, приручennого «социализма» — к ее услугам. Но эти фальшфейеры все же не заменят угасшего очага, священного огня, вырванного из людских душ...*

[...]

Русская революция ставит вопрос о смерти старого мира, о радикально новой исторической эре. [...] Русские революционеры — одновременно бледные эпигоны западных доктрин и новые гунны, люди пылающей крови, грозящей воспламенить весь мир. Русская революция — чрезвычайно сложный процесс, резко выделяющий Россию из лагеря европейских народов, переживших войну. Русская революция, как историческая стихия, безмерно шире

[1] Ср. с тезисом «Святого семейства»: идеи неизменно посрамляли себя, как только отделялись от интереса.

и глубже своей официальной идеологии. [...] Шпенглер недаром почувствовал в России источник нового исторического периода, резервуар новых народов, выходящих на историческую арену. Не нужно истолковывать этого предчувствия в грубо славянофильских категориях. Старая Россия уже не скажет нового слова «гнилой Европе», ибо она сама сгнила раньше нее[1]*. Но, судя по многим признакам, послевоенная, революционная Россия чужда тем упадочным веяниям, от коих задыхается Запад. [...] «Принцип власти» в его иррациональных истоках еще, по-видимому, свеж в нашем народе.*

[1924 г.]

Похоже, обвиняемый сознательно путает следствие: поругав гнилые западные демократии, тут же распространяет эту гниль на отечество, мимоходом еще ухитрившись лягнуть основоположников марксизма. Чем, как не злым умыслом, объясняется то, что, провозглашая внешне славянофильские тезисы, он постоянно ссылается не на Аксакова с Киреевским, а на космополита Шпенглера и западника Герцена? И вполне закономерно он докатывается до безответственного утверждения:

Белинский и Писарев такие же русские, как и Достоевский, равно как «интернационал» есть, несомненно, искривленное отражение «всечеловечества».

[22 августа 1920 г.]

МОНОЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ. О СОБСТВЕННОСТИ

В ситуации, когда и демократическая, и национал-патриотическая лакмусовые бумажки, будучи приложены к Устрялову, покрываются неопределенными пятнами всех цветов радуги, остается прибегнуть к испытанному марксистскому методу классового анализа. А марксизм учит, что главный критерий политической идентификации — это вопрос о собственности.

Наши бояре и раскольники видели Антихриста в Петре. Пьер Безухов высчитывал звериное число в применении к Наполеону. Многие готовы были обличать пентаграмму на лбу Вильгельма. — Убогая и курьезная страсть людей к ошибкам перспективы, к «абсолютизации относительного»!..

[...]

«Буржуй — собственник. А что такое собственность? — Экономическая проекция метафизического понятия личности,

[1] Курсивные выделения в текстах Устрялова сделаны мною – *С.Ч.*

— где я, там и мое»... Ну, а «абсолютная мера человеческой личности — личность божественная, абсолютная личность, Христос»...

[...] Только г. Мережковский способен с серьезной миной [...] считать собственность религиозной категорией! [...] Снова — «абсолютизация относительного», только еще в более нелепой, искусственной форме.

«На основании естественного права все вещи суть общие», — говорил Фома Аквинский. [...] «Наг должен ты предаться в руки Спасителя, — учил св. Франциск Ассизский, тоже отнюдь не могущий быть заподозренным в опасном пристрастии к Антихристу, Шопенгауэру и Ницше. — Через собственность, о которой люди заботятся и из-за которой они ведут взаимную борьбу, любовь к Богу и ближнему уничтожается». А св.Бенедикт Нурсийский даже запретил монахам употребление слова «мой» и «твой», а велел вместо этого говорить «наш». — Нужно ли еще приводить аналогичные цитаты из христианских авторитетов средневековья? Нужно ли вспоминать о коммунизме первохристиан? О монастырской общности имуществ?

Спешу оговориться, что из этих цитат и фактов я отнюдь не хочу выводить заключение, будто отрицание собственности и в самом деле — безусловный религиозный долг христианина. Совсем нет, но становится лишь очевидной беспочвенность противоположного утверждения Мережковского. Приходится признать, что попытка непосредственно связать с христианством тот или иной общественный строй ошибочна по самому своему заданию: она не возвышает хвалимого строя, а искажает чистую идею христианства. [...]

Собственность, как таковая, индифферентна христианству; равным образом, индифферентен ему и коммунизм. Все зависит от нашего внутреннего отношения к той и другому. Именно это отношение и подлежит религиозной оценке, религиозному суду. Вот почему с христианской точки зрения можно и оправдывать, и осуждать как собственность, так и коммунизм. Религиозная идея, взятая в себе, — вне этих категорий, выше их. [...]

Отсюда столь натянута и нечестива допускаемая Мережковским религиозная абсолютизация идеи личной собственности и собственника. Отсюда же и еще одна глубокая фальшь его статьи — объявление великой французской революции «святою», а великой русской революции в ее нынешнем облике — «антихристовой».

[20 апреля 1921 г.]

Как жаль, что идеологам приватизации не хватило образования и воображения! Опираясь на Мережковского, они могли бы провозгласить приватизацию богоугодным делом и организовать платное

окропление ваучеров святой водой. Зато их противникам еще не поздно подвести православный фундамент под национализацию и пролоббировать предание анафеме Госкомимущества. Увы, кто бы из них не победил — в любом случае устряловщина опять обречена торчать бельмом в глазу властей, портить им всю идеологическую малину и осложнять политическое самоопределение верующих избирателей.

Монолог пятый. О российском социализме

Поскольку поймать обвиняемого на слове, похоже, не так-то просто, спустимся на твердую почву фактов. А эти факты свидетельствуют, что Н.В. Устрялов не только принадлежал к классу собственников, но и был одним из лидеров партии конституционных демократов — принципиальных противников социализма и главных идеологов Белого дела. В этой связи интересно узнать, что он пишет о социалистических перспективах России.

Если рискнуть парадоксом, то нельзя не подчеркнуть, что нынешняя «коммунистическая» Россия объективно является наименее социалистическим государством в современной «буржуазной» Европе. Веяния «государственного социализма» в какой-либо Англии или, скажем, Чехии с их рабочим законодательством, финансовой политикой, усиливающимся влиянием государства на экономическую жизнь и т.д. – бесконечно ощутительнее, нежели в разоренной, окустаренной, о «первоначальном накоплении» мечтающей России. Это обстоятельство отнюдь не отнимает у русской революции ее всемирно-исторического значения, но вместе с тем, однако, фатально предопределяет собою колорит ближайшего века русской истории. [...]

[октябрь 1923 г.]

«Мы обогнали, потому что отстали» — разве не точь в точь эту формулу упорно твердит в наши дни Ленин, разумеется, вне всякой сознательной связи с мечтою Герцена. Но эта мечта, становящаяся вещей, очевидно, как-то связалась с русскою жизнью, вошла в организм души русской интеллигенции, и вот вдруг причудливо воплощается в грозу и бурю...

[...]

Россия семимильными шагами пройдет пространство, преодолевавшееся Западом кровью и потом на каждом вершке. «Не должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития, или ее жизнь пойдет по иным законам? Я совершенно отрицаю необходимость этих повторений. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаниями исторического разви-

тия наших предшественников, но так, как зародыш проходит до рождения все низшие ступени зоологического существования... Россия проделала свою революционную эмбриогению в «европейском классе»... Мы за народ отбыли эту тягостную работу, мы поплатились за нее виселицами, каторжною работою, казематами, ссылкою, разорением и нестерпимою жизнью, в которой живем!» (Герцен). И в речи, произнесенной перед иностранцами 27 февраля 1855 года, [...] Герцен бросает ту же мысль с чувством нескрываемой гордости: — «Нам вовсе не нужно проделывать вашу длинную, великую эпопею освобождения, которая вам так загромоздила дорогу развалинами памятников, что нам трудно сделать шаг вперед. Ваши усилия, ваши страдания — для нас поучения. История весьма несправедлива, поздно приходящим дает она не обглодки, а старшинство опытности. Все развитие человеческого рода есть не что иное, как эта хроническая неблагодарность».

[...]

Свою веру в будущность России Герцен, как известно, связывал с чрезвычайно высокой оценкой крестьянской общины. Община приучила наш народ к социализму, от нее непосредственно легко перейти к социалистическому строю общества, осознанному на Западе, но невоплотимому там без русского импульса. [...] Европейская идея, усвоенная русской интеллигенцией («европейским классом» — по Герцену) найдет через нее осуществление в русском народе. «Социализм ведет нас обратно к порогу родного дома, который мы оставили и отправились в великую школу Запада. [...] Нет в Европе народов, более подготовленных к социальной революции, чем все неонемеченные славяне, начиная с черногорцев и сербов и кончая народностями России в недрах Сибири... Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота» [...]

Этим букетом цитат мне сейчас хочется реабилитировать лишь самую простую истину, столь часто отрицаемую ныне в ложных полемических целях: — истину глубоких духовных корней русской революции. Не извне навязана она русскому народу, а является органическим его порождением, со всеми светлыми и темными сторонами своими. Она есть одновременно апофеоз и Немезида истории русской интеллигенции, русской политической мысли, и трудно сомневаться, что со временем будет она признана моментом напряженнейшего бытия России. Она — страшный суд над всеми нами...

[25 февраля 1922 г.]

Вновь и вновь, на разные лады Устрялов не устает повторять, что провал России в кальдеру — совсем не случайное несчастье... Но эта простая с виду мысль, как всякая объемная картина, имеет и второй план. Речь — о глубочайшем прозрении будущего России, восходящем еще к Чаадаеву и Герцену. Идея Герцена о «революционной эмбриогении» намекает на возможность метаисторического

зазеркалья, где архаичные (в частности, до- и предкапиталистические) структуры оказываются прообразом — а значит, готовым материалом для создания! — социальных структур будущего, постиндустриального и технотронного. *Для Устрялова кальдера, провал России сквозь твердь Истории означает не только пролом, через который хлынула магма внеисторического хаоса, но одновременно и прорыв, открывающий реальность путей в зазеркалье, величайшее откровение Метаистории в историческом времени.*

В 1956 году, несмотря на антисталинскую оттепель, следователь даже не стал доводить формальную проверку дела Устрялова до конца и сообщил заявительнице, что основания для его пересмотра отсутствуют. 18 августа 1988 г. уже знакомый нам полковник Панкратов в духе перестройки и гласности выдвинул такую масштабную программу расследований, что ее реализация в полном объеме могла бы трудоустроить целый полк юристов. Но, надо полагать, ровно три года спустя их трудам все равно пришел бы конец.

Устрялов оказался не по зубам «новому политическому мышлению». Победа демократии снова ничего не изменила в его судьбе. Почему-то даже национал-патриоты, остро нуждающиеся в своих теоретиках и героях, не спешат взять его идеи на вооружение, несмотря на подсказки М. Агурского.

Взгляд общества «новоселов»-лимитчиков на людей, подобных Устрялову, остается взглядом павловской собаки: она твердо усвоила, что появление на экране круга предвещает лохань с «Педигри-Пал», эллипса — шоковую терапию. В крайнем случае, при очередной перестройке, меняющей местами узаконенные значения круга и эллипса, собака быстро переучивается. Но в садомазохистском эксперименте академика Павлова круг на экране медленно, неуловимо сплющивался в эллипс — и несчастная собака впадала в истерику! Мерцание в голограмме Устрялова, напоминающее разом «демократа» и «патриота», вызывает у сторожевых идеологов истерический лай с непроизвольной дефекацией, переходящий в идентификационные обмороки. И тут уж вся надежда на старину дипловертеброна, который, нимало не комплексуя по поводу неспособности различить идейную масть едомого, целиком полагается на политическое чутье, точнее — внутриглоточное осязание.

Но тайна Устрялова лежит не здесь, она гораздо глубже. Ведь до сих пор не произошло главного — его реабилитации в общественном сознании. Волны-цунами «возвращения забытых имен», архивных изысканий и публикаций, добравшиеся уже до второ- и третьестепенных фигур, обошли его безвестный прах стороной. А ведь это — ученый, первая же заметная работа которого стала темой заседания

Московского Религиозно-философского общества! Одна из самых ярких фигур в партии кадетов! Автор шестнадцати книг, изданных в Харбине, среди которых — «Политическая доктрина славянофильства», «Этика Шопенгауэра», «О политическом идеале Платона», «Проблема Пан-Европы», «Понятие государства»…

Устрялов провалился в какую-то невидимо зияющую щель между цивилизациями и эпохами, выпал из советско-российской истории. И впрямь — единственная его фотография, помещенная в книге Агурского, кажется, транслирована ламповым передатчиком с обратной стороны Луны. Желто-бурые, негнущиеся листы харбинских книг крошатся под пальцами, как папирус. Только — вот незадача! — у меня вдруг обнаружился собственный «комплекс Устрялова». Чем больше вчитываешься, вживаешься в немые свидетельства этой судьбы, тем непреложнее понимание, что уж кто-кто, — а он-то укоренен в Истории! Он – там, он в ней живет, а выпали из нее — мы. И аргумент массовости на этих весах ничего не значит:

Я не один, но мы — еще в грядущем.

Устрялов — какой-то концептуальный оборотень, его писания похожи на интеллектуальную (и не только!) провокацию. Профессор черной магии Воланд посмеивался над советским катехизисом: что же это у вас, чего ни хватишься — ничего нет? С устряловщиной обратный случай: за что ни возьмись — все есть! Интернационализм сосуществует с национал-патриотизмом, рынок соподчинен почвенничеству, демократия ведет к идеократии, христианство не противоречит социализму…

Есть старинный фантастический рассказ «Уровень шума», кочующий из антологии в антологию. Группе ученых предъявляют киноматериал о некоем Даннинге, который изобрел антигравитационный ранец, взлетел на нем (отснятая пленка прилагается) и в ходе испытаний разбился. От изобретателя-одиночки осталась лаборатория, битком-набитая всевозможными приборами, и библиотека, поражающая тематическим разнообразием и немыслимым сочетанием враждующих теорий и школ. Ученые сразу же разделяются на две группы. Первая (большая) заявляет, что человека с подобным сочетанием взглядов, интересов и форм деятельности просто-напросто не может быть в природе, а следовательно, вся история с Даннингом — надувательство. Вторая (малая) группа всему верит и, окрыленная верой, приступает к работе над безнадежной, как считалось, задачей. Результат: преуспели обе группы. Первая блестяще доказала, что Даннинг — выдумка психологов-экспериментаторов, занятых исследованием творчества. Вторая — открыла антигравитацию.

Читатель ждет от меня (позевывая) сеанса магии с разоблачениями Устрялова в качестве тайного самурайского демпатриота и подельщика Тухачевского. Я жду от читателя (не левитации, нет, – гораздо большего!), чтобы тот вместе со мной задумался. Поэтому хочется воззвать к нему словами Дон Гуана: «Не желайте знать // ужасную, убийственную тайну!» Но законы жанра требуют, чтобы рано или поздно некая рациональная мораль была произнесена.

Так в чем же непостижимая идея-фикс Устрялова, сокровенный смысл его «послания» нам? Что за пятно проказы, роковая печать *чужого* лежит на этом человеке и вызывает всеобщее отторжение: вражду соратников по Белому делу, охотничью стойку Лаврентия Палыча и инстинктивное неприятие современных ценителей мысли серебряного века?

Похоже, он не осознавал ни тайны, ни всей глубины собственной обреченности, а потому, — как нечто разумеющееся, как жест врожденной любви, не требующей ни «признаний», ни клятв, — твердил на разные лады одно и то же:

> *[...] Слава Богу, имеются люди, — и, повидимому, их все-таки большинство (!! — С.Ч.), — которые умеют руководствоваться в своих поступках и мыслях не своим отношением к тому или другому правительству, правящему в данный момент страной, а своим отношением к ней самой как к целостному, живому организму.*
>
> *[17 июня 1920 г.]*

Увы, не было ни большинства, ни (пусть подавляющего, но хоть как-то объединенного) меньшинства. Была горстка разрозненных бесконечно одиноких людей. которая чувствовала то же, что понял Устрялов.

Имя «Россия» принадлежит не кальдере, а вулкану. Подлинная *русская идея* не разделяет, а объединяет свои конкретные исторические воплощения: древнюю княжескую Русь, Московское царство, империю Романовых, Советский Союз и даже РФ/СНГ; связывает православие-самодержавие — с марксизмом-ленинизмом, смуту — с перестройкой, рыночников — с нестяжателями, Серафима Саровского — с ядерным Арзамасом-16.

> *[...] Лишь у мертвых народов, уже осуществивших сполна свою земную миссию, вложенные в них «идеи» застыли в прозрачных, «кристальных» формах. Но душа живого народа — не свершившийся факт, а непрерывно и творчески осуществляемая возможность, ключом льющий поток непрестанно обновляемого, диалектически развивающего себя духовного содержания.*

А раз так, то никогда не следует объявлять «ненациональною» новую власть страны за то, что ее идеология круто расходится с привычной идеологией старой власти и нашей собственной идеологией. Новое время выдвигает новые стороны национального лика страны, и недаром историки потом обычно устанавливают, что несмотря на кажущуюся для современников резкую новизну и «ненациональность» нового, оно корнями своими глубоко уходит в старое и тесно связано с ним. Это уже давно доказано по отношению к великой французской революции (ср. хотя бы книгу Сорэля). Это же блестяще доказал В.О. Ключевский относительно петровского переворота.

Я должен сам категорически признать, что считаю официальную «философию» большевизма глубоко ложной и, так сказать, «еретической». Экономический материализм, как и всякий другой, есть, по моему мнению, философия весьма невысокой марки, внутренне бедная и в сфере чистой мысли опровергающая сама себя. Равным образом, в конечном счете ложна и фальшива та религия человечества («гуманизм») и земного рая, которая питает собою символ веры политических руководителей нашей революции.

Но, во-первых, я знаю, что эти в целом своем ложные догмы своим конкретным воплощением нередко несут собою осуществление некоторых частичных истин, им не чуждых (по слову Вл.Соловьева, что всякое заблуждение всегда содержит в себе крупицу истины). Во-вторых, я не могу не видеть, что эти догмы представляют собою крайнее выявление одной из сильнейших струй русской культуры (Белинский и Писарев такие же русские, как и Достоевский, равно как «интернационал» есть, несомненно, искривленное отражение «всечеловечества»). И, наконец, в третьих, я прекрасно вижу также, что процесс революции в его полноте значительно более широк и глубок, нежели его «канонизированная» идеология, и вмещает в себя многие другие струи русской культуры, вплоть до соловьевских.

[22 августа 1920 г.]

Интуиция не подвела Иосифа Виссарионовича. Устрялов оказался человекообразным чудищем, монстром, «люденом» из повести Стругацких «Волны гасят ветер». Единство смертельно враждующих Россий воспринималось им как реальность — непреложная, непосредственно данная. В переломные эпохи подобные мутанты появляются среди людей искусства: Блок, Волошин… Но для них эта никем, нигде и никогда не виданная единая Россия являлась не столько предметом анализа, сколько субъектом любви. Устрялов едва ли не первым попытался претворить свое чувство в понимание, философский дискурс, метаидеологию и основанное на ней политическое действие.

Правда, «тайная доктрина» Устрялова на первый взгляд не производит впечатления масонской эзотерической глубины. Но эталон-

ный мудрец Сократ, в сущности, тоже проповедовал изрядную банальность: постижение Истины важнее борьбы за власть. Публика вежливо покивала и собралась расходится. А он возьми — да и умри за это свое «общее место». Тогда только с ним — нет, не согласились, конечно, но стали считаться как с любопытным казусом.

[...] Верный себе, упоенный Русью, певец осеннего ветра, журавлей, болот и крестов приемлет и новые звуки, ибо претворяет в себе все черты дорогого лица. В новой одежде, в рождающемся шуме фабрик и шахт чует он все ту же, несравненную свою Возлюбленную, прекрасную всегда и во всем: —

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом
И другая волнует мечта.

[...]

И непосредственно рядом с тютчевскими струнами, рядом с мотивами из Достоевского, не заглушая и не перебивая их, вдруг звучат у Блока фабричные трубы, закопченные дымом: —

Уголь стонет и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Это — она, это — Россия, и этого достаточно. Сердце поэта ей не изменит, не смутится, каким бы ликом она ни обернулась. [...]

Вслед за Достоевским, вскрывшим «две бездны» русской души, вслед за Вл.Соловьевым, учившим о «темном корне» лучших плодов бытия, Блоку доступны, внутренно близки все противоречия, заложенные богом в душу России. Прикованный к ней, сам чувствующий ее в своей собственной душе, он влюблен во все изгибы ее духовного существа, во все изломы ее природы. За ними вдохновенной интуицией провидит он какую-то благую основу, какую-то великую правду: счастливый дар любви, этого мудрого, высшего знания, совлекающего внешние покровы, обличающего душу живу. [...]

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне!
[28 октября 1922 г.]

— В одном из московских кабинетов британского социолога Теодора Шанина, в здании международного фонда «Культурная инициатива»...

— в каморке, где в мою бытность еще стояли ксероксы, куда я, во всем блеске административного величия, забегал по десять раз на дню поглядеть, как печатаются стенограммы клуба «Гуманус»…

— в кладовой, которая на исходе первого года гласности однажды оказалась вся завалена пальто, шубами и дубленками участников стоячего заседания «Московской трибуны» (стульев не хватало, вешалок не было)…

— в клетушке, где в период «застоя» теснились панцирные кровати и сиротские тумбочки ведомственной гостиницы Минхимпрома…

— в комнатке, где большое окно, убранное снаружи затейливой белокаменной кладкой XVII века, гляделось некогда в лужи Козлова переулка, а малое выходило на задний двор, и в которой любил сиживать хозяин, дьяк Ратманов, — ибо не видны были отсюда ненавистные, до слез завистные хоромы выскочки Шафирова (позже известные как Юсуповский дворец, загаженный затем ВАСХНИЛом)…

— у окна, которое век спустя, после очередной перестройки оказалось замурованным внутри дома, таинственного московского дома, где жил Сухово-Кобылин…

— у окна, которое с тех пор смотрело не наружу, а внутрь, — тем располагая к рефлексии, — и выходило не на улицу, а на лестницу…

— над лестницей, по которой хаживал рефлексирующий миллиардер Джордж Сорос, а вслед за ним и члены правления: академики совсем разных наук Раушенбах и Заславская; вежливо улыбавшиеся друг другу писатели Распутин и Бакланов, коих разве только на этих ступеньках и можно было видеть вместе; Юрий Афанасьев, тогда еще кандидат в президенты несвободной России; Даниил Гранин, поразивший мое поколение повестью об Александре Любищеве; и уже отрывающийся, уносимый ветром перестройки в чужедальнее «ближнее зарубежье» Тенгиз Буачидзе…

— над лестницей, которая выдерживала и писателей, и философов, партократов с диссидентами, последних космонавтов и первых кооператоров, а однажды проплыл по ней, мягко ступая, адвокат Макаров — и зазмеились трещины…

— в элегантно-чуждом, как западная манекенщица, офисе, где ничто, казалось, не напоминало о вышесказанном…

…я встретил странную женщину.

Она выглядела, несомненно, русской, — но проскальзывал в ее речи, в движениях некий намек на близкую возможность распада монолитного «суперэтноса» на множество странных стран, русскоязычных, но друг от друга далеких. Такими, быть может, предста-

ют в глазах англичанина переселенцы-англосаксы из Австралии или Южной Африки. Может, так, а может — иначе, только тогда я не успел об этом подумать. Потому что она, как царевна-лягушка, вдруг метнула из рукава на стол целый веер картин-фотографий.

И тут я увидел…

Я увидел черно-белую заставку на экране недавно купленного телевизора «Темп-6». Диктор сказал, что сейчас нам покажут изображение лунной поверхности, впервые в мире переданное станцией «Луна-9» с места посадки. Стрелки часов на телевизоре застряли и, казалось, мучительно решают, вперед им двинуться или назад. Наконец на экране помехами зарябила звездная пыль, под ней нехотя обрисовался каменистый склон, похожий на знакомую угольную кучу за домом. Но лунный уголь в четырехстах тысячах верст отсюда, казалось, вот-вот вспыхнет, очутившись в фокусе миллионов устремленных на него глаз. Ведь перевернутый контур этих камней, никогда еще — никогда! — не отпечатывался на сетчатке человеческого глаза. Помню таинство зрительной инициации: «И увидел Бог, что *это* хорошо». И впервые испытанное чувство космического предназначения человека. И гордое осознание — смотрите, ведь это мы смогли! — доброго могущества Родины…

Камни на фотографиях светились такой же первобытной подлинностью, что и те, три десятилетия назад. Но в них не было космического холода. Наоборот, иные глыбы дышали жаром, исторгнутым из недр. Кипели грязевые озера, над утесами клубился ядовитый пар. И надо всем этим буйством планетарной плоти вместо искристой надлунной бездны был опрокинут плотный облачный шатер незнакомого неба. Временами фотокамера, казалось, взлетала к самому куполу. Тогда взору открывалась необитаемая горная страна. Она казалась неземной — если бы не склоны, вдруг отливающие алой и голубой сталью, прорезанные белыми складками ледников, как плащи на русских иконах. Воронками зияли срезанные конусы вулканов, целые — иногда дымились. А таинственная станция все вела свой репортаж, вновь пикируя к поверхности планеты. Многие изображения были окаймлены по горизонту грядой невысоких холмов-обрывов. Здесь, в этих уютных котловинах, манили к себе взгляд болотца, со дна которых били горячие ключи. Со всех сторон к ним сбегались деревья и травы. Неуловимо изменчивые, они вели свою игру-калейдоскоп под текущим как вода небом. От кадра к кадру нарастало скрытое напряжение. Словно космический зонд, поблескивая объективом, летел над зыбью творящего Соляриса, а тот все искал, угадывал образ, — ближе, ближе, — и все не мог поймать ностальгическую, безукоризненно земную ноту.

И тут я увидел…

Золотую осень — летом. Воздух, прозрачный на вкус. Озеро с отзвуком подводных колоколов. Красоту без пестроты. Остров-отражение в море красной травы. Свой дом.

Тогда я спросил — что это?

И, обомлев, впервые услышал в живой речи странное книжное слово, что так занимало меня несколько лет:

— Кальдера вулкана Узон.

Это была Камчатка. Сибирь. Россия.

КАЛЬДЕРЫ РОССИИ

*Россия **была иною и будет иною.***
И. Ильин

Тела русских рассеяны по необозримым просторам и ведут самостоятельную, разнообразную жизнь. Но души их сгрудились на пятачке провинциального клуба, где танцуют под репродуктор и смотрят общие сны. Вся Россия, кажется, больна одними и теми же сновидениями, которые тянутся бесконечными мексиканскими сериалами. Тайна Беловодья, главный нерв Опоньского царства — в будке трансперсонального киномеханика, что заставляет граждан пятнадцати независимых государств дружно рыдать в нечесаные бороды и индийские наволочки и вскакивать со стоном монархиста Хворобьева: «Все те же проклятые сны!» Спросонья русский банален, и лишь очухавшись, являет черты крепнущей индивидуальности.

…Лежа в темноте на верхней полке, в странном оцепенении, едва приоткрыв глаза, я безучастно наблюдал (точнее, что-то во мне наблюдало), как все медленнее проплывали и наконец, качнувшись, остановились перронные фонари незнакомой станции, как край мерцающего светового круга лег поперек бессмысленной надписи «Кипяток», как некто полуневидимый, словно деловитый жук, двигался вдоль состава, постукивая молоточком по колесам. Но вот локомотив впереди коротко, прощально взревел — и душу пронизал холодок невозвратимой потери. Вагон, вздрогнув, понес меня прочь от безымянного вокзала с его остановившимся мгновением, со спящими незнакомыми людьми, с их таинственной жизнью, которой никогда не суждено соприкоснуться с моей.

Судя по саже на наволочке, это случилось со мной во времена паровозов, — в детстве, в сентябре, в поезде «Днепропетровск — Барнаул».

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов...

Жизнь современного западного общества представляет собой непрерывную трагедию. Каждый вечер гражданин, засыпая, навсегда оставляет привычный мир, ибо, просыпаясь утром, он находит его неуловимо другим. Всю ночь в редакциях и информационных агентствах журчат телефаксы, бьется напряженный пульс во всех каналах связи, струится поток новостей, — ибо с другой, солнечной стороны земного шара бурлит жизнь, происходят тысячи событий, работает мысль миллионов, развиваются технология, управление и экономика, создаются новые произведения искусства. А когда к ночи, устав, творцы отходят ко сну — эстафетная палочка безумной гонки переходит к проснувшимся антиподам.

Постиндустриальная цивилизация наловчилась превращать эту ежесуточную трагедию в рутину, укутывая роды и похороны в рекламную обертку, хотя и не меняя при этом их сути. Жизнь проходит на колесах поезда, за окнами которого без устали меняется пейзаж, она проглатывается, как многослойный гамбургер, по которому трагедия перемен размазана тонким слоем. Развитие ползет по телу общества наощупь неутомимой улиткой, все время находя себе опору в существующих формах и институтах, слой за слоем преобразуя их.

Российское развитие — это ожидание на перегонах, до того беспросветное, что колеса прикипают к ржавеющим рельсам; это отчаянные рывки-погони, от которых рвутся паровые котлы; каторжные подъемы, где пассажиры бредут впереди локомотива, прокладывая рельсы; безумные броски через пропасти, когда на лету, не оглядываясь на отрывающиеся вагоны, надо успеть переделать паровоз в самолет.

Здесь, в эпилепсии скачков, перемежаемых полосами застойного паралича, — истоки пресловутого русского «раскола». Человеческое существо не в силах перенести такой темп и ширину шагов, воспринимает каждый из них не как преобразование самотождественного организма, а как смерть и новое рождение. И тогда общество оказывается расколотым на две непримиримо враждебных половины. Одна помещает «Россию» в прошлое, воспринимает все новое как абсолютно чужое, инородное и иноземное, как смертельную угрозу образу и смыслу своей жизни и объявляет этому новому священную войну. Другая опрокидывает понятие «Россия» в будущее, безоглядно отдается пьянящему ветру перемен, пафосу созидания идеальной жизни

на пустом месте, воспринимая все старое как уродливую карикатуру на идеал, как хлам, загромождающий стройплощадку. Здесь — корни худшей из разновидностей гражданской войны, в которой противника воспринимают не как обычного врага, подпадающего под кодекс воинской чести, а как мутанта, оборотня, воплощение зла в оболочке соотечественника. В мирное время этот смертельный недуг тлеет в хронической форме: часть русских заранее ощетинивается на все сколько-нибудь новое, другая спит с геростратовой канистрой под подушкой, готовая по первому зову сжечь все, чему поклонялась.

Если бы не эта дурная диалектика самосознания — можно было бы говорить об известных преимуществах российских рывков в будущее. Даже если инициаторы реформ искренне ставят только задачу воспроизведения, повторения западных достижений — такую инерционную махину, как Россия, все время заносит куда дальше, чем планировалось, и она на какое-то время оказывается «впереди планеты всей». Повторяю, если бы… Человеческая цена каждого из рывков — истребление половины социально активного населения, самогеноцид, после которого на долгие годы у общества не остается сил на что-либо кроме качения по инерции до полной остановки.

Выход из порочного круга — смена типа развития (либо отказ от развития вообще). Но под «сменой типа развития» обычно принято понимать переход к западному варианту ползучей «перманентной эволюции». Применительно к России это означало бы: чтобы избавиться от цикла клинических рождений-смертей, нужно умереть один раз, но окончательно, — ибо то, что родится, будет принадлежать к иному цивилизационному типу. Это напоминает хирургическую операцию по трансплантации чужой головы (вкупе с сердцем) как средство избавиться от хронической болезни мозга.

Но возможно иное понимание «смены типа развития». Представим, что к моменту очередного транскультурного прыжка в обществе сформируется влиятельная духовная корпорация, которая, указывая на две готовые поляризоваться субкультуры, старую и нарождающуюся, провозгласит, вложив радикально новое содержание в старую формулу: «Это — мое, и это — мое тоже»! Что она окажется в силах настолько углубить образ России, бытующий в самосознании общества, чтобы тот органично включил в себя и то, что было, и то, что еще предстоит…

Судьба и личность Устрялова, его отношения с русской историей и культурой, со временем, властью и самим собою содержат намек на возможность такого благодатного чуда.

Если о человеке сказано: «мыслящий тростник», то народ — мыслящий вулкан. У этого вулкана две ипостаси — благая и смертоносная.

В котле национальной культуры «работает» пассионарная энергия слагающих ее этносов, к которой во все большей мере добавляется химическая энергия их взаимодействия и ядерное тепло творческого синтеза новых форм деятельности. Эта энергия, синтезируемые соединения и структуры, извергаясь на поверхность, образуют внешние формы, создают богатство, формируют динамику данной культуры и при ее посредстве становятся общечеловеческим достоянием.

Однако, если природное начало доминирует в социальном «вулкане» над осмысленным, высвобождение энергии синтеза приобретает катастрофический характер. Заполняющая новую кальдеру культура, отрицая собственную динамику, отвердевая в «окончательных формах», тем самым цементирует жерло вулкана и постепенно сдавливает, а затем и наглухо перекрывает магматический канал, воспроизводя механизм катастрофы.

Речь не о том, чтобы окончательно замуровать, «заткнуть» вулкан. Если даже это оказалось бы возможным, то означало бы самоубийство культуры. Речь о том, чтобы, оплодотворив источник *энергий* источником *смыслов*, заключить его в гибкий контур ***метакультуры***, которая позволит превратить смену культурно-исторических типов из серии катастроф в цепь осмысленных самопревращений. Последовательность национальных фенотипов тогда предстанет как этапы развертывания единого культурного генотипа.

Устрялов стал одним из первых творцов русской метакультуры. Вырвавшись из ненавистных Бердяеву рамок «символического творчества», он творил не в слове только, но во плоти. И не вина его, что весь наличный строительный материал — собственные, Устрялова, «кости», в которых он считал себя не вправе отказать российско-советскому государству:

Господи, — вот плоть моя!

Как не знающая себя скрипка, которой орудует гребец на каноэ…

Как микроскоп, обреченный, хрустя тончайшей оптикой, вколачивать гвозди…

Как Хлоя, изнемогшая от страсти, не утоляемой бессмысленным ерзаньем Дафниса…

…Устрялов сам пытается угадать и выговорить, на что он обществу, и на что оно ему.

Не в том дело, какой политической ориентации держались Милюков и Набоков, — их значение и существо их в сотой доле не исчерпывается всеми этими «старыми» и «новыми тактиками» — трафаретами нынешней минуты.

Это — люди большой культуры, подлинного духовного аристократизма, по которым история и мир судят о нации и эпохе. Что бы они ни думали и что бы они ни делали, — нельзя их не ценить, даже и оспаривая их, даже и борясь с ними. Увы, — немного в России таких людей, и беречь их нужно, как зеницу ока.

[30 марта 1922 г.]

Устрялов объединяет, стягивает рамкой этого рассуждения и людей власти, и людей духа, ощущая если не единство, то некий эрос их взаимного притяжения. Ведь истинная духовность подразумевает власть, — как власть идеи-демона над одержимым ею, так и духовную власть носителя и представителя идеи над теми, кто чувствует ее радиацию. А истинная власть не может, не должна быть бездуховной… И нетрудно угадать, к чьей фигуре Устрялов стремился прежде всего приложить этот масштаб.

В плане всемирной истории это был один из типичных великих людей, определяющих собой целые эпохи. […] Он может быть назван посмертным братом таких исторических деятелей, как Петр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой французской революции. […] Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера.

[…] Как стихия, он был по ту сторону добра и зла. Его хотят судить современники, напрасно — его по плечу судить только истории.

[…]

Да, он творил живую ткань истории, внося в нее новые узоры, обогащая ее содержание. Медиум революционных сил, он был равнодушен к страданиям и горю конкретного человека, конкретного народа. Он был во власти исторических вихрей и воплощал их волю в плане нашего временно-пространственного бытия. И роковая двойственность, столь явная для нас, современников, почила на нем, как на всех, подобных ему, исторических героях и гениях… […]

[…] Он был, кроме того, глубочайшим выразителем русской стихии в ее основных чертах. Он был, несомненно, русским с головы до ног. […]

Пройдут годы, сменится нынешнее поколение, и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, который наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек миллионам страдающих и чувствующих русских людей. И умрет личная злоба, и «наступит история». И тогда все окончательно

поймут, что Ленин — наш, что Ленин — подлинный сын России, ее национальный герой — рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым.

Пусть сейчас уже для многих эти сопоставления звучат парадоксом, может быть, даже кощунством. Но пантеон национальной истории — по ту сторону минутных распрь, индивидуальных горестей, идейных разногласий, преходящих партийных, даже гражданских войн. И хочется в торопливых, взволнованных чувствах, вызванных первою вестью об этой смерти, найти не куцый импрессионизм поверхностного современника, а возвышенную примиренность и радостную ясность зрения, свойственную «знаку вечности».

[24 января 1924 г.]

Уже и сейчас ясно, что Ленин — знамя не только русской революции, но и больших мировых перемен и передвижений, быть может, очень далеких от канонов ленинизма, но глубоких, огромных, знаменательных.

Быть может, не исключена досадная возможность, что пресловутый ленинизм исторически окажется в таком же отношении к Ленину, как русское толстовство к Толстому, французский бонапартизм — к Бонапарту, сектантский догмат — к живой идее, схема — к личности... Воистину ревнивейший соперник кремлевского мечтателя — мумифицированный труп его у кремлевской стены...

[21 января 1925 г.]

Здесь Устрялов, ограниченный рамками жанра (газетка для нескольких сот харбинских обывателей), поневоле «недостоин сам себя», идет по пути упрощения. Ленин, в отличие от Петра, не был наследным монархом, он наследовал Марксу и Плеханову, а форму своей власти изобрел и построил собственными руками. Наполеон тоже получил власть не в наследство, — однако он не писал ничего подобного «Империализму как высшей стадии...» Толстому были чужды доблести Дмитрия Донского. Нет, Ленин не был «один из типичных великих людей», — в его фигуре угадывается совершенно новый тип «великого человека». Ему принадлежит фантастическая затея «философского парохода», но им же было санкционировано «возвращенчество».

Начиная с Ленина, русская Власть и русский Смысл перешли на качественно новый уровень взаимоотношений, вступили в многосложный, на глазах обрастающий ритуалами танец любви-ненависти, похожий на брачную пляску скорпионов. Никогда он не был танцем бездушного властителя с одухотворенно-безоружной жертвой! В подтексте их отношений лежало совершенно иное: за то, что Николай I

недооценил пару Пушкин-Чаадаев, династия в лице другого Николая в конечном счете поплатилась крушением. Власть уничтожала носителей смысла по отдельности; Смысл угрожал смертью всей властной корпорации. И одновременно их неодолимо влекло друг к другу. Какой интеллигент не мечтал, как и Устрялов, «истину царям с улыбкой говорить»! А железный Феликс никому и ни за что не передоверил бы ночной допрос Бердяева. Кровожадность российской власти и повышенную смертность отечественных интеллигентов можно объяснить сладострастием, помноженным на законы жанра. Власть-Клеопатра вожделела быть регулярно оплодотворяемой Смыслом, благо и желающих было навалом. И не вина ее, а беда, что «Египетские ночи» коротки, и поутру приходилось, повинуясь предрассудкам, посылать своих ночных повелителей на казнь.

Устрялов не оставил нам текста «Воображаемого разговора со Сталиным», однако мы можем восстановить его в основных чертах. Один из хорошо знакомых Устрялову людей, близких ему по духу, вступил в диалог с Троцким в период его максимального могущества. В архиве В.Н. Муравьева найден черновик следующего письма.

В.Н. Муравьев — Л.Д.Троцкому.

В результате разговора с Вами я пришел к некоторым мыслям, которые считаю необходимым Вам представить. Я не находил бы возможным злоупотреблять вновь Вашим вниманием, если бы не полагал, что формулирование моих разногласий с Вами имеет и некоторое общественное значение. Я невольно в известном смысле являюсь представителем части русской интеллигенции, той бесправной части, которую суровый пролетарский режим не только лишил возможности выражать свои мысли, но лишил даже самой способности мысли, заставив ее заняться исключительно насущным хлебом.

Между тем речь идет о разногласии необычайно глубоком и чреватом последствиями для всего будущего. Я ясно ощутил, говоря с Вами, что это не есть столкновение двух различных политических взглядов. Это встреча двух совершенно различных масштабов мысли, суждение об одной и той же действительности в двух совершенно различных плоскостях. Вопрос сводится к следующему: должны ли мы применить к окружающему масштаб новой всемирной эры, которая захватит века, а может быть и тысячелетия, или же происходящее постигнет судьба всех подобных ему революционных потрясений?

[...]

Ваше действие есть историческое действие. Меня оскорбляло в нашей революции отсутствие в ней историзма. В стихийном ее движении соединилась антиисторичность русских интелли-

гентов, воспитанных в подполье, вдали от практической жизни и антиисторичность невежественных масс, живущих только сегодняшним днем. [...] Всякий практик, всякий истинный строитель знает цену истории как резервуара, из которого черпается материал для построения будущего.

[...]

[...] [Большевизм] несомненно нечто большее чем теория, так же как его государственная идея есть нечто большее чем идея чисто государственная. Она — идея, приближающаяся к теократической. В этом правильный путь.

[...]

[Теократический идеал] имеет над Вашим то преимущество, что захватывает всего человека, не только телесного, но и духовного, и всю конкретную историю, а не взятую искусственно одну только экономическую схему. Такой вселенский всеобъемлющий идеал мелькнул в Русской Истории, когда инок Филофей в послании Великому Князю Московскому хотел сделать из него наследника Всемирной империи Рима. Это был не грубый захватный империализм политического завоевателя, но попытка обосновать завоевание духовное — объединить человечество в единой Церкви — Царстве Правды. [...] Русский народ искал Новый Иерусалим, сказочное Царство истины, где господствует вечная справедливость. И предвестники Ваших идейных коммунистов были, быть может, паломники наших средних веков, схимники и святители, над которыми в Вашей печати и в Ваших кругах принято теперь так грубо издеваться. Русская интеллигенция вследствие реформы Петра отошла от народа и его религиозности и, сохраняя национальные черты, пошла искать Царство Правды в науке и социализме. Там она проявила ту же твердость и подвижничество, что схимники в своих скитах. И в конце концов она вернула нам идеал Третьего Рима в виде Идеала Третьего Интернационала. Ленин оказался духовным преемником старца Филофея. Я думаю, что Третий Рим шире и глубже Третьего Интернационала и в конце концов его поглотит.

[...] Вообще коммунизм, вероятнее всего, представляет собой идею еще свернутую, из которой в последующем могут развиться самые неожиданные новые идеи.

Какой же новый, объемлющий, метакультурный миф таится в свернутом виде в оболочке исторически ограниченной коммунистической идеи? Какова духовная вертикаль этой идеи, в чем состоит «масштаб новой всемирной эры», который к ней нужно приложить?

Далеко сижу — высоко гляжу: Устрялов из своего маньчжурского далека пристально всматривался в первые шаги метаисторического младенца.

...Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?!
Левой!
Левой!
Левой!

О, это — старое дерзание, давнее как мир. [...] — «Будьте, как боги»...

Седая, длинная традиция люциферианства — от соблазна змея и Вавилонской башни до Штирнера (homo, как deus) Фейербаха, Ницше. «Человекобожество» Достоевского... Но только все это вдруг облеклось в плоть и кровь, разлилось в ширь бесконечную, стало потрясающим фактом, в масштабе всемирно-историческом. [...]

[...] Сокрушаются ветхие скрижали, вершится творческое перерождение мира, начинающее бунтом и вызовом самоутверждения, древними стрелами Люцифера. В глубине, в непреклонности бунта — порука его жизненности и грядущей оправданности. И в борьбе своей с Богом новый человек, как когда-то Иаков, жутко близок к Нему...

[...]

Но, главное, — роковая порочность. [...] Вне живого Бога праздник вещей невозможен. Мясо, плоть — разлагается, гибнет, становится мертвечиной. [...] Торжество «материи» противоречиво в себе. Пока внутренно не преодолена смерть, — нет прекрасного праздника блаженства. Всякая радость отравится ее жалом...

[декабрь 1920 г.]

Так вот оно, космическое измерение прагматичного, приземленного возвращенчества: творческое перерождение мира — преодоление смерти.

Протестантские теологи пишут, что осмысление катастрофы еврейского народа во время второй мировой войны ведет к изменению в понимании самого смысла христианства, влечет за собой вероучительные последствия. Но разве чудовищная цепь катастроф русского народа в первой половине XX века не требует духовного подвига, переосмысления глубинных основ веры? Вера, которая настолько окаменела в своих традиционных формах, что мучительная гибель целого культурного континента не оставляет на них даже царапины, это *вера-кальдера*. Застывшая снаружи, она будет взорвана и преобразована Духом изнутри.

В 1925 году Устрялов совершил полулегальную вылазку в Москву. Одной из его главных целей была встреча с последователями Николая Федорова.

Не нужно быть «федоровцем», чтобы почувствовать в этой своеобразной системе нечто незаурядное и захватывающее. [...]

Да, да, она, так сказать, мифоносна, и потому многообещающа, особенно в наш век, когда человечество явно тоскует по новому, или обновленному мифу. [...]

И вместе с тем она имманентна позитивному духу эпохи, традициям светского «прогресса» последних веков. Она бесстрашно доводит эти традиции до последнего вывода, и тем самым взрывает их изнутри. В ее науковерчестве есть нечто наивное до варварства: известно, что примитив, коснувшийся науки, верит в нее куда горячее, нежели перегруженный ученостью мудрец, хлебнувший из этого кубка, подобно Фаусту, вместе с опьяняющими ядами гордыни трезвящие яды сомнения.

[...]

...Чуждаясь мистики, федоровцы впадают в наиболее сомнительный ее сорт: в мистику рационализма. Нет у них интуиции тайны. Они готовы рассуждать чуть ли не о конкретных рецептах грядущего научного воскрешения мертвых [...] (Ср. Муравьев — «Овладение временем»). [...]

Рационализм сплетается в этом мировосприятии с волюнтаризмом: человечеству доступна всецелая истина, и его задача — войти в ее разум. Царство Небесное силою берется. [...] Значит, главное, — воля к общему спасению. Значит, главное, — дело.

[...] Но примечательность этого учения [...] еще и в том, что корнями своими оно уходит в христианство.

Оно представляет собою героическую попытку оживить христианскую идею в истории, непосредственно связав ее с лейтмотивом современной цивилизации [...] и, тем самым, модернизировать историческое христианство.

Разумеется, этот громадный замысел знает свои опасности. Федоров — на грани «богочеловечества» и «человекобожества», если вспомнить старое противоположение Достоевского. «Будьте, как боги», — тезис Люцифера. «Вы боги и сыны Вышнего все» — тезис христианский. Конечно, должны тут быть некие смысловые границы и различия, но ясно, что здесь есть некое касание. Тут — узел федоровского учения как религиозной концепции.

Опасность усугубляется тем, что поскольку оно стремится войти в историческую действительность и стать ее фактором, его развитие рискует усилить именно человекобожескую его устремленность за счет богочеловеческой. [...]

Однако, не нужно считать эту опасность непреодолимой: христианские энергии имеют свою природу и свою самозаконную силу. Миф, сначала наивный в своей оголенной душевной данности, затем обычно обрастает глубинами культуры. [...]

Любопытно подчеркнуть, что федоровская концепция, русская и по корням и по стилю, своими практическими установками созвучна прежде всего советским умонастроениям в их предметном существе. [...]

Вспоминаю свои встречи с покойным В.Н. Муравьевым в Москве летом 1925 года. Ярый федоровец, он был в то же время ярым сторонником советской революции; и характерно, что именно федоровское его «обращение» превратило его в советофила. Он утверждал и убеждал, что преобразовательный пафос Октября нужно принять целиком — и, больше того, нужно идти «дальше», чем идут пока большевики. [...] Бедняга, через несколько лет он погиб в Нарыме: революция беспощадна не только к тем, кто отстает от нее, но и к тем, кто ее «опережает». [...]

[...]

Зреют условия торжества идеи подлинно универсальной, подлинно мирового диапазона. Явится ли она? Станет ли она действенной силой? Найдет ли она в себе энергию воплощения? Не знаем. Но, во всяком случае, чтобы победить на земле, идее надлежит быть не только и даже, пожалуй, не столько логически безукоризненной, сколько эмпирически цепкой, органической, почвенной, напитанной плотью и кровью. Миром всегда правили страстные идеи.

[22 октября 1933 г.]

Но не переходит ли здесь Устрялов грань между философией и публицистической образностью? Казалось бы, — вопрошает логический, технократический ум, — как может нечто обладать одновременно «эмпирической цепкостью» и «универсализмом мирового диапазона», да при том еще содержать в себе «энергию воплощения»?

В математике известен способ доказательства «теоремы существования», основанный на предъявлении объекта, удовлетворяющего необходимым свойствам.

Идея отдельной исторической эпохи образует силовое поле, в котором возможна постоянная жизненная ориентация с помощью компаса или встроенного магнита. Но в районах аномалий или в период сильных магнитных бурь эта ориентация может отказать, — не говоря уже о стыке эпох, когда смещаются сами магнитные полюса.

Именно тогда взор человека особенно часто обращается к *звездному небу*. Ибо оно — не только источник эстетического восторга, сфера, куда человек всегда помещал своих богов и причина непреходящего изумления ученого ума, — но и универсальное средство ориентации.

Однако звездное небо помогает и там, где компас вообще бессилен помочь. Оно предоставляет знающим, помимо ориентации по

странам света, еще одну уникальную возможность: точно определить свои координаты в жизненном пространстве, конкретно привязав их к земной поверхности. Секстант и астролябия не боятся магнитных бурь.

И наконец, звездное небо (включая одну из звезд по имени Солнце), безусловно, содержит в себе «энергию воплощения» любых идей, — прошлых, настоящих и будущих.

Если бы Устрялов успел создать законченное философское учение, его следовало бы назвать «конкретный идеализм».

Толстой как человек, как творец и художник, не умещается [...] в рамки Толстого-моралиста.

В кризисе духовного самоуглубления он познал правду «в ее бытии», в ее «идее», как сказали бы философы. Но ему осталась чужда правда «в ее становлении», в развитии. Толстой не хочет знать истории. Это — один из самых неисторических, даже антиисторических умов человечества. [...] Во всем, что не вмещает в себя добра целиком, «теперь же и здесь же», — он усматривает лишь грех, отрицание, слепоту.

Он фанатически требователен, даже жесток в своем идеале любви и бесконечно строг к жизни, этот идеал ограничивающей.

«Не противься злу насилием» — сказало ему высшее откровение, и с тех пор всякое принуждение в его глазах стало безусловно греховным. И так как социальная жизнь человечества строится на начале принудительном (право, государство), он не останавливается перед тем, чтобы отвергнуть все древо человеческой культуры.

«Не надо подчиняться государству, не надо идти на войну, не нужно судов, даже науки, искусства не надо»... Уподобиться полевым лилиям, отдаться закону всеобщей любви. Все люди — братья. Не нужно власти. Не нужно повеления и повиновения.

Эти заповеди — дети высшей правды, как она воспринята великим моралистом. Но во всей своей чистоте брошенные в мир, как действенные призывы, они встречаются с другими заповедями, заветами той же правды, но только воплощающейся во времени. И, встретившись, бледнеют, бессильные себя оправдать в сфере несовершенной, но совершенствующейся жизни.

[...]

Это — глубочайшая трагедия земного существования. В здешней жизни людей бывает слишком часто, что призыв к немедленному осуществлению предельной правды Божией нарушает самую эту правду в ее естественном и нормальном, объективном, жизненном воплощении. Люди «града вышнего», подвижники и святые, всегда идут впереди своего века, жизнью своею нарушая его закон. Для мира, лежащего во зле, такие люди — лучшее оправ-

дание и украшение. Но подчас они уже слишком резко расходятся с ним, слишком резко себя ему противопоставляют. [...] И когда условные законы времен, законы государств и народов восстают на этих людей, человечество становится свидетелем великой борьбы правды с самою собой. Правда в своем законном, конкретном, объективно-историческом воплощении сталкивается с правдой в ее чистом, отвлеченном, абсолютном выражении.

Люди, предвосхитившие последнее откровение правды и нашедшие в себе силу жить сообразно ему, [...] оплодотворяют мир, делая его богаче, ярче, углубленнее. Но побеждают его все-таки не они: — их святость узка при всем ее величии, при всей ее необыкновенной красоте. Они не чувствуют правды относительного, правды обусловленного, и глубоко грешат перед ней. [...] Побеждает мир идеализм конкретный, целостный, сочетающий в себе и стремление к безусловной правде, и сознание того, что эта правда лишь на небе живет.

[20 ноября 1920 г.]

Следствие подходит к концу. Обвинительное заключение готово. Обвиняемый сам во всем признался.

Устрялову было в избытке отпущено дарований для того, чтобы «оплодотворять мир, делая его богаче, ярче, углубленнее». Более того, в нем оказалось достаточно моральной силы, чтобы «идти впереди своего века, жизнью своею нарушая его закон». Но ему и этого казалось мало. Мало писать нетленные произведения. Мало совершать духовные и телесные подвиги. Ему было недостаточно «правды в ее безусловном, абсолютном выражении». Он стремился «почувствовать правду относительного, правду обусловленного», познать «правду в своем конкретном, объективно-историческом воплощении», чтобы с ее помощью «победить мир».

Но позвольте, место занято! Там, куда стремился Устрялов со своей «конкретной правдой», уже воцарилось всепобеждающее учение и монопольно владеющая им организация, призванная с его помощью победить мир.

Так «идеализм» Устрялова, будучи «конкретным», довел его до Лубянки.

В деле, среди множества нерешенных вопросов, остается один, который вряд ли заинтересует следователя Панкратова. Удалось ли Устрялову «победить мир»?

Размышления над ним выводят за рамки избранного жанра. До сих пор я стремился, по возможности, придерживаться доступных мне документов, ограничивая комментарии и лирические отступления необходимым минимумом. Но события, относящиеся к решающей схватке Устрялова с миром, не нашли адекватного доку-

ментального отражения. Вниманию тех читателей, кто добрался до этого места и полон решимости самостоятельно продолжать «производство по вновь открывшимся обстоятельствам», могут быть предложены лишь некоторые разрозненные заметки, — побочный продукт перманентных раздумий над этим вопросом.

* * *

Итак, если судить Устрялова по законам, им созданным, получается: Толстой = «абстрактный идеалист»; Устрялов = «конкретный идеалист». Тогда с помощью несложных алгебраических преобразований вопрос можно привести к иному, следующему виду: чем смерть Толстого отличалась от смерти Устрялова?

Звучит кощунственно. И ответа нет. Но сама формулировка помогает понять, с какими вопросами мы здесь имеем дело. И Кому они на самом деле адресованы.

* * *

Люди «града вышнего», проповедники и моралисты познают правду в ее абсолютном выражении — и предъявляют миру требование немедленно привестись в соответствие с нею. Они, люди «абстрактного идеализма» отвечают своей жизнью на один-единственный вопрос: что должен делать Человек в соответствии с идеалом абсолютной Правды? Люди «конкретного идеализма» ищут ответа на иной, гораздо более сложный вопрос: в чем состоит правда в своем конкретном, объективно-историческом воплощении, обусловленном обстоятельствами данного времени и места, и что я, конкретный человек, должен сделать для торжества *этой* правды, *здесь* и *теперь*?

Нет, вы только вчитайтесь! Ведь Устрялов ополчается против тех, кого сам называет «подвижниками» и «святыми», заявляет, что «их святость узка при всем ее величии» (и на этом спасибо), что «они не чувствуют правды относительного… и *глубоко грешат* перед ней»!

Речь идет, ни много ни мало, о формулировании нового стандарта, нового понятия «святости». Устрялов поднимает планку так высоко, что прежнее подвижничество оказывается чуть ли не грехом. Да кто ему позволил? Кто он такой чтобы браться судить о столь высоких предметах?

Вот-вот. С этого и следовало начинать.

Кстати, Гегель в «Философии истории» напоминает: Бог не только дал *каждому* человеку возможность познавать Себя, но и возложил на нас *обязанность* делать это.

И тут же, не удержавшись на заявленной высоте «обличения», Устрялов с улыбкой нескрываемой любви спешит добавить:

Но для нас, русских, все же особенно близок, понятен Толстой даже и в великом ослеплении своем открывшимся ему солнцем. Именно для России бесконечно характерны этот суровый «максимализм», эта любовь к предельным ценностям, к безусловной, последней правде. «Все мы любим по краям и пропастям блуждать» — говорил Крижанич, наш первый славянофил.

Доблуждался.

* * *

Что может значить «победа над миром» с точки зрения толстовского идеализма безусловной Правды? Весь мир-то «во зле лежит»... Подвижники абстрактного, абсолютного идеала, то есть «люди, нашедшие в себе силы жить сообразно ему», должны, выходит, чудесным образом перевоспитать человечество личным примером и увлечь за собой. Это одна трактовка. Есть и другая: весь мир зла разрушить до основанья, а затем...

«Победа над миром» в случае конкретного, устряловского идеализма выглядит куда скромнее. Это значит вот что: добавить еще одну, новую ступеньку конкретной, относительной правды в лестницу, ведущую к Правде абсолютной, ко всеобщему воскресению-воскрешению. Добавить, не только не сломав других ступеней, положенных прежними конкретными идеалистами, но опираясь на них. Работа артельная, требующая точного глазомера и умения твердо, не шатаясь, стоять на самой верхней ступени лестницы конкретной правды. При этом бесполезно хвататься за небо руками, но надо все время видеть его, чтобы не потерять ориентировку.

Любая аналогия не только разъясняет, но и вводит в заблуждение. Ступенька лестницы — *новая форма деятельности*. Всякий человек — изобретатель и носитель собственной формы, хоть в чем-то уникальной. Новые формы деятельности постоянно, как искры, загораются и гаснут со смертью людей. Конкретный идеалист (в отличие от абсолютного) — человек тоже смертный. От прочих смертных он отличается в двух отношениях.

Во-первых, познанием, откровением и/или творческой интуицией относительной Правды, умением создать и воплотить в своей жизни новую форму деятельности, имеющую шанс «отвердеть» в качестве очередной ступеньки этой Правды.

Во-вторых, способностью «родить», то есть отделить выношенную форму деятельности от себя, одухотворить, превратить во всеобщее достояние.

Так победил ли конкретный идеалист Устрялов и другие люди из его «поколения рубежа», выносившие форму *русской метакультуры*, свершилось ли таинство родов? Или же «происходящее по-

стигла судьба всех подобных ему революционных потрясений» (Муравьев), верх взяла очередная российская кальдера?

Это мы еще посмотрим. Была ли смерть наших соотечественников у Бородина победой или поражением — выяснилось не в Филях.

* * *

Воскресить бы Устрялова — и спросить строго:

— Николай Васильевич! Вам удалось победить мир?

И почему-то кажется, что он ответил бы, как палочкой-выручалочкой, мудрым заклинанием из банальной, в общем-то, пастернаковской вещи:

Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Увы — тут ошибка, историческая аберрация. Не мог Устрялов знать этих строчек. Ведь они написаны через двадцать лет после того, как его убили.

* * *

В России не было и нет «партии России». Были партии кальдер, кратеров, левых и правых склонов и даже партии отдельных вулканических выбросов. «Партия России» бездомна, как Вечный жид. Вместо настоящей России — подавай нам личную, частную, уютную россию-которую-***мы***-потеряли (РКМП). «РКМП» — того же поля ягода, что и «РСФСР», «СНГ», «РФ» «ДР» и т.п.

* * *

Подлинная проблема Устрялова не в том, что он рвался в объятия к товарищу Ягоде. Устрялову понадобилось пятнадцать лет харбинских раздумий, чтобы понять, что значит для него «возвратиться в Россию». Он не мог жить вне России. Не столько той России-кальдеры, что имелась в наличии, сколько России подлинной, которую он носил в себе. Она была внутри него — а он хотел быть внутри нее. Ему оставалось одно: вывернуться наизнанку.

* * *

Люди нашей Кальдеры овладели искусством виртуозной, филигранной лжи. Понадобится подлинная революция в семантике, создание ее нового раздела, чтобы читать тексты на русском новоязе.

Вот, например, в статье «Устрялов» первого издания БСЭ есть невинная фраза: в 1935 году Устрялов *вместе со всеми работниками КВЖД* вернулся в СССР. Читай: задача выполнена, имущество, включая сотрудников и прочий инвентарь, согласно описи погрузили в теплушки, — и каплей льемся с массами.

Пчела до заката должна вернуться в свой улей. Чужой ее просто не примет, у нее нет выбора. Тем более нелепой была бы для пчелы идея присоединиться к стаду антилоп. Но у Устрялова *был выбор*. И не просто выбор — вторая любовь. Он, как и Герцен, принадлежал к «европейскому классу»... И Герцен выбрал любовницу. А он — Жену. Но у той не оказалось прописки.

А Толстой — бежал. К кому?

* * *

Легко говорить о единстве двух России «вообще». Но каков же, к примеру, мог быть ситез двух культур, — Горького и Чехова, — их общая идея?

«Если враг не сдается... — ...Иванов отбегает в сторону и застреливается.»

Вот Устрялов и...

* * *

У Маяковского в «Хорошо» есть незабываемая сцена: на льду горит костер, у костра греется одинокий солдат, и это — Александр Блок.

Блок посмотрел —
костры горят —
«Очень хорошо».
Кругом
тонула
Россия Блока
Незнакомки,
дымки севера
шли
на дно,
как идут
обломки
и жестянки
консервов.

Вот почему на дне наших водоемов так много жестянок и обломков. Таких, например:

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной...

Многие признают: гениально. Но никто так и не подобрал — не наше! Ни минойцы, ни ахейцы. Ни Гиппиус, ни Маяковский. Так к какой культуре, точнее — к какой из русских культур принадлежит Блок? И умер он — какой смертью?

Россия Блока — Россия Устрялова. Словно ему адресована строка из записной книжки Блока 1917 года: «Все будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дождаться.»

Непонятное, нерусское слово — метакультура. Есть еще похожие: метаморфоза, метанойя, метафизика. Но и метастаза.

* * *

В сентябре 2005 года в одном из городков переселенцев с Земли, построенных на месте марсианской цивилизации-Атлантиды, утонувшей в песках, появляется странное существо. Оно переходит из дома в дом — и каждый из поселенцев видит в нем того, кого желает видеть: погибшего брата, умершую дочь, потерянного сына по имени Том… Трагедия происходит, когда существо попадает в толпу землян:

«Толпа все напирала, протягивала нетерпеливые руки, ловя его, хватая. Том закричал. Он менялся на глазах у всех. Это был Том, и Джеймс, и человек по имени Свичмен… Он был словно мягкий воск, послушный их воображению. Они орали, наступали, взывали к нему. Он тоже кричал, простирая к ним руки, и каждый их призыв заставлял его лицо преображаться. …Они хватали его за руки, тянули к себе, пока он не упал, испустив последний крик ужаса.

Он лежал на камнях — застывал расплавленный воск, и его лицо было как все лица сразу…» (Р. Брэдбери. «Марсианские хроники»)

Устрялов вернулся на обновленный, обжитой новоселами Марс, где трудами инженера Лося и красноармейца Гусева (не путать с Суховым, — а впрочем…) состоялась победоносная коммунистическая революция, и Аэлита стала рабфаковкой (тоже нерусское слово). Здесь каждый из поселенцев видел в нем того, кого ***не*** желал видеть: рыночника и национал-патриота, демократа и фашиста…

Марсианин был разорван узами взаимоисключающей любви. Устрялов — раздавлен жерновами непримиримой ненависти.

* * *

«Я никогда не умел преодолевать межчеловеческое пространство. […] Что сталось бы с нами, умей мы на самом деле сочувствовать другим, переживать то же, что они, страдать вместе с ними? То, что человеческие горести, страхи, страдания исчезают вместе со смертью организма, что не остается ни следа от падений и взлетов, наслаждений и пыток, — это достойный похвалы дар эволюции, которая тем самым уподобляет нас животным. Если б от каждого несчастного, замученного человека оставался хоть один атом его чувств, если бы таким образом росло наследие поколений, если б хоть искорка могла пробежать от человека к человеку, — мир переполнился бы криком, в муках исторгнутым из груди.»[1]

[1] Станислав Лем, «Голос Неба», стр 583. В новейшем переводе роман называется уже «Глас Господа».

Что побудило студента Ч. вписать в дневник эти слова двадцать два года назад? Глубокое несогласие, и вместе — беспокойство: вдруг Лем все же окажется прав?

Дело в том, что по достижении совершеннолетия ему стали сниться странные сны... Добрых десять лет невидимый режиссер бесконечно варьировал два мелодраматических сюжета.

Сюжет первый: «Свое пространство — чужое время». Герой сна оказывается заброшенным неведомой силой в родной город лет за двадцать до собственного рождения. Некоторые места узнаваемы. Грязь, булыжная мостовая, бородатые мужики на телегах, плакат ОСАВИАХИМа. Далеко отсюда, в разных концах страны недавно появились на свет его родители. Предстоит вторая мировая война.

Сюжет второй: «Чужой облик». Герой оказывается перед неким лицом-ликом, в котором воплощено все, что он любит, чему придает смысл, — все вообще, что связывает его с жизнью. Герой устремляется к нему — и наталкивается на холодно-доброжелательный, отчужденный взгляд. Он не узнан! Что-то случилось с его телесной оболочкой...

Тоска и ужас от сновидений-пришельцев были непередаваемы. Ничто в благополучном жизненном опыте сновидца не могло послужить их источником. Никакое фрейдистское копание в картинах детства и юности, полных покоя, любви и понимания, не в силах было бы объяснить разверзающейся бездны. В одном из частных писем того времени студент Ч. назвал эти сны «душевными кровотечениями» и рискнул сравнить с физиологическим шоком, которое переживает девичий организм на пороге взросления.

Наверное, это и было первое откровение собственной «русскости».

Тела русских рассеяны по всему белу свету, а души их сгрудились в тесной камере трансперсональной Бутырки, где густо-густо надышали общих снов. Российское межчеловеческое пространство, на котором от могилы до могилы три суворовских перехода, пронизано и соткано бездомными снами, что видели тьмы и тьмы странников и изгнанников, инородцев и иноверцев, ссыльных и каторжных, возвращенцев и спецпереселенцев...

Устрялов — вещий сон России.

* * *

Человек, который принес посмотреть следственное дело Устрялова, заложил в него закладку, и сказал, что читать можно то, что до нее, а то, что после — нельзя. И как честный советский гражданин, привыкший делать «то, что положено», я прочел «от и до», а то, что после — не стал.

Тогда я думал, что дело в секретности. Теперь понимаю: просто меня пожалели.

Последними, кого Устрялов видел в этой жизни, были «следователи», «судьи» и те, кто приводил приговор в исполнение. Мы с ними одной кальдеры: они и я.

Чуть было не написал: последние, кто говорил с Устряловым…

Б.В. Раушенбах рассказывал мне: во время войны они с другом, тоже советским немцем, попали в тюрьму по пятому пункту, и следователь вел допрос друга, нацепив галстук, «конфискованный» у того в ходе обыска и ареста. Конечно, он не был банальным вором. Скорее всего, не стоит считать это сознательным приемом, использованным, чтобы «сломить психику» и т.п. — к чему такие сложности? Наверное, следователь не был ни извергом, ни извращенцем. Все проще: галстук смотрелся уж очень хорошо, а *враг народа*, как известно, не является одушевленным существом. И любые слова и действия следователя по отношению к нему лежали вне пространства человеческих отношений и нравственных оценок. Вне сферы языка. Вне жизни. Вне.

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез…

Возвращенец, мать твою…

* * *

Под утро мой костер на берегу заветной волжской протоки начинает рассеивать темноту, и видно, как крупные рыбы выбрасываются из воды, зависают, беззвучно шевеля губами, и с коротким плеском идут ко дну…

Иногда кажется, что пережить такое не под силу существам с теплой кровью; что все мы, новые русские — холодные, немые рыбы, которых течение качает над могилами и руинами наших атлантид. А подлинная Россия ушла в надводное небо как недоступный нам воздушный Китеж.

Неистово хочешь вырваться наверх, прокричать самое-самое… И вот бросаешься в небо, как в омут, хватаешь полной грудью этот воздух, которым захлебнулись так многие – а выдыхается одно лишь рыдание.

* * *

О чем он думает ночами, — заложник, замурованный временем в желтом Харбине, как небесный муравей в янтаре? Дотянуться туда, сказать…

октябрь 1994 г. — февраль 1995 г.

В день, когда эта работа была закончена,
умер Михаил Яковлевич Гефтер.

АПОЛОГИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

«Его слова безбрежны, как океан;
чтобы быть верным себе, он себя ничем не стеснял,
поэтому правители и сановники
не могли его использовать».

Историк Сыма Цянь –
о мудреце Чжуан-цзы

У слова «иное» - особая судьба и особый смысл в русском языке.

Заглянув в словари, можно выяснить, что оно ведет родословную от старого индоевропейского корня с базовым значением «один». В греческом языке «ойнос» означает «одно очко на игральной кости». В латинском есть слово *unus* (один). Латынь содержит также замечательное слово *ineo*, очень похожее на «иное», которое означает «вхожу, вступаю, начинаю». А уж потом ineo развивается в *initio* - ввожу (в культовые таинства). Можно проследить видоизменение корня «ин» в разных европейских языках: *ein*, *one*, *un* и пр.

Есть и древнерусское, восходящее к общеславянскому корню слово «инъ», «иный». Здесь, на нашей земле, оно обрело целый веер значений, среди которых первоначальное оказалось совсем не главным.

Значение это («один») ныне едва просвечивает из глубин русской речи. Одно из немногих его реликтов - понятие «инок», монах. Собственно, «монах» тоже происходит от корня monados - по-гречески «единица». Слово «инок» исходно означало «единственный,

одинокий, отшельник» и в этом смысле применимо ко многим авторам книги «Иное». Есть еще забытое ныне слово «инорогъ» - одинокий, ни с кем не схожий зверь единорог, герой мифов многих народностей начиная с шумеров.

Второе значение слова «иной» - *некоторый, один элемент из множества*. Оно еще полнокровно живет в классической поэзии начала XIX века. Баратынский писал:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные
И в мире нет уже других.

В современной речи это значение спрятано в слове «иногда», в выражении «иной раз», а в чистом виде приобрело явный оттенок архаизма.

Третье и на сегодня главное значение слова «иной» - *другой, не такой, не этот*. Старинная форма слова в этом значении - «инакий». От него происходит отдающее архаикой, но всегда злободневное слово «инакомыслящий», а также укрывшийся в служебном словаре коневодства «иноходец», которому Высоцкий вернул исконный смысл. Иносказательность - родовая черта русско-московской речи.

В 20-х годах XVII века в Московии появляется литературно-публицистический памятник, составленный неизвестным автором, - «Иное сказание». В нем по-новому трактуются некоторые события русской Смуты, описанные ранее в классическом «Сказании» Авраамия Палицына.

Серия книг Т.Шанина о России носит общее название «Roots of Otherness. Russia's Turn of Century». С согласия Шанина это будет переведено как «Корни инакости. Россия на рубеже столетий». Иными словами, «инакость» живет и здравствует.

Пушкин в «Арионе» прямо противопоставляет старое «иное» новому:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы...

Сам поэт чаще употребляет слово «иное» именно в этом, новом смысле. Вспомним отрывки из «Путешествия Онегина», где Пушкин декларирует свое расставание с заимствованными жанрами, стилями и терминами:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
.....
Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...

По существу, Пушкин создает иной язык, новую понятийную сетку для описания феномена России. До этого было принято изображать ее в терминах, понятиях и образах, заимствованных из античной классики или европейского романтизма.

Но есть у Пушкина и тоска по новой социологии:

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода...

Огромная тема, которую здесь приходится оставить в стороне, – традиция употребления русского слова «иное» переводчиками для обозначения одной из важнейших категорий, играющей особую роль во многих философских системах – от Платона до Гегеля.

В-пятых, есть более частный, но притом самый модный ныне смысл термина. «Иное» означает на публицистической фене *несуществующее третье*, как свидетельствует лозунг «Иного не дано» – странноватый отечественный перевод латинской фразы «Tertium non datur». Иное-несуществующее (в смысле tertium non datur) подразумевает, что провозглашается некая двуполюсная картина мира, основанная на парах противоположных понятий (запад – восток, открытое общество - закрытое общество, цивилизация – варварство и т.п.). Отечественное обществознание пользуется двумерными понятийными координатами, заимствованными у западной социальной науки (больше взять неоткуда, мы не выбирали - других просто не оказалось). Но все чаще выясняется, что для описания феноменов нашей жизни эта сетка оказывается или непригодной, или мистифицирующей, вводящей в заблуждение.

В поисках выхода из гносеологического тупика происходит таинство обретения нового смысла: *Иное* само по себе, взятое без «не», превращается в *Третье*, намек на переход от дихотомической понятийной системы - к троичной. Благодаря этому целая треть мира, не имевшая статуса в мире Tertium non datur и потому как бы невидимая, вдруг возникает в поле зрения и оказывается не менее, если не более реальной, чем привычные полюса оппозиции.

Это - знак перехода к троичному мышлению, знак радикального расширения концептуального пространства. Поднимаясь над плоскостью, мы обретаем чудесную способность увидеть такой странный предмет-инорог, как Россия. Похоже, он имеет собственный онтологический статус, свое смысловое пространство, отличное как от задворок Запада, так и от предбанника Востока. Полнокровное, органичное Бытие, а не ублюдочную «самобытность».

Тогда мы вспоминаем, что культура, в которой живем (в отличие от науки, плодами которой пользуемся), изначально трехосновна. Христианская интуиция троична. Из истории европейской культуры всем памятна триада идеалов на знамени Французской революции («свобода - равенство - братство»). Правда, не принято обсуждать, что означало это «братство» и куда подевалось потом.

Инакость, троякомыслие - вот что сближает необъединимых, уникальных иноков, участников проекта «Иное»: иные из авторов сознательно пользуются троичными понятийными структурами, другие прибегают к этому интуитивно. Благодаря этому предмет-невидимка, предмет-оборотень оказывается хоть как-то уловим в концептуальные сети, русское инобытие впервые обретает понятийный статус.

Здесь – самый очевидный, поверхностный слой замысла «Иного».

Но существует иное измерение слова «иное», полное экзистенциального и мистического смысла. Здесь оно приобретает глубоко эмоциональное и личностное звучание. Помните? - Дон Гуан из пушкинских «Маленьких трагедий», в традиционной манере стоя на одном колене перед Доной Анной, импровизирует. Его несет стихия речи, он строит прекрасную картину несбывшегося будущего:

...Если б
Я прежде вас узнал, с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, всё бы отдал.....чтоб ваша жизнь
Была одним волшйбством беспрерывным.

Но тут возникает заминка: он-то знает, что вызвал на это свидание третьего - Командора, чувствует, что тот уже стоит за дверьми, а главное, вспоминает, что он - Дон Гуан с русской судьбой! И вдруг, неожиданно сбившись, выпаливает:

«Увы! - Судьба судила мне иное».

* * *

Обстоятельства появления на свет книги «Иное» вовеки пребудут тайной для всех, вовлеченных в ее орбиту. И составитель не

составляет исключения, – напротив, тайна сия сидит у него в печенках[1].

Что объединяет авторов «Иного»? На первый взгляд ответ очевиден: ничего.

Это обстоятельство побуждает обратиться к жанру апологии. Только кто ее станет читать? Если «Иное» - не более чем сборник текстов, объединенных по прихоти составителя, – это заранее обесценивает бумагу, готовую выйти из-под его пера.

Убежден, однако: бумага эта - ценная, поскольку обеспечена золотым содержанием. Правда, оценить его непросто. Собранные в книге тексты принадлежат авторам, имеющим мало общего и чрезвычайно много различий, порой драматических. Это личности с весьма разнонаправленными, а часто несовместимыми (как кажется) иерархиями ценностей. Их разделяют возраст, происхождение, образование, взгляды, предрассудки, вероисповедание, пристрастия и вкусы, принадлежность к различным стратам общества, тип мышления и степень одаренности. Некоторые из них - до последнего времени по крайней мере - избегали подавать друг другу руку, появляться вместе на экранах телевизоров, встречаться на страницах газет.

При всем том книга «Иное» - осознанное общее действие, ставшее возможным благодаря независимому решению, принятому каждым из ее авторов.

Мне посчастливилось стать первым читателем большинства текстов «Иного». Тех, кто решится разделить со мной этот труд, хотел бы предупредить, что их ждет.

По мере вчитывания в каждой из работ словно открывается глубинная скважина, обращенная к трансцендентным слоям смысла[2]. Там, на глубине, все они достигают с разных сторон определенного пласта идей и в нем смыкаются. Еще точнее, дело выглядит так, будто скважины не бурились со стороны авторов, а были пробиты со стороны идей. Идеи играют активную роль. Давление в пласте нарастает, оно достигло критических величин. Уже сегодня, сейчас, этот комплекс идей начинает открывать себя обществу, используя

[1] В том, что это не поза, легко убедиться, заглянув в одну из ранних версий проекта «Иное дано», датированную апрелем 1993 г. — см. Приложение (опубликована в сокращении журналом «Век XX и мир», # 3–4 за 1994 г. С. 162–168).

[2] Все, что говорится ниже о личностях авторов «Иного» и о качествах их статей, естественно, никак не относится к личности составителя и его текстам, которые, по хорошей советской традиции, включены в «Иное» по блату, в качестве «нагрузки».

авторов «Иного» в качестве канала трансляции. Устремленные к нам потоки, идущие из трансцендентной глубины, неумолимо прогрызают километры пустой породы, слои вязкой глины предрассудков и мертвого песка пропаганды, они неудержимо со дня на день вырвутся на поверхность, проявятся как родники, гейзеры нового смысла. Единственное, что в человеческих силах, - попытаться несколько ускорить или замедлить их прорыв.

Когда я поделился этими ощущениями с одним из авторов «Иного», он напомнил мне притчу Чжуан-цзы о флейте неба.

* * *

ИЗ КНИГИ «ЧЖУАН-ЦЗЫ»[1]

Ты, верно, слышал флейту человека, но не слыхал еще флейты земли. И даже если ты внимал флейте земли, ты не слыхал еще флейты неба.

[...] Великая Пещера выдыхает воздух, зовущийся ветром. В покое пребывает он. Иной же раз он приходит в движение, и тогда вся тьма отверстий откликается ему. Разве не слышал ты его громоподобного пения? Вздымающиеся гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов - как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Наполнит их ветер - и они завоют, закричат, заплачут, застонут, залают. Могучие деревья завывают грозно: У-у-у! А молодые деревца стонут им вслед: А-а-а! При слабом ветре гармония малая, при сильном ветре - гармония великая. Но стихнет вихрь, и все отверстия замолкают. [...]

- Значит, флейта земли - вся тьма земных отверстий. Флейта человека - полая бамбуковая трубка с дырочками. Но что же такое флейта неба?

- Десять тысяч разных голосов! Кто же это такой, кто позволяет им быть такими, какие они есть, и петь так, как им поется?

[...]

Когда мы спим, душа отправляется в странствие. Пробудившись от сна, мы открываемся миру.

[...]

Малый страх делает нас осторожными. Большой страх делает нас раскованными.

[...]

[1] Перевод В.Малявина.

Речь - это не просто выдыхание воздуха. Говорящему есть что сказать, однако то, что говорит он, крайне неопределенно. Говорим ли мы что-нибудь? Или мы на самом деле ничего не говорим? [...] Отчего так затемнен путь, что существует истинное и ложное? Почему так невнятна речь, что существует правда и обман? [...] Путь затемняется человеческими пристрастиями, речь становится невнятной из-за цветистости. И вот уже возникает «правильное» и «неправильное», о которых толкуют последователи Конфуция и Мо Ди, и то, что одни объявляют правдой, другие начисто отрицают. Но вместо того чтобы принимать то, что они отрицают, и отрицать то, что они провозглашают, лучше прийти к прозрению.

Каждая вещь в мире есть «то», и каждая вещь в мире есть «это». Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому.

[...]

[...] Каждый из них в своих пристрастиях отличался от других и притом старался разъяснить лишь то, к чему сам питал пристрастие, а потому умалчивал о других точках зрения.

[...]

Положим, мы затеяли с тобой спор, и ты победил меня, а я не смог переспорить тебя, значит ли это, что ты и в самом деле прав, а я на самом деле не прав? [...] Обязательно ли кто-то из нас должен быть прав, а кто-то не прав? [...] Кто же рассудит нас? Если придет кто-нибудь, кто согласится с тобой, то как ему рассудить нас? А если кто-то третий будет согласен со мной, то и ему не удастся нас рассудить. Если же, наконец, позвать того, кто не согласен ни со мной, ни с тобой, то такой человек тем более не поможет нам установить истину. [...]

Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес.

* * *

Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм были крупнейшими социологами рубежа веков. Отрезки их жизни на исторической шкале почти совпадают. Оба знали славу при жизни, каждый создал научную школу. Их труды обрели широкую известность, непрестанно цитировались. Но если бы из всей социологической литературы того времени до потомков дошло только полное собрание сочинений одного из них - мир никогда не узнал бы имени другого.

Не полемика, не критика, даже не враждебность - тут абсолютное игнорирование существования друг друга. Это и стало единственной формой отношений между ними. Трагедия? А ведь пло-

дотворный синтез их идей был возможен, - что и осуществилось в дальнейшем, например, в работах Парсонса.

Эта история не исключительна, скорее она типична. Сколько гениев изнывало от духовного одиночества, в то время как их собратья по духу находились буквально за стеной.

Что объединяет Вебера и Дюркгейма вопреки всем внешним различиям, вопреки, быть может, их собственной воле?

Чистота тона, воспринимаемая каждым, кто наделен специфическим слухом. Подлинность и сила звучания лада небесной флейты. Выдох неба, ясно различимый за их собственным голосом. И при этом - неспособность, неумение, нежелание расслышать свое *иное*.

* * *

Прозанимавшись свыше двадцати лет жизни проблемой *понимания*, составитель отдает себе отчет, что понимание как таковое играет исчезающе слабую роль в жизни нашего общества. Но тогда нельзя не признать, что в случае с авторами «Иного» мы сталкиваемся с загадкой. Большинство из них и в научном, и в человеческом плане выглядят более-менее состоявшимися людьми (иные притом вполне состоятельны). У каждого опубликованы запоминающиеся работы, многие ведут успешную педагогическую деятельность, являются создателями и руководителями исследовательских центров, журналов и иных научных и творческих организаций, их работы известны, широко цитируются. Однако, если обратиться к главным идеям указанных авторов, мы столкнемся с поразительным фактом: степень их понимания даже ближайшим окружением, коллегами, представителями той же научной дисциплины или узкой референтной группы, - эта степень близка к нулю. Ситуацию можно рассматривать и как трагическую, и как трагикомичную, но это так. Приходится признать, что жизненные успехи или неудачи, известность и карьера авторов «Иного» практически не связаны с восприятием и общественным признанием их идей. Если бы все упиралось только в проблему понимания, то, вероятнее всего, их ждал бы полный крах, они были бы выброшены на обочину жизни.

Объяснение этого загадочного феномена нужно искать в совершенно других социальных механизмах и сферах общественного устройства. Общество как бы обладает избирательным чутьем на присутствие творческого потенциала, одаренности. Оно достаточно часто выделяет подобных людей и либо истребляет их, либо стремится использовать в своих целях, но при этом - весьма своеобразным способом. Научные коллективы, профессиональные группы, корпорации, кружки и прочие общественные институты словно

испытывают некую потребность иметь в своем ядре одного или нескольких людей с явно выраженной одаренностью, - но, заполучив, обволакивают их специфическим социальным коконом, внутри которого тем предназначена роль, чем-то подобная функции матки в муравейнике. Формы социальности, которыми общество пеленает своих гениев, скорее подобны биологическим механизмам отторжения, обезвреживания и нейтрализации вредоносных элементов, попавших в организм.

По отношению к самим творцам эти оболочки можно рассматривать даже как некие формы социальной компенсации: вместо полноценного понимания автору идеи или концепции подсовываются разнообразные суррогаты и формы «отступного». Общество утешительно премирует их маскарадными, но вполне респектабельными костюмами руководителей научных направлений, редакторов журналов, телепроповедников, популярных публицистов, почетных докторов, академиков, председателей научных советов и т.п.

Муравьи разных социальных муравейников распознают друг друга по признакам, как правило, слабо связанным с содержанием каких бы то ни было «концепций». Поскольку формы разборок между ними связаны с сугубо прозаическими причинами, это приводит творцов, ставших заложниками собственных «команд», к сильнейшим личностным перекосам и травмам. В частности, идеологические игры в «своих» и «чужих» отгораживают творческую личность от иных подобных ей, воздвигают между ними систему кривых зеркал, густо размалевывают их идеи боевой раскраской враждующих сект, школок и группировок.

Одна из целей «Иного» - извлечь ядра авторских идей из подобной скорлупы.

* * *

Притча Чжуан-цзы о небесной флейте предвосхитила известный опыт из квантовой механики. На пути элементарной частицы - таинственного сгустка первоматерии - устанавливают пластину с несколькими отверстиями. И на глазах у исследователей происходит чудо: «частица» пролетает во все отверстия разом! Корпускула ведет себя как волна, и каждая дыра в пластине, оказавшаяся перед ее фронтом, становится как бы источником вторичного излучения, параметры которого зависят от размеров и формы отверстия.

В образах людей, несущих миру свет идей, в Новое время принято выпячивать, педалировать роль творца и забывать, что *творится*, собственно, форма идеи, содержание же *открывается*:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей....

Но из того, что пророки исполнены единой Волей, вовсе не следует, что они будут говорить одно и то же. Каждое отверстие небесной флейты поет на собственный лад. «Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес».

Первичный Смысл («то, что Бог думает о России в вечности», - по известному выражению В. Соловьева) порождает целый веер вторичных идей (то, что мы сами думаем о себе во времени). Идея - проблеск Божий. Но ограниченный общественный разум не в силах преодолеть противоречия между идеями и потому склонен обожествить одну из них, а все прочие объявить ересью. По мере того как идея теряет первоначальную энергию, она обрастает идеологическими оболочками и пристройками. Идеология - вырождение идеократии. Идея в ней перегорела, погасла.

Традиционным принципом объединения мыслителей и интеллектуалов служила *партийность* - приверженность общей идее. В межчеловеческом пространстве авторов «Иного» витает предчувствие принципиально иной духовной общности: корпорации лиц, осознавших, что они в той или иной мере обладают (не по собственной воле) каналом личного Откровения. Факт Откровения объединяет их вне зависимости от того, в какие именно словесные оболочки они склонны облекать то, что им открывается. Таким мог бы стать несбывшийся союз Вебера с Дюркгеймом. Музыкантов тоже принято объединять по тому признаку, что их инструменты принадлежат, скажем, к «группе струнных». Но альтист может быть бесконечно ближе флейтисту просто потому, что каждый исполняет свою партию в общей симфонии, и оба играют *вдохновенно*.

Многие из метапророчеств, представленных в «Ином», вполне могли бы быть эксплицированы, популяризированы и развернуты в полномасштабную идеологию. Но идеология в традиционном ее понимании - последнее из того, что нужно сейчас России. «Иное» - это ширма, сквозь отверстия в которой угадываются контуры смысла наступающего метаисторического периода. И отсутствие, нехватка любого из них может привести к необратимым потерям в самосознании страны, стоящей на пороге перемен.

Пророчества обычно темны и косноязычны... Не стоит питать надежд на успех книги у читателей. Можно сказать и больше: главная задача «Иного», с точки зрения составителя, - в том, чтобы иные из круга авторов вчитались, вдумались в работы других. Результатом может стать цепная реакция огромной духовной мощности, по-

следствия которой трудно переоценить. Главное - будет дан толчок к становлению нового русского самосознания. Необходимо восстановить российский канал к трансцендентному слою бытия. Прорубить окно в Иное.

Что касается установления рациональных соотношений между частными откровениями Смысла - оно может оказаться делом отдаленного будущего.

* * *

Предположим, что некоторую страну поразил духовный голод. На ней не сеют трансцендентные зерна истины, блага и красоты, не жнут урожай, не молотят, не свозят его в элеваторы и разнообразные закрома, не мелют муку, не пекут хлеб и не распространяют его тем или иным способом через торговую сеть или систему полевых кухонь. Как известно, чем сильнее духовная дистрофия, тем беспощаднее огонь материальной вражды, который невозможно потушить материальными же средствами. В этой ситуации задачей-максимум является возрождение культуры смыслоделия, возделывания духовной почвы. Но первым шагом должно стать осознание самого факта трансцендентного голода, понимание, что функция духовного питания общества, функция целеполагания разрушена, нуждается в скорейшем восстановлении и институциализации.

Поэтому задача-минимум может состоять в том, чтобы под покровом ночи послать на эту территорию пузатый транспортный самолет и сбросить на парашюте гуманитарную помощь: большой контейнер, в котором в виде консервных банок упакован необходимый минимум концептуального, ценностного, идеального содержания, способного катализировать процесс выхода из духовного тупика. Конечно, никаких гарантий успеха такой миссии быть не может. Вполне возможно, что контейнер упадет в болото, затеряется в джунглях или рухнет на голову туземного вождя. Правда, утешать себя можно тем, что консервы не портятся. И даже если сейчас содержание гуманитарного груза не будет востребовано и усвоено, пройдет какой-то срок (скажем, половина жизни поколения), и ситуация трансцендентной цинги все равно будет осознана. Но вероятность того, что подобного сорта продукт удастся произвести в стране еще через двенадцать лет, несравненно меньше. К тому времени мы скорее всего недосчитались бы по тем или иным причинам большей части авторов «Иного».

И вот в такой постановке задачи дело наконец-то доходит собственно до содержания, то есть качества тех консервов, которые упакованы в контейнер. По глубокому убеждению составителя,

комплекс идей, представленных в книге «Иное», с лихвой и даже, может быть, с многократным избытком обеспечивает решение задачи, которая подразумевается: возрождение страны - сначала в духе, а потом во плоти.

* * *

Взор современного читателя, отрываясь от страниц «Иного», не обнаруживает окрест никаких признаков духа, повсюду натыкаясь на торжествующую плоть. Точнее - подрагивающие от вожделения хвосты и трясущиеся загривки разномастного зверья, что облепило тушу дохлого мастодонта-СССР. Разлагаясь, «великий и могучий» продолжает служить последним поводом для новейшей «исторической общности». Плоть лежит в ее основе, распространяя весьма специфический дух. Орды трупожорок, лимфососов и прочих ценителей поживы, радостным воем встретившие крылатую фразу «Процесс пошел», теперь, уверенно урча, ведут указанный процесс к логическому концу. Ибо популяция некрофилов разрастается, а падаль, увы, ресурс исчерпаемый.

Сценарии дальнейшего не составляют тайны для мировой политологической мысли. Сначала рвут куски друг у друга, потом - рвут друг друга на куски... Это даже не пресловутый «закон джунглей», ибо он, как известно из Киплинга, гласит: «Мы с тобой одной крови - ты и я!»

Однако Россия никогда не была общностью по крови. А общность по духу, пусть суррогатную, мы утеряли. Что остается? Общие газы?

Население сгрудилось у трубы, по которой в закатную сторону течет, оскудевая, первичное и вторичное сырье; навстречу, снисходительно блестя сникерсными обертками, плывет-сплавляется ширпотребный ленд-лиз.

Черная, вязкая нефть сочится по венам страны. А небесные артерии перерезаны или забиты тромбами.

Но материализм в России мог существовать только как духовное движение. В натуральном виде он шансов не имеет. Тут царство идеализма, доходящего до идиотизма: русский «софтвер» фатально предшествует «хардверу».

Российское имущество, некогда грабительски «обобществленное», теперь по-блатному «приватизировали». Самое же Россию, между делом, не заметив, - выбросили за ненадобностью... В пламени очередных реформ выковывается новый русский: прагматичный, непьющий (нас не проведешь!) Иван-дурак, что вылил драгоценное вино, дабы сдать бутылку. А в приемном пункте с нее содрали ярлык.

Исчезла в пространстве, блин, исчезла! О, русская земля, ты - вечно за холмом, не здесь, незнамо где. Русь - шестая часть небес с названьем кратким… Не делится чудо на душу и плоть.

А потому плоть России, всеобщего «Иного», - всегда и для всех крайняя. Потому изгнание духа оборачивается развоплощением, обрезанием и кромсанием пространств, самоизгнанием. И вновь от «России» остается лишь имя, неистребимый и неотвязный пароль, властно взыскующий из глубины эмигрантских душ позабытого отзыва.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу

«Иное» – философский пароход, который возвращается на родину.

Сергей Чернышев
3 мая 1995 г.

ЗАГАДКА

блокчейна

2011–2016

Семь колонок о собственности

Цифровые платформы роста: сумма технологии

Кому и зачем нужен блокчейн

СЕМЬ КОЛОНОК О СОБСТВЕННОСТИ

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

Владислав Ходасевич

ПЛЮС КАПИТАЛИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

«Человечество вынуждено взяться
за капитализацию России –
с нашим ли участием либо без нас»

2011.09.07. О том, чего не оказалось
в «Стратегии-2020»

Признаться, давно не успеваю ни читать газет, ни писать в них. Но общественные обстоятельства наши таковы, что волей-неволей раздумываешь о них уже непрестанно. Да так, что порой на ходу ловишь себя на мыслях вслух.

С чего начать ловить эти внутренние монологи? Да хоть бы и с постылых «инноваций».

Вроде прогрессивная идея. Торгуем на мировых рынках своими углеводородами и металлами, но вырученных денег на нормальную жизнь сильно недостает. Давайте поищем, что бы еще такое продать за рубеж? Вот научные идеи – наряду с сырой нефтью. Или еще луч-

ше не сырой, а переработанной. Сиречь, толкнем на рынке идеи не простые, а коммерциализированные – продадим наукоемкую продукцию, которую произведут наши модернизированные заводы.

Тут по ходу дела обнаруживается столько подводных камней, что для воды уже места не хватает. Но пусть в ней плещутся публицисты. Обратимся к делу, к сути.

Со второй половины XX века сосуществуют две стратегии выживания национальных государств в глобальной экономике. Старая, ветхая стратегия – *торговля ресурсами* страны. И новая – нацеленная на их *капитализацию*.

Выясняется: по большому счету неважно, чем торговать – нефтью, ураном или услугами офшорного программирования. Факт, что никому на этом пути особо процвести не удается. Чуть ли не единственным исключением на первый взгляд представляется Саудовская Аравия с эмиратами. Но это и впрямь исключение – на сравнительно небольшой территории сочетаются крупнейшие в мире запасы углеводородов с ничтожной численностью населения. К тому же международники знают, на какой зыбкой политической почве держатся эти оазисы процветания.

Страны, торгующие своими ресурсами, – готовые жертвы системы нового колониализма. Транснациональные цепочки добавленной стоимости сконструированы так, что центры ее осаждения расположены вне сферы контроля продавцов. Того, что им достается, едва хватает на простое воспроизводство. В ядре глобальной экономики, играющем роль совокупной метрополии, сконцентрированы новые компетенции и финансовые технологии управления колониальной собственностью.

Ну а Китай? Он же вроде бы торгует продукцией собственного производства, и притом растет быстрее дрожжей.

Но тут совсем иная песня. Китайское руководство, среди прочего, виртуозно реализует стратегию капитализации главного ресурса страны – полумиллиардного массива дешевой рабочей силы.

Капитализация – это не столько цифры биржевой стоимости компании (которые, как известно, могут оказаться дутыми, да и пляшут туда-сюда под влиянием массовых иллюзий и фобий рынка). Капитализация страны – по созвучию с индустриализацией – это систематическая деятельность по превращению всех без исключения ее ресурсов, фондов и активов в работающий капитал. То есть в социальную машину, регулярно приносящую добавленную стоимость.

В чем главный, стратегический ресурс России? Не в газе, не в нефти самих по себе. А в 1/9 земной суши, удельная капитализация

совокупных ресурсов которой в несколько раз ниже, чем в среднем по земному шару!

Только не надо бездумно повторять благоглупости о тундре, холодах и т. п. В Норвегии, покрытой мерзлыми скалами, чья южная оконечность расположена на широте петербургских болот, где земель, пригодных для сельского хозяйства меньше трех процентов территории, – удельная капитализация национальных ресурсов в семь раз выше российской. При том что мы располагаем 10% мировой пашни, половиной всемирного фонда черноземов... При том что статистика бесстрастно свидетельствует: на охлаждение человечество расходует больше энергии, чем на обогрев, жара страшнее холодов.

Гектар пахотной земли в Пензенской губернии стоит в пять раз дешевле, чем такой же – в польской Силезии и в двадцать пять – чем в Нидерландах. Это означает, что, будучи в своем природном качестве практически неотличим от польского и голландского, в качестве капитала он приносит российскому собственнику впятеро меньше, чем поляку. Это означает также, что в качестве залоговой стоимости он позволяет польскому собственнику взять на развитие хозяйства впятеро больший кредит, чем россиянину. 500% форы на старте для восточноевропейских предпринимателей! О голландских уж умолчим...

Секрет (если вообще уместно о нем говорить) – в дезориентирующем штампе «производительность труда». Все говорят, будто она у нас вчетверо ниже, чем в США. А отсюда, стало быть, и соответствующий разрыв в зарплате. Быстрее махать лопатой надо, граждане! Но многие наши соотечественники, кому довелось потрудиться на технологически современных производствах дома, а потом податься на Запад в отхожие промыслы, довольно быстро выходят на тамошний уровень личных доходов, не превращаясь при этом в стахановцев. Дело в ином.

Решающий разрыв в капитализации коренится вовсе не на уровне труда-производства. Он генерируется издержками институтов распределения (у нас разрушенных и заброшенных) и институтов обмена (их ветхозаветное качество в РФ примерно соответствует состоянию американских накануне Первой мировой). Не «производительность труда», а капитализация квалифицированной рабочей силы, капитализация инженерной и научной компетенции – вот что у нас вчетверо хуже, чем на Западе. Архаичность орудий и условий труда в глубинке только усугубляет, но не создает цивилизационный разрыв. Мобильность трудовых ресурсов, о которой грезят наши инвалиды от идеологии, лишь ведет к мобильному отъезду в те края, где общество озаботилось отстроить институты, позволяющие эти ресурсы капитализировать.

Россия сегодня – главный земной заповедник некапитализированных ресурсов, глобальная неподнятая целина, вторая Антарктида, где лежат под спудом свыше 12% мировых ресурсов всех типов (в том числе остаточный ресурс склонности тающего населения к науке и новаторству). Один лишь экстенсивный подъем уровня их капитализации до среднемирового уже способен добавить пятую часть всемирному валовому продукту! Человечество просто вынуждено взяться за эту задачу – с нашим ли участием либо без нас.

Здесь – главная угроза суверенитету, целостности страны. И здесь же – главный ресурс возрождения, материальная основа стратегии вхождения в будущее.

Организовать и возглавить глобальный процесс освоения российских ресурсов. Дать возможность всем конструктивным и добросовестным участникам заработать долю – не в основном капитале материального тела страны, а в приросте ее стоимости. И при этом не только сохранить нашу собственность на национальные богатства, но кратно приумножить их.

Увы, об этом в «Стратегии-2020» – не ищите, не найдете ни слова.

ОРЁЛ-ТАНДЕМ И ПТИЦА-ТРОЙКА

«Любая избираемая власть в принципе никакого отношения к стратегии иметь не может»

11.10.27. О том, что важнее всего в правящем «тандеме»

Улеглась виртуальная пыль, поднятая реверсом российской преемственности. Тема тандема слетает с древа актуальной повестки, соскальзывая в архив октябрьского листопада. Сетевые слонопотамы, оттрубив свое, расползаются восвояси по блоговищам. Дал слабину нерушимый блог либералов и беспартийных. Навальный грех сменяет блогодать. Стихает и патриотический блоговест. В онлайне мир, во человецех блоговоление. Тема слита без последствий, как с двуглавого гуся вода.

Блогово – блогу, а кесарево – кесарю.

Разговоры о новом застое выдают короткую память разговорщиков. Вот аутентичный анекдот 30-летней выдержки. Поздно вечером в квартире Л.И. Брежнева раздается звонок в дверь. Генеральный,

шаркая, ковыляет в прихожую, копается в карманах халата, выуживает из одного очки, криво цепляет на нос, из другого – бумажку, разворачивает, вздевая брови, тупо всматривается, шевелит губами, свободная рука шарит в поисках трибуны... Читает по складам:

— Гр-р-м... Кхе-кхе... Товарищи! Э-э... Кто там?

В тандеме главное не то, что обе ипостаси моложавы, сметливы и неслыханно красноречивы. И даже не прецедент геральдически предугаданного властного двуглавия (если не брать в расчет мимолетный дуэт эпилептичного Петра со слабоумным Иваном). Главное – небывалая в постбеловежье перспектива безвыборного шестилетия. А за ним, глядишь, и преемственности руководства, простирающейся за прогнозный горизонт. Преемственности, наконец-то чреватой *стратегией*.

Слово это донельзя истаскано, опошлено рыночными маркетологами и лишено остатков смысла. «Стратегиями» величают всё что ни попадя – от убогого бизнес-плана и до госупражнений в прогнозной аппроксимации второстепенных макроэкономических показателей.

Стратегией – в отличие от политики и экономики – классические греки именовали смертельно значимое искусство руководства полисом в военном противостоянии с другими городами-государствами. А война тогда – как и сейчас – никогда не прекращалась. Вспышки боестолкновений лишь высвечивают перманентную грозу гонки вооружений, чьи тучи, гонимые политическими ветрами, всасывают почти всю влагу с хозяйственных полей.

Итак, *функция стратегии в классическом ее понимании – защита, поддержание, расширенное воспроизводство суверенитета страны*.

Стратегия – вполне конкретный способ действия. Как и всякий иной, он подразумевает определенного владеющего им субъекта: не быть бортничеству без пчеловода. У него, как и у любого другого рода деятельности, есть свой конкретный предмет: не бывать земледелию без земли.

Стратегические циклы в разы продолжительнее политических, так что зацикленные на политике могут дальше не читать. Типичный ход маятника стратегии – от поражения русских под Нарвой в 1700-м до победного Ништадтского мира в 1721-м – охватывает почти всё царствование Петра.

Орган общества, ответственный за стратегию, субъект выработки стратегических решений по определению не может быть ни короткоживущим, ни выборным. Даже президентская шестилетка по срокам не дотягивает и до первого класса начальной школы стратегии. Тем паче сам стратегический образ мышления и действия фронтально противоречит политическому. Стратегия всегда забира-

ет значимые ресурсы у нынешнего поколения во имя неосязаемого блага будущих – но призывать к этому широкие массы материально озабоченных избирателей для политика самоубийственно.

Что же из этого следует? Следует жить, отдав себе отчет, что общество, ведомое властью в роли верховного института, недолговечно, как поденка. Любая избираемая власть в принципе никакого отношения к стратегии иметь не может. Стратегия нагружает борца за власть неподъемным бременем. Стратег в политических разборках напоминает боксера, вышедшего на ринг с рюкзаком умных книг за спиной.

Конечно, стратег может и должен влиять на политику: формировать политическое поле, состав игроков, правила игры. Но сам (подобно Дэн Сяопину) не может и не должен быть политиком: не царское это дело.

Кто же у нас занимается стратегией? Сказать «никто» – ничего не сказать. Данным откровением так густо исписаны все заборы, что не вставить и трех букв.

Проблема куда фундаментальнее. Конституцией РФ не предусмотрено никаких органов власти и самоуправления, чей цикл выборной перезагрузки простирался бы за горизонт президентской шестилетки. Стратегией заниматься попросту некому. Ну, кроме разве что «многонационального народа», коему Статья 3 утопически приписывает готовность и способность нести тяжкое бремя суверенитета.

Конечно, это можно бы и пообсуждать, но обсуждать-то, в сущности, нечего. Шевельнув первой же извилиной, осознаешь, что демократическое принятие стратегических решений возможно лишь при следующих условиях:

— устойчивое большинство граждан готово лечь костьми за отечество;

— оно ставит цели на десятилетия, сиречь искренне печется о грядущих поколениях;

— оно в состоянии осмыслить и взвесить резоны футурологов и политтехнологов, и паче имеет доступ к сверхсекретным разведданным – а иначе какая ж стратегия, какой суверенитет?

И здесь мы юзом, не успев затормозить, въезжаем в сферу трагикомических, стыдных и страшных вопросов русской жизни, о которых не принято даже упоминать в приличном (якобы) обществе.

Какие варианты субъектов-стратегов, ответственных за суверенитет, известны из истории?

Первым делом – монаршая особа, суверен в исходном смысле слова. Считается, проехали.

Затем – разные формы непубличной самоорганизации элит Запада. Ну, у нас ни элиты, ни самоорганизации, да и самые представления об этом числятся по неприличному ведомству конспирологии.

Наконец – знакомое, как глазам ладонь: правящая партия, партия нового типа. Каковую в 1990-м упразднили росчерком пера. Воистину: метили в коммунизм, а попали в суверенитет. И попали крепко: суверенишки и суверёныши посыпались как перхоть, обнажая лысину с особою метой.

Историки еще надорвут пупки над реформаторским слабоумием: отменили стратегического субъекта! Помните, как бурно веселился Пьер Безухов во французском плену: не пустил меня солдат!

Да, субъект этот мог быть – и был! – реакционным, неадекватным, архаичным и геронтократичным, таким и разэтаким. Сердце, разъеденное инфарктной ржой, подлежит шунтированию, вживлению электронных чипов, наконец – радикальной варяжской трансплантации. Но не ампутации же, о господи, не ампутации! Запредельное новорусское воровство – не худшее порождение той простоты...

И в нынешнем «тандеме» важнее важного не то, каковы неидеальные качества тандемообразующих персон, по каким неправильным правилам они перепасовывают мячик власти, и что станет говорить еврокнягиня Марья Алексевна. А то, что на непрочную, но живую нитку мужской дружбы, честного слова и питерского землячества нижется бусинка-надежда на зарождение стратегического ядра, силы, хоть отчасти резистентной к волнам прыщавой выборной лихорадки, избавленной от политсловоблудия, от ветров, испускаемых фракциями и подкомитетами, открытой крепнущим ветрам эпохи. Той партии, наконец, что не властвует, а правит.

Но об этом – в другой раз.

ПРОЛЕТАЯ НАД УХОМ ВЛАСТИ

«Под диваном читателя
из среднего класса разверзаются
неслыханные, немыслимые бездны»

12.01.19. О «Гениальной власти»
Павловского и о собственности

Гениальная книга Павловского про «Гениальную власть» напоминает о судимости автора по законам, им самим над собою признанным (мысль из частного письма гражданину Бестужеву, вскоре осуждённому совсем по иным статьям). Но такой кодекс сомасштабности означает приговор рецензии как жанру. В этой связи – реплика только об одной частности. О собственности.

Под диваном *читателя из среднего класса*, по недосмотру открывшего книгу Павловского, разверзаются неслыханные, немыслимые бездны. Оказывается, частной собственности в отечестве как не было, так и нет. Волны приватизаций и рыночных реформ расплескались и оставили на береге неведому зверюшку – единственного полноценного собственника в РФ, которого (за неимением правильного названия) автор именует Гениальной властью (ГВ©). Но если это и власть, то «отказавшаяся управлять» во имя восстановления суверенитета. «Под именем вертикали» она создала «оригинальную и надежную систему скупки-кредитования управляющих групп», «переустроила местную власть в режимы управления собственностью»...

Всё, чем ГВ© владеет – собственно, международно-признанный суверенитет, то есть монопольная собственность на все движимое и недвижимое, кое угораздило попасть на момент беловежской конвенции внутрь периметра «границ РФ». История про то, как сформировались эти самые границы, кстати, посрамляет иронические фантазии Лема и Стругацких, и читателя среднего класса (ЧСК™) лучше от неё поберечь.

Так или иначе, но сколько-нибудь надёжная собственность, будь то частная, корпоративная или кооперативная, существует разве что вне этого периметра, но никак не внутри. А внутри если что и «ваше» – то по согласованию, с разрешения и при условии, каковое условие трудно зафиксировать, зато всегда не возбраняется изменить. И хотя договориться, по счастью, здесь можно обо всём, но все договорённости носят условный характер и могут быть пересмотрены условно-досрочно.

Желающие стать полноценными собственниками (а желание это вроде бы считается похвальным) видят один путь: уволочь тайком что-нибудь за периметр и там, мучительно глотая судебную пыль, добиться его признания и оформления без «договорённостей», то есть по юридическим канонам. Но увы, для собственности граница на замке. Ежели какое имущество, случалось, и утекает чудом, то на чужбине нигде не может легитимно приткнуться без вывозного сертификата от Сечина. Да и прирастать такая недособственность способна только с санкции и под негласным надзором ГВ©. Кстати, прирастает на российской зоне куда бойчее, чем откинувшись с неё. Но теперь возвращаться под казенную эгиду боязно – смущает участь севрюжины, вполне конституционно лишаемой хрена... Для тех же беглых средств, что добровольно решатся подпасть под амнистию, назад путь один – в пломбированном вагоне, под видом инвестиций германского либо кипрского генштаба.

По мере ознакомления с эпическим полотном Павловского у ЧСК™ на лбу рефлекторно проступает ряд вопросов.

– Неужто всё и впрямь так ужасно? Не исказил ли автор картину в угоду неким силам?

– Как же всё-таки устроиться с собственностью в РФ? Может, можно как-то получше договориться с ГВ©, или даже помочь ей – похоже, она и сама порой не рада собственной гениальности...

– Коль скоро ГВ© неискоренимо порочна, нельзя ли демократично отринуть её тем или иным болотно-сахарным способом (по возможности, без шума и пыли), дабы новая пожаловала нам тут же права неограниченной собственности?

– Если поиметь правильную собственность тут никак не получается, как бы, прихвативши с собою добро, уехать туда, где его удастся правильно оформить?

По поводу первого, заметим: если верить автору, всё у нас на поверку оказывается не так и ужасно. Ведь подсознательно ЧСК™ настраивался на раздувающие вены, неслыханные злоупотребления и невиданные грабежи с их последующим разоблачением. А тут выходит – и коррупция вовсе никакая не коррупция, и многие проблемы и провалы ГВ© находят чуть ли не естественнонаучное объяснение. Где теория заговора? Где списки проклятых расхитителей капиталистической собственности? На странице 23 автор проговаривается: «Сто миллиардеров РФ – блестящая придворная свита для власти. Вопреки общепринятому мнению, эти люди не воровали – они рисковали и, сделав ставку на Путина, выиграли». А Ходорковский, выходит, не на того ставку сделал. На себя?

Обличительная мощь и пафос текста местами сознательно умерены вкрадчивым дискурсом адвоката с неуловимым послевкусием апологии.

Последние два вопроса порождены внутриклеточной, на уровне митохондрий, убеждённостью ЧСК™, что ему точно известны стандарты «нормальной собственности» и перечень мест, где они воплощены в жизнь. Ту тикетс ту Даблин? Уверены, что туда, блин?

В фильме Тарковского «Солярис» есть эпизод, где главный герой ведёт содержательную беседу, а камера тем временем наплывает ему на ухо, во весь экран вырастает крупный план – и вот перед изумлённым (а пуще раздражённым) зрителем простирается зловещий, отталкивающий пейзаж неизвестной планеты. Бугры с отрицательной кривизной и провалы, усеянные чахлой растительностью, зияющий бездонный кратер... На деле режиссёр смотрит на простого советского человека (в исполнении евроактёра Баниониса) отстранённым, чуть более пристальным взглядом, в ином ракурсе и масштабе.

Русская пищаль вечно бьёт то с перелётом, то с недолётом. И мы не видим цены своих попаданий и промахов. То в самоуверенность завтрашнего дня вдруг хлынет горлом архаика – то по самые глаза в грязи прошлого не чувствуешь ресницами трепет будущего.

Рискну предположить очевидное. Полотно Павловского – не памфлет, не гротеск, а добротная операторская работа документалиста по поводу того, как устроена *типичная современная собственность в обычной стране*. С поправкой, естественно, на национальную специфику – но та ничью социальную траекторию ещё не смогла всерьёз и надолго вывести из широкого русла мейнстрима, несущего всех в океан глобального Соляриса.

Только вот ведь незадача. Чтобы удостовериться в этом, ЧСК™ надо отдать себе отчёт: ему решительно не с чем сравнивать картинку Павловского. Нет у него никакого стандарта «правильной собственности», нет вообще ни малейшего представления, что она такое, как и зачем живёт. Он никогда не интересовался этим, довольствуясь ростопчинскими афишками «экономикс». Перед сном читал свой блог. Много думал.

Так что за птица эта собственность? И в чём особенная стать нашей птицы-тройки – в версии ГВ©? Для ответа на такие вопросы мало смотреть коренному в зубы и шарить в гривах пристяжных. Нужна, как минимум, некая классификация современных форм и эволюция исторических типов. Об этом – ниже.

ЦАРСТВИЕ ПРОЕКТНОЕ

«Проектного предпринимателя
нимало не смутит,
коли обладателем всех ресурсов
будет самодержец»

12.01.26. О животном,
делающем собственность

В гениальной книге «Гениальная власть!» Павловский правдоподобно изумляется диковине: рентгеновскому снимку российской двуглавой власти-собственности. Читатели дивятся, как кремлёвский папарацци ухитрился протащить под полой компьютерный томограф через Спасские ворота.

Но удивительное рядом: на откровенном снимке – не эндемичный мутант, а новейшее достижение эволюции, неказистый прото-

тип грядущего абсолютного хищника. Исподволь он уже пробует на зубок континенты.

* * *

В хрониках «Общественного животного» (обидное, но меткое прозвище «ζώοή πολιτικόή» дал нам Аристотель) обновляется даже не эпоха – эра. Она наступает, а животное отчаянно отбивается, не желая ни вымирать, ни развиваться.

Вот эволюционный ряд:

– Прошлая эра – «Животное, делающее орудия» (Toolmaking animal, Homo Faber).

– Настоящая (пока не вполне) эра – «Животное, делающее проекты» (Projectmaking animal, Homo Ludens).

– Будущая эра – «Животное, делающее смыслы» (Meaningmaking animal, Homo Sapiens).

До Сапиенса трудяге-Фаберу как до звёзд – привстать бы с четверенек! А вот Люденс настойчиво обживает наши пажити с начала прошлого столетия. «Открыв сомкнуты негой взоры,// Россия вышла в неглиже// Навстречу утренней Авроры,// Готовой к выстрелу уже». Страна-подросток, страна-проект. Канала только не хватало. Пафос социалистического строительства, о котором робко напоминают коттеджные стройки в Пафосе.

Вот мы и проснулись на заре второго века Проектной эры.

Ныне только Projectmanager имеет право на звание человека. Земледельцы с машиностроителями, как и культурологи с визажистами – неполноценные существа: для первых солнце закатилось, для вторых – не взошло.

Как водится, в новую эру предстоят три эпохи:

– Первобытная. Экономические игры. Собирательство проектов (как цепочек добавленной стоимости) – рейдерская охота – кустарное проектоделие и проектоводство.

– Средневековая. Политические игры. От артелей до картелей: проектные предпринимательские цеха и корпорации.

– Национально-рыночная. Стратегические игры. Индустрия «инноваций» – проектный суверенитет – проектная идентичность.

Как обычно, все три стремятся наступить разом, толкаясь без очереди и наступая на аксиологические мозоли друг другу. В Советском Союзе попытались ударно прожить их в обратном порядке, от конца – к началу. Новейшая инновационная блажь опять влечёт нас, минуя прозу управления капитализацией, к кисельным берегам нано-когно-электрификации.

* * *

Что представляет из себя проектная ситуация – поле игры для Homo Ludens?

Орудие – это явление или вещь природы, которые человек присвоил и приспособил для собственных нужд. Но «животное, делающее орудия» – не особь, а популяция, преобразованная и самоорганизованная стая приматов. Поверх индивидуальных инструментов орудиями служат сами формы организации стаи. Различные способы специализации и кооперирования – орудия (поначалу безотказные). Формы товаропроизводства, торговли, кредитования – суперорудия. Драккары и кнорры викингов, дороги и дворцовые хранилища минойцев, фабрики, ярмарки и биржи, наконец, банки нового времени – вот башенные орудия, коих понаделало безбашенное животное Франклина, щадя живот свой.

По мере эволюции социальных стай вновь создаваемые орудия по частям расхватываются собственниками – корпоративными, групповыми, индивидуальными. И Homo Faber обнаруживает, что влип в паутину частных интересов, порабощён напастью собственности, повязан ею по рукам и ногам, стал её заложником.

Пытаясь создать новое супер-орудие с помощью набора старых, он видит, что далеко не всё из их списка принадлежит ему. Недостающие орудия прямолинейный Faber умеет добывать тремя способами: а) захватить, б) подчинить или в) купить. Ни на один у него не хватает вертикали: ни силы, ни власти, ни капитала. Он отступает перед властью собственности. Наступает время Homo Ludens.

Проект – рискованная, взрослая игра, в которой собственники старых орудий договариваются о правилах их временного объединения, взаимного доступа к ним для производства нового. По правилам разделения участники получают в произведенном свою долю. С ней можно, затащив к себе в пещеру, поступать привычно, по-фаберовски: как с отдельным, своим орудием. На сей предмет хитроумный Project-making animal изобрёл фондовый, административный и ресурсный «рынки». И теперь тщетно пытается с ними справиться.

* * *

«Игра» и «проект» – два слова, чаще прочих встречающиеся в описании мира шиворот-навыворот, куда мы заглянули через перископ Павловского.

В отличие от Faber'a, Ludens вовсе не цепляется за вещи-орудия – даже те, что постоянно у него в руках, даже созданные им самим. Он понимает, что «личное авто» – обывательская иллюзия. На деле есть длинный список долевых собственников, каждому из

которых приходится регулярно выплачивать его «дивиденды» под угрозой лишиться привилегий автовладельца. Прежде всего – это налоговое ведомство, органы регистрации прав, уполномоченные технического контроля, службы безопасности движения, агенты обязательного страхования – тут нет места для иллюзии «свободного выбора», «рыночных контрактов» и т.п. Общество в лице государства имеет долю в любой «вашей» собственности, включая нижнее бельё – не только акт продажи, но и каждая стирка-глажка приносит ему законную прибыль.

Куда существеннее, что Ludens и не нуждается в тотальном обладании вещью-орудием, о котором грезит простофиля-Faber. Ему куда удобнее роль арендатора, управляющего, пользователя. Судите сами: зачем предпринимателю на 100% обладать цехом, который загружен всего на четверть? Сподручнее пользоваться им только когда есть спрос на его продукцию, а в остальное время – передать на баланс организации, которая будет его профессионально чинить, консервировать и сторожить за бюджетные деньги. Доступ важнее (и эффективнее) обладания.

Ну, а как быть с ночным кошмаром Faber'а, что в нужный момент в доступе может быть отказано?

Элементарно, Ватсон. Прочие совладельцы актива будут заинтересованы в вас, пока уверены, что в рамках вашего проекта данный актив принесёт высокую добавленную стоимость. Умеющий делать проекты (Project-making) получит доступ к любым вещам-орудиям. Не умеющий – потеряет всё согласно известной теореме Коуза. Компетенция рождает власть.

Проектного предпринимателя нимало не смутит, коли обладателем всех ресурсов в царстве-государстве будет самодержец, а распорядителями производственных фондов – уполномоченные бояре. Вот пусть они и парятся с «бюджетниками». Ludens нуждается только в доступе к орудиям, только в пользовании активами.

«Гениальная власть» (по Павловскому) уже дошла своим умом, что «ночному сторожу» на скудных нивах нечего сторожить. Чтобы выжить – надо что-то предпринимать. И засучив рукава, пустилась торговать ворованным первородством суверенитета. Избывать антрепренёрские архетипы, неся при этом фритредерскую чушь.

Беда в другом: покуда функции генерального обладателя-распорядителя народного добра она исполняет кустарно, ненадёжно, пристрастно, с вопиющими трансакционными издержками. Безумно рискует сама и берёт нас в заложники рисков.

Но об этом – в следующий раз.

ПТИЧИЙ РЫНОК ПРИВАТИЗАЦИИ

«Снятая с хозяина, как скальп,
собственность усыхает.
Она ведь не вещь, а сущность вещи»

12.02.02. О том, в чем главное зло
экспроприаций и приватизаций

Запечатлённую в гениальной книге Павловского «Гениальную власть» (ГВ©) можно проклинать и осмеивать, опасаться и воспевать, но прежде всего – придётся принять как жизнеспособную данность, чьё устройство укоренено в порядке бытия. Не только русского, но мирового.

Двухвековое течение общественной мысли в институциональном русле пробило путь к новому океану. Имеющим глаза – открыты смыслы наступившей эры.

На высоком языке философов – это преодоление человеком социальной объективации, возвращение к собственной сущности из плена отчуждённых общественных отношений.

Конкретнее, политэкономичнее: поэтапное овладение формами собственности, их превращение из стихийных «невидимых рук» – в производительные силы, в инструменты роста и развития.

Ещё конкретнее, проектнее: социально-инженерная работа по управлению производительностью общества через конструирование всё более интегральных, системных форм хозяйствования, снятие трансакционных издержек.

Совсем конкретно. Homo Faber завершает трудовую биографию тем, что производит на свет суперорудие, универсальную саморазгоняющуюся машину – капитал. Историческая карьера Homo Ludens открывается отчаянной борьбой с буйством этой машины – циклическими кризисами на рынке капиталов, несущими на крыле чуму революций. Его первый чудо-проект – *управление капитализацией*, первый шаг к управлению производительностью.

Большевики начали с истребления капитала, творчески перетолкововав марксово «Aufheben» как «уничтожение». Неграмотные люденсы под наукообразным лозунгом «экспроприации» перебили старорежимных фаберов. Тщетно классики бубнили в учёных трактатах, что предпочтительная форма экспроприации – выкуп пред-

приятий и банков у собственников. Табуретку частной собственности вышибли у себя из-под ног, вздёрнув страну в петле разрухи.

Разрушение – фальстарт для созидания. Но гениальная (по Павловскому) советская власть, взорвав классово-чуждый фундамент, подсунула вместо него протез НЭПа, а в дальнейшем ухитрилась почти достроить здание современной собственности сверху вниз, методом скользящей опалубки. Была жестокая объективность военно-стратегического противостояния. Была огромная воля – строить. Волны этой воли, проектами накатываясь и ломаясь о контуры незримых универсальных институтов, намывали стены и этажи вполне современного по тем временам здания нормативной экономики. Но до нового фундамента дело не дошло. Робкий косыгинский адюльтер с частной инициативой не устоял перед номенклатурными фобиями. И небоскрёб общественно-государственного хозяйства, лишённый слоя-сословия собственников, так и остался парить как Лапута на воздушной подушке идеологии.

Что сравнится по разрушительности с военным коммунизмом, его машиной экспроприаций? Теперь знаем: шоковый либерализм, гильотина приватизации.

Якобинцы ГВ© тоже начали с фальстарта – самоедской догмы, будто созидание частной собственности достигается разрушением общественной путём её легального распила. Гениальность ГВ© в том, что, понемногу приходя в сознание, она не позволила безбородым аятоллам псевдолиберального фундаментализма довести самоубийство страны до логической развязки. В Кремле и Белом доме завелись оппортунисты, исподтишка потрафляющие агентуре корпоративной интеграции, нэпманам промышленной и социальной политики.

Невозможно довести до конца экспроприацию частной собственности по-советски – как невозможно и доприватизировать общественную по-российски. Обе операции, чреватые катастрофой, нарвались на контрудары невидимой институциональной руки. В обоих случаях гениальная собственность окоротила догматиков идеологии, науськав прагматиков власти.

ГВ© в России – странноватый, протезный, зародышевый, да, но – вполне себе закономерный и безусловный вид самосохранения общенациональной формы собственности, в рамках которой все прочие условны и зависимы.

Экспроприация, будь то военно-коммунистическая, будь то рейдерская, столь же деструктивна, сколь и либеральная приватизация: крупные комплексы собственности – помещичьи усадьбы, капиталистические заводы, социалистические тресты – можно от-

нять, но нельзя разделить. Пилильщикам достаются головешки остаточной бухгалтерской стоимости.

Собственность неотделима от собственника – это ведь его сущность, его «пучок прав», его система отношений с другими, иными собственниками. Измениться – стать более общественным или более частным – может только он сам, а не абстрактно приписанные к нему бессловесные орудия. Снятая с хозяина как скальп, собственность усыхает. Она ведь не вещь, а сущность вещи, узел связей собственников по её поводу. Это верно и в отношении частной собственности, и общественной, и корпоративной – любой.

Наконец, затея приватизировать общественную собственность, отняв её у страны-собственника и растащив по частям, сродни дикарской идее поделить электричество, разрезав и раздав лопатки турбин и куски проводов. Впрочем, и более изощрённые попытки реформировать отрасль – как теперь уже известно – привели к сходному результату. Речь вовсе не об одной энергетике. Попытки непросвещённого насаждения «рынка» в транспортном хозяйстве ведут к тому, что порожний пробег вагонов чуть не вдвое побивает показатели отстойной плановой эпохи, а капитализация белым теплоходом идёт ко дну...

За предгорьями этих бед грозно высится фундаментальный закон, сродни принципам сохранения. *Только восхождение от локальных форм собственности к интегральным способно дать прирост производительности*: новую мощность, возросшую эффективность, добавленную стоимость. При условии, конечно, что интеграция сообразна институциональной органике собственности – а не подменяется «волюнтаризмом» (он же «ручной режим») сгребания куч рейдерской добычи и конфиската в конторы, не способные управиться с ними по-хозяйски. Аналогичный принцип действует и в природе: синтез водорода с кислородом производит воду и добавленную энергию – а расщепление воды на два газа энергию пожирает.

Главное зло приватизаций и экспроприаций даже не в их несправедливости. Оно – в обрушении совокупной производительности общественного организма из-за разрывов социальной ткани. Суммарная капитализация частей собственности, распиленной приватизаторами, растащенной рейдерами – всегда в разы меньше, чем у целого. Это корневое свойство, предопределяющее заоблачную цену любого распила и захвата, действенно и в малом, и в большом. Чтобы ненадолго прибрать к рукам «союз», Горбачёв сдал треть земного шара – «социалистическое содружество» вкупе с «прогрессивным человечеством». Это была, похоже, величайшая сдача в истории. Ельцин выкупил огузок РФ (в кочерыжечных границах

разбазаренного кочана «РСФСР») ценой раздачи кусков суверенитета подсуетившейся региональной номенклатуре «республик». Но позднее ему хватило заднего ума согласиться вручить лихое богатство преемнику добровольно, способом, не требующим новых сдач.

Какая приватизация, какой распил суверенитета готовятся теми, кто (из лучших побуждений, как и прежде) точит зубы на недоношенный институт преемственности? Проблема не в том, что «к власти рвутся силы, желающие передела собственности». Это как раз в порядке вещей. Беда в ином: имеют ли грядущие гении власти (ГВ©) начальные знания о том, что именно, как и с кем предполагается делить? Обучены ли – наряду с врождённой способностью к делению – умению умножать?

Всенародное голосование, страдающее поколенческим склерозом, время от времени выносит к кормилу невменяемых, искренне твердящих газетную чушь, будто «власть должна быть отделена от собственности» и т.п. С клетки попугая ветер перемен сдувает покрывало – и тот спросонья горланит фразы, которым его наскоро обучили на птичьем медиа-рынке. Дебюты канареек и дятлов в роли геральдических орлов чреваты десятилетиями социальных вивисекций и катастрофического распада.

Перемены неизбежны. Изменяться необходимее, чем плыть. Об этом – в следующий раз.

СТРАНА ВОСПОЛНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

«Проектная экономика физиологически зависима от институциональной инфраструктуры целостного национального проекта»

12.03.15. О главных ошибках главного российского собственника

Социальное существо, в гениальной книжке Павловского поименованное «Гениальной властью» (ГВ©), представляет собой международно-признанную (и в силу этого «естественную») монополию – хозяина всех природных ресурсов страны в её нынешних границах. Не обладая реальной властно-управленческой вертикалью, но виртуозно пользуясь своим положением «обладателя», она

встроила региональные и отраслевые группы политических и бизнес-элит в иерархию условных собственников. По особому мановению они получают доступ к природным ресурсам, распоряжаются производственными фондами и пользуются активами – на условиях, увы, подверженных перманентному пересмотру. Любой вид самостоятельной активности этих собственников за рубежом подвергается контролю со стороны монополии, а их дееспособность признаётся зарубежными партнёрами только при условии подтверждения с её стороны.

Но и «самобытность» этого социального субъекта, и его «порочность» – не более чем кажимости. Перед нами, повторюсь, ранний вариант институциональной структуры «страны-собственника», типичной для всей наступающей эры исторической эволюции обществ. Выражаясь точнее – крайне примитивный, недоношенный экземпляр одного из высших её типов. К слову, не случайно его угораздило появиться на свет именно здесь. То, что предстаёт его недостатками, на деле зачатки новых достоинств.

Мы – в мейнстриме, в основном его русле, но в отрыве от основной массы, нас не впервой занесло в авангард. Мы балансируем на маргинально-опасной грани между отщепенством и лидерством. И чтобы уцелеть, должны совершать осмысленные возвратно-поступательные движения: то приникая к энергии, опираясь на плоть основного потока, подтверждая свою легитимность в качестве его части, восполняя прорехи и разрывы в своём теле трансплантатами из его тканей – то возвращаясь к себе, чтобы подтвердить и возобновить самость-идентичность.

В чём главная беда новосословного хозяина России-РФ?

Покуда руки его уже нащупывают адекватную нить хозяйственной политики, отставшая на два века голова продолжает бредить о прелестях и перспективах частной собственности.

Идеал стопроцентно надёжной, неотчуждаемой частной собственности, во-первых, всегда являлся обывательской иллюзией. Уберите общество – исчезает социально-магнитное поле, которое только и превращает материальные объекты в «собственность». Робинзон – не собственник, он лишь одна из тварей, обитающих необитаемо. Уберите государство – за вашим барахлом явятся рейдер или браток. Уведите этих двух – обыватель сам рысью ринется закладывать последние штаны в залог или ломбард, и не факт, что они оттуда вернутся.

Во-вторых, этот идеал, так и не будучи принят к практической реализации в наших палестинах, в мире уже успел устареть. Современный предприниматель создаёт новую собственность, а не

коллекционирует старую, которую рассматривает скорее как обузу. Ему не требуется ни обладание ею, ни распоряжение – только коллективный доступ. Первый год нового столетия ознаменован, среди прочего, выходом популярной книжки Джереми Рифкина «The Age of Access». К какой бы собственности – своей ли, чужой – предприниматель не прикоснулся, он мигом, как Мидас, производит из неё золото добавленной стоимости, часть которого по праву достаётся ему. Грань между «своим» и «чужим» постоянно истончается.

Сегодня этот навык уже входит в плоть современных обществ, спускаясь от предпринимателей – к обывателям. Велошеринг, система совместного использования велосипедов, распространяется по городам Европы и Северной Америки быстрее чумы. Среди лидеров – Париж, Барселона, Лондон, Гамбург. У любого выхода из метро, торгового или общественного центра красуются стойки с новенькими стильными муниципальными велосипедами, которые в любой момент можно взять, опустив монетки в автомат, а потом оставить на каждой из подобных стоек, разбросанных по всему городу. Нет нужды, подобно частникам-велоантропам, затаскивать своего железного коня в троллейбус, приковывать цепью к дереву у магазина, страдать от уличных вандалов и маяться с ремонтом.

В чём претензии к текущему способу действий ГВ© в качестве собственника?

Во-первых, покуда она хозяйствует в суверенных границах крайне неэффективно. Удельная капитализация единицы российской территории кратно ниже, чем в среднем по планете. Это не просто катастрофа – тут прямая угроза суверенитету, даже провоцирование глобального сообщества на постановку его под сомнение. Все прочие вызовы и угрозы не только меркнут на фоне этой, самодельной, но и подпитываются ею.

Во-вторых – неумение/нежелание использовать основной ресурс – предпринимательский потенциал нации. То, что власть герметична для растущих политиков и новых интеллектуалов, что не работают кадровые лифты, что молодым волкам некуда себя девать – общеизвестно. Несравненно хуже другое. Будучи монопольным собственником, она должна бы быть шкурно заинтересована в превращении аморфной массы «населения» в коалицию вменяемых собственников – региональных, отраслевых, корпоративных, групповых и частных. Вместо этого она тупо консервирует взрывоопасный статус раздатчика казённых благ толпе социально озабоченных «зарплатников» – современной версии «пролетариев». Эта структура была социальной архаикой уже столетие назад, при первой же попытке модернизации она ввергла страну в пучину смут и мятежей.

В-третьих, идти в русле мейнстрима – значит использовать весь спектр форм собственности как инструмент. Налаживать высокоэффективную открытую систему предоставления доступа ко всем видам национальных ресурсов для тех, кто способен предпринимать. Гарантировать кадровое обеспечение, инфраструктуру, страхование, правовое поддержание системы доступа. Вместо этого хозяйствующая монополия действует как конгломерат втёмную грызущихся охранных агентств, провоцируя риски и подпитывая страхи, загоняя устрашённых в лабиринт поиска ситуативной государственной защиты в частном порядке. Едва ли этот доморощенный кошмар реализует чью-то злую волю. В 90-е чиновникам никто не озаботился сформировать конструктивную роль в системе управления собственностью. В поисках подножного корма они угодили в «невидимые руки» приватизированных институтов распределения. Отбиваясь от них, как могли, загнали себя и страну в концлагерь «откатной экономики».

Наконец, центральная из проблем хозяйствования власти-монополии (ГВ©) – способ обращения с будущим. Точнее, его игнорирования.

Речь не об очередных стенаниях о сермяжном «большом проекте». Предпринимательский тип хозяйствования держится на том, что оцифрованные элементы будущего вмонтированы в него «аппаратно». Начать с того, что клиринговые взаиморасчёты между участниками любого проекта ведутся в долях от будущего продукта. Ещё элементарнее: в основу оценки стоимости любого актива, вовлекаемого в проект, кладётся прогноз потока добавленной стоимости. Отсюда видно, что современная проектная экономика физиологически зависима от институциональной инфраструктуры целостного национального проекта. Вне его корпоративного русла предприниматели, борющиеся за однотипный ресурс, смертельно опасны друг для друга подобно бойцам спецназа. Старая добрая ценовая бизнес-конкуренция отдыхает в сторонке. Без чёткого государственного образа-плана будущего проектный уклад, едва возникнув, разносит страну в клочья, как плазма – чугунный токамак.

Современная частная собственность в России будет. Но появится не из раздач и распилов – из проектов. Её призван создавать корпус институциональных проектных инженеров. Общественные ресурсы, предоставленные им в условное пользование, будут производить добавленную стоимость. Эта безусловная, предпринимательская собственность, ни у кого ничего не отнимающая, и подлежит приватизации. Об этом – в следующий раз.

FACEBOOK ПРОМАЗАЛ. КТО ПОПАЛ?

«Государство во всём мире
сегодня является не только
коррупционером,
но и революционером»

12.09.05. О том, где на деле
происходит сетевая революция

Мировая социальная сеть обманывает чаянья инвесторов. С момента выхода на IPO её капитализация просела вдвое, и злобные аналитики пророчат продолжение банкета. Упростим тему для чайников: если бы собственники сети в мае решились её продать на корню, то с пылу с жару огребли бы сто миллиардов долларов, а промешкав до сентября – не наскребут уже и пятидесяти. Полста миллиардов долларов за квартал слизнула языком фондовая корова! Похоже, её покрывал не бык, а медведь.

Заметим: прежде, чем околпачить вкладчиков, сеть уже успела разочаровать пользователей. Многие, грешным делом, грезили, что чудо-авоська плотно свяжет друзей для полноценного общения, добавит социальных валентностей, превратив каждого в многомерное, многоглавое существо. Ну, не то чтоб совсем проку нет – мы получили мультимедийную записную книжку с набором IT-удобств. Но преображения юзеров в киборгов не случилось, да и не могло. Уже при поголовье Fb-друзей, переваливающем за первую сотню, френдленту впору вплетать в венок на могиле свободного времени. Халиф затравленно мечется по гарему как последняя вокзальная шлюха.

Каковы же утраченные иллюзии инвесторов?

Первая из них – возможность стандартной капитализации социальной сети путём распродажи рекламных площадей, торговых точек и билетов на ярмарку бизнес-невест. На взгляд из офлайна нынешняя сеть – деревенская тусовка на центральной усадьбе всемирного совхоза имени М. Маклюэна. В свободное от пахоты время люди кучкуются, пляшут под гармонь YouTube, лузгают семечки новостей и перемывают виртуальные кости. Деревне без этого не жить, слов нет, и хорошо, что есть такие сети. Только вот вопрос: те ли за это заплатят, кто тусуется? Есть немало институтов, в принципе обществу необходимых, где танцуют девушек совсем не те, кто спонсирует ужин. Больные большей частью не сами платят за лече-

ние; образование, наука, культура, даже пассажирский транспорт дотируются. Вживление туда коммерции болезненно и малоэффективно.

Торговцев, сующихся в храм Facebook, покуда там не особо жалуют. Даже зашедших трудоустроиться препровождают в резервацию LinkedIn. Можно еще как-то представить на ассамблее у герра Питера заморских негоциантов, которым из политесу позволяют сделать разовый маркет-месседж. Но вообразить Алексашку, который в вонючем тулупе толкается меж дам и кавалеров, дистрибутируя знаменитые пироги с зайчатиной?

При дефиците желающих – по совету Шуры Балаганова – брать сеть частями, возникает достойная великого комбинатора идея торговать ею как целым.

Но инвесторам впиаривают симулякр «Больших данных» (Big Data). По сути это парафраз тезиса старейшего из сыновей лейтенанта Шмидта: Цукерберг нас всех продаст, купит и снова продаст. Представьте: покуда доверчивый пользователь блогирует односельчанам о сокровенном, навеянном «Пассакалией» Шнитке или монологами Ксюши Собчак – вдумчивые роботы деловито вынюхивают его сетевые маршруты, шарят по «профилям», вспарывая подкладку подсознания, нащупывают в исподнем скрытые потребительские вожделения.

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, – вы какие предпочитаете?

– А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт. – Ну, «Нашу марку».

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному: – «Наша марка»...

Словом, такое упорядоченное сетехранилище личных дел, где каждый сам на себя дает материальчик, обещает послужить чуднесым подспорьем как для маркетологов, так и для спецслужб. Это дивная, жирная птица, честное благородное слово. Гусь, Бендер!

Но инвесторы, в погоне за чудо-птицей успев задорого посетить страто- и блогосферу, уже пикируют вниз, к почве. Здесь, в приземлённой сфере электронной торговли, обделённая вниманием медийных эстетов, творится подлинная революция.

Нынешнее поколение российских обывателей, похоже, будет жить при торговом либерализме. Чуть не с детства бродят они с корзинкой по анфиладам Ozon.ru, как рыба крутятся на мелководье электронных барахолок типа «Из рук в руки». Но высокий теоретический смысл этой повседневщины от них ускользает. Современный покупатель, взяв в руки банку невиртуальной селёд-

ки в районной «Магнолии», способен достать из-за пазухи сетевой гаджет, и, не отходя от прилавка, выяснить всё про товар, его производителя, цены и каналы дистрибуции, мигом глобализируя акт покупки. Ему невдомёк, что в неоклассической теории есть важнейшая аксиома о полноте, бесплатности и мгновенной доступности информации для агентов идеального рынка. В значительной мере на исследовании разнообразных отклонений от неё воздвигается здание современного институционализма. И вот революционный покупатель, сжимая страстно айпад мозолистой рукой, толкает жизнь в сторону обветшалой теории. Означает ли это, что – по примеру ленинцев, осуществивших марксизм на практике – верные джобсовцы воздвигнут здание реального маршаллизма по лекалам XIX века?

И да, и нет. Будущее всегда приходит как зазеркалье прошлого, его неузнаваемое, нежданное возобновление. Новые сетевые технологии, придавая рынку B2B прозрачность на стратегическую глубину, открывают новую перспективу для предпринимательства в смысле Шумпетера, для постановки на поток создания новых бизнесов. Молодые инноваторы из Физтеха, конструкторы цепочек добавленной стоимости, знают, что при реализации бизнес-проектов компетенции нужнее инвестиций. Они на практике реализуют классическое предвидение Эггертсона: «В контексте чисто неоклассической модели использование денег является практикой, которая дорого обходится и лишена какого-либо экономического смысла... ибо агенты могут уладить свои расчеты посредством многостороннего клиринга». Сделай бизнес без денег! – девиз Центра корпоративного предпринимательства МФТИ.

Маргинальный, скромный по масштабам сектор сетевых развлечений, IT-игрушек для взрослых, у которых избыток времени и денег, непомерно раздут в общественном сознании. Считается, что кратчайший путь молодёжи к успеху – выдумать с друзьями электронную погремушку для бездельников, а потом отплясывать с ней конкурсную чечётку на подиумах перед бизнес-ангелами и венчурными фондами. Однако зона прорыва к будущему пролегает совсем не там.

Идеологи последних десятилетий по инерции изображают государство заскорузлой конторой, враждебной духу предпринимательства и модернизации. Но государство во всём мире сегодня является не только коррупционером, но и революционером: главным потребителем на рынке информационно-коммуникационных технологий, инициатором и заказчиком новых IT-систем для освоения новых пространств деятельности. Таких, как G2B (Государство –

Бизнес), G2C (Государство – Граждане), G2G (Государство – Государство), E-tendering (электронные торговые площадки). Конкретная картина развития в каждой из этих сфер раскрывает простор для участия компетентных инвесторов и самореализации молодых инноваторов.

Так, быстро растущий рынок электронных торгов в России контролируется крупнейшими финансовыми институтами, такими, как «Сбербанк» и «Группа ВТБ». Инвесторы схлестнулись в борьбе за долю в капитале основных электронных площадок. Те, в свою очередь, конкурируют между собой на уровне повышения эффективности и внедрения инновационных разработок. Сейчас в разгаре профессиональная гонка за создание интеграционных шлюзов для взаимодействия с общероссийским сайтом госзакупок...

Александр Блок призвал интеллектуальное сообщество всем сердцем и всем сознанием слушать революцию. Но чтобы вникнуть в её симфонию, заглушаемую расхожими шлягерами, необходимо конкретное понимание партитуры.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ РОСТА: СУММА ТЕХНОЛОГИИ

1. ЭМПИРИЯ

ПРАМЫМИ СДЕЛАЛИСЬ СТЕЗИ

Профессионалы предупреждают: мир неотвратимо вползает в кризис замедления роста. Казалось бы, так ли враждебно хорошее лучшему? Худой рост комфортнее доброго спада...

Но продлить прекрасное мгновение застоя если и возможно, то лишь «в одной отдельно взятой стране», притом мгновенно выпадающей из мировой гонки. Не случайно предсмертным лозунгом СССР было «ускорение» – любой ценой.

История помнит: замедление роста – преддверие социальных катастроф. Чтобы устоять, мир, по Кэроллу, обречён бежать во весь опор. Едва предложение социальных благ притормаживает – сзади нависает тень настигающего спроса.

В отличие от благостных кривых на схемах экономикс, реальные конфликты спроса и предложения разрешаются большой кровью. Рост предложения цикличен, спрос же растёт безостановочно: в бедных странах – вместе с населением, в богатых – вместе с прогрессом. Останавливает его лишь социальная катастрофа, пожирая население и подрывая прогресс вкупе с верой в него.

Демографические взрывы и экологические спазмы, оскудение пастбищ и пашен рушат баланс сил нападения и защиты, срывают массы людей с насиженных мест. История неистощима на сюжеты,

в финале которых – волны переселения племён и нашествия народов моря, амореи и османы, викинги и гунны, «бич Божий».

В XIX веке удары зачастили. Финансовые кризисы, обрывая подъём производства, оборачивались революциями образца 1848 года, когда по Европе будто смерч прошёл.

К началу прошлого столетия рынки капитала упёрлись друг в друга, им стало некуда расти. Эпохальный смысл исчерпания пространства этой экспансии был показан и предсказан экономистом Марксом.

Ответ социальной стихии на остановку роста – чудовищный сэндвич из двух мировых войн с прослойкой революций, депрессий и разрух. Битвы на Марне, при Вердене, на Сомме, наступления Антанты в 1917 году и германцев весной 1918-го – каждая из тех мясорубок была прожорливей, чем крупнейшие природные катаклизмы в истории. «Межвоенное» время оказалось смертоноснее, чем Первая мировая. Вторая превзошла её по кровожадности втрое...

Обрубок спроса выпал из прокрустовой гильотины предложения. А над полями боёв занялась заря послевоенного роста и экономических чудес. От Цусимы до Хиросимы – сорок лет понадобилось, чтобы кривые закона Маршалла встретились при плановой поддержке генерала-однофамильца.

Немногие свидетели этой космической драмы ещё живы. Но обывательская память страдает амнезией и безосновательным оптимизмом. Как-то верится, будто текущую стагнацию прекратят компетентные международные органы, и всё вернётся к «норме» – под которой хотелось бы разуметь сытную паузу между двумя предыдущими кризисами.

Тем часом, новое переселение народов на пороге. Череда взрывов смертников уже сливается в дозиметрический треск реактора. На глобальной периферии неведомые силы, ещё вчера безымянные, экспроприируют владельцев месторождений и ценных грузов. Пираты сомалийского Пунтленда зарятся на танкеры, туареги-сепаратисты перерезают пути к малийскому урану и золоту. А чьей конопле́й поросло нынче Косово поле? Чьи костры пылают в пригородах Стокгольма и Парижа? Ярославна ли плачет в Путивле, или муэдзин?

Пришёл чуж-чуженин, кочевник, мигрант – и собственное, родное, глядь – уже за холмом.

ИННОВАЦИОННАЯ ПАУЗА В КОНДРАТЬЕВСКИХ ЦИКЛАХ

Даже школьник сегодня наслышан: экономический рост возобновляется, когда люди изобретают и массово применяют новую тех-

нологию, а значит, начинают производить в единицу времени больше вещества и энергии, еды и тепла...

Технократическая идея «базиса», что толкает вперёд производительные силы, приписывается Марксу. Согласно «историческому материализму», производство развивается циклами, связанными с появлением новых технологий и орудий труда. А те, кто пытается препятствовать, сгорают в очистительном пламени революций.

Позднее исследователи связали эту идею с эмпирически наблюдаемыми циклами в росте общественной производительности. Лучшие умы пустились в поиски объяснений цикличности. Например, согласно одной из продвинутых гипотез, в основе хозяйственного развития лежат технологии производства энергии, смена которых, в свою очередь, связана с переходом на новый тип энергоносителей. Отсюда – представление о циклах дровяной, угольной, нефтяной, газовой энергетик, порождающих собственные миры с новыми способами производства, глобальными лидерами и жизненными стандартами.

Мыслители попроще стремятся досыпать в кучу системообразующих технологий кому что нравится: сталелитейную промышленность и железные дороги, электродвигатели и большую химию...

Относительный экспертный консенсус существует по поводу последней волны. Считается, что с середины XX в. роль глобального драйвера роста выполняют компьютерные и сетевые технологии. Но импульс, который они дали развитию мировой экономики, судя по всему, исчерпывается. И потребительский мир, нетерпеливо ёрзая, ждет, когда же и которая из новых технологий заступит на смену.

Среди кандидатов, широко обсуждаемых в кругах авторитетных блоггеров и правительственных экспертов – космос и ядерная энергетика, био-, когно- и нанотехнологии. Касаемо первых двух – тут полное недоразумение: технологическая база обеих отраслей прочно увязла в прошлом. Королёвская «семёрка», что вознесла ещё первый спутник, и по сей день остаётся орбитальной рабочей лошадкой, не зная конкуренции по параметрам дешевизны и безотказности. В атомной энергетике со времён Курчатова консервативная надёжность торжествует над инновациями. Что до нано- и биочудес, они со временем, возможно, и станут факторами роста, но пока наоборот – как малые дети, требуют долголетних усилий и триллионных инвестиций в R&D.

Академик в «Вопросах экономики» придал обстоятельству технологической задержки характер научной гипотезы, согласно которой в мире наступила «инновационная пауза». Её механизмы учёному принципиально неинтересны. Важнее другое: «иннопау-

за» не оставляет надежд на беременность, чреватую новым техночудом, которое могло бы спасти если не мир, то на худой конец индекс Доу-Джонса.

Короче, на языке, внятном российским хозяйственникам, гипотеза гласит: в этом сезоне «северный завоз» уже не состоится.

Но коли так – зубы на полку! Глобальный миропорядок обречён на жёсткую перезагрузку. Не всем суждено её пережить.

КОНЕЦ НОВЕЙШИХ ВРЕМЁН

К роковой черте первой мировой относятся и попытки запустить конвейер по превращению изобретений сперва в разрушительную силу, а потом и производительную. Танки и пулемёты, аэропланы и цепеллины, газы и противогазы – гонка вооружений в межвоенное время конверсируется в «научно-технический прогресс».

К сожалению, с тех же давних лет и поныне тянется обывательская традиция разуметь под НТП прежде всего развитие *производственных* технологий, упуская из виду фундаментальный вклад технологий *управленческих*, а затем и *экономических*.

Победы во второй мировой достигались, как правило, не за счёт совершенства оружия – его боевые качества, спасибо разведке, у воюющих сторон оказались сопоставимы. Господство союзников в воздухе было обеспечено высокой эффективностью и экономичностью массового производства штурмовиков ИЛ-2 и «летающих крепостей». Это стало торжеством плановиков и финансистов. Однако в отличие от авиаконструкторов, эти герои в большинстве остались безымянными.

Производительность социально-экономических систем – совсем не то же, что «производительность труда». Тем более «труд», в соответствии с предвидением полуторавековой давности, поэтапно вытесняется с появлением технологий. В частности, из сферы производства его уже вовсю выдавливают роботизированные «flexible systems». Производительность общества – матрёшка из целого ряда институтов, где совокупная хозяйственная *мощность*, упирающаяся в физический КПД, «изнутри» ограничивается и обуславливается организационной *эффективностью*, а та, в свою очередь, содержит кощееву иглу экономической *стоимости*.

Семь лет назад мне уже приходилось писать, что *новая волна роста в посткризисной мировой экономике будет обеспечена развитием новых финансовых технологий*. Оказалось, ровно в это время такие технологии на Западе приобретали конкретные формы, имена и главное – собственников.

IMPACT INVESTING И РОССИЙСКОЕ БЕРМУДЬЕ

В предгрозовом 2007-м, когда ипотечный кризис в США едва начинал перерастать в общефинансовый, среди многих забот преуспеяния, Фонд Рокфеллера не забыл собрать на своей вилле в Белладжо мыслителей и практиков, пророчески озадачив их парадоксальной темой: как создать мировую индустрию коммерческого инвестирования в решение социальных проблем?

Напряжённая работа мысли протекала в непростых условиях: на мысу, вдающемся в легендарное озеро Комо, на берегах, где в старину держали виллы Вергилий и Плиний Младший, а ныне обосновался сам Джордж Клуни. Магия места сыграла свою роль: узники мысли отчеканили понятие «Impact Investing» – монету, оказавшуюся неразменной.

Через год грянул кризис таких масштабов, что лидеры Запада были готовы хвататься за любые соломинки, включая интеллектуальные. Авторов концепции вновь срочно призвали под знамёна Белладжо. Фонд Рокфеллера, не мешкая, учредил «Impact Investing Initiative», на что Попечительский совет для начала отписал 38 миллионов долларов – и работа закипела.

Каковы её плоды восемь лет спустя?

Волна новых технологий роста вздымается всё круче. Она вовсю обзаводится собственными институтами и стандартами. С 2009 года действует Глобальная сеть Impact Investing (GIIN). В её руководящие органы входят крупнейшие финансовые структуры, такие как J.P. Morgan, Credit Suisse, Deutsche Bank, Goldman Sachs, Morgan Stanley, Prudential, UBS, а также ведущие благотворительные фонды, частные фирмы и правительственные ведомства. Активную поддержку движению оказывают американская правительственная Корпорация частных зарубежных инвестиций (OPIC), Агентство по международному развитию (USAID), Администрация по делам малого бизнеса США (SBA). Волна на глазах глобализуется. Мероприятия, проекты, правительственные программы Impact Investing осуществляются в Мексике и Бразилии, Южной Африке и Кении, Британии и Голландии, Индии, Сингапуре и Австралии. Разрабатываются и проверяются на практике классификации, базы данных и стандарты оценки проектов, идущих в русле Impact Investing. В мире наблюдается взрывной рост интереса к новому поколению финансовых технологий; конференции по проблематике Impact Investing собирают безразмерные толпы желающих.

Лидеры волны утверждают, что давно завершён этап становления и концептуализации. Сегодня она находится в фазе активного строительства рынка, формирования его инфраструктуры, призванной снижать трансакционные издержки. По замыслу конструкторов, этот рынок должен через несколько лет стать главным руслом для инвестиционного мейнстрима.

Словом, затея в краткой заметке объять необъятный фронт работ Impact Investing смотрелась бы странновато. Если бы не одно «но».

Остаётся бермудская зона размером в 1/6 земной суши, где во всех анкетах на языках народов бывшего СССР в графе Impact Investing до последнего времени значилось «не был, не участвовал, не состоял».

«А там, во глубине России, –
Там вековая тишина».

Невинное стихотворение Некрасова в 1857 году не было допущено к публикации бдительной цензурой.

НОВЫЕ СОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРОЗАИКИ

Impact Investing – не товарный знак конкретной методики инвестирования, недавно изобретённой и вошедшей в моду. Это собирательно имя-концепт новой волны финансовых технологий, формирующейся уже не первое десятилетие, и на своём гребне несущей множество инноваций. Функционально оно подобно термину «проза», который используется для обозначения распространённого типа дискурса. Только вот прозаики Impact Investing – люди посерьёзнее господина Журдена, в основном из числа «high net worth individuals», нового поколения состоятельных лиц. О них говорят, что они стремятся «воплотить свои ценности в своих инвестициях».

В отличие от законов, не имеющих обратной силы, понятие Impact Investing нацелено на активное и даже агрессивное освоение прошлого, поглощение-переосмысление и переупаковку его финансовых изобретений и практик. При этом особых проблем с авторскими правами не наблюдается.

Например, Уэйн Силби, учредитель 15-миллиардной инвестиционной компании «Фонд Калверта» из Мэриленда, замечает мимоходом, что практиковал Impact Investing с конца 80-х. Что не мешает ему выступать в роли пропагандиста и энтузиаста новой волны финансовых технологий.

Среди икон и участников движения – Пьер Омидьяр, создатель eBay, занимающий третью строчку в списке молодых американских богачей.

Сложнее отношения новой волны инвестиционных конструкторов с маэстро Джорджем Соросом. Журнал «Экономист» в статье с подзаголовком «Волшебный новый класс активов» недвусмысленно причисляет Сороса к числу покровителей Impact Investing.

Авторы стратегического доклада, изданного под эгидой Rockefeller Foundation и J.P. Morgan, более аккуратны в формулировках.

> *«Инновации в развитии финансовой сферы будут иметь критическую значимость и преобразующий потенциал. В последнее десятилетие ООН и выдающиеся специалисты в финансовой сфере, такие как Джордж Сорос, интенсивно занимались разработкой ряда новых финансовых механизмов, нацеленных на решение глобальных проблем... Impact Investing – индустрия и движение, вносящие в этот более широкий поиск финансовых инноваций собственный конкретный нарастающий вклад как со стороны спроса и предложения инвестиций, так и в сфере посредничества. В этом смысле, успех Impact Investing подлинно значим для мира».*

Однако инициаторы движения Энтони Багг-Левин и Джед Эмерсон в своей книге указывают на то знаковое обстоятельство, что Сорос фактически вложил 200 млн. долларов в проекты, идущие в русле Impact Investing, через «Soros Economic Development Fund».

КУПАЖИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И ПАРАДИГМ

Что же значит новый знак?

За семь лет до запуска Багг-Левиным бренда Impact Investing его соавтор Эмерсон застолбил термин «Blended Value» – комбинированная (скорее даже купажированная) ценность. Дело в том, что до сих пор в западном дискурсе речь шла о двух полярных способах деятельности, подразумевающих в качестве своей основы две несовместимых ценности. Либо мы стремимся к высоким доходам – тогда следует отложить в сторону все помыслы о благе ближнего как не относящиеся к бизнесу. Либо ставится задача решения социальных или экологических проблем широких масс – тогда на сцене появляется профессиональная благотворительность с её инструментами, несовместимыми с погоней за прибылью. Западник Чацкий предостерегал от попыток смешивать два этих ремесла. Теперь Эмерсон его поправил.

Как выясняется, в современной практике при прочих равных из двух бизнесов в конечном итоге успешнее будет тот, собственник которого сознательно стремится к достижению социально-значимых целей. И напротив, долговременная тенденция современной благотворительности – переход на строгие инвестиционные стандарты

подготовки и финансирования проектов, в частности – в русле концепции «социального предпринимательства».

Для людей, воспитанных в культуре троичного мышления – в христианской либо китайской его версии – «комби-ценность» Эмерсона сродни попытке вломиться в широко распахнутые ворота. Но чёрно-белую картинку западного менеджмента она меняет радикально.

Ричарду Коху, выпускнику Оксфорда и Уортона, консультанту Boston Consulting Group, принадлежит фраза, которой он обессмертил «бостонскую матрицу»:

> *«BCG ввела в научно-практический оборот несколько видов матриц, она* ***по праву гордится способностью своих работников мыслить в категориях двухмерных абстракций****».*

Бостонская матрица (точнее, её разновидности) – типичный продукт и инструмент бинарного мышления. Для каждого объекта и явления оно порождает классификации 2x2, где мысленная граница между «хромыми утками» и «дойными коровами» практически непроходима. Сюда же относятся матрица Ансоффа, классификация менеджеров по Адизесу, тернарная типология продаж Кокса и Стивенса и т.п.

Поразительно, но факт: основной классификационный инструмент Impact Investing, матрица «Капитализация – Координация», представляет собой таблицу 3x3. Там, где выпускники школ MBA видят четыре сущности, намётанный глаз Impact-инвестора различает девять.

На такой радикальный сдвиг деловой парадигмы – тут не до шуток! – общество способно пойти только перед лицом смертельной угрозы самим основам его существования.

Речь о катастрофе долговременного замедления роста.

КОНСТРУКТОРЫ НОВОЙ ВОЛНЫ

Новые инвестиционные проектанты бросают вызов проблеме роста, сознательно руководствуясь комбинированной ценностью Blended Value. Волна финансовых технологий Impact Investing как раз и сулит оснащение их проектной деятельности инструментами и стандартами.

Идеологи Impact Investing указывают на то, что движение появилось на свет в результате взаимодействия четырёх ключевых факторов:

– Углублённый анализ рисков инвестиционных решений, инициированный финансовым кризисом 2008-09 гг.;

– Растущее понимание принципиальной нехватки ресурсов перед лицом жестокой нищеты, неравенства, разрушения окружающей среды и других комплексных, глобальных проблем, особенно в условиях, когда западные страны вынуждены сокращать свои бюджеты международной помощи и решения внутренних социальных проблем;

– Расширяющийся ряд практик, которые демонстрируют возможность финансирования масштабируемых бизнес-моделей, производящих социально-значимые результаты;

– Переход богатства в индустриальных странах к новому поколению состоятельных индивидов, стремящихся воплотить собственные ценности в способе размещения своих инвестиций.

Рабочее поле Impact Investing сегодня практически необозримо. Оно напоминает лавовое поле активного вулкана. Реализуются тысячи проектов на всех континентах, действуют сотни исследовательских групп, занятые разработкой финансовых технологий, инструментов и стандартов для десятков специализированных разновидностей участников рынка. Только исследовательские бюджеты исчисляются сотнями миллионов долларов. Первые же оценки масштаба нового рынка в пятилетней перспективе колебались около триллиона.

Тем не менее, постепенно смещая фокус обзора от позиции инвесторов в сторону потребителей инвестиций, можно увидеть три концентра, где сегодня сосредоточены интересы игроков. Каждый из них для своего описания, вообще говоря, требует отдельной терминологии. И здесь просматриваются причины нынешней непереводимости «Impact Investing» ни на один язык – включая английский.

> *Impact Investing – разработка новых финансовых технологий, инструментов и стандартов, формирование нового слоя управляющих и посреднических структур для обеспечения доступа инвесторов «глобального Севера» в те кризисные сферы экономики «глобального Юга», которые были для них ранее недоступными. («Обуславливающее инвестирование»).*

Излюбленным примером (скорее по причинам идеологическим) тут служит «микрофинансирование». В странах глобального Юга отстраиваются различные локальные рынки финансовых услуг, в которых мизерная сумма (типа десяти долларов) сразу умножается на многомиллионную численность бедных клиентов. Инвесторы не прочь вложиться в создание финансового кита, отцеживающего своими усами планктон микрозаёмщиков. Но чтобы это стало возможным, сначала должны состояться Impact-инвестиции в информационные сети, обеспечивающие *доступ* к услугам. Так, в упрощённом

кейсе, условно приписанном к одной из тропических стран, сообщество малых фермерских хозяйств подключено к сервису специально созданной сети простейших мобильных устройств, позволяющих, к примеру, быстро заказать услугу ветеринара и расплатиться за неё с помощью виртуального микрокредита. В роли Impact-инвестора, вложившегося в проект развёртывания сети, выступил фонд прямых инвестиций, созданный в своё время с участием британской казны. Сама по себе сеть мобильной телефонии здесь окупилась бы нескоро: у местных жителей нет ни навыков, ни мотивов пользоваться современной связью. Но работает взаимообуславливание этажей проекта: именно загрузка сети услугами микрофинансирования создаёт дополнительный трафик, позволяющий Impact-инвесторам дожить до прибыли.

Impact Investing – использование новых инвестиционных инструментов для решения социальных и экологических проблем в зоне инвестирования, преодоления бедности, вовлечения локальных инвесторов и местных сообществ в запуск механизмов роста. («Развивающее инвестирование»).

Уэйн Силби, не упускающий поводов для саморекламы, рассказывает:

«Лет восемь назад мы инвестировали в китайский природоохранный фонд в Пекине. Только шестерых инвесторов заинтересовал этот маленький фонд, и только мы были из США. Люди тогда сочли моим чудачеством надежду на то, что китайцы когда-либо озаботятся своей окружающей средой. Сейчас под управлением этого фонда сотни миллионов, и это самый крутой фонд в сфере чистых технологий в Китае, куда стучатся коммерческие инвесторы. Не сомневаюсь, что это была именно Impact-инвестиция, которая принесла нам негабаритный возврат».

Impact Investing – отработка методических рекомендаций, технологий, инструментов экономической политики для правительств, заинтересованных в привлечении нового класса инвестиций. («Локализующее инвестирование»).

Это выделенная, быстро развивающаяся сфера Impact Investing. В ней, к примеру, действует специальная сетевая структура Impact Investing Policy Collaborative (Кооперация в области политики Impact Investing). В США и Великобритании правительственные ведомства осуществляют политику в поддержку Impact Investing. Но помимо этого, государственные мероприятия реализуются в Бразилии, Кении, Малайзии, Южной Африке...

Вообще следует отметить, что Impact Investing обеспечивает мощное практическое обоснование новой апологетике капитализма:

оказывается, погоня за прибылью вполне совместима с решением социальных проблем третьего мира, с борьбой за социальную справедливость...

Однако циничные формулировки идеологов Impact Investing по вопросу *новой роли государства* травмируют либеральные перепонки:

> *«В развитых экономиках лидерам Impact Investing ясно, что правительство способно, должно и обязано играть ключевую роль в росте индустрии. Это также осознаётся в странах BRICS, где государство является интегральным, основным игроком практически в каждой сфере экономики.*
>
> *Правительства могут играть мощную, прямую роль на рынке Impact Investing, используя свою финансовую мощь для обеспечения достойных инвестиций дешевым, стабильным капиталом, и посредством гарантий модерируя риски частных и бесприбыльных инвесторов в синдицированных сделках»*[1].

От эдакой неполиткорректности у ночного сторожа опускаются невидимые руки...

ПРОЕКТНЫЕ ЦЕННОСТИ

Зададимся простейшим вопросом, который должен бы неминуемо взбредать на ум при ознакомлении с парадигмой «комбинированной ценности» Blended Value.

Чьи именно ценности в ней скомбинированы?

Пусть инвестор искренне проникся идеей осчастливить жителей Сахеля чистой водой, которая для них представляет высшую ценность. Но разве он сам страждет пить эту воду? С другой стороны, пусть жертвы засушливого климата от всей души стремятся улучшить климат инвестиционный. Но даже коли так – желание инвестора получить максимальную прибыль не становится их собственной нуждой.

Вывод напрашивается.

В акте «Impact Investing» принимают участие несколько агентов: поставщики инвестиций, их получатели и (в общем случае) посредники между ними. У каждого из участников, естественно, свои цели и ценности. Так вот, *как минимум один из участников (а именно – инвестор), стремясь к достижению своих целей, для этого сознательно учитывает цели и ценности некоторых других участников и содействует их достижению.*

[1] **Accelerating Impact.** Achievements, Challenges and What's Next in Building the Impact Investing Industry. Доклад, изданный в июле 2012 г. под эгидой The Rockefeller Foundation.

Вообще-то такое противоестественное поведение участников называется *проектным инвестированием* (в отличие от бизнес-кредитования), а весь акт в целом – инвестиционным проектом.

IMPACT INVESTING: ИЗ ГЛУБИНЫ

Как же нормальные западные бизнесмены, призванные с упоением перегрызать глотки конкурентам, докатились до жизни такой?

Проектному инвестированию противостоит нормальное, банковское. Инвестбанкир прибывает в Страну дураков и быстро-быстро сканирует Поле чудес. Там есть многочисленные ямки-проекты, куда необходимо закопать золотой, чтобы потом извлечь оттуда два или три. При этом ему совершенно неохота докапываться, что в какой из ямок происходит. Вместо этого он стремится перепоручить все поля чудес каждой из стран дураков местной бирже «Алиса&Базилио», а сам занимается «секьюритизацией» инвестиций на предмет избегания рисков.

Когда инвестор богатеет, он перестаёт бегать сам, наоборот, все заинтересованные в инвестициях представители вышеупомянутых стран прибегают и толкаются вокруг него с бумагами. Для систематизации и организации этой толпы учреждается фондовый рынок. Ходить туда инвестору тоже теперь западло, на нём трудится бригада наёмных брокеров. Но чтобы избежать разнобоя и произвола в их деятельности, теоретики фондового рынка на основе статистических закономерностей выводят теории правильного инвестирования. По мере того, как теории уточняются и отливаются в математические формулы, работа брокеров начинает перепоручаться торговым роботам.

Итак:

– инвестор отгородился от конкретного содержания проектов фондовым рынком;

– затем между собой и фондовым рынком поставил брокеров;

– между брокерами и проектами вставил бумаги, выпущенные по их поводу;

– потом между брокером и рынком бумаг поставил формулы и статистические закономерности колебания стоимости бумаг;

– потом между формулами и бумагами поставил торговых роботов...

– и вот роботы уже автоматически от его имени начинают с безумной скоростью носиться и вкладывать в бумаги, вкладывать, вкладывать...

Наступает, казалось бы, апофеоз невидимой руки, которой инвестор, на 100% освободившийся от мороки с содержанием проектов, предоставил полную свободу инвестировать от своего имени. Продался «невидимой руке» с потрохами, всучил ей всю постылую ответственность и предался неге беспримесных ценностей. Сам он не читал, но слышал: то ли у Адама (Смита), то ли в истории про Инквизитора сказано, что у руки получается лучше.

Но в этот момент, увы, является совсем иная, незримая рука. Инвестор и гости его пира имеют возможность наблюдать только кисть, которая чертит на флипчарте огненные письмена.

Вот смысл великого кризиса, который не в 2008 году начался и не в 2009 году закончился, но его контуры в этот момент явственно проступили. И ответом живых сил западного мира стал первый шаг по переходу из клиентов невидимой руки – в агенты незримой.

Impact Investing, проектное инвестирование.

КУРСОМ ТОВАРИЩА БАФФЕТА

Придворные историографы Impact Investing ведут кастинг кандидатов на роль пророков, предтеч и отцов-основателей, добираясь уже до эпохи квакеров. Но они проворонили под носом исполинскую фигуру классика. Уоррен Баффет первым среди миллиардеров и на практике, и в теории открыто отринул портфельное инвестирование во имя проектного.

Парадигма Баффета – инвестировать не в бумаги, а в конкретную фирму, точно выяснив, как она устроена, чего хочет и что умеет её команда, каковы перспективы её сферы деятельности и спроса на её продукты. Правильно оценить деятельность компании означает, среди прочего, разобраться с её целями и ценностями, чтобы интегрировать их в инвестиционном проекте.

Парадигма Баффета десятилетиями отважно противостоит непобедимому, казалось бы, напору финансового мейнстрима. Баффет – абсолютный моветон, маргинал, нерд с полусотней миллиардов в кармане пиджака, купленного на распродаже. Его основной бизнес почти полвека растёт, хоть ты тресни, на 20 с лишним процентов в год. Не будь он чемпионом Форбса, его, конечно, заплевали бы и осмеяли. Вместо этого, он сам дарит олимпийскую улыбку:

> *Чтобы успешно заниматься инвестиционной деятельностью, вам нет необходимости разбираться в понятиях «коэффициент бета», «эффективный рынок», «современная портфельная теория», «опционное ценообразование» или «развивающиеся рынки». Скорее всего, незнание всех этих терминов принесет вам только пользу. Конечно, такому подходу не обучают в большин-*

стве школ бизнеса. Наоборот, все вышеперечисленное занимает важное место в учебных планах по предмету «финансы». Нам же кажется, что будущим инвесторам необходимо тщательно изучить лишь два курса — «как правильно оценить деятельность компании» и «как относиться к рыночным ценам».

Ныне положения и выводы, содержащиеся в речах и выступлениях уважаемого вождя товарища Баффета, легли в основу передовой теории и практики широких масс Impact-инвесторов.

ЛЮБЛЮ Я ОЧЕНЬ ЭТО СЛОВО – НО НЕ МОГУ ПЕРЕВЕСТИ...

КПД Impact-инвестирования в его нынешних кондициях безнадёжно отстаёт от паровоза. Что с того? Дело наживное. Венчурное финансирование инноваций в силиконовых долинах по сей день чудовищно неэффективно. Зато в других местах оно вовсе не работает. Выбирать не приходится.

Создание нового в краях Запада движется эволюционно, как стадо бизонов, всё сметая, съедая, вытаптывая на своём пути. Попадись по дороге хоть пропасть – её заполнят собой тушки первопроходцев.

Но для жителей благословенных земель «догоняющего» или «зависимого» развития, взбреди им в голову заимствовать и переносить на свои поляны чудеса Impact Investing, есть ряд банальных, но дельных советов.

Дело в том, что за время переноса переносимое может измениться до неузнаваемости.

Слово Investing в названии свидетельствует, что проектная деятельность пока рассматривается и описывается с позиции *инвестора*. Но последний, при всём к нему уважении, не единственный участник проекта – на то он и Blended. Опыт фондов private equity подсказывает ещё две равно важных позиции в проекте: управление цепочками добавленной стоимости и управление капитализацией конкретных активов. Описание того же самого предмета – *управления стоимостью*, с каждой из этих позиций будет существенно иным, подобно женскому и мужскому подходу к браку.

Но это далеко не всё. Есть две обширных профессиональных сферы проектной деятельности, куда экспансия impact-подхода ещё только начинается. Это, во-первых, сфера *инфраструктурных проектов*, где на передний план выходит управление *эффективностью*, требующее *организационных* и *правовых* компетенций. Во-вторых, высокопрофессиональный мир *производственных проектов*, в центре которых – управление *мощностью*, где востребована компетен-

ция классического *инжиниринга*. Инвестиции нужны и в первом, и во втором случаях, но по мере углубления в указанные сферы инвесторы чувствуют себя всё более неуверенно.

Если по одной оси отложить типы инвестиционных проектов, а по другой – набор ролей их основных участников, то получится матрица требуемых стандартов, на покрытие которой нынешним способом не хватит всего бюджета Rockefeller Foundation. Нынешним – значит эмпирическим. Тут не обойтись без подключения потенциала систематизированного знания. Тем более он за столетие практически уже наработан в широком русле институционального подхода. Великий Коммонс предложил исчерпывающую типологию *трансакций*, на которую академическое сообщество тупо пялится восемь десятилетий. Надо надеяться, практики проектного инвестирования разберутся быстрее.

Итак, шкала требуемых проектных стандартов начинается с позиции *инвестора*, а завершается симметричной ролью *инженера*. Сегодня промышленный инжиниринг задаёт высоту планки на шкале компетенций, которую финансовым технологам предстоит только начать преодолевать. Инженерное дело использует специальную разновидность знаний об искусственных, проектных объектах. Законы физики, химии, биологии там не нарушаются – они используются, работают в составе инженерных дисциплин типа сопромата. В результате металлические конструкции поднимаются в небо и летают выше птиц. Новым проектным инвесторам необходимы системы автоматизированного проектирования, в которые вместо естественных наук программно зашиты институциональные знания. Стандарты Impact *Investing, точнее – то, что так называется, пока далеки от того, чем им предстоит стать.*

У волны инвестиционных технологий – сложное будущее. Она ещё способна раздробиться на несколько волн с особым именем и судьбой. Может наложиться на иную, не менее масштабную, образовав с ней головокружительную интерференцию. Тогда, возможно, генерация новых финансовых технологий обретёт своё подлинное имя вместо названия-протеза Impact Investing.

А покуда одно можно утверждать определённо: волна не пройдёт мимо. Её мощь уже вздымает нас.

Точнее, мы болтаемся в ней как невидимый актив в проруби.

ЗАГЛЯНЕМ В ЛИЦО ТРАГЕДИИ. УВИДИМ ЕЕ МОРЩИНЫ

Есть громкие слова, парадно-трибунные, пустые – но создающие иллюзию полнозвонности. Вроде «национальной катастрофы».

И есть тихие, незначащие, будто стёртые – как Impact Investing.

Что если советский атомный проект, наступавший на пятки Манхэттенскому, закончился бы неудачей, ничем?

Позор, национальная катастрофа. Речь даже не о том, что нас все-непременно принялись бы бомбить – не факт. Но это стало бы немыслимым унижением страны, полным крахом её руководства, провалом учёного сословия. Пришлось бы отступать из Ялтинских границ. Не было бы Гагарина, космической гонки, героических физиков и лириков, Кубы и Вьетнама, Асуанской ГЭС, БАМа и подлодки «Курск»...

А теперь попробуем вообразить иной сюжет. На восьмом году Манхэттэнского проекта, когда уже полным ходом идут ядерные испытания и развёртывание баз по всему миру, у нас в стране никто об этом не подозревает, да и особо не интересуется. Президент объединённой Академии Трофим Денисович Лысенко давно закрыл неактуальную атомную тему. Лейтенанту Флёрову не о чем писать Сталину, он с упоением осваивает грант по теме облучения корнеплодов. Разведчики Берии, натасканные на секреты танковой брони, подрабатывают у чудаков в Лос-Аламосе, колупаясь с каким-то там плутонием, чтобы накопить себе на девочек и левый отпуск в Майами. Аналитики в Совмине пишут доклады о борьбе с саранчой и глобальным таянием мерзлоты.

В тускловатом зеркале Impact Investing отражается непривычная, жестокая картина мира, где по контурам нашей страны зияет пустое место.

Но речь даже не об этом. Совсем не об этом.

Современная гонка финансовых технологий на весах истории тяжелее ядерной и космической, вместе взятых. Американские конструкторы проектного инвестирования борются не с нами – нас уже нет. И не за мировое лидерство – оно ещё есть. Ставки тут выше.

Идёт схватка с хтоническими силами социума – отчуждённой, непознанной, неконтролируемой физиологией общественного организма, из-за которой его с периодичностью кондратьевских циклов хватает глобальный кондратий.

Судьбы мира, включая нашу собственную, впервые за столетие решаются без нас.

Едва ли, однако, решатели готовы обойтись без российских ресурсов.

ДОБРОЕ УТРО, СТРАНА!

Среди множества вопросов, всплывающих при беглом взгляде на гигантскую стройплощадку Impact Investing, выделяются две половинки одного, своего рода blended question.

1. Каким образом России (вместе с большинством субъектов постсоветского суверенитета), увязшей в публицистической утопии тридцатилетней давности, вернуться в одно из русел потока современности?

2. Обречены ли мы на роль блудного сына – или есть ещё вакансии ключевых игроков?

Касательно акта возвращения – тут нет выбора. Но есть, как водится, развилка: либо сами возвратимся – либо нас принудительно вернут.

Уже приходилось приводить оценки потенциала недополученной капитализации совокупных ресурсов российской территории. По отношению к среднемировому уровню удельной капитализации земной суши мы отстаём в разы. Лидеры Impact Investing умеют считать. Только за счёт фазы экстенсивного роста постсоветских экономик (по опыту послевоенного восстановления Германии и Японии она потребует от силы 5-7 лет) прирост глобального ВВП составил бы порядка 20% . To whom it may concern.

Стало быть, возвращение страны из промежности межвременья в современность в принципе могло бы стать и триумфальным.

Добудиться бы до триумфатора.

2. ТЕОРИЯ

ТЕХНОЛОГИИ РОСТА

Замедление роста, повсеместно наблюдаемое после 2008 года – знак глобальной экономической лихорадки, чреватой срывом в мировую катастрофу.

Человечество постоянно бьётся над проблемой роста неудовлетворённого спроса. Несмотря на отчаянные попытки, пока не удаётся обуздать рождаемость в большинстве стран мира. Там же, где она падает естественным путём, в населении растёт доля неработающих стариков, разбухают бюджеты на их лечение и социальное обслуживание. Притом одно и то же количество пищи, воды, полезных ископаемых с каждым годом требует всё больших затрат на производство и добычу из-за исчерпания доступных ресурсов.

Теряя темп, социальная система падает как двухколёсный велосипед.

Растущее ресурсное напряжение отзывается тектоникой кризисов и конфликтов. СССР задохнулся от стагнации под аккомпа-

немент призывов к «ускорению». За обрушением СНГ последовала цепь региональных распадов с образованием не рубцующихся проблемных зон на Балканах, Ближнем Востоке, Северной Африке... Гуманитарные катастрофы там сопровождаются локальными войнами, волнами беженцев и метастазами терроризма. Это цепная реакция нестабильности, и чтобы загасить её, нужны ударные дозы гуманитарных либо силовых ресурсов международного сообщества. И те, и другие ныне в растущем дефиците.

Россия, в чьём населении налицо несоразмерный перекос в сторону несамодеятельных «бюджетников», особенно зависима от темпов роста и беззащитна перед его флюктуациями. Недаром говаривал один отчисленный студент: ткни – и развалится.

Принято считать, что циклические кризисы производства преодолеваются за счёт появления и массового использования новых технологий, повышающих производительность труда. По мнению экспертного сообщества, сегодня эта эмпирическая модель дала сбой.

А что если верна иная гипотеза – об экспертной слепоте?

Есть серьёзные основания утверждать: новая технологическая волна уже возникла и развивается вполне своевременно. В тех секторах и зонах мирового хозяйства, что успели испытать её влияние, темпы роста могут превышать среднестатистические на порядок. Дело теперь за скорейшим расширением её фронта, массовым освоением компетенций и необходимых инструментов.

Станислав Лем в «Сумме технологии» показывает, как взгляд человечества, устремлённый в собственное будущее, застят стереотипы прошлого. В поисках старших братьев по разуму мы высматриваем в космосе дым фабричных труб и ловим радиоморзянку. В то же самое время большинство феноменов, непосредственно наблюдаемых на звёздном небе, необъяснимо в понятиях современной науки. Именно среди них стоило бы искать знаки астроинженерной деятельности.

Речь о парадоксальной «невидимости» новых технологий с позиций академического и экспертного здравого смысла, особливо – отечественного.

МАШИНЫ РОСТА

Невидимки среди социальных объектов – не редкость, скорее правило, чем исключение. В экономической теории и практике бытует понятие «невидимых активов». Но если вдуматься – невидим любой актив, зрима лишь его материальная оболочка (когда она есть). Пуще того, большинству понятий обществознания (например, «электорат») вообще трудно сопоставить чувственно воспринимае-

мые образы. Тем более это справедливо в отношении новых технологий: они невидимы вдвойне.

Эка невидаль: грамотный физик объяснит чайнику, что «энергия», якобы «текущая по проводам» и т.п., не более видима и осязаема, чем «энтропия» или «энтальпия». Привычная затёртость слов порождает иллюзию материальной очевидности.

Из справочников известно: термин «технология» отражает продвинутое состояние той или иной сферы общественного хозяйства, где знания о предмете и способе деятельности, накопленные в предыдущих поколениях, перестают быть достоянием отдельных умельцев. Они отчуждаются в виде описываемых, воспроизводимых, клонируемых инструментов и методов работы, доступных для массового освоения. Как это верно, Ватсон. И как всегда – мимо.

Здесь существенно, что в конечном счёте знания воплощаются в *машинах*. Это полуавтоматические устройства, способные в процессе коллективной деятельности выполнять относительно автономную часть рабочих функций вместо человека и без его прямого участия. Паровоз преодолевает целые перегоны, лишь точечно нуждаясь во вмешательстве машиниста, кочегара и стрелочника.

Грядущий класс технологий автоматизирует новую группу функций, а значит – принесёт новый тип машин, способных взять их на себя. Именно эти чудо-машины и нужно выискивать тем, кто уповает на спасительную технологическую перезагрузку, возобновляющую глобальный рост.

Три важные подсказки, помогающие поискам.

Машина на пользовательском уровне должна быть *массовой* и *стандартной*. Множество социальных векторов направлено в эту сторону. Здесь и необходимость вооружения армий боевыми агрегатами. И нужда в согласованных действиях аварийных и спасательных служб в чрезвычайных ситуациях. И стремление максимально удешевить производство, эксплуатацию и ремонт. Пока творение инноватора остаётся уникальным – это не машина, а случайный артефакт, источник передряг бедолаги-изобретателя.

Человеческая деятельность коллективна всегда, по определению. *Коллективным* является и применение машин. Даже если частный водитель одиноко едет на частном авто, в процессе полнокровно участвуют дорожники, регулировщики, заправщики, ремонтники, страховщики и т.д. Изъятие любой из групп участников чревато остановкой, поломкой, аварией. Поэтому «машиной», строго говоря, служит всё тело автодорожной индустрии, а конкретный автомобиль играет роль одного из миллионов пользовательских терминалов транспортной технологии.

Машина должна не просто работать (выполнять функцию), не просто делать это лучше заменяемых работников (иначе зачем она нужна), но и обеспечивать при этом рост *производительности*. К примеру, энергетическая машина должна извлекать из природы больше энергии, чем затрачивается на её производство, установку, эксплуатацию и ремонт. Отсюда вытекает важнейшее требование к качеству знаний, используемых при создании машины: они должны быть *научными*. Лесковскому Левше хватило эмпирических сведений и навыков, чтобы подковать аглицкую блоху. Но она не прыгала, только сучила ногами: народный умелец не сумел рассчитать веса подков. Согласно классической метафоре, технология превращает науку в производительную силу. Выражаясь строже, наука материализуется в машине, становящейся новым ядром каркаса технологии. В этом отличие последней от мифопоэтической гравицапы и прочих нефункциональных разновидностей вечного двигателя.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ РОСТА

До середины XX века под «машиной» однозначно понималось искусственное устройство для извлечения (добычи), преобразования, хранения и передачи *энергии*. (Эйнштейновский принцип единства материи и энергии означает, в частности, что машины для резки металлов, стирки белья и перевозки грузов вполне подходят под указанное определение). Однозначный смысл, отдающий металлом и паром, имел и термин «технология».

Радикальное его углубление случилось в послевоенные годы. В 1947 году была учреждена Association for Computing Machinery. Для русского уха привычным стало выражение «электронно-вычислительная машина». Однако и в английском наряду со словом «компьютер» продолжают существовать «машина Фон Неймана», «машина Тьюринга» и т.п.

Нетрудно видеть, что теперь под «машиной» понимается искусственное устройство для извлечения (сбора), преобразования, хранения и передачи *информации*. Для совокупного обозначения разнообразных способов деятельности, включающих использование подобных машин, утвердился термин «информационные технологии» (IT).

Понятно, что машины второго типа (информационные) не существуют сами по себе. Это двухэтажная структура, включающая специальную надстройку над машинами первого типа (энергетическими). Ноутбук с виду напоминает электровафельницу: имеет металлический корпус с крышкой, штепсель, кнопку «Вкл.», при

работе гудит, нагревается и т.п. Но внешние признаки не отражают сути. Для различения двух этажей применительно к информационным машинам стали употреблять термины hard и soft.

Конец века ознаменован появлением лавины всё более сложных типов онлайновых финансовых операций. Тот факт, что они совершаются с помощью электронных гаджетов и при посредстве IT-программ, не должен затемнять сути дела. Речь идёт о появлении простейших, одноклеточных машин третьего типа: искусственных устройств для извлечения, преобразования, хранения и передачи *стоимости*. Для совокупного обозначения разнообразных способов деятельности, включающих использование подобных машин, можно по аналогии употребить термин «стоимостные (финансовые) технологии».

Опять-таки, машины третьего типа (стоимостные) существуют не сами по себе, а как теперь уже трёхэтажная структура, включающая качественно новую надстройку над информационными машинами. Для обозначения третьего этажа применительно к стоимостным машинам, продолжая смысловой ряд hard и soft, будем употреблять рабочий термин intangible.

Строго говоря – как и в случае с частным автомобилем – машиной является не сам гаджет-терминал. Финансовая социальная машина включает, в частности, процессинговые центры, функционирующие в составе платёжных систем и т.д.

Очевидно, машины (и технологии) третьего типа являются наиболее общим, «полным» типом машин (и технологий). Когда используются машины первого и второго типа («неполные»), это означает, что недостающие, не технологизированные виды деятельности (применительно к информации и стоимости), конечно же, и там имеют место, но осуществляются вручную. Причём руки – как выяснится ниже – в данном контексте подразумеваются пресловутые «невидимые»: отчуждённые силы политики и рынка.

Каждый из технологических этажей отвечает своему уровню институтов хозяйственной деятельности, а именно – уровням производства (hard), распределения (soft) и обмена (intangible). И каждый вносит свой вклад в уровень её *производительности*. Энергетические технологии определяют уровень совокупной *мощности* социального организма. Информационные технологии ответственны за социальную *эффективность*. Стоимостные технологии соответствуют общественной *капитализации*. Таким образом, интегральная производительность определяется произведением трёх институциональных сомножителей:

(Мощность) х (Эффективность) х (Капитализация)

ЭВОЛЮЦИЯ РОСТА

Технология – массовая коллективная деятельность, где часть функций осуществляют машины – вызывает к жизни жёсткие стандарты не только их устройства, но и обращения с ними, а также подготовки кадров на основе этих стандартов. Машина имеет целый ряд полезных недостатков. Она подвержена коррозии, но не коррупции. Она безоткатна. Её не уговоришь нарушить инструкции. Машина не пьёт, не халтурит, не участвует в перекурах.

Машинное, автоматизированное ядро технологии, в котором «отвердевает» частица знаний, генерирует вокруг зону регламентированной определённости, способную разрастаться как кристалл. Так, начавшись, технологизация порождает цепную реакцию специализации, «онаучивания», автоматизации в смежных сферах общества, вытеснения оттуда отчуждённого труда.

Новые волны технологий, генерирующие циклический рост в мирохозяйственной системе, распространяются не только *вглубь*, но и *вширь*, захватывая, преобразуя и передавая машинам новые функции и целые сферы социальной деятельности, ранее не затронутые технологизацией.

Межвоенный и послевоенный рост в XX столетии опирался на массовое распространение уже не *производственных*, а качественно новых, *управленческих* технологий. На их фундаменте теперь начинается мощное развитие *экономических технологий*, перенимающих роль основного фактора роста на рубеже третьего тысячелетия.

ИМЕНОВАНИЕ РОСТА

Элементарными, эволюционно простейшими предтечами новой волны являются методологии типа Impact Investing. Но функционально подобные подходы, различающиеся скорее спонсорами, как грибы прорастают под брендами Positive Investing, Social Investing, Responsible Investing, Sustainable Investing и т.п. Общее, что их объединяет – отглагольное существительное «Investing», схватывающее существо дела, в то время как эпитеты отражают разнокачественные частности. Поэтому ниже будет использоваться собирательный термин «*Преобразующее инвестирование*».

Этот знаковый социальный феномен, давно ставший всемирным, по-прежнему остаётся в зоне слепого пятна обитателей домена **.рф** и окрестностей. Мои многолетние попытки привлечь к нему внимание русскоязычных читателей пока безрезультатны.

Не достучался до них и Всемирный экономический форум. Тема преобразующего инвестирования неизменно занимала знаковое место в повестках встреч в Давосе, начиная с 2012 года. Но делегация РФ посещает их, судя по всему, исключительно с целью, сев в кружок, посудачить о домашних делах.

Не суждено было стать истинным просветителем евразийских тундр и британскому премьеру Кэмерону. С его подачи в 2013 сформирована рабочая группа G8 по проблематике преобразующего инвестирования. Легко догадаться, какая из стран-участниц прогуляла этот урок. Через год председательство в «Большой восьмёрке» должно было перейти к России. Однако такой пункт её повестки дня как Impact Investing для тугого русского уха продолжал оставаться непереводимой игрой слов. Казённая мысль проспала технологический сдвиг, по значимости сопоставимый с ракетно-ядерной гонкой, – и как следствие ожидался большой международный конфуз. Не было бы счастья, да сокращение восьмёрки помогло.

Однако жизнь берёт своё, и в привластном сегменте научно-экспертного сообщества вот-вот аврально откроются вакансии импактоведов. Грядёт отчаянная давка – святу месту пусту не бывать. Китайцы на сей счёт выражаются циничнее: в святом месте немало нечисти.

МИФОЛОГИЯ РОСТА

А покуда пустоту, оставленную рациональным знанием, заполняет мифология.

Среди российских бизнесменов (имеющих в большинстве естественнонаучное образование) много лет бытует странное поверье по поводу предмета и характера предпринимательской деятельности. Считается, будто ремесло классических инженеров, имеющих дело с материально-энергетическими машинами, поддаётся строго научному описанию и точной регламентации. С некоторой натяжкой эта добродетель теперь переносится также на носителей и создателей информационных технологий. Предпринимателям же в ней категорически отказано. Их деятельность якобы имеет непредсказуемый, немоделируемый характер азартной игры; успех в ней определяется интуицией, креативностью, опытом, и в конечном счёте – удачей. И получается, предпринимательство в принципе несводимо к набору компетенций, которые можно изучить, описать и приобрести на регулярной основе.

Якобы, инженер, возводящий промышленный объект, способен вести эту работу по плану, на строго научном фундаменте. Но стоит

погрузить её в контекст экономической алхимии – на сцене появляются мойры, богини случайности: Клото прядёт нить судьбы предприятия, Лахесис предопределяет длину его жизненного цикла, Атропос обрекает на рыночный крах.

На деле, наивны обе точки зрения на социального инженера – независимо от того, имеет ли он дело с машинами первого (энергетического), второго (информационного) или третьего (стоимостного) типа.

РИСКИ РОСТА

Согласно технократической мифологии, инженер овладевает силами природы благодаря познанию законов, которым она подчиняется. Это полная чепуха – от начала до конца.

Попытки юных натуралистов принудить роняемые тела к соблюдению закона Ньютона обескураживают: те и слышать не желают об «ускорении свободного падения». Выясняется, что правильное падение можно наблюдать разве что в вакууме. Да, но где его взять? Вроде бы, он есть в космосе – только там, к сожалению, ничего не падает. Точнее, падает всё, включая наблюдателя. И приходится учитывать силу Кориолиса, тяготение Луны и других тел, солнечный ветер и релятивистские эффекты... Лаконичная гармония закона теряется под наслоениями бесконечных поправок и подгонок. Притом доставка наблюдателя на орбиту требует астрономического бюджета.

Возвращаясь на землю, естествоиспытатель свинчивает громоздкую башню-установку с насосами для создания вакуума и толстыми стенами, которые не должны сминаться атмосферным давлением. Туда нужно ухитриться ещё воткнуть точную измерительную аппаратуру, мимо которой будет пролетать падающее тело. Но дальше – больше: выясняется, что Земля не вполне шарообразна, и результаты измерений зависят от координат установки, которую приходится делать мобильной... В результате прозрачная формула сэра Исаака опять обрастает поправками, а бюджет экспериментатора возвращается к космическим величинам.

Дело в том, что природе вовсе не свойственно подчиняться никаким «законам». Или – переиначивая ту же мысль – она склонна подчиняться всему множеству законов разом. Притом человеку всегда известна лишь часть этого множества. В результате инженер ухитряется подчинить формуле очередного «закона» не праматерь-природу, а лишь её искусственно усечённую версию – экспериментальную установку, собранную своими руками. И чем выше требуемая точность подчинения – тем больший бюджет требуется для того, чтобы её обеспечить.

Ситуация неслучайно напоминает пресловутую «политтехнологию». Сходство тут как по форме, так и по сути.

Нет никакой принципиальной разницы между физикой и экономикой (если она по-настоящему предметна и научна) в смысле точности моделей и предсказуемости результатов. Культура работы инженера зависит не только от качества его теорий, но и от понимания границ и условий их применимости, от искусства конструирования и испытания машин, погружаемых в доступный фрагмент реальности.

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ РОСТА

Итак, законам подчиняются не силы природы, а машины, создаваемые руками человека и его разумом. Как выясняется, природный материал, с которым имеют дело машины и из которого состоят, неистощим на сюрпризы, чреватые поломками и авариями. Конечно, расследование каждой из них открывает новые закономерности, не учтённые конструкторами. Это позволяет внести усовершенствования не только в теорию, но и в конструкцию машин, избавляющие от прежних проблем – но, увы, не спасающие от новых. Человеческая деятельность – вообще рискованное дело.

Но где же источник всё новых законов? К сожалению, он не в голове у конструктора, он объективен. В том смысле, что царство Истины – такой *объект* по отношению к человеку, который невозможно *опредметить*, то есть на манер Природы сделать предметом инженерных изысканий. Истина трансцендентна, сиречь открывается человеку, как и когда сама хочет, а не когда и откуда этого захочется ему. Открытия, увы, не совершают, – это не более чем фигура речи, они совершаются.

Проделав весь путь от научного открытия, через изобретение («инновацию»), до его воплощения в работающей технологии («коммерциализации»), люди создают новое орудие совместной деятельности – машину, социальный агрегат. Он представляет собой, с одной стороны, преобразованный фрагмент Природы, а с другой – овеществлённый фрагмент Истины.

В процессе этой рациональной, сознательной деятельности они сталкиваются не только с неконтролируемыми процессами природной *эволюции*, порождающей *риски*, но и с непредвиденными процессами идеального *становления*, создающего *неопределённости*.

Однако рисками и неопределённостями проблемы человеческой деятельности далеко не исчерпаны.

Издержки роста

Человек только в художественной литературе звучит гордо, а в эмпирической реальности ему пока особо нечем гордиться. Деловитый Хомо Сапиенс, опосредующий миры Природы и Истины, не является целостным, внутренне единым субъектом на манер разумной планеты Солярис. По выражению Аристотеля, человек – общественное животное: *не существо, а популяция* существ.

Люди преобразуют природу и познают истину не непосредственно, а в составе общества, части которого действуют бестолково, несогласованно, противоречиво и своекорыстно. Деятельности общественного человека противостоит не просто «дочеловеческая» природа (в виде абстрактных джунглей), а его собственная социальная природа в виде неподконтрольных ему сил общественной связности, таких как «рынок», «политика», «война». Сцепление этих невидимых рук – источник *трансакционных издержек* общественного производства. Это социальный аналог трения, точнее – броуновского движения.

Знания тоже проникают в человеческую популяцию не напрямую, как лучи света Истины, они продираются сквозь социальные фильтры *идентичности*, преломляются в кривых призмах общественных форм осмысления. В человеческий оборот вместо непостижимых платоновских «эйдосов» поступают и обращаются такие затёртые монеты гуманитарного «рынка», как разноязычные и взаимонепереводимые *символы*, *образы* и *понятия*.

История наиболее выдающихся конструкторов волны экономических технологий только пишется. Издержек и драм в ней куда больше, чем лавров. Баффет, публично посрамляющий модные теории фондового рынка, скрывает лицо под маской юродивого. Сорос, безуспешно пытавшийся – начиная с «Алхимии финансов» – придать своим открытиям статус научной методологии, не раз испытывал участь изгнанника во многих странах Европы и Азии, где действовали его благотворительные фонды (работавшие фактически в русле преобразующего инвестирования). Гениальный Милкен – создатель мегарынка Junk Bonds, фундамента современной инновационной экономики – на годы угодил за решётку. Причём, как и в случае с Королёвым, причиной были не происки косного режима, а технологии инспирируемых посадок, виртуозно применяемые в борьбе кланов.

Волны новых технологий неизменно налетают на волноломы старых.

ПОНЯТИЯ РОСТА

Мостиком, переброшенным от философии к общественной науке, стала гегелевская конструкция «отчуждения». Отсюда, от концепта «социального самоотчуждения», гениально отождествлённого с понятием ***собственности***, отправились в путешествие за открытиями три младогегельянца, один из которых от философии через политику проложил путь к науке.

В геноме «Экономическо-философских рукописей 1844 года» уже содержится программа построения институционализма как теории собственности. Пожизненная работа Маркса над темой «Капитала» была лишь гипертрофированной реализацией её начального пункта.

Понятиям, отражающим социальную природу человека, Дюркгейм свыше столетия назад дал собирательное имя *институтов*. В этом смысле *институционализм* – не частное направление экономической мысли, а *родовое имя всей науки об обществе*, его институтах *производительности, собственности, идентичности*.

Вебер заложил основы для матричной классификации институтов и задал стандарты культуры работы с теоретическими моделями в науке об обществе.

Веблен вскрыл роковой конфликт между логикой институтов производства, переживающего мощный процесс технологизации, и разрушительным самодвижением институтов обмена, порождающих погоню собственников за частной капитализацией.

Коммонс ввёл в научный оборот ключевой концепт «*трансакции*» – атомарной единицы собственности, отчуждённой формы общения, которая сопутствует любым актам производства, распределения и обмена и обеспечивает саму их возможность.

Коуз родил понятие «трансакционных издержек», позволяющее в институциональной математике перейти от качественных моделей к количественным. С этого пункта начинается современная теория институциональной *производительности*, в рамках которой только и можно корректно определить понятие *роста*.

СУММА ТЕХНОЛОГИИ РОСТА

Вот первые итоги.

Новую технологическую волну, призванную и способную обеспечить возобновление глобального роста, образуют современные экономические технологии, в ядре которых – машины третьего типа, платформы на базе *распределённых реестров активов*. Что можно и чего нельзя узнать о движении фронта этой волны, исходя из институциональной теории?

Неизвестны заранее место, время, национальная принадлежность первопроходцев типа Накамото и Бутерина, изобретателей примитивных финансовых паровозов, непрогнозируемы сюжеты и перипетии рискованной борьбы за их внедрение и распространение.

Непредсказуемы первоначальный вид, символическое воплощение, авторство новых теорий, неопределённые обстоятельства озарения первооткрывателей идеями.

Что до стандартов деятельности, образующих фундамент новых технологий – в своём зрелом виде они совершенно не зависят от упомянутых выше рисков и неопределённостей. Они строго классифицируемы и формализуемы, адекватно выразимы на языке математики; многое о них можно и нужно сказать – и в этом смысле предсказать – уже сегодня, сейчас, не прибегая к услугам визионеров и гадалок.

Иными словами, рационально познаваем полный набор типов предстоящих технологий (и снимаемых ими трансакций вкупе с издержками), глобальный тренд и нормативный порядок их появления и смены в мирохозяйственной системе – причём, на всю глубину наступающей эпохи. Этот процесс, стартующий от элементарного уровня «преобразующего инвестирования», можно представить как заполнение ячеек периодической таблицы институтов. О каждой из них заинтересованным лицам и организациям многое не только можно, но и должно знать заранее.

Новая технологическая гонка стартовала. Она определит новое лицо и судьбы мира.

3. ПОЛИТИКА

ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ – РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РОСТА

Замедление роста мировой экономики – свершившийся факт. В каждом из страновых хозяйств оно имеет особенности, однако становится всё яснее: речь идёт о глобальном кризисе, входящем в критическую фазу.

Долговременные циклы роста/спада связаны с волнами формирования и экспансии нового типа технологий. В конце цикла ведущий технологический уклад, исчерпав пространство экстенсивного распространения, упирается в свои границы. Это приводит к остановке роста и всеобъемлющему кризису.

Итак, сегодня речь идёт не о классических индустриальных технологиях, и не о популярных информационных, а о качественно иной, третьей волне – стоимостных, финансовых, технологиях капитализации.

Идея, которая легла в основу технологий преобразующего инвестирования, одновременно проста и эффектна. Замедление роста экономики повсеместно генерирует рост социальной напряжённости. В мире углубляется разрыв между растущим спросом на ресурсы и наличным предложением. Средств государственных бюджетов, программ международной финансовой помощи и благотворительных фондов уже не хватает на его покрытие. Одновременно сокращаются бюджеты на силовой ресурс, необходимый для умиротворения конфликтных и протестных зон. Существуют ли иные источники денег, которые можно в большом объёме и достаточно быстро направить на тушение социальных пожаров?

Безусловно, да. Это деньги *инвесторов* развитых стран, где по ряду причин возник и нарастает «навес ликвидности». Весь вопрос в том, что эти колоссальные средства пойдут в проблемные зоны только при условии, что они будут там работать в своём инвестиционном качестве, при должных гарантиях создания и вывода добавленной стоимости.

Технология преобразующего инвестирования нацелена именно на формирование массового потока проектов, которые решают социально-значимые проблемы, при этом обеспечивая инвесторам приемлемые доходы. Идеологи и конструкторы преобразующего инвестирования изначально были намерены перенаправить в это русло мировой инвестиционный мейнстрим, они планировали к концу десятилетия выйти на триллионные рубежи.

В российском политэкономическом сообществе ещё теплится иллюзия, будто возобновление роста экономики может случиться само по себе из-за «оживления конъюнктуры», или достижимо путём манипуляций с учётной ставкой и налоговым законодательством. На деле на завершающей фазе большого цикла экономика старой волны в целом обречена на стагнацию. Подлинный рост происходит в зоне зарождения и действия новой волны; то, что растёт – новый технологический уклад, интегрирующий фрагменты старого в свои трофические цепочки добавленной стоимости. Роль современного государства – конструировать и пестовать эту зону роста, в которой стагнирующая экономика переплавляется в новую[1], всемерно расширять её границы.

[1] При этом, конечно, сохраняется роль макроэкономического регулирования, призванного обеспечить социальную стабильность на весь переходный период, за счёт старой волны аккумулировать ресурсы для стимулирования новой.

В сегодняшней российской экономике по большому счёту нечему расти.

Технологическое перевооружение лидеров глобальной экономики идёт полным ходом. Неучастие России в этом процессе влечёт угрозу потери суверенитета. Причём, угрозу принципиально нового типа – не только и не столько военно-политического.

ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ – ВЫЗОВ РОССИИ

Всякая новая технология, сама по себе не являясь ни благом, ни злом, создаёт для общества новые возможности – и одновременно несёт потенциальные угрозы. Тем более это справедливо в отношении качественно нового класса технологий. Расширение фронта преобразующего инвестирования – независимо от намерений его различных участников – неизбежно ведёт к глобальному переделу экономической мощи и ресурсов[1].

Классические иностранные инвестиции в ресурсы и производственные фонды стран догоняющего развития были для инвесторов палкой о двух концах: укрепляя потенциал получателей, они постепенно ослабляли зависимость от внешних источников; повышая капитализацию объектов инвестирования – генерировали конфликты между участниками по поводу распределения добавленной стоимости.

Технологии типа Impact Investing позволяют их носителям обойти указанные осложнения путём массированных инвестиций в проекты модернизации социальной инфраструктуры (образовательные, медицинские, природоохранные и т.п.) третьих стран, предоставляемых под их государственные гарантии. Но тем самым создаётся угроза для обществ российского типа: обладающих значительной долей экономически несамостоятельного населения, которое привержено западной модели потребления при несопоставимо меньшем подушевом доходе.

Не случайно – опережая волну преобразующего инвестирования – на Россию уже накатывает эпидемическая мода на «социальное предпринимательство». Речь чаще всего идёт о некоммерческих проектах, нацеленных на достижение социально-значимых целей, для которых технология монетизации пока не разработана. Поэтому они претендуют на бюджетную поддержку, гранты или средства благотворителей. В такой ситуации государство оказывается между

[1] При подготовке раздела использованы материалы и консультации Алексея Макушкина.

двух огней. С одной стороны – экономически пассивное большинство населения под влиянием рекламы образа жизни постоянно требует от власти повышения уровня социальных расходов, а удовлетворение этих требований, обеспечивающее социальную стабильность, ограничено планкой хозяйственного роста. С другой – креативное сословие всё чаще облекает требования бюджетного электората в наглядную оболочку конкретных социальных предприятий и проектов. Средств в казне для их поддержки нет – но тут с международных рынков движется волна преобразующего инвестирования, агенты которого готовы предоставить «социальным предпринимателям» практически любые средства на длительный период по сравнительно низкой ставке. Правда, инвесторы хотят получить государственные гарантии, которые вроде бы не выглядят слишком обременительными. Особенно с учётом того, что сроки расчёта заведомо превышают средний жизненный цикл федеральных и региональных органов власти.

Фактически же это означает иностранное кредитование социального бюджета государств под залог их социальной инфраструктуры. Понятно, что (независимо от степени осознанности действий участников) эта практика закладывает под национальные суверенитеты фугас замедленного действия. В неё вмонтирован механизм конфликтного перетока собственности на инфраструктуру воспроизводства человеческого капитала к внешним инвестиционным центрам. Государства, принимающие такого рода инвестиции, пока не в состоянии конвертировать их в добавленную стоимость; при этом по обязательствам рано или поздно придётся платить. Кризисы неплатежей будут конвертироваться в социальные кризисы. Новые власти, произведённые на свет квазиреволюциями майданного типа и остро нуждающиеся в новых «инвестициях в стабильность», обречены расплачиваться по старым заложенной инфраструктурой.

Что касается эмитентов – сами инвестиционные инструменты, которые поначалу они могут просто «печатать», будут приобретать обеспечение и расти в объёме как раз через капитализацию гарантий государств-заёмщиков. А стимулятором и катализатором растущего спроса на такого рода социальные инвестиции служит заразительная модель образа жизни и потребления, производимая там же, где эмиссия денежных знаков.

Перед нами – одна из стратегических угроз принципиально нового типа. Её невозможно предотвратить политическими, пропагандистскими и прочими традиционными средствами. Неважно, существуют или нет планы заговорщиков и контрпланы их разоблачения – здесь все ведут себя сообразно матрице своих естественных интересов и технологии их реализации. Но в результате формируется меж-

дународный «рейдерский» механизм, представляющий глобальный аналог известной «теоремы Коуза». Перепад в уровнях национальной производительности объективно ведёт к ускоренному перетоку собственности на национальные ресурсы к субъектам и центрам, использующим технологии третьей волны. А параллельно страну покидает наиболее современная и самостоятельная часть её граждан.

Россия первой столкнётся с этой угрозой в ряду стран догоняющего развития. Высокий уровень социальных запросов населения, сформированный предыдущим историческим развитием, сыграет здесь злую шутку.

ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ – РЕСУРС РОССИИ

Единственный способ предотвратить и опровергнуть эту угрозу – скорейшее включение страны в новый этап технологической гонки. Цель – достижение лидерских позиций. Технологическое лидерство позволяет, как известно, достичь паритета с соперниками, экономически более сильными. Чтобы догонять лидеров на уровне основного хозяйственного уклада, нужно опережать их в скорости и эффективности преобразования стареющей национальной экономики технологиями новой волны. Кроме того, мы быстрее можем созидать, поскольку нам меньше предстоит разрушать и реконструировать – известное преимущество догоняющего игрока.

Позитивный, производительный потенциал технологии преобразующего инвестирования, который ещё только начинает проявляться, заключён в парадигме «конвертации ценностей» (Blended Value). Это технологии, предназначенные для сознательной капитализации проектов, направленных на достижение общественно-значимых целей (обладающих социальной ценностью). Технологии, подразумевающие конструирование проектных отношений между инвесторами, различными благополучателями (коммерческими, корпоративными, государственными, общественными) и собственниками вовлекаемых в процесс ресурсов, фондов и активов. Конструирование таких отношений, которые обеспечивают поэтапную конвертацию ценности (value) в стоимость (cost). Наконец, это технологии, призванные обеспечить массовое формирование преобразующих инвест-проектов, их мощный конвейер, притягивающий инвестиционный мейнстрим.

Постановка и экспертная проработка этих задач в сообществе Impact Investing уже состоялась, но работа по их решению ещё в начале пути. И здесь у России есть потенциальные преимущества и

заделы для формирования новой миссии не только на постсоветском пространстве, но и в масштабах всего третьего мира.

Преобразующее инвестирование – лишь первый представитель формирующегося класса институциональных технологий, нацеленных на рост общественной производительности за счёт управления трансакционными издержками. Институциональная инженерия создаёт и использует технологии взаимной конвертации различных типов социальной мощности, эффективности и капитализации. Согласно современному подходу, роль инвестора в проекте может взять на себя собственник самых различных ресурсов, фондов и активов. Можно (и нужно) инвестировать не только капиталы, но и месторождения, внутренний спрос, транспортные коридоры, инновационные производственные переделы, кадровые компетенции, национальные правовые комплексы и системы управления.

У нас бытует архаическое, «фетишистское» представление об инвестициях как о мешках с банкнотами, ввозимых из-за рубежа в зоны благоприятного «инвестиционного климата». На деле импортируются не деньги, а услуги современных институтов инвестирования, которые мы не озаботились создать у себя в стране. Импортируются финансовые инструменты, которые только и приобретают капитализацию (в частности, могут становиться «деньгами»), будучи включены в циклы расширенного воспроизводства наших национальных ресурсов.

Но денежные трансакции между собственниками активов, как только те включаются в контур институционального проекта, становятся ненужными. Они выдавливаются оттуда как вода из сжатой губки, замещаются системой внутрипроектного клиринга – в полном соответствии с гениальным предвидением Рональда Коуза. Циркулирующая по каналам системы стоимость исправно служит для учёта вклада собственников, обменивающихся доступом к активам, в конечный проектный результат – но больше не нуждается в ветхой оболочке монет и купюр.

Это особенно важно для проектов развёртывания и эксплуатации сложных производственно-технологических изделий и объектов. Институциональные технологии позволяют тысячам поставщиков и партнёров по кооперации прекратить бессмысленную «торговлю» между собой, эвакуировать колхозный рынок из сердцевины высокотехнологичных отраслей. Остаточная потребность в финансировании при этом концентрируется на внешнем контуре проекта. В частности, остаётся нужда в зарплатном обеспечении семейно-бытовых нужд сотрудников проекта на период до выхода на продажи готовых проектных изделий или услуг. В отсутствие же

адекватных управленческих технологий промышленные и военные бюджеты оказываются раздуты в десятки раз, они расходуются на пустые встречные трансакции, не просто непроизводительные, но прямо провоцирующие воровство.

России – как и всему миру – нужен не языческий идол денежных «кредитов» и «залогов», а современные институциональные технологии, арсенал инструментов капитализации активов. Не метафора «инвестиционного климата», а компетенция проектной инженерии.

ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ – ОПЫТ РОССИИ

Как и в случае с любой новой технологией, «преобразующее инвестирование» – собирательная понятийная рамка, выставляемая задним числом для теоретических и практических разработок, которые на деле ведутся уже не одно десятилетие.

Продвинутые прототипы преобразующего инвестирования обнаруживаются при анализе опыта советского планового и программно-целевого управления. Они просматриваются в наработках рузвельтовского «Нового курса» и ряда других национальных программ, в успехах советских и американских оборонных и космических программ.

Выдающимися конструкторами нового подхода к инвестированию в западной экономике по факту стали Уоррен Баффет, Джордж Сорос, Майкл Милкен, Билл Гейтс, Майкл Делл.

Оригинальные проектные компетенции сформированы российскими предпринимателями, институтами развития, государственными органами за последние четверть века. Традиционная предприимчивость и незашоренность нового поколения наших управленцев сочетаются с высоким уровнем культуры и образования, унаследованным от советского периода. Но их опыт, не оконтуренный строгими концептуальными рамками, имеет неотчуждаемый, индивидуальный характер. Вне русла технологии, массовых инструментов и точных стандартов его невозможно передавать, осваивать, широко воспроизводить.

Научные исследования и прикладные разработки в сфере создания институциональных технологий и проектных стандартов преемственно ведутся в нашей стране свыше трёх десятилетий. Первый доклад по этой теме был представлен Андропову в конце 1983 г. В нём содержался тезис о необходимости разработки специальных программных средств управления комплексом отношений

собственности в национальном масштабе, в частности – для управления стоимостью. Материалы этого и ряда последующих докладов опубликованы в 1989 г. в книге «После коммунизма»[1]. На Западе первая книга, где ставились вопросы управления стоимостью на уровне фирмы, появилась годом позднее[2]. Соответствующая практика обучения предпринимательских кадров, разработки проектных стандартов, формирования корпоративных систем отбора и сопровождения проектов насчитывает свыше пятнадцати лет.

Можно сразу назвать целый ряд социальных сфер современного российского общества, заключающих в себе колоссальный потенциал проектного освоения, который покуда высвобождается крайне медленно. Из-за институциональной сложности успешные результаты, достигаемые там практиками, имеют ручной, штучный и потому единичный характер. Речь идёт, в частности, об инфраструктурных проектах, о процессах ускоренной промышленной модернизации и реиндустриализации, о развёртывании, эксплуатации и сервисе современных комплексов вооружений, о решении проблем моногородов, о переоснащении сферы ЖКХ, о системах лекарственного обеспечения и медицинского страхования, о международных инновационных проектах, включающих офсетные сделки, и ряде других. Все эти сферы объединены тем обстоятельством, что приход в каждую из них волны технологий институционального инжиниринга потенциально ведёт к стратегическому сдвигу. Причём, интегральный прорыв к новому технологическому укладу осуществим в ближайшем будущем.

Миссия России, обусловленная уникальностью её социокультурной энергетики – сформировать влиятельный международный центр преобразующего инвестирования. Прежде всего – инвестиций не в узко понимаемую «социалку», а в промышленные, инфраструктурные, инновационные проекты в стране и за её рубежами. Экспорту капиталов можно и нужно противопоставить экспорт институциональных технологий и компетенций. Преобразующее инвестирование может не столько закрепощать получателей инвестиций, сколько расширять и капитализировать их ресурсную и производственную базу, формировать новую социальную среду и образ жизни, включающий целые классы и кластеры современных «рабочих мест».

[1] С. Платонов (псевдоним). «После коммунизма». М., Молодая гвардия, 1989 г.

[2] Коупленд, Коллер, Муррин. «Стоимость компаний: оценка и управление». 1990 г.

Независимость подразумевает высокотехнологичную силу. Чтобы сила прирастала, нужно не сберегать её, а щедро делиться ею. Союз с Россией должен делать союзников сильнее.

4. СТРАТЕГИЯ

ЧЕРНАЯ РУКА ГАВРИЛЫ

В информационном потоке по поводу столетия Великой войны всплыл сюжет: в местечке с говорящим именем Обляй восстанавливают жилище местного обывателя Гаврилы Принципа. Дом выстоял в череде глобальных катаклизмов века, но сгорел в братоубийственном конфликте сербов и хорватов, похоронившем Югославию. Что до обитателя – тот не затерялся среди несчётных миллионов убийц и убитых XX века.

Стреляя в эрцгерцога, Гаврило нажал на спусковой крючок первой мировой катастрофы – в саму возможность которой благополучные европейцы летом 1914-го отказывались верить. Ныне только ленивый блогер не отметился нравоучительным постом, перебрасывая мостик зловещей аналогии из тогдашней Сербии на нынешнюю Украину. И впрямь, боевик «Младой Босны» (за которой, говорят, стояла «Черная рука») смотрится по-свойски в пёстром ряду фигур и структур майдановцев и федералистов. Так ждать ли нового Сараева в Киеве или Донецке?

Исходный тезис этого раздела – об иерархии угроз национальной безопасности.

*Замедление роста российской экономики – куда б**о**льшая угроза безопасности страны, чем украинский кризис. Оно порождает и усиливает подобные кризисы не только на пространстве СНГ, но и на дальней периферии.*

*Тенденция замедления роста мирового хозяйства, в свою очередь, представляет гораздо б**о**льшую угрозу национальной и глобальной безопасности, чем стагнация в России, поскольку во многом её обусловливает.*

Мир в полушаге от того, чтобы быть опрокинутым в новую катастрофу роста. Борьба с этой угрозой составляет сердцевину политической повестки дня, для развитых держав – в основном осознанную.

Россия не участвует в этой повестке, составляя для неё лишь растущую головную боль.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАТАСТРОФ РОСТА

Гора исторических разысканий о причинах Первой мировой не родила ничего кроме мышиной конспирологии. Обществоведам недоставало понятийных инструментов, чтобы охватить структурирующей мыслью события такого масштаба.

У исторических спазмов, соразмерных с «нашествием народов моря» или «великим переселением», есть то общее, что в их основе лежат *катастрофы роста*.

Вот грубая модель. Производительность этноса, страны или региона начинает отставать от роста спроса на средства пропитания и жизнеобеспечения. Тектоническое напряжение разрыва высвобождается случайной вспышкой насилия или природной аномалией. Мигрирующие массы «избыточного» населения приходят в движение, сметая всё на своём пути. Историческое кровопускание, во-первых, на время сбрасывает давление спроса до переносимого уровня. А во-вторых, ломает институциональные преграды на пути назревшей технологической революции. Новая волна технологий – залог грядущего роста производства.

Что нового внесла в эти циклы эпоха мировых войн? Катастрофа роста впервые оказалась глобальной. И до невольных глобалистов стало доходить: в таком всемирном качестве она должна стать не только первой, но и последней.

Но для этого предстояло поменять порядок вещей. Технологическая революция, которая традиционно следовала за социальным инсультом, должна предшествовать ему, предотвращать его.

О новой технологической волне, о достижениях институциональной инженерии речь шла выше. Теперь обратимся к стратегическому её измерению.

ДИСТАНЦИОННОЕ МАЛЬТУЗИАНСТВО

Мальтузианские модели анализируют хозяйственные циклы «перенаселение – недопроизводство – недоедание». Но катастрофы роста чаще приходят к народам извне. Ленинградцы умирали голодной зимой 1941-42 года не оттого, что не выполнили продовольственную программу. Машину тевтонского нашествия на Европу запустили голод, гнёт и унижения 20-х, которым победители подвергли Германию. Ленин писал о Версальском договоре: «Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов».

Катастрофы роста распространяются от очага первоначального кризиса на огромные расстояния, как волны падающих костяшек

домино. Полтысячелетия кочевой народ хунну подвергал Китай набегам с севера. Для защиты от степняков была воздвигнута Великая стена. Во втором веке от Р.Х. держава хунну распалась, и одна из ветвей народа двинулась на запад. Они прошли всю Сибирь и Среднюю Азию, по пути через территорию нынешней Украины сокрушили мощное королевство готов и вторглись в Европу. Волны катастрофических переселений, спровоцированные движением гуннов, охватили половину Евразии. Их вождь Атилла получил прозвание «Бич Божий». Орды мигрантов едва не докатились до Атлантики и были остановлены только в 451 году в битве на Каталаунских полях на территории современной Франции.

ЛИМЕСЫ СВЕРХДЕРЖАВ

Попытки укрыться от катастроф роста за валами оборонительных сооружений предпринимались тысячелетиями.

Великая китайская стена если и уникальна, то лишь размерами, но не конструкцией и не назначением. Римскую империю по периметру отгораживал от варварской периферии лимес – сплошная цепь оборонительных сооружений. Только один из её участков между Рейном и Дунаем имеет протяжённость 550 километров. По территории современной Украины вдоль границ лесостепной зоны и степей на тысячу вёрст тянутся «Змиевы валы» – остатки колоссальных оборонительных сооружений, служивших некогда преградой для конницы кочевников. Первые из них строили готы; последние к югу от Киева возводились во времена Владимира Святославича.

Но ни одна из стен в конечном итоге не устояла перед волнами социальных цунами. Змиевы валы не спасли Киевскую Русь от войск Чингисхана, перенявших у китайцев технологию штурма фортификационных сооружений.

Вот главный урок эпохи мировых войн, усвоенный державами-победительницами: мир стал глобальным, в нём более невозможно обеспечить локальную безопасность, преследуя локальные интересы.

Для США это означало не столько конец изоляционизма, сколько его продолжение иными, глобальными средствами. Не отгораживаться валами и стенами от враждебной периферии, а вовлекать её в периметр и под защиту собственной раздвигающейся стены союзов и партнёрств. Не жалеть средств на решение проблем третьего мира, преодоление и профилактику кризисов – тем самым вкладываясь в инфраструктуру собственной безопасности.

Радикальная смена принципов американской системы безопасности отчётливо видна, если сопоставить положение побежденной Германии после двух мировых войн.

Состояние Германии в 1945 году было неизмеримо хуже, чем в 1918. Достаточно вспомнить, что большинство крупных немецких городов союзники сравняли с землёй ковровыми бомбардировками, которые эффективностью мало отличались от атомных.

Через 15 лет после компьенской капитуляции в полунищей озлобленной Германии к власти пришли нацисты.

Через 15 лет после разгрома 1945 года Германия вошла в число наиболее развитых и благополучных стран Запада – во многом благодаря американскому «плану Маршала».

Америка, вступившая во вторую мировую, едва оправившись от Великой депрессии, развернула на остывающих полях сражений колоссальную программу восстановления национальных хозяйств – как победителей, так и побеждённых. Отстраивалась система органов и организаций международной помощи. Глубокой реконструкции подверглась колониальная система.

ВЕЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ СТЕНА

Обществоведы будущего проанализируют идеологические, конспирологические, моральные стороны Pax Americana. Но многое можно понять уже сейчас, если принять во внимание, что советская система безопасности строилась симметрично.

Внешний «лимес» СССР как сверхдержавы образовывала периферия опекаемых режимов в Азии (Вьетнам, Лаос, Сирия), Африке (Египет, Ангола, Мозамбик) и Латинской Америке (Куба, Никарагуа). Всего Советский Союз имел договорные отношения с семью десятками стран Третьего мира – строил там промышленные объекты, поставлял оружие, готовил специалистов, давал льготные кредиты. Ближний, союзнический круг образовывали страны социалистического содружества, лояльность которых крепилась ещё более плотным потоком ресурсов и совместных проектов. Наконец, внутри страны союзные республики имели заметный приоритет в бюджетах хозяйственного и культурного развития – на фоне обнищалого нечерноземья. Это был третий, внутренний круг системы российской безопасности, призванный в зародыше гасить проблемы и конфликты с ядовитым националистическим привкусом.

Внешние лимесы сверхдержав соприкасались по всему миру (за вычетом стран «Неприсоединения», достаточно сильных, чтобы лавировать в сужающейся нейтральной зоне). Основные конфликты,

вплоть до прямого столкновения систем вооружений (но не армий), разворачивались во внешнем круге. Во внутренних также шла отчаянная борьба: в развитых странах запада действовали компартии, получавшие долю бюджета КПСС, в соцсодружестве диссидентские движения щедро подпитывались извне. Но прямое военное вмешательство в чужом внутреннем лимесе негласно признавалось неприемлемым. Советские карательные операции в Венгрии и Чехословакии встретили бешеный идеологический отпор, но остались без прямого военного ответа.

Биполярная система, при всех издержках, помогала выработке глобального подхода к проблемам безопасности. Оба лагеря осознали: стоит упустить из виду любой кризис в периферийной стране – там мигом обнаружатся сперва раздуватели пожара, а за ними и щедрые пожарники противоборствующей стороны. Зоны национальных интересов постепенно эволюционировали в сферы антикризисной ответственности.

КАПИТАЛИЗИРОВАТЬ КРИЗИС

Обвал мировой системы безопасности грянул с распадом советской системы. На месте матёрой, склеротичной, но ответственной геронтократии оказалось дитя-РФ с представлениями о системе международных отношений на уровне журнала «Весёлые картинки». Все три советских контура безопасности, предоставленные самим себе, покрылись трещинами и пятнами локальной нестабильности. Встречное, «подхватывающее» расширение евроатлантической зоны ответственности, естественно, преследовало корыстные интересы (куда ж без них), но было во многом вынужденным, запоздалым и неэффективным. Справиться с развалом таких масштабов Западу оказалось не под силу.

Тем паче фундаментальной первопричиной было замедление роста, пересменка базового типа технологий в глобальном мирохозяйстве. Предпринимались первые попытки перевести систему международной помощи с бюджетной основы на инвестиционную. В обыденном сознании они породили расхожие мифологемы «американского госдолга» и «печатания долларов».

Преобразующее инвестирование – в авангарде поиска нового ответа на мировой кризис безопасности. Идея и идеология преобразующего инвестирования – массовое вовлечение частных, корпоративных, институциональных инвестиций в дефицитный бюджет предотвращения катастрофы роста.

Технология преобразующего инвестирования – попытка радикально расширить экосистему инвестиционных проектов. Это экспансия проектного подхода из ниши бизнеса в самые различные социальные сферы. Называя вещи точнее – движение к *прямой капитализации стратегий и политик безопасности*.

Монетизировать всё более сложные социальные ценности, воплощаемые в проектах. Зарабатывать на преодолении чужих кризисов. Зарабатывать на чужом росте больше тех, кто вырос. Укрепляя всеобщую безопасность, зарабатывать на этом больше всех.

Пока эти технологии достаточно примитивны, пригодны для узкого (но расширяющегося) класса проектных идей. Речь об отборе большой массы вчерне проработанных проектов, о получении под них максимально возможного уровня госгарантий, о рекрутировании и подготовке на местах «социальных предпринимателей». Речь также об экспорте стандартных пакетов локального законодательства для стран, готовых принимать поток «преобразующего инвестирования».

ИНВЕСТИРОВАТЬ КОМПЕТЕНЦИИ

Рамка «Преобразующего инвестирования» даёт России возможности вернуться в глобальную систему в достойной роли. Фактически *Запад инвестирует в разрешение локальных конфликтов не деньги, а компетенции: стандарты и технологии реализации инвестиционных проектов*. В новой парадигме инвестировать можно и должно не только финансовые компетенции, но и промышленные, энергетические, транспортные, инженерные, правовые, социокультурные, политические и т.п. Например, строить электростанции не на кредитной основе, а на инвестиционной: сама станция возводится как бы «в дар», то есть на средства, привлекаемые субъектом проекта. А затем она становится ядром кластера, особой зоны или отрасли, создающих благоприятные условия не только для приоритетного возврата инвестиций, но и получения части доходов всеми участниками.

Такой подход соответствует идеологеме «blended values» (капитализируемых ценностей). Речь идёт о широком классе технологий и стандартов развивающейся институциональной инженерии, простейшим представителем которой является преобразующее инвестирование.

Россия может послать сигнал мировому сообществу, что готова вернуться к роли ответственного участника глобальной системы безопасности. И в этом качестве – иметь зону ответственности, сообразную масштабу и значению одной из крупнейших держав, учитываю-

щую исторические и социокультурные реалии. В этой зоне она будет гарантировать обеспечение бескризисного развития в соответствии с международными нормами. Преследуя при этом собственные – глобально понятые – интересы. Мировое сообщество Преобразующего инвестирования открывает готовый канал для такого возвращения.

ОСТРОВ ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА

Засада в другом. МИД и прочие государственные структуры не приспособлены для подобного сорта переговоров и трансформаций. Едва ли не главная из постсоветских потерь – разрушение мощной и сложно организованной системы негосударственных каналов взаимодействия с Западом и Третьим миром на уровне элит, гражданского общества и общественного мнения. Речь о структурах типа ССОД (Союз советских обществ дружбы), АПН, Советского комитета защиты мира, комитетов солидарности со странами Азии, Африки, Латинской Америки, Комитета молодёжных организаций СССР и т.п. Их назначение было неведомо младенцу новой власти, который их разломал, растерял или выбросил.

Даже в странах, которым советская картина мира была враждебна – эта картина была широко известна не только на уровне политических элит и обширных сообществ «советологов». С ней можно было спорить, бороться, мириться, уживаться – но было с чем.

Новая Россия преисполнилась решимости вернуться на единый магистральный путь цивилизации. Какая ещё идентичность? «У Папуа – Новой Гвинеи особенная стать». Ну, разве что мы обидное прозвище Верхней Вольты с ракетами разменяем по выгодному курсу на Бенилюкс с Достоевским. Робкую попытку одной из властных групп протестировать конструкты типа «суверенной демократии» свои же встретили шиканьем и одергиваниями.

Нынешняя российская картина мира, наверное, существует – но неведома никому, включая нас самих. Будучи ситуативно проявлена в ходе украинского конфликта, она вызвала зарубежное непонимание, негодование и отторжение. Из иллюзии духовного единства с Западом мы разом вывалились в противоположную крайность зоологической враждебности. При этом все каналы неформального диалога (помимо разве что многострадального «Россотрудничества») перекопаны своею собственной рукой. Из полуострова в остров мы превратили не только Крым, но и всю Россию.

Один из путей скорейшего налаживания диалога – активное участие отечественных проектных инвесторов в деятельности структур типа Global Impact Investing Network. Другой – формирование

негосударственного совета по преобразующему инвестированию в формате национальных советов, предложенном Рабочей группой G8 ещё в тот период, когда это касалось и России.

ПРИНЦИП И СУКИНЫ ДЕТИ

Дивный новый мир вломился в двери. Границы зон ответственности держав больше не определяются военной, политической и/или экономической «мощью». Сама эта мощь теперь производна от совершенства институциональных технологий и стандартов управления проектами, от компетенции и численности владеющего ими кадрового корпуса страны. В третий раз за столетие гонка технологий – на сей раз экономических – становится решающим фактором развития и соревнования держав. И на этот раз – надолго.

Необходимы адекватные вложения национальных ресурсов в разработку институциональных технологий управления проектами. Тем паче, в отличие от затратных технологий предыдущих генераций, новые принесут куда более быструю стратегическую, политическую и экономическую отдачу.

Кубинский кризис 62-го, когда Хрущёв без политеса вломился во внутренний круг безопасности США, поставил мир на грань последней мировой.

Едва ли сегодняшняя Америка рвётся понатыкать ракет под Киевом, едва ли Евросоюз страждет навесить на шею ещё 45 миллионов безработных. Но у России было два десятилетия на то, чтобы сообща обезвредить арсенал социальных проблем соседнего беловежского обломка, цивилизованно интегрировать его в международно-признанную систему безопасности. И что теперь прикажете делать соседям, когда из рванувшего вулкана попёрла социальная лава? Ждать, пока оттуда повалят миллионы мигрантов, повылезут сотни тысяч наёмников и тысячи террористов?

Есть сходство между трагическими фигурами Батисты и Януковича.

Франклину Рузвельту приписывают фразу, сказанную в адрес одного из марионеточных диктаторов: «Он может быть и сукин сын, но это наш сукин сын».

Но если это ваш сукин сын, будьте добры держать его в рамках. А не можете – так будьте готовы выносить за ним социальные экскременты. Любой сукин сын сколько-нибудь заметного масштаба, будучи оставлен без присмотра, из локальной занозы превращается в глобальный волдырь. Если же это сукин сын с принципами – на сцене не замедлит появиться клон неистребимого Гаврилы.

Политика безопасности уже немыслима без принципов глобального антикризисного консенсуса и взаимного признания зон ответственности. Принципы иного рода, закономерности функционирования общественных институтов лежат в основе социальной инженерии, образуют фундамент технологии роста. Там, где волюнтаристы всех властей и мастей пытаются откосить от первых и вторых – грядёт Гаврила Принцип.

5. ЭКОНОМИКА

ПРЕЗИДЕНТ ИЩЕТ ИНСТРУМЕНТ

«Человек – это животное,
изготавливающее инструменты».

Формулу отчеканил Бенджамин Франклин, общественный деятель, учёный и публицист, один из отцов-основателей США. Его портрет украшает стодолларовую купюру – самый мощный и универсальный инструмент в истории, как полагают многие. Популяция гоминидов, научившаяся изготавливать такие инструменты, недаром претендует на глобальное лидерство.

Новейший кризис, как и всякий иной, обладает политическим, моральным, эсхатологическим, конспирологическим и иными измерениями. Но Франклин зрел в корень: каждая эпоха рождается под аккомпанемент ударов нового инструмента; каждый инструмент, изнашиваясь, уносит с собой эпоху.

Строго говоря, в иерархии орудий человеческой деятельности деньги главенствовали в форме капитала – всесильного инструмента, прирастающего в процессе использования. Капитал произвёл на свет чудо современной цивилизации. Но за чудеса приходится дорого платить.

На протяжении XIX века рынки капитала жестоко страдали от чумы циклических кризисов. На рубеже столетий, сплавляясь в тигле глобального хозяйства, они ввергли человечество в пучину мировых войн, революций и депрессий.

Из этой лаборатории Фауста вылупилась на свет стратегическая гонка вооружений, а с ней инструменты принципиально нового типа, управленческая технология преодоления рубежей истории – *проект*.

На шкале совершенства инструментов капитал мощнее денег, но проект влиятельнее капитала. Капитал создаёт деньги посредством залогового кредитования – а проект высвобождает заблокированный капитал по каналу «проектного финансирования» (Project Finance). Проект в этой формуле первичен по отношению к финансам.

Путин интуитивно угадывает потенциал новых инструментов.

«Вот мы говорили об определённых целях и, когда формулировали эти цели в середине 2012 года, говорили тогда, что эти цели могут быть достигнуты при определённых темпах роста российской экономики. Сейчас мы видим, что эти темпы не соответствуют тем показателям, на которые мы рассчитывали. Значит ли это, что мы должны отменять эти стратегические цели? Нет, конечно. Цели мы оставляем в неизменном виде, но должны будем искать такие инструменты, которые позволили бы нам их достигнуть.

Проекты в промышленности и сельском хозяйстве получат доступ к кредитным ресурсам по низкой процентной ставке через инструменты проектного финансирования. Оно может быть вполне использовано в качестве такого долгосрочного инструмента. Вопрос – в этих проектах, которые были бы интересны, перспективны и эффективны».

УЧИТЬСЯ ПРОЕКТНОМУ ДЕЛУ НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ

Страна испытывает острейший дефицит конкретных инструментов и технологий управления производительностью и экономическим ростом. Этот дефицит уже осознаётся как политическая проблема.

В российских дискуссиях о кризисе и реформах строгое понятие инструментов и технологий обычно подменяют мантры «улучшения инвестиционного климата», «разбюрократчивания экономики», «развития инфраструктуры», «ослабления давления на малый бизнес» и т.п., имеющие туманный смысл и косвенный, непрогнозируемый эффект.

Совершенно особое место в этом списке заняло *проектное финансирование*. Не случайно первое лицо настойчиво добивается его внедрения в хозяйственную практику. Принято правительственное постановление, учреждена межведомственная комиссия, отобраны уполномоченные банки, рассматриваются первые проекты – казалось бы, дела пошли. Но это лишь кажимость.

В практике проектного финансирования (Project Finance) – в том виде, как она складывалась на Западе с начала 70-х – ключевую роль играет разработка самого инвестиционного проекта. Причина

в том, что финансовый поток, генерируемый в результате реализации проекта, служит единственным источником возмещения затрат и получения доходов для всех участников. Поэтому подготовка, согласование и доработка проекта может занимать от нескольких месяцев до нескольких лет, а соответствующие издержки – составлять существенную долю в полной стоимости его реализации. При этом используются вполне определённые методы и стандарты разработки – в частности, специализированные методики оценки финансовых потоков, а также модели анализа рисков.

Но в том устройстве отечественного механизма проектного финансирования, которое было озвучено Улюкаевым на встрече членов правительства с Путиным 4 февраля 2015 г., ни проектные стандарты, ни методы не фигурируют. Из рабочего арсенала Project Finance, похоже, заимствовали только фантик перебрасывания и размазывания рисков между различными участниками проектов. Сам отбор, анализ и доработка инвестиционных проектов возложены на десятку избранных уполномоченных банков, у которых нет и по определению не может быть адекватных инструментов и компетенций, поскольку это кредитные учреждения. Ни в функциях Межведомственной комиссии, ни в той служебной роли, которая отводится ВЭБу – нигде не просматриваются нормативы и стандарты разработки самих проектов. Результат не особо отличается от ветхой практики кредитного финансирования.

Ещё забавнее выглядит эксклюзивный характер «икры заморской, баклажанной», фактически приданный стандартному финансовому инструменту. Как если бы историческим указом Ельцина о свободе торговли на рынок допускались только десятеро купцов-счастливцев, поштучно уполномоченных правительственной комиссией, которая сверх того утверждала бы каждый акт купли-продажи.

Надеждам руководства на новый инструмент экономической политики в его текущей редакции не суждено сбыться.

За последние тридцать лет было немало разговоров о необходимости реформ: рыночных, структурных, инновационных, наконец – политических. Однако всем им должна предшествовать *управленческая реформа*, массовое освоение современных инструментов и технологий разработки и реализации проектов.

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПРОРОКИ

Тем временем само проектное финансирование на Западе столкнулось с принципиальными внутренними ограничениями и вошло в полосу реформ.

Модели перераспределения рисков могут быть эффективными при трёх важных условиях. Во-первых, в отношении проектов со сравнительно короткими цепочками добавленной стоимости и малым числом поставщиков промежуточных продуктов и услуг. Во-вторых, при возможности манипулировать большим массивом разнородных проектов. И в-третьих, пока в целом на рынке наряду с депрессивными и стагнирующими сегментами имеется и достаточный объём растущих.

Глобальное замедление роста подрывает третье условие. Системный кризис, начавшийся в 2007 году, среди прочего стал кризисом моделей и инструментов секьюритизации. Риски недостаточно прогнозировать и перетасовывать – пришло время их действительно снижать.

В статье о глобальных системных кризисах («Ведомости» от 19.01.2015) Владимир Мау и Алексей Улюкаев предрекают «формирование новой модели экономического роста», «появление новых инструментов экономической политики», и более того, «смену господствующей экономической парадигмы», «формирование новой экономической доктрины, нового мейнстрима в науке», говорят про «масштабный интеллектуальный вызов, требующий глубокого осмысления», «интеллектуального прорыва».

Это пророчество тем более актуально, что оно уже сбылось.

Новые инструменты экономической политики полным ходом разрабатываются с 2008 года в русле «преобразующего инвестирования».

Новую экономическую доктрину давно проповедует международный гуру Майкл Портер (в РФ к нему намертво приклеилось реноме автора тридцатилетней давности работ о конкурентоспособности). В программной статье «Creating Shared Value» он возвестил новую эру:

«Парадигма Shared Value – не то же самое, что социальная ответственность, благотворительность и даже устойчивое развитие. Её место в самом центре стратегии. Мы убеждены, что концепция Shared Value приведет к перевороту в деловом мировоззрении.

Возможность получать прибыль, помогая обществу решать его проблемы, станет одним из самых мощных факторов роста мировой экономики. Во главу угла ставятся важнейшие, еще не удовлетворенные потребности человечества, не освоенные крупные рынки, издержки бизнеса как результат нерешенных социальных проблем…

Нам нужен более совершенный капитализм – капитализм, движимый идеей служения обществу. Но это служение должно быть основано не на благотворительности, а на глубоком понимании механизмов конкуренции и создания стоимости».

ЧУДО О КОТЕЛЬНОЙ

Это только кажется пропагандой на наш взгляд, ленивый и нелюбопытный. В основе идеи Shared Value – практический шаг, гениальный в своей простоте.

Некоторые собственники товаров и услуг, востребованных в проекте, столкнувшись с кризисным замедлением или остановкой продаж, решаются пойти не назад, а вперёд: *инвестировать* их на тех же основаниях, что инвестор в узком смысле слова – тот, кто обеспечивает финансы без залога. То есть предоставить к своим активам доступ (access) как бы «бесплатно» – в обмен на взаимный доступ к другим проектным активам, а в конечном счёте – на долю в новой собственности, создаваемой в проекте.

Для многих предпринимателей, в том числе и российских, *взаимообмен доступами к активам* – уже не теория, а повседневная практика.

На совместных мероприятиях Рабочей группы по преобразующему инвестированию с ТПП РФ и Аналитическим центром при Правительстве представлены на профессиональный суд упрощённые кейсы реальных проектов, осуществляемых в сфере ЖКХ. К примеру, собственник завода «Сигнал», производящего блочно-модульные котельные, вместо продажи начинает поставлять их в качестве инвестиции – в обмен на долю в проекте. Благодаря деятельности команды, управляющей проектом, аналогичные шаги решаются предпринять и другие поставщики, переходящие на позиции собственников-соинвесторов проекта. В результате объём востребованного финансирования оказывается возможным снизить впятеро.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТИНЫ

Новый класс технологий управления проектами, новую форму хозяйственной деятельности естественно назвать *проектным соинвестированием (Shared Investing)*.

В полном соответствии с предвидениями Рональда Коуза и Фрэнка Найта добавленная стоимость создаётся за счёт того, что агенты рынка, войдя в контур предпринимательского проекта, снимают трансакционные издержки отношений обмена между собой, избавляясь при этом от сопутствующих рисков и неопределённостей.

В разделённом и специализированном мире нового времени частные ценности оторваны друг от друга. Я нуждаюсь в том, что вы можете создавать – но вам безразлично то, что я люблю и умею делать. Универсальные инструменты Франклина тут как тут, они уравновешивают отчуждённые фрагменты спроса и предложения, выстраивая их в цепочки. Правда, менялы небескорыстны. Хуже другое: временами они неуправляемы. В кризисной ситуации, когда спрос перестаёт быть платежеспособным, *стоимости отрываются от ценностей*.

Но ведь общество при любых обстоятельствах должно кормить всех, включая безработных, согревать жителей на всех широтах, учить и лечить детей и стариков, осваивать новые природные ресурсы, содержать учёных и поощрять художников. Только раньше для этих нужд государство распечатывало бюджетную кубышку, утяжеляло подати, распродавало недра по дешёвке, учреждало казённые заведения.

Теперь на помощь идут новые предприниматели, конструкторы проектных машин, эффективно конвертирующих энергию социальных ценностей в добавленную стоимость. Надстраиваясь над этажами материально-энергетических (hard) и информационных (soft) технологий, инструменты и технологии управления стоимостью (intangible) замыкают систему социальных компетенций. Это и есть *проектное соинвестирование*.

Удивительный новый мир вырастает буквально на глазах. Поднимите нам веки!

6. МЕТОД

ВНУТРЕННИЙ ДОЛГ РОССИИ

Страна угодила в финансовый тупик.

На повестке дня – восстановление и качественное обновление основных производственных фондов и объектов инфраструктуры, причём безотлагательное. Объём необходимого финансирования сопоставим скорее не с государственным бюджетом, а со всем валовым национальным продуктом.

Проблема нарастала давно. Политический кризис 2014 года лишь довёл её до логического предела. Затруднив импорт продуктов и услуг, он параллельно блокировал закупки зарубежного оборудования для модернизации отечественных производств. Притом западные источники финансирования тоже оказались отрезаны.

Первая сторона проблемы наглядно проявляется в сфере ЖКХ. Основные фонды изношены сверх всяких норм, но их остановка невозможна по социальным причинам. На первый план выходит даже не проблема аварийности, а рост сверхнормативных потерь энергии. В результате отрасль фактически стала планово-убыточной, обременена долгами и неплатежами, требует растущих дотаций из бюджета, и без того перегруженного. По экспертной оценке, озвученной Президентом на заседании Госсовета, только в первичное восстановление выбывающих основных фондов ЖКХ требовалось вложить от 9 триллионов рублей. Несмотря на призывы политиков и усилия законодателей, частные деньги сюда по-прежнему не идут.

Другая сторона проблемы скрыта за лозунгом «импортозамещения». Она затрагивает основные сферы машиностроения, например – литейные производства. Литые детали обычно являются базовыми, силовыми, высоконагруженными, образуя саму основу машин, наиболее ответственных агрегатов и узлов. На их долю приходится от 30 до 50% массы автомобилей, подвижного состава, самолётов, ракет. Совершенство, ресурс и экономичность военной и гражданской техники критически зависимы от эксплуатационных свойств, точности, тонкостенности, надежности литых деталей. В последней четверти XX века произошло переоснащение ведущих мировых литейных производств автоматизированным оборудованием второго поколения, что обеспечило существенное повышение эксплуатационных свойств и точности отливок. Однако основные литейные производства РФ по сей день оснащены устаревшим советским оборудованием, нарастает их деградация. Инвесторы в отрасль не идут. Вместо этого готовое литьё ввозилось из-за рубежа; доля импорта отливок в некоторых сферах доходит уже до 50 %. Но на стратегическую ракету не поставишь южнокорейский дренажный клапан. Налицо прямая угроза национальной безопасности.

В большинстве отраслей машиностроения положение аналогично.

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Корень проблемы – в архаической финансовой системе, которая должна подвергнуться радикальной модернизации в первую очередь.

Современные экономические инструменты и технологии, адекватные задачам поддержания, обновления и создания крупномасштабных производственных комплексов, стали формироваться в период гонки вооружений. В начале 60-х в Министерстве обороны США были разработаны и введены в оборот управленческие техно-

логии типа PPBS (Planning, Programming and Budgeting System), получившие позднее повсеместное распространение. Проектное финансирование (Project Finance) о котором у нас заговорили в последнее время, в 70-е годы стало во многом результатом их «конверсии» в гражданской сфере, в частности – для задач типа освоения нефтяных месторождений Северного моря.

Решающий импульс дальнейшему развитию экономических (стоимостных) технологий дал кризис 2007-08 года, который привёл к краху крупнейших западных инвестбанков и пересмотру оснований проектного финансирования. Новая волна технологий преобразующего инвестирования развивается широким фронтом. Активным её пропагандистом под лозунгом Shared Value выступает Майкл Портер.

Российские реформаторы в 90-е по неведению ограничились локализацией примитивных форм потребительского рынка. Современные экономические инструменты и технологии, отвечающие переходу к постиндустриальной промышленной и социальной политике, в основном остались у нас неизвестными либо непонятными. Бессилие невооружённой невидимой руки пытались компенсировать режимом «ручного управления». В результате практически все сферы реальной экономики за исключением потребительской торговли и добычи топлива на четверть века оказались за бортом осмысленных реформ, вне сферы сознательного общественного конструирования.

Сегодня большинство производственных фондов страны, обеспечивающих её выживание, обветшало, требует безотлагательной модернизации. Но эта задача по старинке понимается как затратная, а в качестве единственного источника покрытия затрат рассматривается бюджет.

Парадокс в том, что страна всё ещё располагает ресурсным потенциалом, пригодным не только для всеобъемлющей модернизации, но и для энергичного продвижения к стратегическим рубежам. Общество напоминает атлета с мозгами неуча и ментальностью инвалида.

ПРОЕКТНОЕ СОИНВЕСТИРОВАНИЕ: КЛЮЧ К ВОЗОБНОВЛЕНИЮ РОСТА

В парадигме ***проектного соинвестирования*** (shared investing) собственники активов, востребованных в проекте, вместо того, чтобы торговать ими друг с другом, поэтапно переходят к отношениям *взаимного доступа к пользованию* (access) этими активами. При этом высвобождается значительная часть кредитных (или бюджетных) денег, в бизнес-логике расходовавшихся на внутрипроектные трансакции обмена, ненужные с точки зрения конечного результата. Это

и есть практическая реализация основной идеи институционализма, сформулированной Рональдом Коузом ещё в 1930-е годы: предпринимательская фирма существует благодаря тому, что трансакционные издержки внутри неё ниже рыночных. С середины прошлого столетия практика и теория управления проектами, каждая по своему пути, двинулись в направлении реализации этого тезиса. И сегодня мы наблюдаем их смычку в феномене экспансии институциональной инженерии из сферы материальных (hard) и информационных (soft) технологий в новую область стоимостных (intangible).

Проектное финансирование – первый практический шаг в этом направлении. Управляющий проектом и банк переходят от отношений рыночного обмена (в данном случае – кредитования) к отношениям взаимного доступа к активам в процессе совместного создания добавленной стоимости. Поэтапное вхождение в контур проекта поставщиков и потребителей других продуктов и услуг в качестве соинвесторов, как показывает практика, способно в разы снизить потребность в финансировании, сократить сроки реализации проекта и риски его участников.

Если Россия и впрямь намерена догнать развитые страны, то платформы проектного соинвестирования – вот ключевая сфера технологической гонки, в которой нам придётся их перегонять.

Перед нами не просто новое поле деятельности, а новая экономическая эпоха, со вхождением в которую страна запаздывает на десятилетия. Нас ждёт тяжёлая работа. Понадобятся совместные усилия управленцев, финансистов, юристов, политиков, разработчиков IT, предстоят и научные споры, и общественные дискуссии. Но лучший способ продвинуться вперёд – засучив рукава, разбираться самим и показывать другим, как это делается здесь и сейчас. Не «тренироваться на кошках» учебных кейсов, а овладевать новым инструментарием в процессе решения назревших проблем на региональном, корпоративном, отраслевом уровне.

7. СОБСТВЕННОСТЬ

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас.

Рильке

СОВЕТСКИЙ ДОЛГ РОССИИ

Тусклая дискуссия о способах таргетирования – как перебранка осветителей за пустующей сценой.

Как бы ни расходились мнения по поводу проблем российского хозяйства – все сходятся на том, что нужны «длинные деньги». Экономика обременена массой не просто неэффективных, а убыточных производственных фондов всех видов собственности. В тёплых источниках над магистральными и разводящими сетями Твери, где потери превышают 40%, лягушки не бедствуют в лютые морозы – и тропики за казённый счёт ежегодно пролонгируются умелыми руками. Предприятия, что генерируют убытки, по логике бизнеса следовало бы давно остановить. Но это невозможно по социальным причинам: устаревшие объекты ЖКХ, как могут, обеспечивают тепло, воду и свет, военные заводы – выполняют оборонный заказ, предприятия моногородов – трудоустраивают население, железные дороги – гарантируют мобильность. Все эти центры финансового ущерба висят на капельнице государственных субсидий. Однако для модернизации средств бюджета недостаточно.

Тем временем дотационными уже стали целые регионы и отрасли. Особая планово-убыточная зона расползается по экономической карте страны как ржавчина. С падением спроса на экспортируемое сырьё ситуация развивается в сторону безнадёжной. А сверх того добавились ещё и санкции.

Стратегический недуг одряхлевших фондов унаследован от советских времён. Но с тех пор он лишь усугублялся. «Плановые» способы его лечения не помогли. Как выяснилось, «рыночные» тоже оказались бессильны. Природные ресурсы и производственные фонды, унаследованные страной, не работают в качестве капитала. Они имеют сверхнизкую капитализацию даже по меркам третьего мира.

В экономике быстро растёт объём внутренних и внешних долгов – следствие множества неудачных или незавершённых проектов модернизации производственных фондов. Эти долги перед банками, естественными монополиями, госбюджетом лишь отчасти объяснимы управленческой неэффективностью или злоупотреблениями менеджмента и собственников, дефектами и сбоями финансового механизма страны. Здесь мы сталкиваемся с конкретным воплощением трансакционных издержек устаревшей кредитно-денежной системы, тормозящей не только российскую, но и глобальную экономику.

Выход из тупика требует осмысленного шага общества и государства, повсеместного перехода на иные, современные инструменты и технологии создания добавленной стоимости.

КОНЕЦ КРЕДИТНОЙ ЭПОХИ

Машина классического рынка закономерно буксует при создании, модернизации и ремонте крупных производственных фондов.

Капитальные затраты на старте велики, их возврат начинается через годы, что усугубляет и без того значительные издержки, риски и неопределённости. Собственных средств у инициаторов обычно не хватает, а бремя обслуживания большого и долгого кредита выводит большинство проектов за грань окупаемости. Тем более теперь, когда ресурсов в самой банковской системе недостаточно, а их приток из-за рубежа ограничен. Проблема не только и не столько в механизмах денежной эмиссии, вокруг которых петляет злободневная дискуссия. Главным источником издержек служит сам устаревающий институт банковского кредитования.

Современные инструменты и технологии финансового инжиниринга полвека назад зарождались в оболочке методологии проектного финансирования (Project Finance), – той, что входит у нас в запоздалую моду. Тем временем на Западе кризис 2007 года вскрыл её прорехи и дефекты. В ответ был дан массовый старт разработкам нового поколения экономических инструментов и технологий Impact (Social, Positive, Responsible, Sustainable etc) Investing под идеологическим знаменем Shared Value. В марте 2015 года в докладе Morgan Stanley объём американских инвестиций с использованием подобных инструментов оценён в семь триллионов долларов – это шестая часть совокупного финансового потока. На глазах формируется завтрашний инвестиционный мейнстрим.

Новые экономические технологии позволяют радикально (в разы) сжать объём бюджета проекта, приходящийся на единицу мощности модернизируемых либо вновь вводимых производств. Это становится возможным за счёт поэтапного снятия трансакций товарно-денежного обмена между продавцами и покупателями продуктов и услуг, необходимых в проекте. Включаясь в состав собственников будущего предприятия, они переходят к отношениям прямого взаимного доступа к активам, приобретая в той или иной форме доли во вновь создаваемой собственности. Практически реализуется ключевая идея институционализма о поэтапном снятии внутри предпринимательского проекта трансакционных издержек рынка – та, что сформулирована нобелевским лауреатом Р. Коузом ещё в 1930-е. Собственники в проекте инвестируют свои материальные активы в их непосредственной форме, минуя издержки монетарной и банковской систем.

Конечно, на практике проектное соинвестирование как массовая профессиональная технология осуществимо только с использованием инструментов многостороннего клиринга – машины точного учёта стоимости вклада каждого из проектных соинвесторов и мониторинга динамики размера долей во вновь создаваемой собственности.

ЗАГАДКА РОССИЙСКОГО КАПИТАЛА

Корни наших проблем, однако, уходят куда глубже устаревшей финансово-кредитной машинерии. Структура российской собственности, порождённая разгосударствлением 80-х, шоковыми реформами и приватизацией 90-х, имеет во многом внелегитимный, а часто и криминальный характер. Преобладающая масса производственных фондов пребывает в связанном состоянии, препятствующем соинвестированию бизнес-единиц в качестве активов. Помимо трансакционных издержек классического рынка существуют колоссальные теневые затраты и риски цепочек перемещения добавленной стоимости от номинальных (титульных) собственников к реальным бенефициарам, её защиты, а затем реинвестирования. Россия – мировой рекордсмен по объёму трансграничных теневых финансовых потоков. Причём, как показано в докладе Global Financial Integrity, импорт контрабандного капитала чуть ли не двукратно превышает его утечку.

Полтора десятилетия назад в знаменитой книге де Сото «Загадка капитала» были подытожены многолетние исследования институтов собственности в третьем мире. Там показано, что совокупная стоимость имущества, которым располагают бедняки в странах типа Перу, Филиппин, Египта, кратно превышает их ВВП. Однако внелегитимный статус не позволяет вовлечь его в экономический оборот и капитализировать. Теневой характер отношений собственности обусловлен, среди прочего, и конкретными социально-историческими обстоятельствами. Но главное – он вызван не только и не столько тем, что население уклоняется от налогов, сколько издержками легитимации, что превышают затраты на поддержание собственности в рамках неформальных институтов. Де Сото показывает, как в США и Великобритании правовая система, вместо того чтобы стричь всех под одну гребёнку, эволюционно отстраивалась свыше полутора веков с целью максимальной адаптации и учёта сложившихся неформальных институтов собственности, их территориальной, отраслевой и социальной специфики. Рецепт, который автор предлагает странам третьего мира и бывшего социалистического лагеря – сознательные структурно-институциональные реформы: максимально возможная легитимация неформальных локальных систем собственности с целью их скорейшей капитализации, эффективного вовлечения всех активов в экономический оборот.

Однако существует принципиальная разница между активами населения бидонвилей и огромным массивом советских производ-

ственных фондов, спешно приватизированных в 90-е. Латентная собственность постсоциалистических стран, недоступная для исследований группы де Сото, имеет куда более сложную структуру, а главное – обладает колоссальным потенциалом капитализации. Грубая оценка по показателю объёма ВВП, отнесённого к единице территории, показывает, что только экстенсивная фаза подъема капитализации природных и социальных ресурсов РФ до среднего по земному шару («перуанского») уровня может обеспечить прирост мирового ВВП на 20%.

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Российская собственность не работает – ни как «производительная сила» (согласно классической формуле), ни как могучая машина социальной мотивации. Это обстоятельство куда важнее, чем её несправедливость или нелегитимность сами по себе.

Российская собственность – всех видов и уровней – для начала безотлагательно нуждается в программе подъёма её капитализации. Программе, соразмерной по своему духу и размаху освоению Сибири или Дикого Запада. Здесь в полной мере будет востребован потенциал новых стандартов проектного соинвестирования, современных финансовых платформ, распределённых реестров активов.

Тактический срез программы – реализация группы наглядных кейсов-проектов по решению задач, считающихся неразрешимыми без «длинных денег»: модернизации и замене устарелых производственных фондов в сферах ЖКХ, жилищного строительства, энергетического и оборонного машиностроения. Первый из таких кейсов был представлен в ноябре 2014 года Рабочей группой по преобразующему инвестированию и поддержан ТПП РФ.

Политический уровень программы – принятие трудных общественных и государственных решений об очерёдности, порядке, темпах вывода из тени комплексов отношений собственности, способах разрешения сопряжённых конфликтов, формах и объёмах амнистий и санкций, компенсаций и взаимозачётов. Каким бы ни оказался характер этих решений, заранее можно утверждать: любые противоречия здесь предпочтительнее снимать путём перераспределения вновь создаваемой стоимости, а не передела существующей. Залог успеха в том, что большинство «внелегитимных» собственников вовсе не являются прирождёнными ворами и коррупционерами. Скорее они – заложники сложившихся теневых институтов, потенциально заинтересованные в их разминировании и демонтаже.

Незаменимую конструктивную роль здесь призваны сыграть силовые структуры с их накопленными досье, по материалам которых практически каждого хозяйствующего субъекта есть основания упрятать за решётку. Но собственность страны и без того пребывает в тюрьме архаических трансакционных обременений. Уникальная социально-экономическая база данных силовиков помимо «посадочного материала» способна дать конкретную фактологическую основу для национальной программы легитимации собственности – там и тогда, где и когда это будет сочтено уместным и выгодным стране.

Стратегическое содержание программы – установление такого порядка капитализации комплекса национальных природных ресурсов и производственных фондов, который обеспечит реализацию естественных преимуществ, сильные и перспективные позиции в глобальной экономике. Притом, это только начальный, экономический этап освоения России как общей собственности; пошаговый *перевод основной массы населения из бюджетников в собственники её активов*, в пресловутый «средний класс», как гарантия суверенитета и залог внутренней стабильности.

В подступившей эпохе нет ничего более предметного и осязаемого, более идейного и мотивирующего, более укоренённого и связующего, более эвристичного и развивающего, более человечного, чем собственность.

НЕ ДЛИННЫЕ ДЕНЬГИ, А ДЛИННАЯ ВОЛЯ

Базовый набор ресурсов для реализации такой программы в России налицо. Технологии на подходе. Недостаёт главного – субъекта национальной модернизации.

Исторический опыт показывает, что правительство, обременённое управлением текущим хозяйством, непригодно для решения задач развития. Больше того, здесь несостоятельны любые подотчётные массовому избирателю органы из-за их узкого горизонта и шаткого мандата. Врач не может подчиняться больному.

В новейшей истории субъекты модернизации рождались в хаосе революций, смут, гражданских катастроф и военных оккупаций. Хорошо бы извлечь из этого конструктивные выводы, пока ещё есть время.

В любом современном обществе, помимо партии власти (одной или нескольких) необходима *правящая* партия – в какой бы социальной оболочке она ни выступала. Функции власти и правления должны быть чётко разделены. Именно их смешение привело к краху СССР. Но решение конституционно устранить из общества функ-

цию правления вкупе с её носителем было одновременно историческим анекдотом и катастрофой.

В стране есть руководители, наделённые стратегическим видением и волей править – направлять, исправлять, управлять. Но нет институтов, которые поддерживали бы эту функцию, превращали бы её из субъективно принимаемого долга, личного креста в регулярную публичную деятельность. У страны как целого нет собственника, она оказалась бесхозной.

Пока есть время, нужно отстраивать анклавы и плацдармы институтов правления, институтов хозяйствования, начиная с самых болезненных узлов и «безнадёжных» задач.

Нужны не длинные деньги, а длинная воля.

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН БЛОКЧЕЙН

Мартышка в бизнесе слаба ебитдой стала;
А у людей она слыхала,
Что можно торговать ловчей:
Лишь стоит завести Блокчейн.
Блокчейнов импортных пучок себе достала;
Вертит Блокчейном так и сяк:
То к темени прижмет, а то на хвост нанижет,
Понюхает его, потом полижет;
Блокчейн не действует никак...

УПРАВЛЕНИЕ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Материал, который хотелось бы начать обсуждать, на три четверти новый, как и способ его осмысления. Так что сегодняшний блин обречён быть комом. Единственное, чем можно утешаться – он всё равно съедобный, ибо тесто неплохое.

Материала раз этак в пять больше, чем можно впихнуть даже в три часа, а я буду стараться уложиться в нормальную академическую пару, что заведомо невозможно. Отсюда пробелы, скороговорки, искажения масштабов отдельных частей, в связи с чем не просто надеюсь, но и рассчитываю на ваши корректирующие вопросы, поправки и дополнения.

Наконец, что касается предмета излагаемого материала – он, конечно, очень важен для всех нас и для Отечества, но хотелось бы, чтобы сегодня вы опцию «важно/не важно» приглушили, а включили другие – «занятно», «прикольно», «познавательно».

Пресловутый «блокчейн» не является, увы, самобытным порождением российского гения. Тема нами не выстрадана, не выношена – она пришла извне, из внешнего мира. Там, в этом мире, живут неведомые Те, Кому он нужен, там они занимаются тем, зачем он Им нужен. А сюда, на этот пикник на обочине, он попал как «пустышка», вытащенная сталкерами из Зоны.

Нам всем здесь очень не хватает контекста современности, в*и*дения современного мира, позволяющего в нём сориентироваться. А ориентация, если вникнуть, тесно связана со свободой. На Физтехе у меня была специальность «Управление ориентацией». Так вот, если, свободно паря в космосе, не управлять ориентацией, то пока не поймаете в перекрестие соответствующего оптического устройства звезду Канопус, вам не до свободы, да и вообще не до чего: вы беспорядочно вращаетесь сразу в трёх ортогональных направлениях, совершенно не понимаете, где находитесь, и не уверены, не войдете ли сейчас невзначай в плотные слои атмосферы или в соприкосновение с пролетающими обломками старых спутников. Барахтанье в бескрайней (с виду) теме «блокчейна» для начала надо жёстко привязать к ориентирам реалий современного мира.

Ориентация в современности тесно связана не только со свободой, но и со смыслом. Хотелось бы толикой осмысленной свободы, приобретенной за последние четыре года, поделиться – «безвозмездно, то есть даром». Но эта свобода пока еще не расфасована в красивые пакеты, из нее торчат гвозди и пружинки, она в неудобоваримом виде, причиняющем дискомфорт.

Речь пойдёт о малоизвестных событиях и реалиях. Биткойн с блокчейном – лишь одна из них. Честно предупреждаю: в деталях их внутреннего устройства не смыслю ни уха, ни рыла. Наверняка мог бы разобраться, опираясь на рудименты физтеховского образования, однако думаю, что к сегодняшней теме это прямого отношения не имеет. Но сказать нечто очень важное по поводу блокчейна – непременно скажу; постараюсь вас обогатить ценной информацией, но не о том, как он устроен внутри, а о том, кому и зачем нужен снаружи.

Речь пойдёт и о некоторой конспирологической подоплеке ряда событий, о которых вообще не ведал в 2008 году, когда они произошли, не говоря уже о том, чтобы усмотреть между ними какую-то связь. Я эти события назову, и мы постараемся с каждым из них

разобраться. Каждое буду описывать сначала на нормальном человеческом языке, как наблюдаемый извне факт, о котором можно прочитать в интернете. А потом уже, когда и если понадобится их соотнести, реконструируя смысл и обстоятельства появления блокчейна – придется вам вместе со мной предпринять некий понятийный экскурс вглубь.

ПАРОВАЯ ТЕЛЕГА СОВРЕМЕННОСТИ

Для начала полюбуемся на это вот загадочное устройство.

Оно появилось на свет в 1769 году. Сам создатель Николя Кюньо называл его «Огненная телега», но в этом не было ничего смешного, «телега» звучала примерно как сейчас «автомобиль», без архаики в подтексте. Самодвижущийся экипаж Мэрдока, сконструированный на 15 лет позже, именовался «паровой каретой», опять же без ретро-стёба.

Конечно, инженеров сразу тянет вникать в технические детали. Например, даже моей скудной эрудиции хватает, чтобы понять, что в этой машине знаменитого регулятора Уатта ещё не было. В телеге Кюньо не видно и топливного бака: впереди нее (а она мчалась с безумной скоростью три с половиной км/час) шел кочегар с вязанкой дров. Да, она не была рассчитана на гонки – вообще говоря, это тягач, предназначенный для транспортировки орудий на позицию,

он сам по себе весил тонны три, и еще пять мог тащить. Как видите, котел расположен в том месте, где прежде находилась кобыла, хотя изобретатель был продвинутый, хомут и оглобли он дерзновенно демонтировал.

Испытания – если хроники, конечно, не врут – происходили в центре Парижа, выяснилось, что управлять агрегатом можно с трудом, он врезался в стену арсенала и её проломил. Тем не менее, машина двигалась! Окрылённый изобретатель приступил было к усовершенствованиям – но тут приспели политические передряги, и его вкупе с опальным спонсором замели, а первая ласточка автомобилизации угодила в музей.

Зададимся вопросом: какое отношение устройство этого агрегата имеет к современному автомобильному движению? Ответ двоякий: одновременно и прямое, и никакого. То есть у телеги Кюньо не было ни электронного зажигания, ни подвески Макферсона, ни автоматической коробки передач – и далее по списку, поэтому понять, как устроен современный автомобиль, она ничуть не помогает. Но для думающих людей в те годы само её появление означало: в принципе не за горами времена, когда средняя скорость передвижения людей и грузов вырастет на порядок, а масса передвигаемого груза – на три порядка. И тут не просто новая технология перемещения пассажиров и грузов – за этим угадываются контуры новой эпохи.

Мой намек прозрачен: современное устройство блокчейна (даже в продвинутой версии Ethereum) в качестве первенца технологии распределённых реестров уже в скором будущем будет смотреться примерно так же архаично, а милые диковины типа «майнинга» – вызывать в лучшем случае улыбку. Важнее понять совершенно иное: что за невиданный класс технологий предвещает и обещает нам появление неказистого первенца?

Тем не менее, честь и слава Николя Кюньо, Мэрдоку, Уатту и последующим изобретателям самобеглых колясок. Благодаря им часть сегодняшней аудитории смогла стремительно домчаться на авто до переезда у Новодачной, и в пробке у шлагбаума вволю насладиться созерцанием пролетающих электричек – столь же мало, кстати, напоминающих паровоз Черепановых.

Но и это всё уже уходящая натура.

ПАДЕНИЕ СЛОНОВ

Теперь к обещанной конспирологии. Едва ли у большинства присутствующих что-то в жизни так уж сильно связано с 15 сентября 2008 года. Напомню: «там» шел второй год мирового финансо-

вого кризиса. Эксперты сравнивали его с великой депрессией начала 1930-х и на разные лады сулили нечто худшее. Взаправду худшало, но медленно. И вдруг в сентябре 2008 года разом рухнула вся система крупнейших инвестиционных банков США. 15 сентября о своем банкротстве объявил Lehman Brothers, в тот же день крах постиг *Merrill Lynch*.

Как бы объяснить нормальному студенту физтеха немыслимый смысл фразы «Merrill Lynch разорился»? Представьте себе, что вы ревностный католик, и вот вам говорят: собор Святого Петра только что продали с торгов, в нем теперь размещаются склады гипермаркета Ашан. Думаю, это не передает и доли трагизма, который содержится в утверждении, что Merrill Lynch разорился. Это могучий инвестиционный банк со столетней историей, с триллионными активами, один из великой четверки. Вслед за Merrill Lynch и Lehman Brothers *жертвами кризиса стали* Goldman Sachs и Morgan Stanley. Эти двое сохранились как бренды, но потеряли статус инвестиционных банков, подсели на иглу поддержки Федеральной резервной системы.

В одном из вариантов древнеиндийской мифологии Земля держится на четырёх слонах. И вот, представьте, одномоментно два из них околели, а оставшиеся два завалились набок. Именно такая космическая катастрофа, физтехами не замеченная, разразилась в сентябре 2008 года... О деталях ничего говорить не буду, я и сам в этом мало что понимаю.

Вместо этого поговорим о трех знаковых событиях, с виду никак не связанных, которые с разлетом в два месяца угодили практически в яблочко этой кризисной даты.

БЛАГА БЕЗ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

В ноябре 2008 года Rockefeller Foundation запустил исследовательский проект «Harnessing (от слова «запрягать») the Power of *Impact Investing* initiative». Словосочетание «*Impact Investing*» *пошло гулять по медийным просторам*. Сейчас оно уступило по упоминаемости сладкой парочке биткойн-блокчейн, а до этого устойчиво лидировало несколько лет в западном дискурсе. Руководство Rockefeller Foundation на гребне кризисной волны срочно отозвало из отпусков нескольких интеллектуалов из числа тех, что ежегодно заседают на корпоративной вилле фонда в Белладжио, за казённый счёт внося вклад в развитие мировой философской, социологи-

ческой и иной мысли. «Что-то вы там интересное напридумывали в прошлый раз... Какой-то хитрый *Investing*? И что ещё за Blended Value? Короче, денег с собой нет, ну вот нате вам 38 миллионов долларов, завалявшиеся в кармане, и оформите это всё документально, только срочно».

И пошло-поехало. С этого момента начинается бурное развитие событий. Темная лошадка, будучи впряжена в буксующий инвестиционный воз, явила невиданную прыть. *Самые оптимистичные рубежи роста новой сферы инвестирования, намеченные на десятилетие, удалось кратно превзойти за первую же пятилетку. По оценке Morgan Stanley, к 2013 году каждый девятый, а в 2014 году уже каждый шестой доллар в мире был инвестирован в парадигме «преобразующего инвестирования» (Impact Investing, Social Investing, Sustainable Investing, Responsible Investing – всё это фактически разные рабочие названия методологии,* где под ударением стоит слово *Investing).* В том же 2014-м средняя доходность новых инвестпроектов преодолела планку традиционно понимаемого «бизнеса». Так что производство благ налицо, но благотворительность здесь не ночевала. *Сегодня Impact Investing – мировой инвестиционный мейнстрим. Наши тундры остаются, похоже, последним в мире оазисом неведения на сей счёт. Случайно прослышав про эти чудеса от космополитизированного приятеля, я опрометчиво взялся за редактирование перевода книги Багг-Левина и Эмерсона – о чём впоследствии не раз пожалел.*

КИТАЙСКИЕ ТАЙНЫ

Вторая история началась чуть раньше, буквально накануне сентябрьского финансового краха. В июле 2008 года Чикагский университет организовал небывало масштабную пятидневную конференцию «China's Economic Transformation». Основная её тема – «How China became capitalist?» (Как Китай стал капиталистическим?), под таким названием спустя четыре года вышла книга, основанная на материалах конференции.

О ней можно говорить долго, но для знающих людей достаточно взглянуть на программу.

Открывал конференцию легендарный Рональд Коуз, основоположник экономического институционализма, который ввел само понятие «трансакционные издержки» в исторической статье 1937-го года, за что и получил Нобелевскую премию спустя каких-то 54 года, в 1991-м году. В 2012-м не теряющий оптимизма Рональд Коуз, кото-

рому было уже 102 года, принял участие в презентации упомянутой книги в качестве её соавтора и редактора.

Еще интереснее, что ведущим конференции и основным докладчиком был Стивен Чунг, теоретик китайских экономических реформ, яркий представитель нового институционализма, ученик Рональда Коуза и Армена Алчиана. Его выдающийся вклад в экономическую науку удостоился упоминания в двух нобелевских речах – самого Коуза и спустя десятилетие Джозефа Стиглица.

В отличие от многих профессоров-бессребреников он оказался продвинутым предпринимателем и свои теоретические знания умело капитализировал. Но до того увлёкся, что за ним стало гоняться налоговое ведомство. В 2003 году власти США выдали ордер на его арест, и он сначала отступил в родной Гонконг, а потом под угрозой экстрадиции бежал в материковый Китай. В Китае он основоположил современную экономическую науку. В этом смысле китайцам очень повезло, потому что они миновали как советскую политэкономию, так и западный «экономикс» – к ним сразу же приехал в готовом, упакованном виде современный институционализм в авторском исполнении.

Китай, конечно, не стал от этого капиталистическим. Но конференция 2008 года, отталкиваясь от идеологической иллюзии, открыла путь к пониманию многих истин об устройстве современных обществ «второго» и «третьего» миров. Смысл события для меня вот в чём: когда в глобальной экономике всерьёз запахло жареным, американское обществознание не ограничилось колупанием в собственном дерьме «деривативов». Оно решительно развернуло свою оптику с застрявшего запада на растущий восток, сменив при этом объективы с абстрактной неоклассики на конкретный институционализм.

О чикагской конференции в Китае я узнал благодаря любезности Аркадия Пасербы. Случилось так, что он обратился ко мне за советом от имени одной из школ MBA, которая решила обзавестись собственными научно-мемориальными чтениями и подыскивала для них подходящее имя. Выбор учредителей пал было на Шумпетера, но оказалось, что чтения в его честь уже не первый год проводят в Перми. Естественно, я сходу назвал имя Рональда Коуза. И вот в январе 2015 года в Москве состоялись первые Коузовские чтения, где мне выпала незаслуженная честь быть докладчиком. Правда, первооткрывательский пыл организаторов слегка остыл, когда они услышали, что в Китае такие чтения проводятся уже в десятый раз. В благодарность Аркадий позволил мне ознакомиться с ещё неопубликованным русским переводом книги Коуза и Нин Вана. Так благодаря стечению событий я на короткое время приобрел монопольное

преимущество, оказавшись её первым читателем, если не считать переводчиков. О незабываемых впечатлениях от этого чтения поведаю чуть позже.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Наконец, третье событие, о котором, в отличие от первых двух, наслышаны многие из присутствующих. 10 октября 2008 года появилась публикация некоего Сатоши Накамото. Знатоки могут сказать, что он впервые дал о себе знать еще летом – что опять-таки попадает в тот самый коридор входа «плюс-минус два месяца» от даты тотального крушения системы инвестбанков. Но блокчейн пока оставим на закуску.

Как вы уже догадываетесь, сегодня я пробую подменить понятийное изложение – событийным. Когда на занятиях по матанализу приходит время доказать теорему, вы терпеливо следите, как лектор, стоя у доски, нанизывает один шаг логического построения на другой, и возникает длинная цепочка. Если в самом её начале стоит аксиома, а в конце теорема, то она доказана. Это доставляет эстетическое наслаждение математикам, но не инженерам, которые, раз удостоверившись, спешат забыть про эту канитель, перейти от логической цепочки доказательств к алгоритмической последовательности действий и загнать ее в программный продукт. А дальше ракета уже летит по программе, и ей не надо останавливаться на лету и переспрашивать: «Слушай, милый, ты мне объясни по пунктам, почему я в цель-то попаду»?

Но люди – не только лирики, но и физики – по программе не летают. Если между некоторой теоретически обоснованной истиной и вашей жизненной ситуацией, в которой надо утром встать и, стиснув зубы, идти вперед и только вперед, пролегает длинная цепочка доказательств, то через нее энергетический посыл проходит с трудом. Желательно спрямить дорогу от ума к сердцу. Люди плохо мотивируются сложными понятийными системами с длинными цепочками логических построений.

Все эти годы, работая над предпринимательскими проектами, мы опирались на институциональные теоретические основы. Но их изложение требовало усилий и затрат времени – не столько в силу их сложности, сколько, наоборот, из-за переусложнённой консистенции мусора в головах проектантов. И постепенно в практике проектных сессий мы все больше стремились обойтись без обращения к теории. Нас не перестали просить (скорее наоборот), но нам самим опостылело. Теоретические основы, которые в голове сидят, просто

надоели, говорить о них уже язык не поворачивается. Поэтому если вы конкретно спросите, на чем основывается то или иное утверждение – будем возвращаться к основам. А покуда вместо этого постараюсь заменять цепочки доказательств событийными картинками.

Обещаю одно: в конце нашего разбирательства будет предложен ряд вполне практических рекомендаций и довольно конкретных предсказаний. Только это будут не «предсказания будущего», а вполне рациональное предвидение того, какие именно формы в ближайшее время появятся на мировом финансовом рынке, какова примерно будет их эволюция, и куда в этом смысле стоит бежать просвещённым игрокам. В оценке же конкретных условий для воплощения этих предвидений вам придётся полагаться на собственный практический опыт, интуицию и здравый смысл.

Но на теоретических основаниях сегодня нет возможности специально задерживаться. Часть присутствующих в курсе, что в самом общем виде понятийная основа для того, чтобы воспринимать строго подобные институциональные прогнозы, была, к примеру, намечена в прошлом семестре в цикле из шести занятий здесь, в МФТИ.

Теперь вернемся назад и попробуем обсудить и сопоставить эти три линии событий.

РЕВОЛЮЦИЯ ХАЙНЕТОВ

В 2008 году Запад столкнулся с нарастающим потоком социальных вызовов. Современный мир все более напоминает закипающий котел. Раньше для контроля над точками вскипания хватало разнообразных международных программ помощи, которые тем или иным образом отвлекали туземцев от проблем, на худой конец разбрасывали вертолетами деньги или макароны; а если уж совсем невмоготу – снаряжали экспедиционные корпуса умиротворителей. Там, где самолетов с бесплатными макаронами и десантниками не хватает, из точек вскипания выбегают голодные, но при этом организованные и вооруженные орды, начинается локальное «переселение народов», грозящее стать глобальным.

Мировой кризис 2007-08 гг. резко обострил ситуацию. При этом благотворительные и миротворческие бюджеты просели, и с новой силой встал классический вопрос «где деньги, Зин?». Вот тогда-то интеллектуальными ландскнехтами Rockefeller Foundation был дан ответ: денег в мире много, их избыток, но их собственники – не благотворители, а инвесторы. Они готовы направить свои деньги на ре-

шение мировых проблем только при условии, что те будут работать в инвестиционном качестве.

В мире сформировалось целое сословие новых инвесторов, это пресловутые High Net Worth Individuals, в просторечии «хайнеты». Они вовсе не чужды благу, но презирают организованную благотворительность. У них очень много денег, но они не готовы перепоручать управление ими правительствам и международным фондам. Они хотят, чтобы эти деньги работали для них осмысленно и прозрачно, хотят превратить свои инвестиции в инструмент реализации своих ценностей, направить на достижение благоприятных изменений в мире: «Put your money where your values are».

На бесчисленных семинарах усталые адепты Impact Investing в три миллиона двести восемьдесят пятый раз разъясняют эту идею, очевидную для всех, кроме ортодоксальных бизнесменов. Старый мир до ноября 2008 года был устроен как развилка двух дорог, между которыми глухая стена. Пойдешь направо – это профессиональный бизнес, там положено конкурировать, перегрызать глотки, снижать издержки и думать только о прибыли; пойдешь налево – это профессиональная благотворительность, там фандрайзинг, краудсорсинг, гранты и Social Work.

И вот теперь выясняется, что Impact Investing представляет собой колоссальный веер формирующихся типов деятельности, разнообразие которых призвано заполнить все пространство между этими двумя крайностями. С точки зрения новых людей, идеологов и практиков преобразующего инвестирования, для того чтобы по-настоящему, по-крупному сорвать куш в современном мире, необходимо, чтобы ваша инвестиция была направлена не столько на то, чтобы отбить самоё себя, сколько на решение значимой проблемы общества. Конечно, легче сказать, чем сделать. Чтобы заработать на такой проблеме, нужно со знанием дела сконструировать многоходовку, приводящую в движение активы, фонды и ресурсы собственников различных типов и уровней, заблокированные косными социальными структурами.

Когда мы обратились в Торгово-промышленную палату, Сергей Катырин выслушал и сказал: «Знаете, я человек занятой, тут все очень сложно... А можно на простом примере?» Мы сказали: «Конечно, дайте какой-нибудь проект». И нам дали один из проектных меморандумов, кочующих по столам ТПП и других уполномоченных организаций. Проект, в частности, крутился вокруг того, что предполагалось построить большое предприятие, где на базе переработки углеводородного сырья производилась бы химическая продукция для народного хозяйства. Проект получался сложный,

долгий, рискованный, и балансировал на грани убыточности. Мы передали его для проработки стажёрам из Лаборатории институциональной проектной инженерии.

Первый совет начинающего адепта Impact Investing был прост. «Замечательно, вы уже выбрали географическую точку под площадку для строительства. А теперь предлагаем взять и перенести эту точку строительства вашего завода на 35 километров к востоку и на 15 к северу». После паузы (смотрят как на идиота) он ласково улыбнулся и пояснил: «Вы, конечно, не слышали слово «моногород»? В указанной точке, совсем неподалёку, расположен моногород. И если вы воздвигнете предприятие там, ваш проект практически задаром – и притом вполне заслуженно – подпадёт сразу под две, а то и три государственные программы поддержки. Они призваны содействовать модернизации инфраструктуры, созданию высокотехнологичных рабочих мест, увеличению занятости. Если вы в явном виде интегрируете эти значимые цели в свой проект (который фактически им вполне соответствует), то сможете получить прямой доступ к значительным программным и бюджетным средствам. Ваш проект сразу станет гораздо более самоокупаемым, быстрее реализуемым, да еще вы получите кучу соратников и сторонников муниципального, корпоративного и федерального уровня».

Несколько лет назад мне пришлось поработать в составе межведомственной комиссии по моногородам на базе ВЭБ. Был свидетелем отчаянных попыток вытащить отчаянно сопротивляющихся горе-предпринимателей из рутины привычного им бизнеса, парализованного кризисом, в сферу проектного софинансирования. Представители государства стремились оказать прямую поддержку ожидаемым инициативам местных властей, бизнесменов и общественных структур, облегчая им доступ к активам и фондам, обеспечивая соинвестирование, решая инфраструктурные проблемы – вплоть до прямых дотаций. Но в большинстве случаев – тщетно.

Откуда предприниматель может узнать о программе поддержки моногородов и получить доступ к её ресурсам? Во-первых, ему необходима служба, которая систематически сканировала бы разнообразные каналы типа федеральных или региональных целевых программ, особых экономических зон, технопарков, инкубаторов, являющихся потенциальными партнёрами и источниками получения средств. Параллельно нужно сканировать поле проблем, по поводу которых в обществе уже возникает понимание, что силами бюджетных организаций решить их не получается, и готовность вовлекать социальных предпринимателей, но еще не сформировались стандартные схемы такого вовлечения. То есть импакт-инве-

стор от обычного бизнесмена отличается, в частности, и тем, что он более открытый, больше знающий, способный вникать в проблемы общества.

СЛЕПОГЛУХОНЕМОКРАТИЯ

Что происходит сейчас на поле Impact Investing во всем мире? Это уже сформировавшаяся профессиональная сфера деятельности, там существует ряд глобальных объединений типа Global Impact Investing Network (GIIN), сеть международных структур постоянно уплотняется, действует целый ряд инициатив по разработке отраслевых стандартов и технологий, которые поддерживаются международными организациями. Сообщества инвесторов – это уже сотни тысяч, если не миллионы, и объяснять там кому-то, что это такое – это даже не ломиться в открытые ворота, а искать оные в чистом поле.

В 2013 году мы беседовали с одним из старых знакомых, работающим в международной организации, он постоянно упоминал Impact Investing как нечто само собой разумеющееся, и когда я спросил, что это такое, посмотрел на меня как на конченого идиота. Тогда я достал смартфон и предложил ему «погуглить» русский сегмент сети. Его изумлению не было границ.

Все шесть моих последующих публикаций были посвящены этой теме. Мы с коллегами сформировали Рабочую группу по преобразующему инвестированию, которая провела совместные слушания с Российским советом по международным делам, ТПП, АСИ, Деловой Россией. Мы подготовили кейс по проектному соинвестированию, основанный на реальном проекте в сфере модернизации ЖКХ, организовали его официальные презентации в ТПП и Аналитическом центре при Правительстве, провели несколько рабочих совещаний в профессиональном банковском сообществе, направили ряд документов в правительственные структуры... Утверждать, что итог всех усилий заметно отличался от нуля, было бы неоправданным оптимизмом.

Такой результат связан не только с нашей бездарностью, но и со специфическим состоянием современного российского общества. Коллеги, я не политик, не люблю давать никаких оценок, мне совершенно неохота никого ругать – просто констатирую, что у нас начисто, на 100 % отшиблена функция наблюдения за современным миром.

Когда-то в заскорузлом Советском Союзе было тем не менее множество контор типа ИМЭМО, Института Европы, Института США

и Канады, Института Африки, комитетов солидарности и обществ дружбы, которые постоянно вели тщательный мониторинг всех сколько-нибудь значимых изменений в современном мире, оперативно готовили переводы, обзоры, аналитику и издавали под грифом «ДСП» или «Секретно» соответствующие материалы для информирования работников партийных, государственных, общественных организаций всех уровней.

Работая в Комитете молодежных организаций СССР, я по долгу службы должен был просматривать и распределять этот поток, ежедневную стопку поступавших по почте изданий и реферативных журналов. И если бы первое знаковое событие в русле Impact Investing за рубежом произошло в советском ноябре, ручаюсь, что в феврале толковый реферативный обзор появился бы на моём столе, а на ближайшее значимое мероприятие по теме в Нью-Йорк или Сингапур отправился бы наш представитель.

У нас сейчас эта социальная функция отсохла и отвалилась. Лица, занятые решением государственных и общественных проблем, не имеют ни возможности, ни времени сами по себе заниматься глобальным мониторингом, но при этом почему-то твердо уверены, что у них методом трансцендентальной апперцепции возникает адекватное видение современного мира. Общественная наука, ответственная за формирование картины мира, исчезла, сообщество экспертов и аналитиков, находившееся снаружи правительственных структур, практически рассосалось – все, кто был более-менее вменяем, перекачаны внутрь и стали штатными работниками аппарата. Но работник аппарата не имеет ни времени, ни полномочий, ни возможностей самостоятельно и инициативно заявить: «Смотрите, появился Impact Investing, и нам надо немедленно менять стратегию, переопределять задачи ведомства, увольнять половину сотрудников и переучивать другую». Конечно, я нарочно заостряю мысль для ясности.

Блокчейн, кстати – как вскоре выяснится – имеет самое прямое отношение к современному мейнстриму преобразующего инвестирования. Только в его русле сразу становится понятно, кому и зачем нужны «распределённые реестры». Но об этом попозже, потерпите.

А сейчас хотелось бы расстаться с темой Impact Investing. За три года она мне изрядно надоела. Но осознавая, что сегодня успел затронуть только некоторые отрывочные, частные моменты, готов кратко ответить на вопросы по этой теме.

[Ответы на вопросы]

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОДНЕБЕСНУЮ

Вернёмся в основное русло изложения. Напоминаю, мы анализируем три важных события, состоявшихся практически одномоментно с эпицентром мирового финансового кризиса 2008 года.

Теперь займёмся вторым, китайским сюжетом.

Итак, западная наука устремилась на штурм китайского экономического чуда: хозяйство огромной страны, официально именующей себя коммунистической, четвёртое десятилетие подряд устойчиво растёт в два с лишним раза быстрее мировой экономики. С точки зрения неоклассической модели китайский феномен необъясним, да и попросту невозможен. Поэтому теперь следствие ведут знатоки институционального подхода.

Замечу несколько в сторону, что в нашей стране эта мировая загадка никого не интересовала и не интересует. Лучшие умы ищут решение проблемы роста у себя под кроватью, но ни одна из групп стратегов не обращает внимания на растущий Китай, уже заслоняющий полнеба. Видимо, он растёт неправильно...

В 1987 году, за двадцать лет до Чикагской конференции, Рональд Коуз уже имел славу мирового экономического гуру (хотя до запоздалого Нобелевского признания оставалось четыре года). Тогда ученики и последователи тоже собрались на конференцию, чтобы отметить полувековой юбилей легендарной статьи «Природа фирмы». Там Коуз впервые рассказал об обстоятельствах её появления на свет.

В 1930 году он, двадцатилетний студент LSE (Лондонской школы экономики), одиноко бился над мировой загадкой, которую сам себе и загадал: почему существуют фирмы?

> *«Проблема была связана с обычной экономической системой, где предполагалось, что «нормальная экономическая система работает сама по себе», и где, по всей видимости, не было места фирмам».*

Иными словами, если рынок является наилучшим из возможных способов хозяйствования – почему между ним и его агентами встревают и суетятся какие-то нерыночные посредники, рудименты в виде фирм, корпораций, государства? За разгадкой юноша отправился в путешествие через Атлантику. Но уже тогда он смотрел не только на запад, но и на восток.

> *«По сути та же головоломка представлялась мне в другой форме, которую можно выразить одним словом: Россия.*
>
> *Ленин говорил, что всей экономической системой России станут управлять как одной большой фабрикой. России недоста-*

вало опыта экономической организации, на который можно было бы опереться, а западные экономисты вели обширные дебаты на тему планирования, причем некоторые из них утверждали, что управлять экономикой как одной большой фабрикой невозможно. Но ведь и в Англии, и в Америке были фабрики. Как примирить невозможность управления Россией как одной большой фабрикой с фактом существования фабрик в западном мире?»

Подводя итог тогдашнего поиска, Коуз пишет:

«...Решение заключалось в осознании того, что в рыночной экономике осуществление трансакций сопряжено с издержками, и что эти издержки необходимо включить в анализ. Этого не делалось в экономической науке того времени, и, могу добавить, по большей части не делается и в экономической теории наших дней.

Будет ли трансакция организована внутри фирмы или же она будет осуществлена на рынке самостоятельными участниками контракта, зависит от результатов сравнения издержек этих рыночных трансакций с издержками осуществления этих трансакций внутри организации, т.е. фирмы.

Поиски, ради которых я пустился в плавание через Атлантику, оказались успешными. Я «добрался до Китая»...»

Коуз пишет здесь о Китае фигурально, но фактически пророчит себе новое, будущее направление поисков. Прошло ещё двадцать лет. Россия давно перестала быть экономической головоломкой. Китай безудержно рос уже четверть века. И старт новому, последнему плаванию Рональда Коуза, этого экономического Магеллана, был дан Чикагской конференцией 2008 года «China's Economic Transformation».

Сам Магеллан, как известно, не вернулся из триумфального кругосветного путешествия через Америку и Китай. Коуз доплыл. В 2012 году, на сто втором году жизни, он участвовал в презентации своей книги «Как Китай стал капиталистическим». В ней угаданы ключи к головоломке китайского роста.

Китай продолжает именовать себя коммунистическим и марксистским, но по-настоящему никто из китайских руководителей Маркса, похоже, не читал. Теоретическим обоснованием китайской модели марксизм был только на словах (опускаю здесь тему, какова связь марксизма с подлинным Марксом). Когда китайскому руководству понадобилось концептуальное обоснование хозяйственных реформ, идеологи партии, перепрыгнув Маркса, обратились непосредственно к Адаму Смиту.

Если представить себе золотую монету с профилями классиков, то на китайской вместо Маркса – Энгельса – Ленина мы увидели бы Конфуция, Адама Смита и Дэн Сяопина.

В 2004 году в Китае был опубликован новый, уже четвёртый перевод книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Авторы перевода сокрушаются о том, что современные экономисты недооценивают другой труд Адама Смита – «Теорию нравственных чувств». Это привело, по их мнению, к одностороннему пониманию идей шотландского экономиста и, хуже того, к оскудению экономической теории. В Китае Смита читают и уважают как автора обеих книг. «Исследование о природе и причинах богатства народов», кстати, ещё при жизни Смита издавалось пять раз, а «Теория нравственных чувств» – шесть. (Для справки: её первый и единственный русский перевод был сделан полтора века назад и переиздавался в 1895 и 1997 гг.)

В интервью редактору Financial Times 2 февраля 2009 года тогдашний премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао сказал: «Мы стремимся создать такое общество, в котором будет равенство и справедливость, в котором люди смогут получить всестороннее развитие в атмосфере свободы и равноправия. Вот почему я так люблю книгу Адама Смита «Теория нравственных чувств».

28 февраля 2009 года Вэнь Цзябао поделился с китайскими интернет-пользователями своим пониманием теории Адама Смита: по его словам, великий экономист считал, что в работе хозяйственной системы присутствуют две «невидимых руки» – рука рынка и рука морали.

Не хочу сказать, что это какая-то диковина, ориентальная странность. Ровно наоборот: авторы книги «Как Китай стал капиталистическим» полагают, что Китай – нормальная страна, в которой вопросы ценностей решаются параллельно с вопросами использования полезных навыков невидимой руки рынка, поэтому теоретическое наследие Адама Смита воспринято здесь не выборочно, а органично.

Адам Смит был целостным, гармоничным человеком, подлинным учёным. Он конструировал идеальные модели как частные инструменты познания реального обществ, пульс которого чувствовал как современник. Первое издание «Теории нравственных чувств» увидело свет в 1759 году, «Исследование о природе и причинах богатства народов» опубликовано в 1776. Обе книги прижизненно переведены и изданы во Франции и Германии. Так что Жозеф Кюньо, который построил свою «огненную телегу» как раз в промежутке этого «междукнижия», в 1769 году, теоретически мог бы прочитать оба трактата.

ДАО СОБСТВЕННОСТИ

Вкратце расскажу о нескольких важных сторонах жизни современного китайского общества, затронутых в последней книге Рональда Коуза и его коллег.

После событий, связанных с разрушением Советского Союза, в новорусском истеблишменте утвердилась сильно упрощённая идеологема «правового государства». В соответствие с ней политический класс не должен быть вовлечен в хозяйственную деятельность, наоборот, его нужно от нее радикально отделить. Его задача – сформировать правовую оболочку, в первую очередь систему законодательного регулирования, которая создаст для бизнеса рациональные, правильные условия конкуренции, максимально приближенные к тому, что описано в моделях современной экономической науки. А дальше – перейти в позицию ночного сторожа, который просыпается только если ему доносят о выходе рыночных агентов за рамки, очерченные законом. Если же политический класс проявляет любую иную активность – это уже какие-то отклонения, родимые пятна социализма или, того гляди, коррупция.

Перед нами игрушечная модель «запада» до появления Impact Investing (оставим сейчас в стороне вопрос, что само это появление было вызвано кризисной необходимостью восполнить зияющие пустоты модели). В ней предусмотрены только два способа решения социальных проблем: рыночный и бюджетный. Бизнес наживает прибыль на производстве товаров и услуг, откупаясь от прочих проблем и мирских забот налогами. Государство, на которое он перекладывает указанные заботы, организует бюджетные заведения для их решения. Есть, правда, ещё благотворительность, но она легко сводится к частному случаю той же модели: некоторые бизнесмены помимо обязательных налогов платят ещё добровольные; для их учёта и расходования государство создаёт дополнительные заведения, работающие по той же распределительной модели.

В структуре общества, о которой пишут авторы книги «Как Китай стал капиталистическим», разделение на «бизнесменов» и «чиновников» существует скорее номинально. И те, и другие, хотя и в разных формах, глубоко вовлечены в хозяйственную деятельность. С этой точки зрения они образуют некоторую социальную целостность, которая наследует тысячелетним традициям китайского правящего класса.

Изначально в центре китайских реформ находились малые предприятия местного, волостного и уездного уровня. Собственность таких предприятий в большинстве случаев является не частной, а кооперативной или муниципальной, но переданной в пользование

семьям местных жителей или акционерным обществам, созданным первоначально на семейной основе. Поддержка таких предприятий является главной обязанностью волостных и уездных чиновников. Их продвижение по службе, карьера, премии и т.д. зависят непосредственным образом от хозяйственных показателей этих предприятий и региона в целом.

Поэтому современный правящий класс Китая – это некоторая хозяйственно-административно-политическая целостность, чьи формы деятельности заполняют весь спектр – от чистого хозяйствования до чистого администрирования – по модели, напоминающей Impact Investing.

Далее. В модели «правового государства» предполагается, что современное государство должно специфицировать собственность, то есть установить базовые правила того, как собственность возникает, регистрируется, работает и переходит из рук в руки, после чего из этой сферы навсегда устраниться. Затем в отстроенное пустое здание должны войти законопослушные предприниматели, которые начнут работать по установленным правилам, а собственность – автоматически перетекать от менее к более эффективным в соответствии с теоремой Коуза.

В Китае нормативная унификация изначально была затруднительна уже хотя бы в силу тех колоссальных различий – социальных, экономических, этнических – которые существуют между его регионами.

Реформы в Китае начались с того, что был предоставлен простор для широкого спектра хозяйственных экспериментов на уровне волостей, уездов и целых провинций. Главная задача, которая при этом решалась – расширение спектра форм хозяйствования для местного населения, создание материальных, правовых, финансовых условий и мотивов для местного предпринимательства. Фактически речь идёт о программе поэтапной трансформации многомиллионной массы бесправных сельхозрабочих, живших впроголодь, в долевых собственников семейных и муниципальных предприятий.

Возникающая структура собственности характеризуется широким разнообразием. При этом партийно-государственные органы Китая не пытаются вогнать её в шаблон в угоду той или иной модели, а сознательно используют это разнообразие как один из ключевых ресурсов развития страны. Но это означает, что государство, вместо того, чтобы самоустраниться из хозяйственной сферы, является непременным участником многосторонних переговоров и торгов на всех уровнях по жизненным вопросам установления форм, границ, правил работы с собственностью. То есть государство не только не

ушло – оно является главным конструктором национальной системы собственности на всех этажах снизу-вверх, постоянно занимаясь её переопределением, модернизацией, совершенствованием и т.д.

РЫНОК СЧАСТЬЯ

Китай представляется экономическому блоку экспертного сообщества загадочным и непостижимым, его реалии никак не стыкуются с нашими представлениями об устройстве современного мира... Но беда-то в самих этих представлениях, подобных «географии» старика Хоттабыча: «Индия богата золотом, которое там день и ночь добывают золотоносные муравьи величиной почти с собаку. С севера и запада Индия граничит со страной, где проживают плешивые люди, и питаются эти удивительные люди сырой рыбой и древесными шишками...» Отечественные модели правильного общества восходят к боевой советской публицистике 80-х, канонизированной в сборнике «Иного не дано». Редактор Ю. Афанасьев ещё робко надеялся: «Пусть эта книга спустя, скажем, три-четыре года будет интересна только историкам, поскольку проблемы, в ней поставленные, будут отчасти решены, а отчасти потребуют новой постановки». Напрасные надежды. Укрывшись за кулисы коллективного бессознательного, ИНД три десятилетия остаётся безальтернативной, сакральной книгой российских реформ, попутно замещая и вытесняя картину реального мира.

Книгу «How China became capitalist?», в отличие от «Книги чудес света» Марко Поло стоит воспринимать как попытку описания устройства нормального современного общества, вероятно, более близкого к «среднестатистическому», чем Америка и Россия. Это зеркало мейнстрима – правда, зеркало западного производства.

Припоминаю аршинный заголовок из Financial Times: Китай строит не рынок, Китай строит счастье. Нам, страдающим от заворота мозгов, это кажется демагогией, мы-то знаем, что китайцы циничны и знай себе зарабатывают деньги. Да, они циничны, они умеют зарабатывать, но как общество в целом они технологично ориентированы на это самое счастье, которое на первых этапах может выглядеть как параметрическая модель, движение от «железной чашки риса» через строительство жилья, здравоохранение, образование – то есть напоминает программу КПСС 1962 года. Но у китайцев явно имеется конструктивный, инженерный образ счастья: «снизу» оно имеет материальное воплощение в наборе конкретных ориентиров, которые общество ставит перед хозяйствующими субъектами, а «сверху» соприкасается с ценностями, моралью, идеалами. А со-

циальный смысл этого движения к счастью – неуклонное придание большинству населения качеств собственника: компетенций, мотиваций, технологий и доступа к ресурсам, но главное – включённости в многоэтажную и многослойную структуру отношений и контрактов общественной собственности.

Страна собственников учится управлять своей производительностью, своим хозяйственным ростом. Страна бюджетников виртуозно манипулирует бюджетом, сидя на бочке с порохом.

К сожалению, больше нет времени продолжать важнейшую китайскую тему. Обещаю к ней ещё вернуться. А сейчас готов кратко ответить на вопросы.

Вопрос. Правильно ли я понял, что принцип бизнеса, который ведется в Китае, это и есть тот самый Impact Investing?

Чернышев. Да, в этом смысле Китай – общество, которое фактически учится жить в парадигме Impact Investing. Вторая книга Адам Смита, где среди прочего рисуется идеализированная модель децентрализованного саморегулирования, ближе к идее абстрактного бизнеса, движимого чистой стоимостью (cost), не окрашенной социальными ценностями (values). Первая же книга Смита тяготеет к противоположному полюсу, где абстрактно расцветают социальные ценности моральности, справедливости и стабильности – но сами по себе они, увы, затратны. А в реальном жизненном пространстве между абстрактными полюсами возникает целый спектр видов деятельности, где люди практически мотивируются обеими парадигмами из двух книжек Адама Смита. В Китае они издаются под одной обложкой, уже вышло несколько изданий массовым тиражом, они продаются во всех книжных магазинах, изучаются, их пропагандируют первые лица государства.

Китайский секрет – про то, как возможно зарабатывать большие деньги на реализации ценностей социальной стабильности, моральности и счастья.

[Ответы на вопросы]

ТРЕТЬЯ БУРЖУАЗНАЯ ЛЖЕНАУКА

Наконец-то мы добрались и до блокчейна. Точнее – вспомним притчу об «огненной телеге» Кюньо – до нового класса технологий, появление которых он предзнаменует. Известно, что новые технологии имеют вредную привычку возникать на обочинах прогресса и

по случайному поводу. Порох и ракеты, говорят, использовались в древнем Китае в фейерверках для развлечения императоров. Мотивация первопроходцев блокчейна тоже имеет вполне подростковый характер, а всю гениальность этого изобретения обществу ещё только предстоит осознавать долгие годы.

О простых вещах приходится говорить просто. Прибегну к инструменту аналогии.

Все мы знаем, что существует «энергетика» – «область хозяйственно-экономической деятельности человека» (согласно Wiki), связанная с «энергией». Тут всё ведь понятно, правда? Нормальный человек типа меня или любого кроманьонца, привыкший к наглядным сущностям, которые можно потрогать руками – птица летит, вода течет, камень падает – по наивности полагает, что люди, именуемые «энергетиками», занимаются тем, что извлекают сущность под названием «энергия» из окружающего мира, затем ее преобразуют из одной формы в другую, затем накапливают, и наконец, куда-то ее передают. Вот базовые функции: извлечь, преобразовать, сохранить, передать.

Мы, кроманьонцы, думаем, что «энергия» – субстанция, существующая в природе, она светится, гудит, течёт по проводам, как вода по трубе... Философ, конечно, сказал бы, что это антропоморфное представление, а физик пояснил, что энергия – математическая абстракция, *отношение на множестве* сил и тел природы, отражающее возможность с их помощью произвести *нужную человеку работу*. Поток воды «несёт энергию» не сам по себе, а человеку, точнее, людям, если эти люди способны делать водяные колёса из дерева, мельничные жернова из камней, огонь из хвороста, хлеб из злаков, и комбинировать эти способности определённым образом. В противном случае автор заявления «поток несёт энергию» несёт околесицу.

Тем не менее, благодаря журналистам все привыкли так думать и выражаться. Давно возник, распространился и утвердился современный мифологический мир людей, которые как бы понимают, что такое энергия, и в подобных терминах рассуждают. Они покупают энергию (в ЖКХ) и продают (батарейки в магазине), приходя домой, нажимают на выключатель – и загорается свет, закипает чайник, это такая же часть жизни, как для неолитического человека домашние животные. Домашние «энергетические машины», потребляя энергию, изменяют состояние вещей обихода (изготовленных ранее с помощью других машин), делая их более теплыми (подогрев пола), более чистыми (стиральная машина), более вкусными (микроволновка), более гладкими (утюг), более прохладными (кондиционер)...

В середине прошлого века, три поколения назад стала на глазах у всех возникать совершенно новая сфера деятельности, «буржуазная лженаука» и практика, одно из названий которой – информатика. Наряду с машинами в обычном смысле слова появились невиданные – «вычислительные», которые не сеют, не греют и не куют. И с тех пор все давно привыкли к тому, что есть ещё одна понятная субстанция – «информация», которая вроде бы тоже то ли течёт по проводам (телеграфным) то ли плывёт по радиоволнам, и если не светится, то уж, во всяком случае, мигает или попискивает, как морзянка радистки Кэт. Помню, учась на Физтехе, как последний идиот я осилил полсотни псевдофилософских опусов, пытаясь понять, что же такое информация, и даже ходил на специальный семинар, который у нас вел незабвенный Леонид Аврамиевич Петрушенко, автор трех философских книг на тему принципа обратной связи. Но мы, простые кроманьонцы, не заморачиваемся глупыми вопросами, где там внутри кирпича скрыто побулькивают присущие ему информация и энергия. Главное – что инженеры от IT умеют делать с информацией ровно то же самое, что энергетики с энергией: извлекать, преобразовывать, накапливать и передавать. И в повседневной жизни уже практически любой обыватель, не задумываясь о «природе информации», извлекает из сайта подкаст, записывает на флешку и транслирует в свои наушники.

Таким образом, возникло два класса технологий, два типа машин – по работе с энергией и с информацией, они получили метки Hard и Soft. Soft-машина человеческому глазу невидима, она всегда натянута на специальную Hard-основу, носитель, который, собственно, и доступен для органов чувств. Если бы моей бабушке, которая не дожила до компьютеров, показать ноутбук, она решила бы, что это электровафельница. Но вместо того, чтобы выдавать на-гора горячие вафли, на которых отпечаталась рифлёная поверхность клавиатуры QWERTY, ноутбук выводит на экран несъедобные, но значимые светящиеся символы – носители информации.

Так что же такое блокчейн – в частности, и распределённые реестры – вообще?

Нам выпало присутствовать при рождении нового, третьего типа технологий для новой «области хозяйственно-экономической деятельности человека». Её агенты занимаются тем, что извлекают из окружающего мира новую (ой ли?) сущность под названием «стоимость», затем ее преобразуют из одной формы в другую, затем накапливают, и наконец, передают куда следует.

Собственно, агенты, по факту занятые производством добавленной стоимости, существуют и действуют давно. Только вот действовали они голыми руками (и мозгами) а предмет их усилий имел

умозрительный, виртуальный характер, и в таком качестве был не технологизирован, недоступен для машин. Теперь пробил их час.

Распределённый реестр сам по себе не является машиной третьего типа – он «всего лишь» носитель, Soft-основа для неё – по аналогии с ноутбуком в роли Hard-основы для IT. Блокчейн перестаёт быть только частной, экзотической разновидностью IT-продуктов именно с момента, когда он становится носителем для Fintech-платформ – собственно экономических, стоимостных машин третьего уровня (по отношению к Hard и Soft). Обозначим этот уровень технологии меткой Intangible.

Для обозначения соответствующей профессии, к сожалению, пока нет слова, подобного «энергетике» и «информатике», но можно временно, по аналогии, поименовать её «стоиматикой». У неё те же базовые функции: извлекать, преобразовывать, сохранять, передавать – на сей раз стоимость.

Конечно, можно чисто философски, образно представить себе, что бизнесмен на рынке якобы тоже накапливает, преобразует и передает куда-то в офшор субстанцию «стоимость». Но до момента появления блокчейна это было не более чем метафорой или умствованием заболтавшегося профессора – а по факту предметом усилий были деньги, чисто конкретное бабло.

При посредстве распределённых реестров род людской изловчился ущучить, опредметить, сделать зримой, доступной и наглядной математическую абстракцию «стоимости», которая теперь обречена разделить ту же участь, что и «энергия» с «информацией». По мере развития разнообразных финтех-платформ она станет частью повседневного мира человека: каждый подросток будет не только знать, но и видеть: вот его электронный кошелек, а в нём накапливается принадлежащая ему стоимость, которую он с друзьями настрогал с помощью финансовых платформ, и в любой момент он может поделиться ею с другом в общем проекте, или перекачать в арендуемый сектор облачной ICO-платформы, пользуясь проводами или лучами WiFi. То, что подросток будет наблюдать в визуальном поле своего финтех-интерфейса – это уже не просто символы, а символически отображаемые «койны». Для некоторых избранных это уже сегодня превращается в такую же рутинную часть мира, как водопровод или Google-диск.

Глубокий экономический кризис 2008 года, едва не приведший западную финансовую систему к краху, породил её иммунный ответ: волну революции экономических технологий. Молния перерубила ствол; но пробивающиеся новые ветви – здесь речь о трёх – уже формируют новую крону.

КОНСОРЦИУМ ЛИКВИДАТОРОВ

Теперь – несколько слов про то, что происходит сейчас с блокчейном на Западе. Во что превратилось светлое, чистое начинание идеалиста Накамото?

Вот фотография некоего господина Раттера (Rutter), первое и единственное его изображение, которое Google находил осенью 2015 года. По стилистике очень напоминает черно-белое советское фото на документы 3х4 с уголком. У корня rut есть два интересных переводных значения. Первое – это «колдобина, колея», а второе – «половое возбуждение». Это человек был совершенно не известен поисковику Google до сентября прошлого[1] года. В сентябре из небытия возник консорциум R3, и едва возникнув, чудесным образом обзавёлся развесистой статьёй в Википедии. Из неё выяснялось: группа из девяти ведущих финансовых учреждений во главе со всё теми же Goldman Sachs и Morgan Stanley, уцелевшими погорельцами 2008 года, учредила небольшой стартапчик во главе с этим гражданином, задачей которого являлась разработка единого стандарта распределённых реестров, который будет положен в основу совместной деятельности банков-учредителей. За пару месяцев эта группа девяти с космической скоростью разбухла в консорциум из сорока с лишним крупнейших финансовых структур США, Европы и Азии (за исключением Китая и России). В ноябре Google с трудом находил в сети куцее жизнеописание господина Раттера в пару десятков строчек, которое затем буквально на глазах стало тучнеть, наливаться соками и обрастать всплывающими подробностями о былых трудовых свершениях.

Ну а дальше ежемесячно стали появляться сообщения, что консорциум R3 проводит тестирование совместной межбанковской платформы. Кому и зачем она нужна?

Как разъяснил широким массам Греф, над банками нависла смертельная угроза в виде нового поколения интернет-сервисов, открытых платформ, которые делают функционально то же, что делали банки, только дешевле и быстрее. Например, Lending Club. Открываем их сайт и читаем, что это крупнейшая в мире онлайновая торговая площадка, соединяющая тех, кто хочет пустить в дело лишние деньги, и тех, кому нужно взять деньги в долг. Они говорят о себе: «Мы трансформируем банковскую систему для того, чтобы сделать кредит более подъемным и инвестирование более выгодным».

Можно по-разному смотреть на то, зачем создан консорциум R3, но, в частности, и для борьбы против этой угрозы. Только вряд ли они будут с ней бороться путем подкидывания ядовитых бутербро-

[1] Т.е. 2015 г.

дов в Landing Club – наоборот, они собираются возглавить это движение. Думаю, они будут просто «выворачиваться наизнанку». Что это значит? Внутри каждого банка находятся различного сорта финансовые сервисы. Сегодня эти сервисы представляют собой многолюдные подразделения, департаменты, службы, в меру оснащённые какими-то компьютерными системами, также к их работе привлечены внешние партнёры и посредники – нотариальные конторы, регистрационные палаты, депозитарии... И всех их приходится кормить за счёт тех, кто с одной стороны желает дать кредит, и тех, кто с другой стороны желает взять.

Банки будут внутри себя заменять это громоздкое хозяйство все более дешевыми и эффективными платформами, а затем выносить их «наружу», открывать в виртуальном пространстве, и на этом зарабатывать гораздо больше, чем сейчас. Банковская форма кредитования в существующем виде малодоступна для большинства, потому что несет в себе колоссальные трансакционные издержки. В этом смысле консорциум R3 будет заниматься на практике ровно тем, что в теории провозгласил Коуз: снимать трансакционные издержки классической банковской деятельности, поглощать её и тем самым конструктивно уничтожать. Но в первую очередь банки-участники консорциума будут снижать собственные издержки, заменяя свои громоздкие сервисы и продукты на компактные платформы, выполняющие ту же функцию для тех же клиентов – и на благо, заметим, тех же собственников. Правда, при этом не избежать массовых увольнений банковских клерков...

НЕПРИШИВАЕМЫЕ РУКАВА БЛОКЧЕЙНА

Как будет развиваться конкуренция участников консорциума? Если бы эти банки были безмозглыми, каждый из них взялся бы разработать свой уникальный вариант распределённого реестра и потом навязать его в качестве стандарта всем остальным. Победитель в этой схватке чисто теоретически заработал бы половину мировых денег. Но это очень рискованно. Поэтому они решили, что первый этап этой деятельности пройдут совместно, и на нём никто не проиграет. Пользуясь той же аналогией, они сообща разработают единые стандарты энергетики: напряжение 220 вольт, одинаковые сети и трансформаторы, выключатели, штепсели, розетки, аккумуляторы и прочее. А вот дальше участники пустятся во все тяжкие, и каждый будет изобретать для конечных потребителей финансовые

кофемолки, посудомойки, холодильники, пылесосы, телевизоры и прочие прикладные платформы, которые можно будет втыкать в общую сеть-реестр.

Эта линия предпринимательского фронта от уровня простейших кредитно-депозитных платформ станет продвигаться все дальше вглубь пространства экономических трансакций. Например, на каком-то этапе начнётся платформизация систем работы с малым бизнесом типа той, которая разработана за полвека и воплощена в системе SBA (Small Business Administration) в США. В ней лица (физические и юридические), которые пришли за деньгами, – это уже не покупатели авто в кредит, а руководители проектов, и тогда понадобится их стандартизация. А при наличии платформ проектной стандартизации начнут разрабатываться такие развитые формы финансовых технологий, как виртуальные корпорации, которые управляют, например, потоками предпринимательских проектов, используя технологии типа Project Finance и Impact Investing. Тогда будет понятно, что информационная технология им нужна конкретно для того, чтобы оптимизировать параллельное осуществление пучка предпринимательских проектов, между которыми существует конкуренция или конфликты по поводу тех или иных дефицитных ресурсов. И тогда возникнет широчайшее поле для практического использования всего спектра оптимизационных моделей, которые пока болтаются как не пришей – сами знаете к чему – рукав.

Дальше это движение постепенно дойдёт до всех институтов и трансакций распределения: до корпоративных систем управления, федеральных целевых программ, особых экономических зон, кластеров и т.п.; а в дальнейшем – и до трансакций собственно производства.

Но прежде чем устремляться мыслью в глубины и высоты, давайте поймём одну простую вещь.

На каждом из этапов разработки новых финтех-платформ в качестве их Soft-носителя будет требоваться распределённый реестр, рассчитанный на конкретную ограниченную группу собственников-пользователей и конкретный набор типов специфических контрактов между ними. Конечно, по мере развития экономических технологий группы пользователей будут расширяться, а спектр контрактов – усложняться. Но супер-реестр, предназначенный информировать каждое разумное существо во вселенной обо всех контрактах между всеми населяющими её носителями разума, не понадобится никому и никогда. Напротив, разработчикам межкорпоративного реестра из R3 явно не поздоровилось бы, если бы в компьютере Васи Пупкина обнаружились блоки финансовых операций между Goldman Sachs и Morgan Stanley...

Излишне говорить, что распределённый реестр, рассчитанный на ограниченную группу собственников и конкретный набор типов контрактов между ними, совершенно не нуждается для своей реализации в феерической машине майнинга.

ТОКЕНЫ ХАРОНА И ЗАДРОТЫ МАЙНИНГА

Финтех-платформы, уничтожающие банки (слово «цифровизация» политкорректно маскирует циничную суть) следующим ходом уничтожат и деньги. Деньги и всё, что с ними связано, с институциональной точки зрения – чистая трансакция, чреватая издержками, рисками и неопределённостями. «Цифровые деньги» отличаются от обычных ещё фундаментальнее, чем электронная почта – от Королевской почты Великобритании, не ищите на Gmail сургуча, конвертов и почтовых рожков. «Цифровые деньги» – внутренний функциональный блок стоимостной технологии многостороннего клиринга, снимающей денежные трансакции.

Азбучные истины иногда звучат кощунственно, но увы: биткойн – не деньги. Он – то, во что деньги превращаются в пост-рыночном зазеркалье, в своём потустороннем существовании. Харон на том берегу Стикса идёт в цифрообменник и конвертирует покойницкие оболы в токены.

До эпохи финтеха эмиссия бумажных денег обеспечивалась товарной массой. Древние деньги сами были товаром. Товар как сущность был первичен.

В новой эпохе проектного соинвестирования первичен проект. Так называемые «цифровые деньги» – подсистема технологии взаиморасчётов между участниками проекта. Публичное учреждение, «эмиссия» самого проекта автоматически подразумевает эмиссию проектных токенов как внутренний момент – просто по определению. Точнее, разных типов токенов – по числу разновидностей институциональных «специфических контрактов» (термин Уильямсона).

В частности, поставщик кирпича для нужд проекта, принимая решение войти в проектную команду и перейти от продаж к соинвестированию, получает по этому контракту «инвестиционные койны», которые после завершения проекта должны стоить дороже дисконтированной суммы продаж. Партнёры в проекте, покупая и продавая в своём кругу проектные доли и активы, обмениваются «расчётными койнами». Входящие в проект внешние покупатели, приобретая долю в проекте, получают «правоустанавливающие койны», выполняющие, грубо говоря, ту же функцию, что свиде-

тельство долевой собственности на жильё. Для приверженцев деревенских карго-культов можно символически воплощать и первые, и вторые, и третьи хоть в стеклянные бусы, хоть в монетообразные колёсики с символом полюбившихся криптобабок.

Но всё это, повторяю, при одном условии: что есть проект, имеющий экономическое содержание, то есть создающий новую стоимость – незримую (Intangible) ткань и плоть всех и всяческих койнов.

Исходная модель сатоши-блокчейна представляла экономику как неограниченную во времени и пространстве сеть контрактов, сбиваемых в блоки, для которых биткойн выполняет роль свидетельства и меры перехода стоимости. Но пока над этой сетью не задана управляющая экономическая платформа, в которой воплощено проектное ноу-хау создания добавленной стоимости – сеть сама по себе не производит никакой стоимости (разве что в качестве случайной флуктуации она может образоваться в отдельных фрагментах сети, в то время как другие будут локально убыточны).

Для того, чтобы эмиссия мировой криптовалюты приобрела экономический смысл, человечество предварительно должно объединиться рамкой хотя бы одного глобального и прибыльного проекта. Вне такой рамки все криптоэмиссии пребудут тем, чем изначально являются: азартной внеэкономической игрой, где игроки, которым улыбнулась удача, обменивают игрушечные фишки на трудовые сбережения лузеров.

Что касается национальных криптовалют – прообраз как минимум одной из них уже существовал и немалое время успешно работал. Это сталинский рубль – советский токен, обслуживавший проект «построения социализма в отдельно взятой стране». До конца 60-х «красный проект» был вполне жизнеспособным, но затем его контуры стали оплывать. Период пресловутого застоя – идейный инсульт, отчаянные попытки заменить планово-расчётное обеспечение деревенеющего рубля классическим товарным. Товаров не хватило, да и не могло хватить – попробуйте отоварить гигантскую массу виртуальных деривативов!

Сегодня глобальная экономика обременена прожорливой отраслью майнерства. Человечеству, конечно, не впервой нести подобное бремя – одни лишь первомайские демонстрации, к примеру, чего стоили! Но задроты майнинга, щедро рассеивая чужую и свою энергию, не производят добавленной стоимости. Голландская болезнь мастурбирования с тюльпанными луковицами, по меньшей мере, была экологичнее.

Вопросы?

[Ответы на вопросы]

Предпоследние вопросы

Вопрос. Ваша лекция начиналась с того, как рождается Impact Investing, заканчивается тем, что мы обсуждаем блокчейн, развитие финансовых технологий. Могли ли они развиваться независимо?

Чернышев. А они и так развивались поначалу независимо. Идеология и практика Shared Value тоже сперва развивалась независимо. И только сейчас все три свиваются в единый жгут.

Как реализуется парадигма Shared Value в Китае? Государство от имени общества участвует в управлении любой собственностью таким образом, чтобы приводить это управление в соответствие с принципами социальной нравственности, которым посвящена книга Адама Смита.

И на деле мы видим, как китайское общество шаг за шагом вовлекается в сознательное конструирование собственности, где собственники фактически уже давно работают в парадигме Impact Investing. В результате там уже нет «чистых бизнесменов», «чистого государства», «чистых благотворителей», а граждане, фирмы, корпорации, ведомства распределены по всему спектру ролей проектных соинвесторов в зависимости от сути проблемы и конкретной конфигурации трансакций.

Что до технологий... Недавно представители китайского центробанка сообщили, что занимаются «блокчейном» с 2014 года, пытаются создать собственную цифровую валюту «как можно скорее». Они, в частности, заявили: «Цифровые валюты обходятся гораздо дешевле в обороте, чем традиционные фиатные деньги, способствуют развитию торговли, повышают прозрачность сделок и сокращают риски отмывания денег и уклонения от налогов. Использование цифровой валюты поможет построить новую финансовую инфраструктуру, укрепить платежную систему Китая, повысить эффективность взаиморасчетов и ускорить модернизацию экономики». Примечательно, что в отчете, опубликованном на официальном сайте НБК, биткойн не упоминается ни разу.

Думаю, превращение в цифровалюту первым начнёт юань, а не доллар. По крайней мере все шансы есть.

Вопрос. Что нам делать со всей этой информацией, если это все не касается России?

Чернышев. Отличный вопрос. На него есть как минимум два ответа – тупой и острый.

Тупой уже приходилось давать неоднократно. Забудем про человеческий капитал, социокультурный потенциал, оборонный комплекс и прочие высокие материи – и тупо рассмотрим суверенную территорию РФ как простую совокупность сопряжённых с нею ре-

сурсов (месторождения, сельхозугодья, леса и прочие биоресурсы, чистая вода, возобновляемые источники энергии, транспортные коридоры, трудоспособное население). Тупо поделим объём ВВП на площадь страны. Убедимся, что уровень удельной производительности всего хозяйства РФ отстаёт от среднемирового в четыре раза. Причём, как легко убедиться, решающий вклад в этот провал вносит вовсе не пресловутый «труд», а сверхнизкая капитализация. Так вот, если обеспечить экстенсивный рост российской производительности всего лишь до среднемирового уровня – грубо говоря, до уровня Туниса – в результате весь мировой ВВП прирастёт аж на 20%. Россия является крупнейшим в мире «месторождением» (или, если угодно, «заповедником») некапитализированных ресурсов. Не сомневайтесь, за ними придут. И скорее всего, не злые оккупанты, а улыбчивые носители новых экономических технологий. Как-никак «преобразующее инвестирование» – прежде всего технологии капитализации. Одно из трёх: либо мы возглавим этот процесс, либо примем посильное участие, либо будем наблюдать за ним из окон комфортной резервации.

Вторая часть ответа. Еще недавно наши сограждане числились носителями самобытной русско-советской идентичности: в ушанках и валенках сидели до рассвета на коммунальной кухне, распивая водку и толкуя о смысле жизни, о Достоевском и Бродском. Теперь многие из них, а также их дети, переобув валенки, подались на Запад и на Восток, где оказались вполне состоятельны и функциональны, и сверх того весьма креативны, в том числе в сфере современных технологий. Часть из них возвращается, многие работают «вахтовым способом» и живут на два дома. И самое удивительное – страна, несмотря на все передряги, продолжает производить на свет аномально творческих людей в промышленных масштабах.

Россия такое место, где – какие бы платформы завтра на глобальном финансовом рынке ни возникли, – наши люди в состоянии предвидеть и продумать следующий шаг в развитии, это точно. Мы – страна прирождённых инженеров-изобретателей; осталось распространить эту компетенцию на инжиниринг современных стоимостных технологий. Еще не вечер.

В чем новизна момента, который мы переживаем? В том же роковом сентябре 2008 года, вокруг которого вращалось наше изложение, в журнале «Эксперт» был опубликован (простите за нескромность) текст «За однополярным кругом». Там речь о том, что мир вступил в новый, третий круг технологической гонки, что эпицентр борьбы за мировое лидерство, пройдя через сферу энергетических технологий, а затем информационных, переносится теперь в

качественно новую сферу технологий стоимостных (экономических, финансовых). «Но в разряде финансовых технологий мы провалили главный экзамен века и в итоге были отчислены. Одно это уже обрекает страну на гибель. Американская финансовая система стала играющим судьей и абсолютным лидером мирового первенства. Покуда это так, прочие обречены на прозябание в однополярном круге. Наша независимость под угрозой. Новая Россия выживет, только обретя финансовый суверенитет».

Как отреагировало читающее общество? Естественно, забило болт.

На протяжении последовавшего десятилетия – к счастью ли, к несчастью – у нас не только перед носом, но и по периметру границ во всей красе разворачивается грандиозный «Манхэттенский проект 3.0». Новые классы экономических технологий разрабатываются, испытываются, обретают звучные имена, информация переполняет открытые источники. Надеюсь, это поможет достучаться до отечества, задремавшего под набатный колокол, с погремушкой никчёмного блокчейна в руках.

Время платформ

2018–2021

Письма о техноэкономике
Невидимая рука Левиафана
Пролог в эпилоге
К новой производительности

ПИСЬМА О ТЕХНОЭКОНОМИКЕ

1. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МИРОХОЗЯЙСТВА

Цзы Лу спросил: «Учитель, Вэйский правитель намеревается привлечь Вас к управлению государством. С чего Вы намерены начать»?

Конфуций ответил: «Необходимо начать с исправления имен».

Цзы Лу спросил: «Вы начинаете издалека. Зачем нужно исправлять имена?»

Учитель сказал: «Ты невежда! Если имя неправильно, слово не соответствует делу. Если слово не соответствует делу, дело не осуществится. Если дело не осуществляется, ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородному мужу необходимо давать правильные имена и правильно осуществлять слова, поэтому в словах не должно быть ничего неопределённого».

«Лунь юй», глава Цзы Лу

Наименование «цифровая экономика» бессодержательно. С таким же успехом цифровую вычислительную машину можно называть «электрической». Верно, но от утюга её отличает не это. Цифровые технологии играют важную роль опоры для преобразований в современной экономике – но не они определяют её суть.

Современная экономика по сути фронтовая: её разделяет *фронт трансформации*, фронт продвижения волны технологий принципиально нового типа – экономических, стоимостных, финансовых технологий.

По одну сторону линии фронта – *старая экономика трансакций*, где отношения обмена товарами обеспечивает невидимая рука рынка, обременяя свойственными ей издержками: затратами, рисками и неопределённостями. По другую сторону фронта трансформации – *новая экономика платформ*, где отношения обмена доступами к активам обеспечивают *финансовые технологии, служащие для поэтапного снятия трансакций*.

Цифровые технологии распределённых реестров сами по себе не производят добавленной стоимости. Но они образуют необходимый слой носителей для финтех-платформ – подобно тому, как в IT слой hard является носителем для soft. Фронт трансформации прорывается и продвигается там и тогда, где и когда создаётся чистая добавленная стоимость – превышение объёма снимаемых трансакционных издержек над затратами на разработку и поддержание снимающих платформ.

Техноэкономика – новая реальность мирохозяйственной системы. Это качественно иной предмет познания, исследования и конструирования, исторический вызов для научного мира, для экспертного сообщества, для корпуса социальной инженерии.

Научное познание техноэкономики – прежде всего изучение институционального пространства трансакций.

Экспертиза техноэкономики – картирование конкретной конфигурации и величин национальных, региональных, отраслевых трансакционных издержек.

Конструирование тела техноэкономики – проектирование, создание и поддержание платформ, используемых для извлечения, накопления, преобразования и передачи стоимости.

Нынешнее положение страны – глубокая периферия экономики трансакций. Достойное место для страны – фронт трансформации техноэкономики. Шанс для страны – стать арсеналом, штабом и авангардом наступления экономики платформ.

2. ВРЕМЯ ИСПРАВЛЯТЬ ИМЕНА

Конфуций сказал:
«Не имеющий дальних помышлений обрекает себя на близкие беды».

«Лунь юй», глава Вэй лин-гун

Страна больна. Болезнь опасно затянулась. Для исцеления нужен точный диагноз, мобилизация сил, конструктивные меры, современные технологии.

За выход из кризисов обновления общество платит прямыми людскими и ресурсными потерями, но сверх того – разрывами социальной ткани, примитивизацией всего организма, социокультурной деградацией. Российский инсульт рубежа миллениумов не стал исключением.

Советский Союз к периоду застоя уже был сложноорганизованным обществом со вполне современной системой институтов. Правда, ведущие позиции в социальной пьесе занимали никудышные актёры. В роли правящей «партии нового типа» подвизалась склеротичная КПСС, функция стратегического планирования выполнялась неадекватными методами Госплана.

Но апельсиновая революция 91-го года, наивно веруя в добродетельность невидимой руки, вместо обновления актерского состава снесла сами роли. В реформированном спектакле «Гамлет» должность принца датского конституционно упразднена, его возлюбленная поживает в старых девах, по пустой сцене слоняется призрак бездетного отца.

Русский язык, доставшийся в наследство от СССР, страдал пробелами, слепыми пятнами и табуированными зонами, был замусорен пропагандой и архаикой. Однако и под идеологическим бременем, и под гнётом репрессий все советские годы подспудно протекало «исправление имён», не прерывался общественный диалог, поиск форм будущего, а правящая социальная страта – не всегда по своей воле – выполняла роль арбитра.

В современной РФ на месте упразднённых институтов самообновления, необходимых любому жизнеспособному обществу, сплошь зияют дыры. Практически начисто отсутствует система поиска, отбора, обсуждения, согласования, конкретизации и воплощения социально-значимых идей. Сам русский дискурс, в котором это было бы возможно, деградировал. Для писем из будущего попросту нет адресата. Безъязыкая и безымянная моно-власть мечется между порождаемыми ею муляжами государства, бизнеса и общества, ей не с кем обсудить собственные проблемы и заблуждения.

Четверть века назад, весной 1993 года, пробился на свет росток проекта «ИНОЕ. Хрестоматия нового российского самосознания». Была предпринята попытка учредить площадку именования, обзора и соотнесения самодостаточных концепций социальной модернизации. Этот толчок стал возможным в контексте независимых, но взаимосвязанных подвижек в сферах общественного самоопределения, сетевой культурной революции, подготовки предпринимателей, практической политологии – среди них клуб «Гуманус» и аналитический центр «ГРУППА БЕССМЕРТНЫХ», Фонд эффективной

политики, Русский институт, Русский журнал и сеть его дочерних инициатив в интернете, Комитет по встрече третьего тысячелетия, Центр корпоративного предпринимательства, Гражданский форум 2001 года, программа «Тысяча предпринимательских кадров», Управляющая компания №1 – и ряд иных проектов. Каждый из них, потерпев плодотворное поражение, оставил зарубку на российской пустоте, сделав её контуры чуть более зримыми. Но к концу прошлого десятилетия инициатива захлебнулась.

В 2008 году Америка едва не сползла в трясину сродни той, что утянула СССР, и по сей день балансирует у края. Идёт напряжённый поиск ответов на исторический вызов. Среди находимых – новый хозяйственный мейнстрим «преобразующего инвестирования» (Impact/Social/Sustainable Investing), парадигма «совместной собственности» (Sharing Economy), идеологема «разделяемой ценности» (Shared/Blended Value). В Москве Рабочая группа по преобразующему инвестированию с 2013 года силилась привлечь внимание общества и государства к этим системным сдвигам, но они оказались непереводимы и неименуемы на русском в его нынешнем состоянии.

Тем временем мир, продолжая двигаться наощупь, начинает запоздало осознавать, что дожил до технологической революции иного, качественно нового типа. Грядёт третья волна *экономических технологий* (FinTech), наследующих энергетическим и информационным. Двуслойный пирог технологий Hard/Soft прирастает новым, третьим слоем – Intangible.

Сбывается пророчество полуторавековой давности: в наступающую эпоху новым предметом деятельности нового человека становится уже не производительность, образуемая актами производства, распределения и обмена, а *собственность*, её многослойная плоть *трансакций*. Современные технологии, на наших глазах приобретающие законченную форму – прежде всего технологии управления собственностью, машины для снятия трансакций.

До российской глубинки долетают лишь невнятные отголоски этих грандиозных сдвигов, блёстки и стразы пресловутых «криптовалют» и «блокчейна». В отсутствие современных собственников начинку чужих экономических машин потрошат и расковыривают любознательные айтишники, всё безнадёжнее запутывая себя и других.

Новое поколение технологических платформ несёт революционную трансформацию во все сферы профессиональной экономической и политической деятельности, обещает новый класс носителей для вывода на орбиту жизненно важных инициатив и проектов. Первые же образцы разнообразных социальных сетей, «маркетплейсов»,

платформ «краудфандинга» и «шеринга», инструментов «ICO» – при всех неизбежных издержках – наглядно демонстрируют возможности кратного роста общественной производительности, углубления интеграции при порядковом снижении пороговых затрат.

Пришло время для возобновления и перезапуска деятельности в парадигме программы «ИНОЕ», формирования в российском обществе системы современных институтов, технологий и платформ, призванных претворять конструктивные идеи в практику.

Пора переходить из полемических и лекционных клубов в лаборатории, конвертировать разговоры об инновациях и цифровизациях в алгоритмы работающих технологий. Курс конвертации обозначит цену старых и новых имён.

3. УНИЧТОЖЕНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

«Мое сердце переполняет радость, когда я думаю о тебе и твоем будущем. И все же я порою не в силах прогнать печальные, зловещие, вызывающие страх думы, когда, словно молния, вспыхивает в мозгу мысль: соответствует ли твое сердце твоему уму, твоим дарованиям?.. А так как в этом сердце явно царит демон, ниспосылаемый не всем людям, то какого он происхождения: небесного - или же он подобен демону Фауста?»

Генрих Маркс - сыну Карлу.
2 марта 1837 г.

«Идеи... которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, - это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им».

Карл Маркс. 15 октября 1842 г.

«Ведь демон, Вы знаете, не непременно бес, это среднее между богом и человеком: в этом смысле ангелы - демоны и олимпийские боги тоже демоны... Они ведь только уста, через которые вещает святой дух».

«Тут не только русские бесы, но демоны истории, перекликающиеся поверх формальной ткани событий».

Максимилиан Волошин. Из писем А. М. Петровой от 30.12.1917 г. и 19.01.1918 г.

7 декабря 1984 года состоялась встреча авторов «После коммунизма» с В.А. Медведевым, заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Она продолжалась пять часов. Заметную часть этого времени Вадим Андреевич провёл у шкафа с собранием сочинений Маркса и Энгельса, скрупулёзно сверяя подлинность и вникая в контекст каждой из предъявленных нами цитат по теме «уничтожения труда» как парадигмы современного общества. За стёклами его умных очков в импортной оправе угадывалась гамма по-человечески понятных чувств. Месяц назад из окна с видом на Кремль можно было видеть демонстрантов под официальным транспарантом «Владыкой мира станет труд».

«При всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, – всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор характера деятельности, устраняет труд...» (Первая глава «Немецкой идеологии», новое издание, стр. 31-32).

«Превращение личных сил (отношений), благодаря разделению труда, в силы вещные может быть уничтожено только тем, что индивиды снова подчинят себе эти вещные силы и уничтожат разделение труда.» (стр. 59).

«Труд есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность». (стр. 45).

«Присвоение всей совокупности производительных сил объединившимися индивидами уничтожает частную собственность» (стр. 70-71).

«Пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд» (стр. 62).

«...Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, ... разделение труда есть не что иное, как отчужденное полагание человеческой деятельности...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, стр. 140)

«Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию». (Соч., т.12, стр. 729-731).

«Современное государство, господство буржуазии, основано на свободе труда... Свобода труда есть конкуренция рабочих между собой... Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» (т. 3, стр. 192)

Спустя три с половиной десятилетия тезисы Маркса звучат не менее парадоксально, даже скандально. И что важнее – ещё более актуально.

Но наша встреча с В. Медведевым посвящалась вовсе не марксоведческим изысканиям – для этих нужд главный советский обществовед едва ли выбрал бы в собеседники безвестных молодых людей. Речь шла о *техноэкономике*. О наступившей исторической эпохе превращения собственности из системы отчуждённых сил в новый предмет хозяйствования, в основной источник добавленной производительности. Об инструментах социальной инженерии, «специальных средствах социального проектирования», тех, что «должны быть заключены в совершенно непривычную для сегодняшних теоретиков форму, отдаленным прообразом которой могут служить системы автоматизированного проектирования, конфигурационного управления, концептуальные автоматизированные базы данных и т.п.» (С. Платонов, из записки Ю. Андропову, декабрь 1983 г.). Иными, сегодняшними словами – о техноэкономических платформах на трансмиссии «блокчейна».

По случаю 200-летия Маркса давеча имел место жидкий, но обильный выброс в российское медийное пространство разносортных материалов, склоняющих его имя на разные лады. В результате контрастно обозначилась бездна между публичным сознанием, «застрявшим в дерьме субстанций» (Маркс), и живым источником невиданной интеллектуальной мощи.

Конечно, нынче российская интеллектуальная мода, заторможенная было советским изводом «марксизма», припустила вдогонку за мировым трендом, который давно определился. По итогам интернет-опроса, проведенного Би-би-си накануне миллениума, Маркс был назван «величайшим мыслителем тысячелетия». По данным каталога Библиотеки Конгресса США, Марксу посвящено больше научных трудов, чем любому другому человеку. Едва ли в обозримом будущем здесь что-то изменится. Но речь не о том.

Распространённую немецко-еврейскую фамилию «Маркс» среди сотен тысяч носил и эгоистичный, истеричный, полубезумный и неопрятный интеллектуал, сын юриста, родившийся 5 мая 1818 года в Трире, старейшем городе Германии, почётным гражданином коего до сентября 2010 года числился Адольф Гитлер.

Маркс сегодня и навсегда – символическое имя для грандиозного внеисторического *события*, которое случилось не «там» и не «тогда», но невидимо и безвременно продолжает происходит, а мы лишь наблюдаем и сопереживаем исход за исходом.

В крохотной секте «младогегельянцев» произошло таинство отождествления философского понятия-призрака «отчуждения» с социальной категорией «собственности». Понадобилось сто лет и несколько поколений гениев, чтобы дотащить и доконкретизировать это понятие до коузовских «трансакционных издержек». А затем ещё полста – чтобы дошло дело до его предметной визуализации через технологии распределённых реестров. Но львиную часть этого груза протащил на своём горбу молодой Маркс. Владыкой мира станет блокчейн!

Для авторов закрытых докладов, вошедших в книгу «После коммунизма», имя Маркса было синонимом прорыва к пониманию нового исторического типа деятельности, ключом к спасению страны у края пропасти, означало свёрнутую до символа современную картину мира – которая начисто отсутствует в писаниях современных авторов.

«Перед нашим обществом стоит задача, безотлагательное решение которой составляет вопрос жизни и смерти...

Понять Маркса. Для нас это равнозначно тому, чтобы понять самих себя...

Многообразные проблемы и сложности, с которыми мы сталкиваемся, не имеют объективно-необходимой основы – они порождены нашим непониманием.

Спустя столетие после смерти Маркса его не понимают, замалчивают, искажают не только по ту сторону баррикад. Маркс должен, наконец, получить возможность непосредственно обратиться к тем, в чьих делах живут его идеи, через головы профессиональных толкователей, которые в угоду превратно понятому ими духу учения игнорируют или ложно интерпретируют его букву. Первым критерием соответствия марксизма своему названию является его способность прежде всего понять Маркса буквально.

Подлинная, и притом – главная наша проблема состоит в том, что мы по-настоящему не осознаем, кто мы такие, где находимся, что должны делать.»

(«После коммунизма», июль 1984 г.)

О современных ему «марксистах» конца 70-х годов Маркс успел отозваться исчерпывающе кратко: «Я знаю только одно, что я не марксист».

Впервые добравшись, наконец, до текстов Гегеля в швейцарской библиотеке в глуши Первой мировой, Ленин записал потрясённо: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»

Не поняли и ещё спустя столетие. И если бы только марксисты.

«Ведомости» на днях опубликовали подборку материалов под симптоматичным названием «Маркс жив, а мы ещё нет».

Главное послание Маркса XXI веку остаётся тотально непрочтённым и неосвоенным.

Полтора века мы тупо всматриваемся всё в то же пыльное зеркало экономической-якобы-науки. Но оно показывает то, что у нас за спиной, позади. А то, что впереди – заслоняет. Российская официозная «неоклассика» в этом смысле ничем не лучше «политэкономии социализма».

От программных документов КПСС мы унаследовали заклинания о «росте производительности труда». Маркс говорит нам о современной парадигме уничтожения труда – вкупе, естественно, с его «производительностью».

Мы продолжаем считать глубину разделения труда мерилом эффективности общества. Маркс указывает на неё как на устаревающую меру зрелости в границах былого «царства необходимости»,

показатель степени социальной несовременности, подлежащей снятию (Aufheben, конструктивному уничтожению).

Но главное – мы застряли в замшелых представлениях XVIII века о собственности как о мистической связи между человеком и вещью. В то время как по Марксу (Дюркгейму, Веберу, Парсонсу, Коммонсу, Коузу, Уильямсону etc.) собственность «автовладельца» на «Лексус» – не что иное как система непроизводительных и обременительных трансакций (типа «автокредита», «регистрации», «техосмотра», «ДПС», «ОСАГО» и т.п.), в которые его вгоняют разнородные «невидимые руки». Еще в работе 1843 года молодой Маркс на примере передовой французской конституции 1793 года разъяснил, что та предоставила согражданам *свободу собственности*, в то время как человек нуждается в *свободе от собственности*. Спустя ровно двести лет не менее передовая конституция попугайски посулила согражданам незыблемость трансакционных издержек всех типов собственности, свободу состоять в крепостной зависимости от них до скончания веков. Притом под носом у нас пышно расцветает мировое хозяйство «коллективного пользования» и «преобразующего инвестирования», а Майкл Портер, прозревший подобно Савлу, проповедует коммунистический идеал «Shared Value»...

Комментируя тезис об уничтожении труда, мы писали:

> *«Труд» здесь разделяет участь многих категорий Маркса, трактуемых с позиций почтенного житейского здравого смысла. «Но с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы» (Ленин).*
>
> *Особенность переживаемого страной момента такова, что обывательское обращение с категориями марксизма вот-вот может ввергнуть нас в катастрофу куда хуже взрыва неверно рассчитанного ядерного реактора...»*

Закрытый доклад, в котором обосновывалось это утверждение, был подготовлен и разослан коллегам В. Медведева за десять месяцев до Чернобыльской катастрофы – и за шесть с половиной лет до распада СССР.

«Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной ещё многих трагедий».

(К. Маркс).

4. ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ

Провести строгое разделение реальных физических систем на "линейные" и "нелинейные", "консервативные" и "неконсервативные" и т.д. невозможно. Реальные физические системы не являются ни линейными, ни консервативными, ибо они вообще не могут быть описаны совершенно точно при помощи математических соотношений. Поэтому всякая строгая классификация не может быть точно проведена для реальных физических систем. Такому строгому разделению поддаются только абстрактные схемы (математические модели).

А. Андронов. Теория колебаний, 1937 г.

До сравнительно недавнего времени интерес физиков и техников главным образом был сосредоточен на «линейных» колебательных задачах, т.е. на таких, математическая формулировка которых приводила к линейным дифференциальным уравнениям. Ряд результатов теории выкристаллизовался в определённую систему понятий и общих положений. Благодаря тому, что физики этими понятиями постоянно оперируют, применяя их к конкретным задачам, они приобрели уже физическую наглядность.

Но в последнее время выдвинулся новый класс колебательных проблем в радиотехнике, акустике и механике, для которых аппарат линейной теории колебаний оказался совершенно неприменимым. В его рамки не укладываются как раз те явления, которые здесь наиболее характерны и интересны.

А между тем основы математического аппарата, адекватного всему циклу проблем нелинейных колебаний, существуют давно. Они заложены в знаменитых работах Пуанкаре и Ляпунова.

Л. Мандельштам, предисловие к «Теории колебаний».

Главная проблема тела российской экономики (для простоты речь пока только о нём), источник его травм и болезней – в прикомандированной к нему реликтовой голове. Даже не полбеды, что её картина мира отстала от жизни минимум на эпоху. Хуже всего то, что базовый вектор социальной динамики на протяжении XX века претерпел зеркальное отражение, как бы развернулся на 180 градусов – но голова об этом не изволит подозревать, она прозорливо всматривается назад. Представим себе водителя с наглухо задраенным лобовым стеклом, который пытается маневрировать, «ускоряться и перестраиваться», располагая для ориентации зеркалом заднего вида, к тому же кривым. Это наша Russia, и в этом она стопроцентная дочка СССР.

Коллективная голова хозяйствующего сословия бредит наяву. «Рост производительности труда», «макроэкономическая стабильность», «инвестиционная привлекательность», «таргетирование инфляции», «развитие конкуренции», «поддержка малого бизнеса», «борьба с коррупцией» и т.п. формулы не то чтобы нуждались в коррекции или критике – они вообще ни с чем не соотносятся в пространстве актуальных хозяйственных проблем. Эти идеологемы и мифопоэтические образы восходят к позднесоветской публицистике 80-х, а та, в свою очередь, питалась пересказами неоклассической парадигмы через вторые руки. Соответствующие «прикладные» модели, которыми пробавляются экономические кафедры, ни к чему не приложимы, хотя математически безукоризненны – и в этом смысле диссертабельны.

Проницательные аналитики давно указывают на это обстоятельство. Но в качестве альтернативы предлагаются штучные авторские картины мира, онтологии ручной работы, распорядиться которыми ни власть, ни общественность сами не в состоянии. Ведь смена хозяйственной парадигмы даже менее эпохального масштаба требует, среди прочего, такой инстанции, как наука. В РФ много умных

и образованных людей, заслуживающих именования «учёный», но наука как институт разрушена до основанья, в одном эшелоне с институтами «правящей партии» и «государственного планирования». И это не критика, не намёк на злой умысел – лишь констатация печального обстоятельства, скорее типичного для кризисов социальной идентичности вроде нашего. В обществе отсутствует инстанция, полномочная констатировать исчерпание возможностей старой научной парадигмы, сдать её в утиль и указать пальцем на новую.

А между тем классические основы понятийного аппарата, адекватного всему циклу проблем современного мирохозяйства, существуют и развиваются давно. Они заложены в знаменитых работах Маркса, Дюркгейма, Вебера, Коммонса, Шумпетера, Коуза, Уильямсона и других.

В этих концептуальных координатах хозяйствующим субъектом истории выступает не экономический робинзон, а людское сообщество.

Стайный примато-человек духовно устремлён к небу, но физически укоренён в земле, от божественного начала в себе отделён собственным природным непотребством. Общество начинает осваивать и присваивать эту – собственную – природу не только из естественного желания нажраться от пуза, но и с тайным умыслом избавиться от неё как от препятствия, бремени, по Гегелю – *преодолеть отчуждение*.

Потому первым предметом деятельности такого субъекта является не абстрактная природа в виде лесов, полей и рек, а конкретно кочующая по этим угодьям популяция обезьянолюдей, её стадные силы, подлежащие освоению-очеловечиванию-преодолению.

В гегелевской понятийной математике постулируется триада: социальное бытие – совокупность присвоенных и освоенных природных *сил*, социальная сущность человека – совокупность *связей* в процессе совместного присвоения этих сил, и социальное понятие – совокупность *смыслов*, обеспечивающих совместную деятельность.

Отсюда в Рукописях 1844 года представление о трёх исторических эпохах как о последовательном присвоении-освоении человеческой популяцией собственного бытия (производительных сил), затем – сущности (производственных отношений) и наконец – понятия (надстройки).

Но производительные силы популяции не сводятся к простой сумме физических сил особей стаи. Облепив неподъёмные для одиночек природные объекты, человеческий муравейник ухитряется преобразовать их: воздвигает пирамиды, орошает пустыни, осваивает континенты. Чтобы действовать сообща и проявлять такие чудеса производительности, люди-муравьи вынуждены вступать в связи и

договариваться о смыслах. Однако общие связи и смыслы поначалу вырастают и наслаиваются наугад, вслепую, через ошибки и конфликты, по контурам непознанных и непреодолённых жизненных токов популяции. И потому как бы «воспаряют» над головами особей как чуждые им стихии.

На протяжении Истории № 1 («предыстория», «царство естественной необходимости») общество имеет дело с такими *силами* популяции, как производство, распределение и обмен. Высшая из сил – капитал: магия расширенного воспроизводства всего общественного обихода. Увы, она раздроблена на множество волшебных палочек в руках разобщённых магов. Потоки их разрозненных желаний, сталкиваясь, периодически порождают торнадо на рынке капиталов. И так – с каждой из общественных сил: она контролируется соответствующей «невидимой рукой» социальной связности, которая то направляет её с удивительной целесообразностью, то пускает вразнос. Такие пары из социальной силы и оболочки её самодовлеющей связности Маркс называл «формациями».

История № 2 (внимание, горячо!) – «царство осознанной необходимости», «эпоха коммунизма» – последовательное вытаскивание производительных сил из оболочек общественных связей, их снятие (Aufheben). Предметом сознательных преобразований становятся теперь не силы, а отчуждённые *связи* социальных агентов, их совокупность, называемая *собственностью*. В уцелевших фрагментах рукописей 1844 года Маркс, словно предвидя грядущую мешанину в головах, на разные лады растолковывает очевидную мысль: термин «коммунизм» у него обозначает не идеальное состояние общества в духе Фукуямы, а целую эпоху, ряд способов производства, человеческое содержание которых пока негативно – это преодоление самоотчуждения, снятие с производительных сил оболочек собственности, их замена сознательно конструируемыми социальными машинами.

Наконец, История №3 («царство свободы», «эпоха гуманизма»), где предметная деятельность наконец-то достигнет этажа *смыслов*, социального *понятия* человека. Вслед за производительностью и собственностью в свой черёд в фокусе преобразующих усилий окажется общественная *идентичность*. Об этом пока не стоит.

Что всё это означает на бытовом уровне? Неужто возможно заменить и отменить престижное занятие, именуемое «бизнесом», его нетленный предмет под названием «прибыль» и ветхий совет «купи дешевле – продай дороже»?

Атомарная единица собственности называется «трансакцией». По Коммонсу, это акт коллективного взаимодействия, который сам по себе непроизводителен (не является ни производством, ни распре-

делением, ни обменом), который предшествует производительному акту, сопутствует или завершает его, и без которого сам производительный акт невозможен или недействителен. Обмен продукта А на продукт Б утопает во множестве трансакций как в болоте. Ему, в частности, предшествует продажа продукта А как товара, сопутствует поездка в магазин, он завершается прохождением кассы с выдачей чека и т.д., и т.п. Эти действия стали частью повседневных ритуалов, их нелепость и бессмысленность не замечается. Лишь появление онлайн-торговли помогает потихоньку прозреть. Невидимая рука под названием «рынок» на сто процентов состоит из трансакций. На сто. Как и все прочие невидимые руки. Их высокая миссия – временно заменять отсутствующую голову, а это дорогая услуга.

Коуз дал классически ясное описание акта предпринимательской деятельности. Выяви и оцени трансакционные издержки своей деятельности (какие сможешь). Совместно с другими участниками трансакций разработай проект снятия части издержек. Оцени затраты на снятие и сопоставь с объёмом снимаемых издержек. Если эффект положителен – действуй.

Что означает снижение либо снятие трансакций на практике? Их технологизацию –частичную или полную замену машиной-платформой. За каждой трансакцией стоят посредники, которые вклиниваются между участниками производительного акта, тем самым обременяя его затратами на свои действия. Между пешеходом, нуждающимся в транспортной услуге, и водителем, желающим продать свой труд, раньше вклинивались таксопарки, диспетчера, службы вызова, организаторы стоянок и т.д., в результате услуги такси были дорогостоящими и в большинстве мест труднодоступными. Теперь большую часть посредников вытеснила платформа Uber, соединяя везущего и везомого напрямую.

Конечно, за каждым из слов в последних трёх абзацах разверзаются бездны – ведь фактически это попытка уложить предстоящее содержание всей Истории №2 на полстраницы. Одно должно быть понятно – суть дела проста, прозрачна, открыта здравому смыслу, хоть немного просветлённому школой культуры.

Можно ли забить на всё это и забыть про всё это?

Никто не запрещает свободным гражданам отдельно взятой страны продолжать мыслить (и пытаться обустраивать) своё хозяйство в категориях охоты на крокодилов, роста отдачи полюдья, накопления золотых дублонов в сундуках и кредитования под залог недвижимости.

Нет инстанции, которая поставила бы под сомнение новые русские чудеса типа «проектного финансирования через банки». А ведь

это даже не электромобиль на конной тяге. Это авиационный тормоз вместо авиадвигателя.

Но не стоит забывать, что мы уже внедряли научно-технический прогресс в 1960-е. Уже повышали производительность труда и ускоряли экономический рост в 70-е. Уже высвобождали силы рынка и конкуренции в 80-е. Помню, как в 1984-м Ричард Косолапов выдохнул с сердечной болью: «Полоса великого безмыслия прошла по России».

Дальнейшее существование хозяйства страны в его нынешнем виде бессмысленно и с научной точки зрения беззаконно – подобно существованию Грантэсты из сказки о человеке, который искал бессмертие. Коснувшись ногой земли, он рассыпался в прах.

5. ЗАЧЕМ НУЖЕН БЛОКЧЕЙН

«Человеческий ум слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений.

Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы».

Фрэнсис Бэкон, «Новый Органон»

Тема «блокчейна» за последние два с половиной года пережила беспрецедентный взлёт популярности, по ходу успев послужить поводом для фантастических обещаний и несбыточных надежд. Теперь пузырь лопается (по меньшей мере, так кажется говорливому большинству), и тема с удвоенной скоростью исчезает из заголовков и улетучивается из актуальной повестки.

Как это часто бывает, термин вошёл в моду и вышел из неё, так и не успев обзавестись понятием. В ходе этого бума и спада проблематика блокчейна содержательно не только не была раскрыта, но даже не сформулирована. А сделать это самое время: покуда основная масса ловцов хайпа разочарованно разбредается, конкретные группы, поймав осколки идеи, уже без шума и пыли конвертировали их в миллионные проекты. На очереди миллиардные?

Чтобы дойти до практической сути дела, нужно убрать с дороги несколько невесть откуда взявшихся предрассудков по поводу блокчейна.

– О блокчейне говорят как о реально работающей технологии, в то время как это идеальный математический объект типа «машины Карно» или «машины Тьюринга». Переходя улицу, можно не опасаться попасть ни под одну из этих машин – что ничуть не умаляет величия вклада их создателей в науку. Но взаимоотношения идеальных машин с практикой – отдельная тема. Термоядерный реактор типа «Токамак» был описан не просто с математической, а с инженерной точностью в 1951 году. Тремя годами спустя начались попытки воплощения экспериментального образца «в металле», которые продолжаются и по сей день, уже на международном уровне. Но практическая реализация больше полувека неизменно упирается во всё новые препятствия, которые только кажутся частностями, а потока дешёвой термоядерной энергии нет как нет.

– Блокчейн принято считать новой технологией – хотя ничего принципиально нового он сам по себе не представляет. В качестве IT-технологии он относится к классу распределённых реестров – грубо говоря, баз данных, в которые независимо и параллельно может вносить изменения не один, а неограниченное множество администраторов. При этом все вносимые изменения в принципе взаимозависимы, поскольку массив данных сопоставлен некоторой целостной предметной области. Один из первых образцов подобной технологии – система конфигурационного управления, разработанная ВВС США в начале 1960-х годов для сопровождения процесса разработки, эксплуатации, поддержания и модернизации лётной техники. История, эволюция и перспективы подобных технологий – тема, заслуживающая отдельного рассмотрения.

– Самый нелепый из предрассудков по поводу блокчейна – технократическое поверье, будто распределённые реестры позволяют создать совершенную и логически непротиворечивую систему учёта контрактов, исключающую обман и навсегда решающую проблему доверия. Надежда на то, что коллектив программистов в состоянии разработать продукт, который сам же не сможет взломать, напоминает парадокс о попытках всевышнего сотворить камень, который ему не по силам поднять. На деле любой «блокчейн» может быть взломан, и тут не поможет ни образцовая математическая модель, ни идеальное программирование. Знакомым с основаниями математики достаточно указать на известную теорему Гёделя о том, что любая формальная аксиоматическая система либо неполна, либо противоречива. Так что блокчейн не решает проблему доверия, а просто переводит её из плоскости подделки бухгалтерских документов на другие уровни.

Однако нет дыма без огня, и упорные попытки заработать на самом блокчейне, а не на хайпе по его поводу, имеют под собой веские основания.

Блокчейн в качестве IT-технологии может иметь к экономике только опосредованное отношение. Когда некий хозяйствующий субъект твёрдо знает, что его фирме требуется конкретное бизнес-приложение, например, ERP, или SCM, или PLM, ясно понимает, как за счёт его использования заработает или сэкономит деньги, то он сравнивает эти деньги с затратами на закупку, эксплуатацию и обслуживание технологии, чтобы убедиться, что остаётся в плюсе. Если такой субъект и такая задачи не просматриваются, блокчейн оборачивается чисто затратным и весьма дорогостоящим извращённым удовольствием. Собственно, здесь на современный лад слегка переиначен основной тезис классической статьи Коуза «Природа фирмы».

Самое время вспомнить, что для Сатоши Накамото блокчейн нужен был не сам по себе, а как основа, носитель экономической технологии, а именно – мировой криптовалюты. Оставим пока в стороне вопрос о том, в какой мере такая технология реалистична либо утопична. Но замысел Накамото движется строго в русле современного институционализма. Не устаю цитировать замечательную книгу Эггертсона 1990 года, где он фактически рассматривает весь институт денег как источник трансакционных издержек. Он пишет, в частности, что «в контексте чисто неоклассической модели использование денег является практикой, которая дорого обходится и лишена какого-либо экономического смысла», что стандартные экономические модели «не дают никакого аналитического объяснения существованию денег», что деньги не нужны, когда экономические агенты «могут уладить свои расчеты посредством многостороннего клиринга».

Первой волной грядущей революции экономических технологий ожидаемо станут, по Эггертсону, многосторонние системы цифрового клиринга, предназначенные для снятия трансакционных издержек кредитно-денежной системы, в частности – для замещения денег различными немонетарными инструментами-«токенами».

Но успех таких технологий в гораздо большей степени зависит от адекватности и качества самих институциональных моделей. Они-то и послужат источником конкретных технических заданий для разработчиков распределённых реестров.

И здесь уместно вспомнить, что технологией-носителем для первого поколения ЭВМ (то, что сегодня называется “Hard”) были электронно-вакуумные лампы и основанная на них схемотехника. Они появились на 30-40 лет раньше самих ЭВМ (“Soft”). Транзисторные схемы также были созданы на 20 лет раньше ЭВМ второго поколения.

По аналогии можно ожидать, что высокоприбыльные экономические технологии и платформы (“Intangible”) на IT-основе блокчейна в качестве носителя (“Soft”) тоже появятся с некоторой задержкой по отношению к нему самому.

6. ЛЕС НЕВИДИМЫХ РУК

Обозревая достижения экономической науки тридцать лет назад, Рональд Коуз писал:

«В современных учебниках анализируется процесс установления рыночных цен, но рассмотрение самого рынка совершенно исчезло. И это не так странно, как кажется. Рынки представляют собой институты, существующие для сокращения издержек по трансакциям обмена. В экономической теории, предполагающей, что трансакционные издержки не существуют, рынкам нечего делать, и представляется совершенно разумным делом развитие теории обмена на примере обмена орехов на яблоки между индивидуумами, совершаемого на опушке леса, либо на основе другого нереального примера. А когда экономисты все-таки говорят о структуре рынка, это не имеет ничего общего с рынком как институтом, но относится лишь к таким предметам, как число фирм, дифференциация продуктов и т.п., при том, что влияние социальных институтов, облегчающих обмен, полностью игнорируется».

Такой диагноз Коуз впервые поставил в исторической статье 1937 года, которую Нобелевский комитет осилил к 1991 г.

На опушке реального леса никто и никогда не меняет орехи на яблоки. Если орехи кому-то понадобились – он их находит на полке в магазине или получает через службу доставки. Связь подобных действий с тем обстоятельством, что покупатель орехов платит при этом деньги, часть которых, возможно, заработал на перепродаже акций фермерского хозяйства, производящего среди прочих продуктов и яблоки, – эта связь имеет для него абстрактный и случайный характер, либо вообще остаётся незамеченной. Иными словами, опушечный акт обмена орехов на яблоки – книжная выдумка, которой в реальности ничего не соответствует.

Но и для учебников по теории идеального рынка куда больше подошла бы другая картинка. Буратино с яблоками подходит к опушке Леса Чудес, закапывает их в ямку – крекс, фекс, пекс! – и спустя некоторое время достаёт оттуда вожделенные орехи (владельца которых в глаза не видел), притом в количестве, отвечающем эквиваленту, беспристрастно рассчитанному лесной чудо-бухгалтерией.

В действительности потребители орехов и яблок проделывают к предметам своего потребления весьма извилистый и тернистый путь, на котором встречается целый сонм персонажей-посредников. В их числе – кассиры, охранники, водители автобусов, на которых покупатели отправляются в супермаркет, портные, что шьют им штаны для шопинга, бухгалтеры, выдающие зарплату, администраторы процессинговой системы Visa и прочие, в большинстве остающиеся незаметными в тени дремучего «Леса невидимых рук».

Это руки социальных институтов, помянутых Коузом, которые не просто облегчают, но обеспечивают саму возможность обмена.

Акты взаимодействия орехо- и яблоковладельцев с институтами Коммонс в 1931 г. назвал «трансакциями». Сами по себе эти акты не производительны, и сверх того обременяют производителей трансакционными издержками по своему обеспечению.

Великое открытие Коммонса и Коуза состоит в том, что Лес невидимых рук, оказывается, изымает часть орехов и яблок в качестве гонорара за услуги. Имеет основания, не так ли?

Коуз прямо указывает на то обстоятельство, что современная экономическая теория исследует абстрактный обмен как таковой, но при этом за кадром остаётся собственно устройство рынка, то есть «социальных машин» обмена и присущих им трансакций.

По определению Википедии, «экономи́ческая тео́рия» (или тео́рети́ческая эконо́мика) —наука, которая изучает проблему выбора в условиях ограниченности ресурсов для максимального удовлетворения потребностей людей». Будучи строго формализованы, представления о «выборе», «ресурсах» и «потребностях» легли в основу названного «экономическим» раздела прикладной математики, чьи модели вполне научны в смысле математической безупречности, но мало к чему приложимы в реальной экономике. Представления об институтах и трансакциях изначально не были заложены в содержательную аксиоматику «теории рыночной экономики» – в результате в ней не обнаруживается места для самого рынка. «Красавице платье задрав, видишь то, что искал, а не новые дивные дивы... Тут конец перспективы» (Иосиф Бродский).

Пора, пока не поздно, двинуться в направлении, указанном Коузом: строить конкретные модели «*влияния социальных институтов, облегчающих обмен*», исследовать присущие им трансакции, чтобы конструировать технологии их снятия. Что это за институты? Как именно они обеспечивают и облегчают обмен? И наконец, главное: как с помощью современных технологий уменьшить трансакционную дань, взимаемую ими с участников обмена?

Но для этого исследователям и преобразователям хозяйственной деятельности общества необходимо переопределить предмет своих усилий, перенаправить их на систему трансакций социального «леса невидимых рук». Именно к этому призвал С. Платонов в докладе, направленном Ю. Андропову в декабре 1983 года:

«Рост производимой обществом стоимости означает в конечном счете увеличение количества и разнообразия форм движения природы, превращаемых в общественные производительные силы. Информация и энергия при этом опосредуют экономику и природу.

Отчуждение, собственно, состоит в том, что человек, не познавший законов, управляющих движением стоимости, информации и энергии, сам является на протяжении всей предыстории лишь их агентом, песчинкой, включенной в их круговорот. Хотя современное общество, далеко еще не избавившее человека от первобытной доли производителя мышечной энергии, склонно окружать романтическим ореолом фигуры [управленца] и банкира – они оба не более чем агенты процессов производства информации и стоимости, порабощенные чуждыми силами организационных и экономических законов.

Познать эти законы – значит осуществить их редукцию, сведение к законам предыдущего, нижележащего уровня, подобно тому, как законы термодинамики были сведены к законам статистической механики.

Уничтожить отчуждение – значит осуществить подобную «редукцию» на практике. Место стихийного эфира экономических отношений, который заполняет промежутки между организациями, осуществляя таинство самовозрастания стоимости, должна занять организация, занятая обработкой и производством нормативной информации. В результате экономисты исчезают вместе с экономикой, а все народное хозяйство превращается в единую организацию, которая, однако, «каким-то чудом» обеспечивает уже не простое, а расширенное воспроизводство.

Теория, служащая средством сознательного преобразования общественного бытия, должна быть заключена в совершенно непривычную для сегодняшних теоретиков форму, отдаленным прообразом которой могут служить системы автоматизированного проектирования, конфигурационного управления, концептуальные автоматизированные базы данных и т.п. специальные средства социального проектирования».

Гегель раз и навсегда объяснил любителям «дефиниций» всю безнадёжность и беспредметность их любви. Не забывая об этом, для практических нужд будем пока пользоваться следующим рабочим «определением»:

***Техноэкономика** – качественно новый способ хозяйственной деятельности, состоящий в последовательном исследовании и снятии трансакций наличной рыночной экономики (в перспективе – социальных процессов вообще).*

Переход к техноэкономике от традиционного рыночного хозяйствования – процесс, идущий в глобальном масштабе и в последнее десятилетие приобретающий экспоненциальный характер.

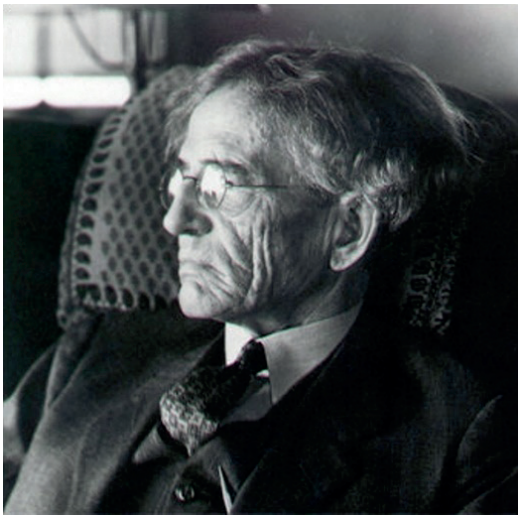
Техноэкономика, взятая в становлении, представляет собой социальную инженерию: последовательную технологизацию в первую очередь институтов обмена (а не производственных либо управленческих процессов), вытеснение из этой сферы посредни-

ков – кредитных, эмиссионных, правоустанавливающих организаций – и их замену экономическими цифровыми платформами.

С точки зрения предмета деятельности – это работа с активами во взаимном доступе («шеринг»). С точки зрения субъекта – группа проектных соинвесторов («импакт-инвестинг»). С точки зрения объекта – система отношений собственности, фиксируемая в распределённых реестрах («блокчейн»).

Предварительные оценки потенциала техноэкономики указывают на возможность трёх-пятикратного роста капитализации странового хозяйственного комплекса за первые пять-семь лет.

7. ПОРОГ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

Решающий прорыв к формированию парадигмы техноэкономики связан с конкретными именами двух экономических гениев. Он может быть датирован точно – это 1931-32 годы.

Джон Коммонс (1862-1945 гг.) и Рональд Коуз (1910-2013 гг.) своей жизнью и деятельностью явили два сугубо противоположных образца того, как надо и как не надо строить академическую карьеру. Коммонс опубликовал свою главную и единственную книгу, посвящённую институциональной экономике, в 1934 г., как только вышел на пенсию. К этому времени он уже тридцать лет подряд был профессором Висконсинского университета, четырёхтомник «История труда в Соединенных Штатах» принёс ему заслужен-

ную известность и среди прочего – членство в Комиссии по производственным отношениям при Федеральном правительстве. Незадолго до этого он впервые опубликовал набросок ключевых идей будущей книги в статье «Институциональная экономика» (1931 г.).

Через год в Соединённые штаты приехал 22-летний Рональд Коуз, выпускник Лондонской школы экономики. Он изучает работы ведущих американских экономистов, знакомится с некоторыми лично. 10 октября 1932 года он пишет письмо своему другу Фаулеру, в котором говорится о проблеме издержек рыночных трансакций и в явном виде содержится ядро замысла знаменитой статьи «Природа фирмы». Статью ему удалось опубликовать только в 1937 г., а получить за неё премию памяти Нобеля – ещё спустя 54 года. Впрочем, Коуз явно не соответствовал стереотипу «непризнанного гения». Он производил впечатление уравновешенного, в меру счастливого, состоявшегося человека, и на сто втором году жизни принял личное участие в презентации последней из своих книг.

По странному совпадению, именно в 1932 году были впервые опубликованы (на языке оригинала) «Экономическо-философские рукописи 1844 года», обнаруженные Давидом Рязановым в архивах немецких социал-демократов.

В основополагающей статье 1931 года, где Джон Коммонс впервые раскрыл понятие *трансакций*, он дал и первый набросок их классификации. С той поры, как институционализм стал входить в моду, эта классификация служит поводом нескончаемых гаданий и пересудов в сообществе «экономикс». Причина их бесплодности в том, что в головах у судящих вся хозяйственная деятельность редуцирована к абстрактному обмену, и потому они искренне, но тщетно пытаются вогнать понятийную схему Коммонса в эти рамки. Но институтам обмена у него соответствуют только «трансакции сделки». Что касается «трансакций управления» и «трансакций нормирования», то они соотносятся с двумя другими группами более древних, однако не менее значимых социальных институтов.

Устоявшаяся традиция именования институтов по понятным причинам отсутствует. Все предлагаемые здесь термины имеют сугубо рабочий характер. Они отражают в основном практику институционального анализа реальных проектов на проектных сессиях Центра корпоративного предпринимательства в 2000-2015 гг.

Первая группа – институты производства.

Это *институты суверенитета*, благодаря которым, в частности, конкретный акт производства приобретает территориальную прописку и этническую «крышу». Сбор орехов в угодьях соседнего

племени означает смерть для сборщиков и войну для всех соплеменников.

Затем, *институты потребностей*, вводящие «орехи и яблоки» наряду с лаптями, ярангами и бумерангами в номенклатуру продуктов жизнеобеспечения и устанавливающие стандарты их потребительских свойств. На пути мечтателя, замыслившего поторговать яблочными пирожками домашнего производства, неприступной скалой встаёт Food and Drug Administration.

Наконец, *институты способностей*, предписывающие конкретные меры (и сопряжённые с ними трансакции) по соблюдению канона способов производства «орехов и яблок» и применяемых при этом инструментов и переделов. В частности, садоводу для сбора яблок может вменяться использование стандартизованного «плодосъёмника с захватом и телескопической ручкой». Нарушения предписаний караются не в административном, а в уголовном порядке. Ещё бы: на кону судьба урожая, здоровье, а зачастую и жизнь соплеменников!

Первобытные общинники вели натуральное хозяйство, яблоки и орехи были для них не *товаром*, а сообща производимым *продуктом*, частью общеплеменной «продуктовой корзины». Нужды в обмене (как и самого понятия «обмен») попросту не существовало, а отщепенцы, ненароком забредшие на опушку, незамедлительно вылавливались и съедались соседним племенем.

В современной диверсифицированной экономике институты производства исподволь формируют границы, структуру и потенциал всего странового хозяйственного организма, проявляясь на поверхности, в частности, как стратегия оборонно-промышленного комплекса, практика недропользования, потребительская матрица «образа жизни», национальная промышленная политика, система техрегламентов.

Вторая группа – институты распределения.

Это *институты ответственности*, устанавливающие структуру трансакций «ореховой», «яблочной» и прочих отраслей экономики, а также специальные задачи и обременения региональных органов хозяйствования в зонах преимущественного произрастания/производства «орехов» и «яблок» и/или в сезоны их массового созревания и заготовки.

Затем, *институты полномочий*, регламентирующие марлезонский балет корпоративных иерархий и сражений за власть вокруг и по поводу массового производства, заготовки, учета, транспортировки, складирования и выдачи «орехов и яблок»;

Наконец, *институты обязанностей*, понуждающие участников обмена, к примеру, совершать трансакции по регистрации юрлиц, уплате налогов и в целом по соблюдению законов и прочей регламентации.

Институты распределения эпохально расцвели в забытые времена фараонов и храмовых хозяйств. *Продукты*, централизованно свозимые в дворцовые подвалы, учитывались, хранились и раздавались в качестве *запасов*, но так и не становились *товарами*. Менять орехи на яблоки жителям распределительных обществ было некогда, негде, да и незачем: тем, кто отработал трудодни и выполнил орехово-яблочные нормативы, со склада по разнарядке выдавались продуктовые пайки, а также одежда и орудия труда.

В современной экономике, метафорически именуемой «рыночной», институты распределения по-масонски предопределяют её отраслевую, региональную и в целом корпоративную структуру, иерархию министерств и ведомств, региональных администраций и пожалованных либо захваченных феодов типа Газпрома.

Присущие корпоративным институтам распределения трансакционные издержки принято именовать «бюрократией», «коррупцией» и считать не закономерными свойствами, а недостатками, с которыми якобы можно отдельно бороться. По непостижимой прихоти общественного сознания процент, взимаемый банкиром с заёмщика, рассматривается как должное, а вознаграждение чиновника за услугу считается порочным. Говорят, чиновники, призваны «оказывать услуги», а за это мы им платим зарплату за счёт налогов. Но почему бы в таком случае и банкиру не пожить на одну зарплату? На деле и банкир, и чиновник служат не нам, а «Лесу невидимых рук», который сам определяет формы мотивации и объём вознаграждения своей агентуры.

На пресловутой опушке, надкусив полученное яблоко и убедившись, что оно червивое, остаётся огреть партнёра по сделке дубиной – если, конечно, удастся его догнать. Но в следующий раз любитель яблок, наученный горьким опытом, отправляется за ними в супермаркет – специализированное охраняемое заведение для обменов, созданное неусыпными бдениями институтов производства и распределения.

Однако в самом магазине, а также по дороге туда и обратно покупатель вплотную сталкивается с третьей группой институтов – институтами обмена.

Первый из них – *институт права*. Каждая сделка обуславливается и сопровождается набором юридических трансакций – актов регистрации и выдачи подтверждающих документов, которые

удостоверяют права и обязательства покупателя и продавца как надлежащих лиц в ситуациях возможных ошибок, нарушений и конфликтов. В простейшем случае это товарный чек, дающий основания для возврата товара, гарантийного ремонта или судебного разбирательства. В более сложных случаях, когда меняются не орехи на яблоки, а загородный коттедж на квартиру в центре, сама сделка подлежит подтверждению в регистрационной палате, а физический переход объектов к другому владельцу сопровождается документами, удостоверяющими его право собственности. Институт права – огромная, сложная, весьма дорогостоящая система, которая, однако, создаёт саму возможность массового и регулярного потока сделок по обмену. Важно только отдавать отчёт в том, что всё это воинство нотариусов, юрисконсультов, адвокатов, реестродержателей и пр. взимает дань за каждую трансакцию, и значительная доля орехов и яблок, предназначавшихся к обмену, оседает в их карманах.

Производитель орехов, любящий яблоки, среди прочего сталкивается с тем печальным обстоятельством, что яблоковладельцу и даром не нужны его орехи – либо в данный момент, либо вообще. А ведь необходимо обменять свои орехи не только на яблоки, но и на полную потребительскую корзину, включая томагавки, трусы и билеты в филармонию. Эту проблему решает второй из институтов рынка – *институт денег*. Он создаёт и поддерживает общедоступный универсальный товар-посредник под названием «деньги», позволяющий совершить любой обмен конкретного товара на товар в два хода. Специализированные ответвления этого института постоянно заняты эмиссией, транспортировкой, хранением, защитой от подделок и обновлением денег, обеспечением их безналичного оборота, эквайрингом и процессингом электронных карт и т.п. ритуалами. Каждый акт обмена конкретными товарами обставляется и обуславливается теперь трансакциями платежей и сопутствующего открытия счетов, переводов, обналички, конвертации, аренды банковских ячеек и т.п. Все эти трансакции, призванные обеспечить удобства участников обмена, совершаются, естественно, за их счёт и требуют содержания многочисленных и прожорливых агентов института денег.

Наконец, приступая к обмену орехов на яблоки, ореховладелец предполагает не просто полакомиться, но и сделать бизнес, перепродав назавтра часть яблок на стороне по двойной цене. Но для этого ему на старте не хватает орехов, на заготовку которых тоже нужны деньги, причём, уже вчера и сегодня. И тут на помощь приходит третий институт рынка – *институт капитала*. В результате – о чудо! – меняться на опушке можно даже тем, чего у вас накануне

акта обмена не было и в помине. Под залог пожитков (копьё и набедренная повязка, «Лексус» с пробегом, свечной заводик) заботливые ростовщические заведения выдают ему деньги, тем самым передавая его с рук на руки предыдущему институту, при содействии которого он меняет деньги на то, что предполагал получить, под присмотром института права, который теперь следит не только за тем, чтобы клиента не обманули, но и за тем, чтобы сам он в оговоренные сроки вернул институту капитала долг с процентами.

Соотнося институты рынка с координатами времени и пространства, можно утверждать (с долей образной упрощённости), что институт права обращён в сторону прошлого времени, он учитывает тем или иным образом предысторию появления орехов и яблок в руках участников обмена. Институт денег делает обмен универсальным, позволяя выстроить цепочки купли-продажи между любыми товарами, разнесёнными в пространстве. Институт капитала ориентирован на будущее время, вовлекая в оборот те товары, появление которых только ожидается – осенний урожай весной, серебро из месторождения на острове, до которого надо ещё доплыть, речную воду, что будет вращать гидротурбину спустя годы.

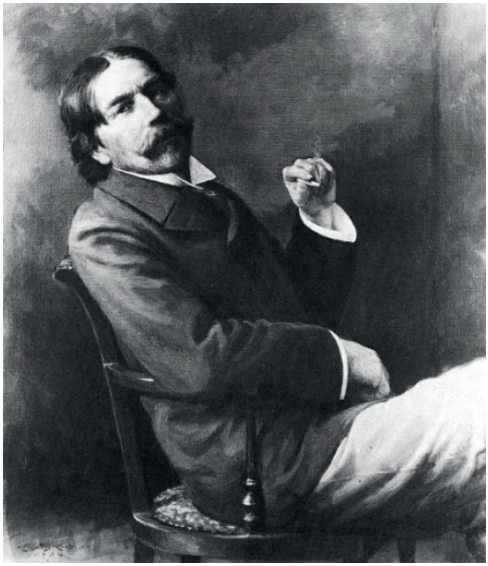
Преодолевая пространственные и временны*е* ограничения, присущие обмену, институты рынка превращают обмен в могучую и универсальную производительную силу. Вдохновенный гимн этой силе пропет Марксом в «Манифесте коммунистической партии», где говорится, среди прочего, что она «менее чем за сто лет создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»

Остаётся понять, что институционалист №1 Карл Маркс досконально изучал чудесный институт капитала не для того, чтобы его уничтожить, но чтобы исследовать присущие ему трансакционные издержки, подлежащие сознательному снятию в наступающей эпохе техноэкономики. Прообразом классификации институтов и трансакций в целом служит первая попытка проанализировать слоистую структуру социального отчуждения в Рукописях 1844 года. Мысль Маркса состоит в том, что преодоление социального отчуждения синонимично овладению системой отношений собственности.

Это преодоление, по Марксу, начнётся с исторически последней её институциональной формации – капитала, и составит целую эпоху поэтапного снятия формационных слоёв в порядке, обратном исторической логике их становления.

Собственно, эпоха уже начинается.

8. КЛАССОВАЯ БОРЬБА РОБОТОВ

«Капиталист функционирует только как олицетворенный капитал, подобно тому как рабочий функционирует лишь как олицетворенный труд. Господство капиталиста над рабочим есть господство вещи над человеком, мертвого труда над живым, продукта над производителем. Рассматриваемое исторически, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания неограниченных производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму. Это — процесс отчуждения труда. Капиталист как надсмотрщик и руководитель последнего должен выполнять определенную функцию в действительном производстве. Самовозрастание капитала — создание прибавочной

стоимости — есть определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и на противоположном полюсе».

Маркс. Соч. т. 49, стр. 47.

Меня окружал призрачный мир. Вокруг в полном безветрии колыхались хлеба. Тучные прозрачные стада паслись на травке, на пригорках сидели благообразные седые пастухи. Потом рядом со мной возникли два прозрачных человека, встали в позы и начали говорить. Оба они были босы, увенчаны венками и закутаны в складчатые хитоны. Тот, что был с лопатой, длинно и монотонно излагал основы политического устройства прекрасной страны, гражданином коей являлся. Устройство было необычайно демократичным, ни о каком принуждении граждан не могло быть и речи, все были богаты и свободны от забот, и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов. Тот, что с чернильницей, хвастался, будто только что отработал свои три часа перевозчиком на реке, не взял ни с кого ни копейки, потому что не знает, что такое деньги, а сейчас направляется под сень струй предаться стихосложению.

Стругацкие.
«Понедельник начинается в субботу».

Техноэкономика – качественно новый способ хозяйственной деятельности, её основное содержание – поэтапное снятие трансакций «невидимых рук» институтов собственности путём передачи их функций экономическим платформам.

В связи с этим остаётся прояснить два вопроса.

– Что за социальный субъект берётся за снятие трансакций?

– Как он действует?

Ответам посвящены два заключительных письма о техноэкономике.

Понятие институтов собственности фактически введено в научный оборот тремя младогегельянцами в начале 1840-х. Однако в обыденном сознании институциональная теория изначально, как первородным грехом, обременена призраками борьбы «классов» и «пролетариата». Ведь рабочий класс Бенилюкса не спешит на баррикады, не так ли? Стало быть, бородатый философ устарел, и прочие его умствования можно пропустить мимо ушей.

На деле этим понятиям две тысячи лет.

Налоговые службы Древнего Рима разделяли население на шесть ***classis*** *– от assidui (оседлые платежеспособные граждане с имуществом стоимостью более 100 000 ассов) до* ***proletarii****. Основное значение латинского слова proletarius — «производящий потомство». В Древнем Риме при проведении переписи населения те люди, у которых не было собственности, в графе об имуществе писали — «дети» (пролес). Также proles употреблялось для обозначения мужских половых органов. Древнеримским пролетариям нечего было терять, кроме своих гениталий.*

Тщетно классик в известном письме Вейдемейеру растолковывал, что не является ни первооткрывателем, ни фанатом «классовой борьбы».

«То, что я сделал нового, – пояснял Маркс, – состояло в доказательстве, что *существование классов* связано лишь с *определёнными историческими фазами развития производства,* ... что классовая борьба необходимо ведёт ... к уничтожению *всяких классов* и к *обществу без классов*».

Популистская пропаганда подменяет строгое понятие классовой борьбы романтическими комиксами восстаний бедняков против богатеев. Но любой исход таких бунтов «невидимые руки» цинично умудряются обратить себе на пользу. В войнах голытьбы с угнетателями под водительством Стеньки Разина и Емельки Пугачева верх взял прогнивший режим. Но в Китае и в других странах бывали случаи, когда вожди крестьянских армий сгоняли с трона императоров. Лес невидимых рук при этом просто вводил нового исполнителя в старый спектакль: победитель эксплуататоров пересаживался с боевого коня на освободившийся трон, а институциональная конфигурация воспроизводилась в виде новой династии. В крайнем случае боевая ничья вела к затяжной смуте, в ходе которой сражающиеся брали на измор друг друга и страну, а на руинах со временем объявлялась пара бойцов новой формации – доморощенных либо варяжских.

Феномен классовой борьбы, доходчиво обрисованный во вступительных абзацах «Манифеста», может быть осмыслен только в контексте институционального метода самого основоположника. Борцы выходят на ринг парами: в красном углу – класс-представитель «производительных сил» (сиречь институтов производства, распределения, обмена), в синем – соответствующий класс-агент «производственных отношений» (иными словами, институтов собственности, пресловутых «невидимых рук»). В этой перманентной борьбе не бывает окончательных победителей, на каждую хитрозадую производительную силу находится свой институт с винтом. Знамя «прогресса» то и дело переходит из рук в руки. Раздухарившиеся

институты производительности, как известно, могут взрывать заскорузлую оболочку институтов собственности. И напротив, – как учит тот же истмат, – последние способны, обновившись, не только открывать простор первым, но и выволакивать бегемота производительности из стагнационных болот.

К такой схватке абстракций применим принцип «ничего личного». Сам факт, что капиталист нанял вас и платит скудную зарплату, еще не является основанием числить лично его кровопийцей и классовым врагом. Если он платит зарплату меньше, чем по рынку, вы вольны от него уйти и перенаняться в другом месте. Если больше, чем по рынку, то, похоже, вскоре разорится. Подлинным классовым врагом является сам институт в целом, который, собственно, и устанавливает рыночную цену отдельной рабочей силы. Конкретные агенты, в коих он воплощается, лишь выполняют директивы «невидимого центра» – конечно, в меру своей испорченности.

Чиновник, которому приходится давать на лапу, тоже не является вашим личным классовым врагом. К тому же он только кажется всесильным. Сегодня вы ему принесли конверт, назавтра пришли – а он уже в тюрьме. Но посадили его вовсе не за вашу взятку – это могло быть лишь поводом. Чиновные посадки – элемент саморегуляции невидимых рук, внутрикорпоративных разборок под неумирающим лозунгом «Не по чину берешь».

Аппарат невидимых институтов (грубо говоря – их человеческий материал) постоянно находится под жесточайшим прессингом внутривидового отбора. Вожди и предводители племён рождаются и умирают в боевом седле. В политических центрах распределительных царств царит дворцовая резня, перманентные заговоры и перевороты. Удавка конкуренции, лишь по видимости более гуманная, всегда на горле у бизнесмена, а кризисы то и дело вышибают опору из-под ног.

В ранних вариантах «Капитала» прямо говорится, что абстрактный капиталист и абстрактный пролетарий оба являются рабами и жертвами отчуждения. Конвейер кредитования столь же безличен и бездушен, что и заводской. Банкиру XIX столетия и не снилась сладостная возможность самореализации, «воплощения собственных ценностей в своих инвестициях», приоткрывающаяся ныне субъектам Impact Investing. Во время циклических кризисов карета капитала превращается в гнилую тыкву, капиталист оказывается безработным, как и пролетарий, и вынужден начинать все с нуля.

Но речь не о том, чтобы посочувствовать агентуре институтов собственности; её страдания – лишь внутренний момент адской машины «классовой борьбы». Лес невидимых рук в качестве совокупного

управляющего проявляет жадность и бесчеловечность по отношению к трудящимся – но и это лишь полбеды. Едва ли не хуже то, что он демонстрирует чудовищно низкий коэффициент полезного действия. Левых популистов больше всего волнует та часть трансакционной дани, которая паразитически проедается и демонстративно сверхпотребляется праздным классом в благодатных паузах «застоя» между рецессиями, репрессиями и войнами. Но тот же Веблен во второй своей великой книге «The Theory of Business Enterprise» наглядно показывает, как финансовый рынок в роли невидимой машины обмена входит в клинч с институтами производства, постоянно подрывает сами основы существования современной машинной индустрии. И эти две ипостаси института капитала – производительная и разрушительная – будучи положены на чаши весов, почти уравновешивают друг друга. Если принять потенциал производительности института обмена за 100%, то едва ли не 99 из них пожираются совокупными трансакционными издержками Леса невидимых рук.

Адам Смит сформулировал гениальную теорему о существовании теоретических объектов типа «невидимой руки» – самоорганизующихся децентрализованных систем. Но миф о непреодолимом совершенстве «невидимой руки рынка», которую любое вмешательство только портит – из числа интеллектуальных суеверий конца XIX века. Вероятно, во времена неолитической революции охотники-собиратели попрекали первых землепашцев грубым вмешательством в гармонию незримых духов леса – и ведь имели основания...

Дефекты рынка – не исключение, исторически предшествующие ему «невидимые руки» ещё грубее и примитивнее. Институты распределения высвобождают и обращают на благо общества удивительную и могучую производительную силу *разделения труда*. Но для этого они перемалывают рабовладельческими жерновами традиционные общества, с мясом выдирают общинников из материнской целостности натурального хозяйства и превращают их в узкоспециализированные говорящие орудия, живые мотыги.

Сегодня рабство в его социально-бытовом измерении вроде бы изжито. Но все мы продолжаем жить в кабале у отчуждения социальной *регламентации*, производимой на свет невидимыми институтами распределения. В частности, громада законодательства, давно необозримая и распухающая с каждым днём, изобилует пробелами и противоречиями, парализующими и криминализующими хозяйственную деятельность, которую вроде бы призвана раскрепостить и защитить. Проблему регламентации поставил и глубоко исследовал ещё Дюркгейм, а применительно к современному обществу – Никаноров. Малограмотные публицисты, говоря о чиновничестве, любят

распространяться о пресловутой «коррупции». Но все издержки воровства и мздоимства – лишь капля в море трансакций социального трения скрипучей телеги распорядительных институтов.

В чащобах Леса невидимых рук протекают противоречивые процессы, которые ждут своих исследователей. Институты разных уровней грызутся, чинят препоны и ставят подножки друг другу. Тем временем происходит своеобразная эволюция невидимых рук, на авансцену выходят новые виды, предшественницы третируют их как выскочек и авантюристов, а сами тем временем теряют подвижность, всё хуже справляются со своей управленческой миссией. «Классовая борьба» играет роль своего рода невидимой руки второго порядка, пришпоривающей гонку институтов собственности и смену лидеров на всём протяжении человеческой предыстории. В основе её бесчеловечного инструментария – социальные катастрофы: голодные бунты и восстания угнетённых, мятежи и крестовые походы, переселения и нашествия варваров, кровавые революции и войны. Это «бич божий», карающий тех, кто притерпелся к прежней руке и проворонил восхождение новой, чьи уши и души закрыты для божественного вразумления.

Время вчитаться в буквальный смысл пророчества из письма Вейдемейеру, зацитированного до дыр.

> *Капитализм завершает, исчерпывает весь ряд исторических фаз развития производства, связанных с существованием классов. Классовая борьба с необходимостью подвела к границе, за которой – уничтожение всяких классов и общество без классов.*

Пресловутая «диктатура» мыслилась автором как разовый, кратковременный акт тотального излечения общества от чумы «классовой борьбы». Акт не обязательно вооружённый: скальпель – не штык. А хотелось бы демократического волеизъявления пациента в коме, его консенсуса с бригадой реанимобиля?

«Пролетариат» у Маркса – вовсе не агитпроповский класс-гегемон, который, перебив буржуинов, поудобнее устраивается у социальной кормушки. Это математическая абстракция класса-камикадзе, призванного уничтожить саму основу «классовой борьбы» ценой самоуничтожения. Это не освободитель «труда», а его ликвидатор. Носитель невиданной идентичности, гегельянской мудрости, которая должна быть имплантирована в него извне. Паладин священной войны с силами отчуждения, чьё знамя подхвачено младогегельянцами. Это теоретическая конструкция, концептуальный субъект, рождённый осуществить конструктивную катастрофу, свершить таинство пересменки при глобальной смене эпох, не имевшей аналогов на памяти человечества.

Но сама эта пересменка истории растянулась чуть ли не на два века.

Всё длятся мучительные роды нового субъекта, идущего на смену старине Homo Faber, туповатому трудяге, растерявшему контроль над силами, которые сам же и произвёл. Наивно полагать, будто новый Homo мог родиться именно в отдельно взятой стране и разом в 1917-м. Многие из стран и народов, часто сами того не ведая, вместе с нами платили и платят за это свою часть цены, непоправимо огромной.

И вот, похоже, к началу тысячелетия под своды Леса невидимых рук наконец-то вступает невиданный охотник, охотник за трансакциями.

Это предприниматель иного, нового типа – не «по Шумпетеру», а «по Коузу». Он не торгует ни яблоками, ни инновациями. Он не останавливается на опушке леса невидимых рук, а решается сделать шаг в чащу, всматривается одну из тех невидимых рук, что помогали ему пахать, сеять и торговать, забирая при этом львиную долю урожая как трансакционную дань. Подобно Фредерику Тейлору, он изучает её действия, учится у неё, модернизирует её – а потом заменяет искусственной платформой, выполняющей ту же функцию, но с меньшими издержками – дешевле, эффективнее, быстрее.

Только к началу нового тысячелетия, с появлением экономических технологий и платформ, новый человек обзаводится для этого собственным орудием деятельности.

И тут-то выясняется, что такое орудие не может принадлежать одиночке – по самой своей природе, по определению, по устройству. Каким бы демиургом не воображал себя малограмотный Faber, его деятельность социальна, и трансакции его собственности имеют коллективную природу. А потому платформа, снимающая трансакции – это машина многостороннего клиринга (Эггертссон), она имеет несколько интерфейсов – по числу собственников-соинвесторов.

Частная собственность наглядно доказала, что она неистребима негативными способами – путём насилия над личностью, экспроприаций и запретов. Но она легко и естественно – о чудо! – снимается позитивно. Путём добровольного взаимного доступа к активам две частных собственности растворяются в одной разделяемой-объединяющей (shared), взаимной, и далее, шаг за шагом – всё более коллективной, общественной собственности. А превратившись однажды в общечеловеческую, она на этом рубеже перестанет быть собой: социальный воздух планеты не нуждается в том, чтобы кому-то принадлежать.

Историческое время вышло из пазов – и туда более не вернётся. Время и пространство техноэкономики будут иными. Время первых ракет, летящих в космос, было организовано уже не циклом вегетации злаков, а программным токораспределителем, пространство конфигурировалось гироскопическим блоком.

Маятник жестокого времени предысторического хаоса, часовой механизм времени трудового и классового отчуждения будет шаг за шагом остановлен, обезврежен и вмонтирован в конструкцию социальных платформ.

9. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ТЕХНОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

Согласно Гегелю, история есть не что иное, как сознательная деятельность, цели которой полагаются саморазвивающимся духом, а развитие последнего происходит благодаря имманентным ему законам диалектической логики. Весь исторический процесс имеет цель вернуться в самотождественный субъект-объект, снять свое «отчуждение» (Entäußerung) во времени. Весь окружающий мир выступает как «отчуждённый дух». Задача развития, по Гегелю, состоит в том, что-

бы в процессе познания снять это отчуждение: дух отчуждает себя и лишает себя свободы, чтобы познать себя в инобытии и тем самым преодолеть самоотчуждение, вернуться к себе и обрести абсолютную свободу.

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человечному... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом».

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает (aufhebung) теперешнее состояние»

«Для уничтожения (aufheben)... частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие»

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года

Техноэкономика сегодня напоминает вулкан Неа-Камени – островок новой тверди в опустевшей кальдере Санторина.

На наших глазах происходит сдвиг фундаментальных основ жизни общества, эпохальный переворот в самом способе человеческой деятельности. У него просто нет аналогов в истории – ни в писаной, ни в бесписьменной. Ни промышленная революция, ни даже неолитическая ему не сомасштабны. Драма XX столетия с его мировыми войнами, великими революциями и депрессиями – всё это родовые схватки старой эпохи, её потуги произвести на свет новую.

Но высокими словами новому делу не поможешь. Тем паче – раз его не с чем сравнивать.

Давайте рассмотрим атомарную единицу «техноэкономической» деятельности на учебном модельном примере. Разбирательство обречено быть малохудожественным и мелочно-занудным. Но без такого разбора полётов ни на словопрениях о «цифровой эко-

номике», ни на барахолке наскоро склёпанных «платформ-с-блокчейнами» далеко не улететь.

Попутно модель призвана «на пальцах» показать, что именно означает и как выглядит «уничтожение-снятие» частной собственности в институциональной парадигме Маркса.

Выдающийся советский философ Эвальд Ильенков ввёл понятие «конкретно-всеобщего». В своей книге, посвящённой диалектике абстрактного и конкретного, он на наглядном примере объясняет непосвящённым, о чём речь.

> *Предположим, перед нами находится сложная система взаимодействующих явлений, предмет как связное во всех проявлениях целое. Мы не знаем ни его «составных частей», ни принципа их взаимодействия.*
>
> *Для наглядности предположим, что перед нами – радиоприемник.*
>
> *Что и как мы будем делать, если хотим «познать» его?*
>
> *Хозяин радиоприемника во всяком случае должен знать, что поворот определенного переключателя вызывает появление звука в динамике, – что, стало быть, переключатель «связан» с динамиком. Это и есть пример абстрактного представления о предмете. Абстракция здесь устанавливает прямую и непосредственную связь там, где ее на самом деле нет, а есть связь, опосредованная через десятки, а может быть, тысячи промежуточных звеньев.*
>
> *Приемник это доказывает тогда, когда портится. В этом случае поворот выключателя убедительно доказывает, что прямой и непосредственной связи между ним и динамиком нет...*
>
> *Иное дело – конкретный анализ.*
>
> *«Конкретно-всеобщий» элемент этого сложного «целого» выступает как выражение того простейшего случая, в котором осуществляется реально радиоприем. Как таковой, этот конкретно-всеобщий элемент радиоприемника может и должен быть осуществлен отдельно от всех других элементов и деталей радиоприемника. Он, как известно, и был осуществлен в экспериментах основоположника радиотехники Попова с помощью очень несложного устройства – с помощью трубки с опилками, замыкающей электрическую цепь...*
>
> *С этого простейшего случая радиоприема и начинает, как известно, любой учебник радиотехники, любое руководство, имеющее целью раскрыть перед читателем тайну самого сложного радиоприемника.*
>
> *Любая же отдельная деталь приемника объясняется как звено в цепи, помогающее выявиться этому простейшему эффекту, усиливающему его.*

Анализ в данном случае выделяет такую простейшую часть «целого», в которой не исчезает специфика исследуемого предмета. Предел аналитического расчленения в данном случае указывает «природа целого».

Рассмотрим простейший случай техноэкономической трансформации процесса «производства стоимости» как части (аспекта) производства полезной работы. В качестве последней возьмём, скажем, «производство кирпичей». Оставим за рамками примера собственно процессы производства (формовка глины, обжиг в печи, упаковка, транспортировка и т.п.) а также распределения (отраслевая/региональная специализация, вертикальная интеграция, соблюдение законодательства и т.п.). Сделаем исключительно важное упрощающее предположение, что на всём протяжении техноэкономической трансформации этого бизнеса процессы производства и распределения остаются неизменными, трансформации подвергаются только процессы обмена (включая покупки условий производства, а также продажи его продуктов в качестве товаров). В такой модели производство кирпичей представляет собой успешный бизнес при условии, что сумма продаж превышает общую сумму покупок.

У нашего модельного примера есть несколько горизонтов рассмотрения:

1) сами производительные *акты обмена*, приводящие к производству добавленной стоимости;

2) *функции* институтов обмена («невидимых рук рынка»), обеспечивающих условия для этого обмена;

3) *трансакции*, сопряжённые с каждым из актов обмена;

4) *издержки* совершения этих трансакций;

5) *технологии*, с помощью которых возможно выполнение функций институтов обмена с сокращением либо устранением этих издержек;

6) условия, при которых возможна разработка и применение таких экономических технологий;

7) общая картина техноэкономической трансформации на примере рассматриваемого фрагмента хозяйственной деятельности.

1.

Начнём с того, что сами по себе акты обмена «шила на мыло» на первый взгляд вроде бы ничего нового не производят. *Производительность* любой человеческой деятельности в конечном счёте

сводится к тому, что общество присваивает силы/вещества природы, которые, будучи соединены определённым способом (лошадь – с плугом, рука – с пращой), и производят нужную (ему) работу. Интегральный акт обмена производителен в том смысле, что позволяет обменять продукты/услуги узкоспециализированной (и в силу этого более эффективной) деятельности субъекта современного «бизнеса» на полную совокупность «чужих» продуктов/услуг, необходимую для расширенного воспроизводства этой его деятельности – включая воспроизводство её субъекта не только как «бизнесмена», но и как человеческого существа и полноценного члена общества. В современном высокоспециализированном обществе такой акт обмена при эмпирическом рассмотрении рассыпается на необозримое множество актов покупки/продажи: участник акта обмена, строго говоря, обменивается своим товаром/услугой практически со всем обществом[1]. Поскольку прямые обмены кирпичей на орехи и яблоки мыслимы лишь умозрительно, на помощь приходят институты из Леса невидимых рук.

2.

В нашем примере, благодаря посреднической поддержке института Денег, его коробейников и лавочников, акты обмена распадаются на целую совокупность (точнее, мультиграф) «покупок» и «продаж». Продажи – это акты обмена произведённых товаров (кирпичей) на деньги (универсальный товар-посредник) покупателей, которые в следующем цикле опять расходуются на покупки. Покупки – это акты обмена вырученных денег на сырьё (глину), топливо (дрова), рабочую силу, средства воспроизводства основного актива (к примеру, смазка и запчасти для транспортёра, продвигающего тележки с кирпичом в печи и т.п.) и наконец – товары/услуги для жизнедеятельности собственника кирпичного завода (огурцы, колготки, яхты, книги и пр.).

Но при начале цикла покупок-продаж деньги для первой покупки нужно откуда-то взять. Миссию предварительного обеспечения участников обмена расчётным инструментом выполняет (как умеет) институт Капитала.

Хотя сами акты рыночного обмена обезличены, но получателям товара или денег по целому ряду причин важно для продолжения деятельности иметь достоверные свидетельства того, что они получены в результате легитимного акта обмена, и что предыдущий собственник этого товара (денег) известен либо может быть установлен

[1] А ещё точнее – с человечеством, когда он за деньги, вырученные от продажи кирпича в Урюпинске, приобретает бананы или Лексус.

компетентными институтами. Такие свидетельства обеспечивает институт Права, пришпиливая их к каждому кирпичу и рублю.

3.

Таким образом, каждый акт покупки в нашем примере – если в него всмотреться – в той или иной форме включает получение денег собственником кирпичного завода из банка (кредит), собственно покупку (перевод денег от покупателя к продавцам сырья и топлива) и регистрацию перехода прав собственности на партии глины и дров от продавца к покупателю. Симметричную картину можно усмотреть в акте продажи: регистрацию факта перехода товара (кирпичей) от продавца к покупателю, собственно платёж (поступление денег к собственнику кирпичного завода) и передача им этих денег на банковский депозит[1]. Прямые участники акта производительного обмена (кирпичей на ботинки и яблоки с орехами) фактически не видят и не знают друг друга, и никогда не общаются напрямую; вместо этого каждый из них постоянно взаимодействует с институциональными посредниками «леса невидимых рук». Например, в случае института Права это нотариальные конторы, регистрационные палаты, аудиторы и т.д. и т.п. Именно эти акты взаимодействия с институтами, напомним, Коммонс назвал «трансакциями». Строго говоря, вся непосредственная деятельность современного рыночного субъекта практически целиком состоит из трансакций. Чисто умозрительно можно представить, что продавец кирпичей знает кого-то из их покупателей лично, и даже обменивается с ним рукопожатием. Но это рукопожатие не является ни частью самого производительного акта обмена, ни одной из обязательных трансакций обмена.

4.

Понятно, что каждый из типов трансакций, необходимых для совершения обмена, неизбежно предполагает определённые издержки по содержанию соответствующего института. Трансакционные издержки прямо или косвенно включены в стоимость каждой рыночной сделки: участники рынка оплачивают деятельность «невидимых рук» из своего кармана. В этом утверждении нет упрёка в адрес рыночных сил, но есть – в адрес «экономической науки», претендующей на релевантность рынку, но игнорирующей его институциональное устройство. Коуз первым высказал этот упрёк.

[1] Хранение полученных денег не в банке, а под матрацем, опять же, можно рассматривать разве что умозрительно. Более сложные случаи типа их вложения в фонд прямых инвестиций остаются за рамками нашего учебного примера.

Первый же взгляд с институциональной позиции даже на наш сверхупрощённый пример приоткрывает под ним бездны. Ни орехов, ни яблок не видно и в помине. Один узкоспециализированный бизнес вступает в сделку обмена с другим. Один предлагает рынку товар «сырая глина». Другой – услугу «формовка, сушка и обжиг глиняных кирпичей». Ни тому, ни другому порадовать конечного потребителя нечем. Детальное описание того, как они дошли до такой жизни, и как на практике осуществляется их взаимодействие, не влезло бы в фолиант размером с «Капитал». Здесь пока достаточно обратить внимание на то, что у каждой трансакции есть своего рода *интерфейс* (способ и порядок обращения продавцов и покупателей к институтам обмена с прошением о чудесном превращении «сырой глины» в «орехи и яблоки») и *тело трансакции* – конкретный способ, которым лес невидимых рук отрабатывает эту заявку. Интерфейс выдачи банковского кредита – затяжная канитель сбора многочисленных документов, переписки и общения с банковскими клерками, венчаемая походом в регистрационную палату. А тело трансакции – это скрипучие шестерни многолюдных банковских департаментов, долгое и невидимое миру вращение которых приводит (либо нет) к таинству «перевода суммы кредита на счёт клиента». Нетрудно догадаться, что оплачивается это вращение за счёт самого клиента.

Когда адекватное экспертное знание, исследующее конкретные типы трансакций, сформируется и созреет, по его запросу, вероятно, будут развиты средства сопоставления различных разновидностей реальных рынков, качественные и количественные оценки присущих им трансакций. Но трансакции как таковые присущи рыночной экономике по определению: они являются не недостатком, а её свойством. В силу этого каждый шаг на пути сокращения и снятия трансакций является фактически шагом по сокращению сферы рынка – и соответствующему расширению сферы техноэкономики.

5.

Экономические технологии, конечно же, не будут «оцифровкой» существующих рыночных трансакций. Непонятно, как подобные популярные ныне глупости могут вообще приходить в голову. С таким же успехом современные технологии погрузочно-разгрузочных работ в порту можно воображать как цепочку человекоподобных роботов-крючников, рысцой бегущих с теми же мешками на железном горбу по тем же мосткам-сходням, и роботов-биндюжников, восседающих на козлах рыдванов. На смену грузчикам и бурлакам в действительности пришла технология контейнерных перевозок: та же *функция* переме-

щения грузов выполняется совершенно новыми *методами*, исключающими участие человека из большинства операций.

Непонимание роли пресловутой «цифры» (а точнее – IT) в современной экономике коренится глубоко – в неспособности различить *участников* рынка и его *агентов*.

Распространённое представление, будто банки «занимаются бизнесом» наряду с производителями товарных кирпичей, дров и глины, маскирует совсем иную реальность. Слова о том, будто они «торгуют деньгами», только наводят тень на плетень. Выражаясь институционально, банки являются агентами института капитала, в этом качестве обеспечивают обмен, не являясь его прямыми участниками, и взимают плату за свои трансакции. С баррикад классовой борьбы банки выглядят как эксплуататоры-процентщики, которые выжимают из заёмщиков прибавочную стоимость. Иными словами, банки – не участники рынка, а его агенты, ставленники «невидимых рук». Другое дело, что они не только шарят по карманам трудящихся, но при этом выполняют важную функцию, обеспечивая саму возможность обмена. Обществу перестало нравиться то, как именно они выполняют эту функцию – в этом корень нынешних проблем банков и с банками. Объём взимаемой трансакционной дани, конечно, играет роль дополнительного раздражителя.

Субъекты техноэкономики отказываются от *трансакций* института капитала, но не от его *функций*, заменяя услуги банков работой финансовых платформ.

Как они это делают?

Собственники кирпичного завода, глиняного карьера и фирмы по заготовке дров объединяют части своих активов в совместное предприятие (типа товарищества). Регламент его работы расписывается в соответствующем «смарт-контракте» и реализуется совместной экономической платформой. Сам факт объединения трёх предприятий в один «комбинат» (по типу Пикалёвского), конечно, ещё не устраняет трансакций институтов производства, а также институтов распределения – в рамках нашего упрощённого примера мы их пока даже не будем обсуждать. Здесь важно понять, что функции институтов обмена теперь берёт на себя экономическая платформа, избавляя долевых собственников нового предприятия от этого (и только этого) вида трансакционных издержек. Предприятие является единым собственником производимых кирпичей и продаёт их на прежнем рынке прежним покупателям в прежнем объёме. Но оно теперь располагает собственным сырьём и топливом, и не нуждается в кредите для их закупки на рынке. Бывшие субъекты рынка, ставшие теперь «цехами» комбината (и центрами внутреннего финансового учёта, осуществля-

емого платформой), больше не связаны рыночными покупками/продажами, не платят соответствующих налогов, не имеют отдельных счетов и банковских расходов на перемещение денежных средств между ними. Перемещение глины из карьера к печи для обжига не сопровождается юридическими актами регистрации перехода прав собственности и не требует оплаты услуг юридических фирм.

Даже грубая оценка показывает, что доходы кирпичного производства, избавленного от трёх разновидностей тяжёлой трансакционной дани, могут возрасти кратно.

Но всё это, естественно, при условии, что платформа не окажется очередным «госпланом», а будет обеспечивать взаимодействие частей комбината как минимум не менее эффективно, чем институты рынка.

Как же она работает?

Платформа выполняет три функции: эмиссионную, долевую и взаиморасчётную[1].

Владельцы кирпичного, глиняного и дровяного производств, объединяя свои активы путём взаимного обмена доступами к ним, фактически выступают как *соинвесторы* создаваемого предприятия. Текущая рыночная стоимость каждого из активов служит ориентиром для выстраивания дальнейшей системы взаимоотношений между соинвесторами.

Платформа «эмитирует» внутренние «токены» системы в количестве, соответствующем сумме стоимостей соинвестированных активов. На виртуальный «счёт» каждого из соинвесторов зачисляется сумма токенов, пропорциональная стоимости его актива.

Каждый токен представляет собой минимальную нерасчленяемую далее долю в собственности на совместное предприятие. Не забываем, что островок «техноэкономики» появляется только внутри сообщества соинвесторов, а снаружи её окружает обычный рынок, на котором по-прежнему не обойтись без денег. Простейший способ «монетизации» доли соинвестора – отождествление её с долей в конечных продажах (кирпича, а также возможных излишков дров либо глины).

Платформа осуществляет взаиморасчёты в токенах между соинвесторами в случаях принятия ими согласованных решений об изменении размера и/или соотношения своих вкладов, переуступке их частей друг другу и о вовлечении в предприятие дополнительных соинвесторов (например, транспортников либо строителей).

[1] Все термины имеют рабочий или переносный характер. Говоря об «эмиссии», «токенах», ICO и т.п. мы в основном используем эти слова в образном смысле, для облегчения восприятия. С точки зрения специалистов по IT всё это внутренние элементы и процессы программного комплекса платформы.

6.

Важно понимать: взаимное доверие и взаимная прозрачность партнёров-соинвесторов является необходимым стартовым условием для создания и функционирования техноэкономической платформы. Не «блокчейн» заменяет отсутствующее доверие технократическим протезом, а наличное доверие позволяет оконтурить его оболочкой распределённого реестра собственности. И только после этого начинают проявляться чудесные свойства блочейн-машины.

В рыночной жизни первоначальные договоренности между проектными партнёрами постоянно подвергаются коррозии разногласий, искушений и кризисов, порождаемых неизбежными переменами. Платформа предоставляет каждому из них не столько виртуальные монеты-токены, сколько наглядный интерфейс к текущему состоянию и динамике совместной собственности («shared value»), к структуре и объёму своей доли в ней, ко всем влияющим на неё внешним изменениям и шагам партнёров. Причём экономические взаиморасчёты платформа осуществляет автоматически, в строгом соответствии с научно обоснованными – и взаимно согласованными – алгоритмами.

Именно в силу этих свойств техноэкономическое предприятие является принципиально открытым и неограниченно продолжаемым для всех смежных участников рынка: в первую очередь – для прямых поставщиков и потребителей каждого из текущих соинвесторов. Например, по рекомендации собственника кирпичного завода в число соинвесторов может войти собственник домостроительного комбината, до этого приобретавший его кирпичи на рынке. Тогда в составе техноэкономического предприятия появится более длинная цепочка добавленной стоимости, где в качестве конечных продаж фигурируют уже не кирпичи, а строительные объекты, сдаваемые под ключ. Правильно построенное техноэкономическое предприятие имеет естественный потенциал стремительного всестороннего расширения по модели «цепной реакции».

Неизбежность появления техноэкономических платформ была обоснована ещё у С. Платонова. На семинарах в «Точке кипения» приходилось объяснять, что они должны иметь три функциональных измерения.

Со стороны предмета деятельности – это база данных по релевантным активам, каждый из которых представлен в виде пучка его трансакций.

Со стороны субъекта – пользовательские интерфейсы соинвесторов, обеспечивающие контроль и управление стоимостью совместных (shared) активов.

Со стороны объекта – конструктор экономических технологий, выполняющих институциональные функции вместо «невидимых рук» с меньшими издержками.

Чем отличается «платформа» от «машины»? Тем, что это принципиально многопользовательская машина (а не просто машина со многими интерфейсами). На самолёте тоже могут быть предусмотрены отдельные рабочие места для пилота, штурмана и радиста – хотя водитель автомобиля в одиночку справляется со всеми этими функциями. Причина появления многоместных машин просто в том, что число параметров управления и контроля может превышать физические и ментальные способности человека-оператора. Платформа же заменяет автоматом (роботом) одну из «невидимых рук» в роли посредника между двумя (и более) собственниками. И покуда на свете существуют хотя бы два собственника – каждый из них по определению является «частным», и оба они нуждаются либо в невидимой институциональной руке, либо в платформе с частными интерфейсами.

7.

Итак, мы имеем две картинки, отражающие начальную и конечную стадии трансформации «рынка» в «техноэкономику». Картинка №1 – собственники трёх бизнесов, торгующие друг с другом на рынке. Картинка №2 – созданное ими совместное предприятие, использующее внутри себя платформу многостороннего клиринга. На уровне здравого смысла обе картинки кажутся знакомыми, понятными, находящимися в полушаге друг от друга.

В чём разница между ними?

Она не только огромна. Не просто принципиальна. Она – фундаментальна. Проще и правильнее сказать, что между ними нет ничего общего. Первая – из завершившейся предыстории человечества, начиная от исхода первых обезьянолюдей из первобытного рая и заканчивая капитализмом. Вторая – из-за грани наступившей мета-эпохи, пока безымянной, дыхание которой уже опалило ветхий мир.

Испепеляющие годы!

Безумья ль в вас, надежды ль весть?

Но давайте сопоставим их в прозе.

Картинка №1. Рынок.

Субъектом является одиночка, «частный собственник».

Предметом бизнеса являются «товары», субъект занят их «продажами».

Объектом является «рынок», он взаимодействует с его институтами, с их помощью продвигая свой товар.

Картинка №2. Техноэкономика.

Субъектом является сообщество, группа «соинвесторов».

Предметом предприятия являются «трансакции», субъект занят их «снятием».

Объектом являются «экономические технологии», субъект ищет и подбирает нужные, подстраивает под задачи, замещает ими свои трансакции.

Как же преодолевать разделяющую эти континенты бездну, которую Гегель трактовал как «отчуждение» (Entäußerung), а молодой Маркс с друзьями отождествили с «собственностью»?

Разбирательство с «учебным примером» показывает, что не такая уж она (с виду) и непреодолимая. По меньшей мере, между материками обнаруживается узкий «берингов пролив». Правда, расположен он совсем не там, куда устремлены усилия широких масс цифропроходцев.

В чём засады, в которые они продолжают успешно попадать?

Будет не так обидно, если показать это на примере, который Ильенков использовал для разъяснения категории «конкретно-всеобщего».

Какую практическую задачу решили инженеры Попов и Маркони? Сейчас-то задним числом можно сказать, что была создана технология «беспроводной связи». Но дело в том, что никто из практиков такой задачи не ставил – ни перед ними, ни перед собой.

Вместо этого главные усилия и ресурсы были сконцентрированы на «улучшении телеграфной связи». Телеграф – великое достижение человечества, и я горжусь, что один из моих прадедов был телеграфистом. Главное управление почт и телеграфов Российской империи имело свою официальную эмблему и форменную одежду для сотрудников. А в чём основная проблематика проектов по улучшению такой связи? Чем амбициознее цель проекта в терминах улучшения связи, тем больше для него требовалось проводов и столбов. Причём повышение прочности проводов вело к их удорожанию – зато уменьшало потребность в столбах. Производители столбов, в свою очередь, указывали, что если ставить их почаще, то можно сильно сэкономить на прочности проводов. Тут раздолье для аналитических изысканий ведомственных и внешних аналитиков...

Ни о чём не говорит?

По-моему, вот о чём.

Правильная постановка вопроса была совсем иной. На деле решалась задача снижения трансакционных издержек существующей системы связи. Связь обеспечивала «невидимая рука электричества», которая действовала практически мгновенно (со скоростью света). «Столбы и провода» были частью трансакционных издержек

того способа, каким эта могучая рука делала своё дело. Так нельзя ли, сохранив функцию (мгновенная связь), изменить метод её выполнения так, чтобы частично отказаться от миллионов столбов и тысяч километров проволоки?

Правда, Коуз сформулировал трансакционный подход сорок лет спустя. Но то в применении к экономике. А в классической инженерии он использовался гораздо раньше.

Теперь о двусторонней роли инженера. Он должен быть способен переформулировать пургу, которую несут эксперты-практики (о столбах с проводами), в качественную, а затем количественную модель их реальных трансакций. Но с другой стороны – причём, принципиально другой – он должен быть в курсе новомодных увлечений теоретиков типа Максвелла и К° какими-то там «электромагнитными полями». Генрих Герц был в курсе, и фактически создал первый радиоприёмник раньше Попова. Но он не был инженером, и оказался не в состоянии задаться вопросом: какие трансакции можно снять с помощью этой новой игрушки?

Наконец, будь на месте тузов телеграфной промышленности современные концерны «Столбпром» и «Роспроволока», энтузиасты беспроводной связи были бы своевременно трудоустроены в их ведомственные институты (это в лучшем случае), а кафедры электромагнетизма напрочь лишены финансирования и закрыты.

Волны модернизаций, инноваций и цифровизаций направляются самими волнотворцами в глухой тупик, где налетают на одни и те же волноломы.

Начать с того, что технологии, которые окажутся востребованы в новом хозяйственном комплексе, конечно же, будут «цифровыми». Но это почти тавтология, пустая банальность, ровным счётом ничего об их сути не говорящая. Ей нужно противопоставить уже полную тавтологию: новые технологии преобразования экономики будут прежде всего экономическими. Это будут технологии управления стоимостью, снятия трансакционных издержек институтов рынка.

Принято считать, что единицей волны преобразований является «проект» - группа сильно озабоченных лиц, которым нужны деньги, очень много денег, причём – на долгий срок. Проекты бывают двух типов. Первый идёт «от проблем». Литейная отрасль находится в бедственном положении, основные фонды изношены, к тому же давно морально устарели. Дайте денег, много денег – и мы увеличим выпуск литья, притом обеспечим импортозамещение. Второй – «от возможностей». С неба падает новая технология лазерного упрочнения металлических поверхностей, подверженных износу. Дайте денег, много денег – и мы внедрим её на железнодорожном транспорте с миллиардными прибылями в перспективе.

Екатерине Великой приписывают четыре ошибки в слове «ещё». Это наш случай.

Во-первых, лучше иметь дело с группой заказчиков, у которых не так сильно дрожат руки. Не ищем для начала ни особых проблем, ни ослепительных возможностей: займёмся устоявшимся бизнесом, который не бьётся в падучей, но не прочь снизить свои трансакционные издержки. Это и есть «проект». Ему не нужны бизнес-ангелы, зато попутно из него изгоняется целая орава бесов.

Во-вторых, не стоит покупаться на псевдоспрос госкорпораций, хвататься за инфраструктурные проекты отраслевого масштаба. Лучше начинать, имея дело с кредитно-денежными трансакциями простого бизнеса, имеющего устойчивый спрос – еда, одежда, быт, стройматериалы – который в кризисные годы балансирует на грани рентабельности.

В-третьих, не нужно ни ошарашивать заказчика с ходу блокчейном, ни сулить, будто тот чудесно избавит его от непорядочности контрагентов. Верный путь – находить в сети экономических отношений островки взаимного доверия, сложившегося между непосредственными партнёрами, капитализировать его с помощью технологии распределённых реестров и помогать ему распространяться вдоль цепочек добавленной стоимости, сращиваться естественным путём с другими такими же.

Наконец, *экономическая технология, для внедрения которой требуется много денег* – это насилие над смыслом. Один из её эффектов как раз в том, что из внутреннего проектного пространства, из пространства хозяйственных связей между участниками проекта деньги устраняются. Их функции выполняет теперь проектная платформа. Сумма снятых денежных издержек – за вычетом премии участников проекта – и содержит в себе бюджет разработчиков и/или собственников платформы.

Письма о техноэкономике рассказывают не всё и не обо всём необходимом.

Но более чем достаточно.

Жанр исчерпан.

Сергей Чернышев
29 марта – 22 ноября 2018 г.

НЕВИДИМАЯ РУКА ЛЕВИАФАНА

«Человек, застигнутый недугами и старостью, вовсе не находит, что почести и богатства заслуживали предпринятой им тяжкой погони за ними. Власть и могущество оцениваются им в таком случае по достоинству и принимаются за огромные и сложные машины, предназначенные доставить несколько пустых удобств и состоящие из таких хрупких и непрочных пружин, что правильное их действие требует неусыпного внимания и что, несмотря на всю нашу заботливость, они ежеминутно могут разлететься вдребезги и раздавить своего несчастного обладателя. Эти громадные сооружения, возведение которых требует целой жизни, ежеминутно грозят засыпать своими обломками того,

кто желает иметь их своим жилищем; к тому же в них чаще, чем где-либо в ином месте, он подвергается тревогам, страданиям, опасностям, болезням и смерти».

А. Смит, «Теория нравственных чувств»

Одним из наиболее часто исполняемых произведений разговорного жанра является мантра о недостижимой эффективности «невидимой руки рынка» и о порче, которую наводят на неё жадные монополии и неповоротливое коррумпированное государство. Сама эта конфигурация из трёх слов, приписываемая Адаму Смиту, приобрела статус идейного ядра современного экономического мировоззрения.

С помощью Google легко убедиться, что Адам Смит никогда не употреблял такого словосочетания. Сам он говорил просто о «невидимой руке», безотносительно к рынку, в широком смысле слова. Но и эта связка из двух слов во всём корпусе его работ встречается лишь трижды.

В опубликованной посмертно ранней «Истории астрономии» в качестве хозяина руки подразумевается конкретно бог Юпитер, а вовсе не его оборотистый отпрыск Меркурий.

В знаменитом (везде кроме РФ) трактате «Теория нравственных чувств» принадлежность руки никак не оговаривается, но атрибут невидимости там дважды недвусмысленно отнесён к «божественному существу». Единственное же упоминание невидимости в комплекте с «рукой» встречается в абстрактном внеисторическом контексте:

«Земля почти всегда питает все то население, которое обрабатывает ее. Одни богатые избирают из общей массы то, что наиболее драгоценно или редко. В сущности, они потребляют не более, чем бедные. Несмотря на свою алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода. Провидение, разделив землю между небольшим числом знатных хозяев, не позабыло и о тех, кого оно только с виду лишило наследства, так что они получают свою долю из всего, что производится землей».

Тут речь не о рынке – или, как минимум, не только о нём. Смит указывает на незримые общественные силы, чья работа не только не

управляется, но даже не осознаётся людьми, вовлекаемыми в их оборот, но приводит тем не менее к социально-значимому переделу долей в общественном продукте. Роль такого перераспределителя в дорыночную эпоху успешно выполнял, к примеру, «потлач» у индейцев северо-западной Америки и иные институты разнообразных «обществ дарения», где обмен отсутствовал и как явление, и как понятие.

Во второй из своих великих книг, «Исследовании о природе и причинах богатства народов», Смит наконец-то помещает «невидимую руку» в общий социальный контекст с «капиталом» и «прибылью». Казалось бы – вот оно, чего ж вы ещё хотите? Но прямые обращения к текстам классиков неизменно токсичны для их адептов, и шотландский мыслитель тут не исключение. На этот раз под ударом оказывается приписанная Адаму Смиту идея устремлённости усилий невидимой руки ко всеобщему благу.

«Всякий человек употребляет капитал [...] только ради прибыли. [...] Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. [...] В этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».

Оказывается, относительно цели, к коей невидимая рука благоволит направить общество, классик утверждал лишь то, что общество от неё «*не всегда страдает*». Впрочем, с другой стороны, человек, преследующий частный интерес, благодаря этой руке «*часто* более действительным образом служит интересам общества». Часто – но опять-таки не всегда.

Шотландец рулит! Одного лишь мимолётного образа «невидимой руки», одного перышка из хвоста чудной райской птицы хватило потомкам, чтобы воздвигнуть на нём целое мифовоззрение.

Непременным атрибутом мифа, в особенности научного, является агент тьмы, чинящий обструкцию носителю света. Эту роль в данном случае играет государство, вставляющее палки в незримые колёса.

1.

В институциональной парадигме феномены «государства» и «рынка» объединяет то, что оба, говоря высоким штилем, относятся к числу отчуждённых социальных сил: существуют сами по себе с

незапамятных времён, не имеют официального создателя (если не разуметь под ними богов и мифических героев), обладают собственной логикой и претерпевают в истории собственную эволюцию. До новейшего времени они не были предметом рационального исследования и трактовались скорее метафорически или оценочно-идеологически. Но вот с метафорами им повезло совершенно по-разному. Томас Гоббс наградил государство мрачным аватаром «Левиафана». У Адама Смита рынок позаимствовал образ добродетельной «невидимой руки». Оба классика, впрочем, имели в виду не совсем то (и даже совсем не то) содержание, которым обросли их аллегории в процессе народного творчества.

«Невидимая рука» до недавнего времени рисовалась в обыденном сознании как конструктивная сила, армия трудолюбивых гномов, подпольно приводящих в движение рычаги экономики. Незримая длань виделась свободной как ковбой, справедливой как шериф, беспощадной к не вписавшимся в рынок, чудесно обращающей низменные порывы корыстолюбцев и жмотов в рычаги достижения общественного блага.

В мечтах советских обывателей невидимая рука – своего рода «тимуровцы». У писателя Гайдара (не Егора Тимуровича, а его дедушки Аркадия) в одной из пионерских повестей-сказок был подпольный отряд под командованием Тимура, который тайно по ночам вершил добрые дела. Просыпается утром ветеран большевистского подполья – глядь, а дрова уже поколоты и огород вскопан. И только звезда на память на воротах нарисована.

Ну, теперь-то, умудренные опытом, мы знаем, что добрые дела у невидимой руки получаются, грубо говоря, через раз. Но сейчас речь не об этом.

Второе свойство невидимой руки, как бы подразумеваемое, вытекает из ее невидимости. Раз она невидимая – то стало быть и анонимная. Не к кому обращаться. С Тимуром в контакт вступить довольно трудно (если вы только не его прямой оппонент Миша Квакин – двоечник и хулиган). Поэтому пламенные обращения, призывы, речи, адресованные рынку, выглядели бы странновато, как заклинания жрецов, обращенных к духам дождя с прошением прекратить засуху. Рынок – сила анонимная и в этом смысле никто персонально ее не олицетворяет, а стало быть, персонально никто за ее деяния не отвечает – ни за добрые, ни за злые. Будь то олигарх-миллиардер, министр финансов или даже лично председатель совета управляющих ФРС.

«Левиафан», напротив, в медийном зеркале изображался состоящим из хорошо видимых руководящих лиц – одно антипатичнее

другого – за спинами которых маячат толпы неэффективных, алчных, коррумпированных бюрократов. Публицисты настаивают на том, что мы сами нанимаем эту орду «оказывать услуги» в качестве служащих на зарплате, образующейся из наших налогов. Считается, что оборотистой невидимой руке громила-левиафан только мешает, к рынку чиновников лучше и близко не подпускать – разве что караулить частное добро в роли «ночного сторожа».

Обе картинки рассыпаются при соприкосновении с первым же фрагментом реальности. Об этом умаялись талдычить и эксперты, и учёные – но мифы живут-поживают в параллельном мире.

Нынешнее общественное блогосознание того и гляди совершит традиционный кульбит, поменяв местами благо со злом. Оно нацелилось спихнуть невидимую руку рынка с пьедестала почёта и водрузить туда Левиафана в качестве двигателя планового хозяйства, по коему наметилась ностальгия.

Самое время (если оно ещё есть) поместить видимо-невидимую парочку в объемлющий институциональный контекст и задаться относительно неё несколькими конкретными вопросами.

Во-первых, так ли уже невидима к началу XXI века невидимая рука рынка, а также все прочие социальные конечности? И что мы можем теперь сказать относительно их видимых частей, обрисовавшихся в поле зрения?

Второй вопрос: всегда ли рука рынка творит благо? Или – как обнаружилось в скрижалях ветхого Адама/Смита – не всегда? В последнее время даже апологеты поговаривают и пописывают, будто рука амбивалентна, раскладывает пасьянсы по ту сторону добра и зла, но по случаю совершает добрые дела и выполняет некоторые важные функции. И распространяется ли эта амбивалентность на прочие социальные руки, из коих нас прежде всего интересует державная длань?

Третий касается подразумеваемой анонимности либо, того хуже, бессубъектности руки рынка (в связи с её невидимостью). Имеет ли смысл персонализированное обращение к социальным институтам с призывами, проповедями и требованиями? Последнее в случае с рынком вроде не практикуется, а в случае с государством и властью, наоборот, почему-то считается в порядке вещей.

2.

Прожектор финансового кризиса-2008 высветил из пресловутой невидимости многорукое чудище-гекатонхейра с головами вполне узнаваемых мега-барыг финансового рынка. На фоне их деяний матёрые казнокрады смотрятся октябрятами. На волне неслыхан-

ных безобразий к научным обличителям дефектов рынка подключилось искусство вплоть до кинематографа (см. оскароносную «Игру на понижение») – но тоже без особого успеха. Напротив, немалые интеллектуальные силы брошены на защиту и реабилитацию облажавшейся невидимой руки.

Книга Джеффа Малгана «Саранча и пчела» искусно балансирует на грани между принципиальной товарищеской критикой и утончённой апологетикой. Рука капитала поочерёдно отождествляется то с медоносной труженицей, то с всепожирающей казнью египетской, с лёгким креном в пользу первой. На деле автор клеит поверх полотна, приписываемого кисти Адама Смита, вторичную метафору, притом куда более сомнительную. В ней эксплуатируется ходульный миф о добрых трудолюбивых пчёлках, не учитывающий прозы реалий: орды трутней, жрущих мёд втрое против работниц, или роя диких пчёл, что заживо загрызают бортников-налоговиков. Обличители пороков саранчи тоже в лучшем случае слыхали, что Иоанн Креститель (как и многие схимники) не брезговал акридами, но им невдомёк, что во многих странах мира саранча и поныне служит вкусной и здоровой пищей, добываемой дёшево и в больших количествах.

С другой стороны, описаниям феномена государства явно недостаёт если не позитива, то хотя бы показной амбивалентности уровня Малгана. А ведь батюшка Левиафан тоже бывает не чужд добродетели.

Поставим себя на место общинников-«смердов» из компьютерной игры про древнюю историю. Ежегодно доблестный князь с дружиною по осени возвращается из разбойной засады на днепровских порогах, либо из прикладной экскурсии по тылам византийского царства. По исчерпании награбленных припасов силовики седлают оголодавших коней и отправляются в «*полюдье*». Это значит, что в любой из дней с ноября по апрель толпа мордоворотов во главе с августейшим могут внезапно нагрянуть к вам в деревеньку погостить, постоловаться, а по убытии оставить пейзаж как после мора и глада вкупе с пожаром/наводнением. Причём ни даты, ни сроки, ни аппетиты гостей по шкале Рихтера абсолютно не предсказуемы.

Но вот однажды у входа в деревенское капище обнаруживается испещрённая знаками каменная плита, ещё хранящая тепло 3d-принтера. И любой общинник, владеющий древнехараппским языком межплеменного общения, водя пальцем по иероглифам и шевеля губами, с волнением читает:

«Я, великий владыка неба и земли Левиафанхамон, объявляю открытый конкурс на замещение вакансий подданных мне общин. Победителям ниспосылается государева благодать в трёх пунктах:

1. Полюдье отменяется навеки. Нефиг нашим величествам мотаться по вонючим деревням. Дань отныне взимается путём добровольной доставки её самими данниками в заранее установленной номенклатуре и объёме строго в нормативные сроки в дворцово-храмовый приёмо-сдаточный пункт. Сдавшему вдевается в ноздрю бронзовое кольцо-оберег с QR-кодом, избавляющим от дополнительных обременений и санкционирующим разовую поездку на ярмарку либо в отхожие промыслы.

2. Для снижения надзорного давления на малые и средние общины мытарям контрольно-ревизионного храмового хозяйства предписывается шмонать оные только по случаю недоимок (либо в особо установленном порядке по предъявлении мандата, выдаваемого кем следует кому надо).

3. Буде объявится некто, самопровозглашённый князь содомский и гоморрский (да хоть заморский), претендующий на изъятие материальных благ помимо и сверх нормативных сроков и объёмов – об том надлежит немедля проинформировать дворец почтовым голубем либо по факсу. Государевы гвардейцы грудью встанут на защиту законных интересов, порвут беспредельщику пасть и натянут глаз на седалище. По таковому отрадному поводу надлежит их вознаградить, расквартировать, накормить до отвала и напоить до беспамятства».

Прослышав о привалившем счастье, широкие массы смердов, естественно, устремляются к сияющим чертогам хозяйственной определённости на добровольное закрепощение. И вот уже поверх чересполосицы и вечной свары маломерных княжеств простираются пределы древних царств с их храмово-складским хозяйством и регулярными упорядоченными поборами. Но ведь обратной стороной этого унылого орднунга является колоссальный рост производительности, чьи циклопические постройки заметны даже из космоса. А заодно – бурный расцвет письменности, тонны глиняных табличек с хозяйственной документацией и формирование сословия грамотеев, на досуге пробавляющихся анекдотами о Гильгамеше.

Каждая новая ступень эволюции отчуждённых социальных институтов поначалу смотрится как шаг к производительности и прогрессу, свободе и гуманности. Но вскоре пчела-устроительница сот обзаводится хищной челюстью и аппетитом саранчи. И в этом отношении институты «рынка» и «государства» стоят один другого.

3.

Начнём с пресловутой неуловимости Неуловимого Джо. Как обстоят дела с невидимостью невидимых рук спустя четверть тысячелетия после их обнаружения сверхчутким радаром Смита?

На первый взгляд, ситуация с Левиафаном выглядит попроще. Чем там занимаются чиновники у себя в кабинетах, мы, конечно, не знаем (хотя и догадываемся). Но спрятавшись в кустах у проходной министерства, можем по крайней мере посчитать их по головам. По данным Минфина РФ, на июль 2019 года в стране насчитывалось «603 тыс. федеральных государственных гражданских служащих, 252 тыс. региональных гражданских служащих и 395 тыс. муниципальных служащих в органах местного самоуправления». Миллион с четвертью нахлебников-госуправленцев. Впечатляет?

Но присмотримся к рядам бойцов невидимого рыночного фронта. Полноценной статистики не найти, поскольку нет ни общественного запроса, ни ясно определённого предмета. Есть лишь фрагментарные материалы. В официальном издании Росстата обнаруживаются, к примеру, данные о численности «финансового сектора». Конечно, это далеко не вся королевская рать – но несомненно, её передовой отряд. Беглое перечисление его укрупнённых подразделений занимает страницу. Число занятых в «финансовом секторе» по данным на 2018 год составило миллион 643 тысячи человек. Левиафан отдыхает на обочине. Кто все эти люди? И кстати, кому подчиняются?

Они не принадлежат ни к числу тех, кто занят производством продуктов и услуг (слесаря, сапожники, мельники) ни их распределением (прорабы, бригадиры артелей, начальники цехов), ни обменом (купцы, лавочники, продавцы за прилавком). Однако это обстоятельство ничуть не умаляет их заслуг.

Именно «финансовый сектор» образует верхний слой незримой опосредующей инфраструктуры *трансакций*, поддерживающей связность товарного хозяйства.

4.

Конечно, всякое общественное производство в конечном счёте сводится к извлечению и присвоению сил и веществ природы. «Возобновляемая» энергия солнца и ветра в этом отношении ничем не отличается от дров и угля с нефтью. Но общество – не Робинзон: человеческая Лилипутия со своими томагавками, лопатками и грабельками наседает на огромную тушу природы разрозненной склочной толпой; и лишь по мановению невидимых институциональных рук этот бардак местами консолидируется в ватаги, гильдии и товарищества на вере, уже в данном качестве худо-бедно принося отдачу.

Польза от институтов налицо, но с двумя «но». Во-первых, природа этой пользы совершенно иная, чем у хозяйствующих субъектов. Во-вторых, пользование своими «услугами» институты обременяют данью, научно поименованной трансакционными издержками.

Статья в Википедии отмечает со сдержанной гордостью: «Финансовые услуги — крупнейшая по выручке индустрия в мире». Ещё бы.

Только вот где здесь «услуги», кто служит и кому? И откуда «выручка», кто кого выручает, из какой беды?

Для того, чтобы по осени снять урожай, земледельцу весной требуются материалы и инструменты для посева. Если он не заканчивал финансовой академии, ему и в голову не приходит, что для этого нужны такие «услуги» как кредит, деньги, легитимация посевных работ – ему нужен конкретно плуг. Но кузнец живёт далеко, да и посулами доли от продаж будущего урожая вместо сегодняшнего кэша его не прельстишь. Как тут выкрутишься без заботливых ростовщиков с их институциональными наворотами?

Банковское дело у обывателей принято считать отдельным видом «бизнеса» – в одном ряду с товарным производством зерна и сельхозтехники. На деле между ними простирается космическая бездна. Хлеборобы – *участники* рынка, финансисты – его *агенты*. Булочникам не выжить без мукомолов, они должны взаимодействовать с прочими производителями и потребителями, но увы, вследствие первородного греха им не дано это делать напрямую – только посредством сил «самоотчуждения», в частности – пресловутой невидимой руки. А банкиры и есть пальцы этой самой руки, чья видимая часть для клиентов ограничена рамкой окошка операционистки.

Фермерам и кузнецам – чтобы не потерять друг друга из виду, не остаться на бобах и при гвоздях – приходится содержать всю руку-посредницу за свой счёт: не одни лишь банки – весь финансовый сектор, и бери шире – всю систему денежной эмиссии, обращения и бухгалтерии, весь институт хозяйственного права с его юристами, аудиторами, нотариусами и регистраторами сделок. Совокупный объём этого многомиллионного кормления, невиданного, даром что невидимого, и составляет громаду «услуг», а точнее, трансакционных издержек рынка – в том единственном смысле, который вложили в этот термин Коммонс и Коуз. Новорусский яппи, гордящийся тем, что «совершил трансакцию» на миллион баксов – тот же ребёнок, который радостно сообщает как о трудовом достижении: «Мама, я покакал!»

Институт рынка – невидимая чёрная дыра в центре экономической галактики, своим тяготением организующая и стягивающая

хаос и мельтешение звёзд и туманностей; но её незримый зев отжирает львиную долю производительности каждого хозяйствующего тела, излучаемого им тепла и света, а гравитационные коллапсы финансовых кризисов то и дело рушат едва установившееся хрупкое единство.

Но и в самой сердцевине туши Левиафана – якобы зримой, но по сути необозримой – обнаруживается та же роковая двойственность его «услуг»-трансакций.

Пенсионер, вступая под светлые своды «многофункционального центра», не нарадуется на растущий уровень казённого сервиса. Однако так ли услужлив сектор госуслуг? Вот автовладелец, пришедший обменять просроченные права на новые, убеждается, что эта процедура проходит в заранее установленный час, быстро, чётко, да и обходится недорого. Только вот спрашивается, кому служит эта услуга? Водителю для езды – в прямом, житейском смысле этого слова – и даром не нужна пластиковая ксива. Он вынужден принудительно получать её у одной части госаппарата, чтобы затем принудительно предъявлять её другой.

Выдача прав, паспортов технического средства, страховых полисов и талонов техосмотра, их постоянная проверка, замена, обновление – это некоторые внутренние моменты жизни самого Левиафана, в которые я попадаю как кур в ощип. Приятно, конечно, что он по милости своей решил с помощью системы МФЦ слегка облегчить мою участь на отдельных этапах жизненного цикла этих бумаг – бессмысленного для меня от начала до конца, если я степной всадник или просто джигит, не признающий правил. Понятно, что это мерлезонское действо оправдывается безопасностью на дорогах.

Дело в том, что мы проскочили крамольный вопрос: а зачем нужен Левиафан? Но естественно напрашивающийся анархистский ответ “А он вообще не нужен, давайте ездить без прав” привел бы к тяжелейшим последствиям, росту смертности на дорогах, и без того зашкаливающей; да и сам проезд стал бы невозможен.

Так же и регистрация (бывшая прописка), ресурсоёмкое сакральное мероприятие, не помогает вам в борьбе с протечками кровли и домашними насекомыми, зато позволяет фараону контролировать местонахождение и направлять перемещение трудовых ресурсов – типичное «зло во благо», как и в случае с трансакциями рынка.

Сталкиваясь по нужде с любым из социальных институтов, с одной из невидимых рук будь то рынка, будь то государства, будь то общества, мы неизменно обнаруживаем часть той силы, что вроде бы и совершает благо, но такое впечатление, что вечно хочет зла.

5.

Спрашивается, кому именно принадлежит взгляд на государство-Левиафана как на скопище пороков? С какой позиции открывается такой угол зрения на него?

Секрет вполне полишинельный. Именно с точки зрения адептов и агентов института рынка государство тормозит, портит, разворовывает, ограничивает бизнес, и сыплются просьбы в его адрес исчезнуть или съежиться до уровня ночного сторожа. Но чуть что, адепты рынка прибегают к тому же Левиафану за защитой собственных интересов от своих же жуликов.

Если представить себе подборку аналитических статей типа сборника «Вехи», написанных видными мыслителями рынка по поводу его стратегических проблем, там вполне нашлось бы место для своего Гершензона, для фразы в его духе, что не клясть мы должны Левиафана, а благодарить за то, что только он «своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной». Кабы не Левиафан, ларьки в ту же ночь разгромили бы, бизнес разворовали, всем частным фирмам пустили под крышу красного петуха – по понятным причинам.

Речь вовсе не о том, что взгляд со стороны рынка на государство не объективен. Он может отражать вполне реальные проблемы, которые рынок испытывает и приписывает их источник государству – и в известной мере они там и находятся. Но это не целостный взгляд на государство. Он игнорирует, во-первых, ту его реальную функцию, ради которого оно необходимо за неимением лучшего, и, во-вторых, не отражает его собственных проблем. Иными словами, это не научный, не объективный, не целостный, а весьма частный и пристрастный, идеологизированный взгляд. Но других и не бывает.

А с другой стороны есть зеркально-симметричный взгляд государственников, агентов и адептов Левиафана на рынок. С их точки зрения, это торжище сплошь состоит из жуликов и мошенников: какую формальную систему правил для рынка ни придумай, она никогда не поспевает за его проблемами, а во-вторых, всегда зияет пробелами и дырами, через которые предприниматели мешками растаскивают казённое добро. И ведь многие шельмецы не нарушают закон впрямую, они отираются в серой зоне, то есть их действия, приносящие невероятные башли, с формальной точки зрения (будь она неладна) не могут быть отнесены к противозаконным. Но с точки зрения других общественных институтов они аморальны и безнравственны – что не может не приводить этатистскую рать в ярость.

Отечественный Левиафан вынужден терпеть эти безобразия, в частности, и потому, что ему вменили рыночную идеологию. Там на

руководящих постах находятся люди, которые отчасти или полностью являются засланными казачками рынка. И по многим другим причинам, в частности – международным, они вынуждены «сохранять приличия». Но если посмотреть на источники пополнения бюджета, то всё, что Левиафан собирает в качестве налогов с того, что хоть как-то можно считать бизнесом, наверняка уложится в 10%, а все прочее – доходы от казённой заморской торговли нефтью и газом, ворванью и пушниной, лыком и пенькой. Другое дело, что вся эта торговля роздана по таким частно-государственным конторам, которые лишь прикидываются, будто живут по рыночным законам, а само государство прекрасно понимает, что это гигантская дыра, через которую бюджет со свистом утекает в частные закрома. Отсюда понятно некое близкородственно-сложное, но в целом симметрично враждебное отношение Левиафана к невидимой руке.

Означает ли это, что один из двух бодающихся институтов прав, а другой виноват? С институциональной позиции, конечно же, не означает. Оба они друг друга стоят, оба взаимно враждебны и оба друг в друге нуждаются. И это касается любого общества, не только и не столько российского.

Но такое суждение нужно дополнить двумя соображениями.

6.

Во-первых, каждый из них претерпевает свой вариант эволюции. При своём появлении каждая невидимая рука представляется манифестацией света, свободы, справедливости, и все прогрессивные силы общества устремляются под ее омофор. В свое время заскорузлые рабовладельцы мешали передовым независимым феодалам. Потом драчливые, прожорливые, тупые феодалы стали преградой на пути явившихся просвещенных сторонников абсолютизма. Позднее те, в свою очередь, чинили обструкцию креативным нуворишам и выскочкам из сословия буржуазии и т.д. Факт в том, что всякий институт при появлении и в начале своей эволюции действительно в каком-то смысле отражает свет прогресса. Потом он рутинизируется, становится просто новой природой, жизненной частью почвы, в которой коренится общество. А потом бьет час, и у общества отрастает новая невидимая рука. В этом смысле рынок как более поздний институт, чем государство, с точки зрения такого типа социальной эволюции выглядит более прогрессивным.

Но – во-вторых – вся эта точка зрения, весь этот взгляд относится к тому ряду эпох, что Маркс назвал «предысторией». А сейчас у нас как минимум сосуществуют в человечестве два взгляда: старый,

предысторический, и новый, метаисторический (?), где две тяжущиеся позиции зеркально меняются местами. И надо понимать, осознавать, разбираться в том, что в новую эпоху, грубо говоря, взгляд на государство как на Левиафана, устаревает не потому, что оно улучшается, а потому что на его месте, по Дюркгейму, появляется, точнее, должен быть воздвигнут мир новых корпораций – частью которых станут пресловутые «платформы». Но речь об этом впереди.

7.

Почему неизменно терпят крах попытки автоматизировать те или иные функции Левиафана, построить хоть одну «платформу», которая выполняла бы или хотя бы облегчала одну из тех задач, что сейчас решает государство, при этом не будучи убыточной? В этом вопросе несколько слоев, и придётся снимать их один за другим.

Начнем с кажущегося самым простым. Для того чтобы автоматизировать выполнение некоторых функций аппарата, надо бы, как считается, сперва тщательно описать, как именно эти функции выполняет сам аппарат. Но тут мы сразу оказываемся в ловушке под видом перепутья.

Первый путь – назовём его «путь Балаганова[1]» – в том, чтобы, грубо говоря, заменить лошадь на мотор, сохранив в получившемся авто всю оставшуюся повозку: рудиментарный хомут с оглоблями и т.п. – сиречь автоматизировать государство частями, по контуру реального способа действия его нынешнего аппарата, со всеми его заморочками.

Второй, «путь Остапа» – признать, что аппарат все делает неправильно, и тогда надо изначально в модели предписать, как его функции должны выполняться по новым правилам. Но в таком случае, это не автоматизация существующей деятельности. Это замена госаппарата на некоторую искусственную технологию, систему, которая в каком-то смысле делает то, что нам надо, но не совсем (или совсем не) так, как делал аппарат.

Начнём с первого пути.

Представим, что работа по точному описанию того, как сейчас работает аппарат, поручена всевидящему, всезнающему, но очень наивному марсианину, который, не задумываясь о наших проблемах, просто берет и честно представляет общественности объективную

[1] «– Может, все-таки возьмете частями? – спросил мстительный Балаганов. Остап внимательно посмотрел на собеседника и совершенно серьезно ответил: – Я бы взял частями. Но мне нужно сразу».

картину. Эта картина была бы ужасна по двум причинам. Во-первых – там обнаружится коррупция, взяточничество, казнокрадство и т.д. Но на самом деле, гораздо более важна вторая причина: выяснится, что аппарат совершает кучу загадочных действий, которые сами по себе, может быть, никаких законов и не нарушают, но их рациональный смысл нам непонятен, а без этих действий аппаратные подходы не прокатывают. Например, перед тем, как чиновники заключают соглашение и договариваются о совместных действиях, они зачем-то должны долго и упорно париться в бане и пить водку. Но если закрыть баню, убрать оттуда водку и сопутствующий персонал, то выясняется, что согласие перестаёт достигаться. И так во всем.

Дело в том, что реальную деятельность Левиафана по-настоящему никто не изучал. А если бы взялся и преодолел первую полосу препятствий (там много тайного, неправильного, задевающего частные интересы), то нарвался бы на то, что эта внутренняя жизнь всегда включает сложные взаимодействия с другими институтами, выше и нижележащими: с невидимой рукой рынка с одной стороны и невидимыми руками общественных институтов (способностей, потребностей, суверенитета) – с другой.

Первая проблема ещё как-то преодолима, хотя бы в принципе, за счёт того, что у компетентных органов и силовых структур имеются различные досье на проделки множества чиновников. Досье, правда, не заточены специально на точное социологическое описание реальности, но невольно отражают многие стороны этой реальности, которые не принято обсуждать, а скорее, принято скрывать.

Предположим, мы могли бы восстановить полную картину деятельности Левиафана, невзирая на то, что вскрылись бы при этом проблемы и недостатки, преступления и злоупотребления, непонятки и заморочки. Как говаривал Станислав Ежи Лец, ну хорошо, мы пробили стенку лбом – а что будем делать в соседней камере?

Гораздо важнее второй слой проблемы.

Этот слой лучше пояснить на более простом примере существующих сфер технологизации, где старый способ деятельности, обременённый трансакциями, уже был заменен на новый, автоматический. И этот новый совсем не похож на старый, и даже не следует по его контуру. Возьмем порт, где идет разгрузка товаров, прибывших морем, и их перегрузка на другие виды транспорта, например, железнодорожный. Как это осуществлялось раньше? Если судить по кино или литературе, там были крючники, то есть грузчики, которые бегали по мосткам с борта корабля на берег, таща с помощью специальных крюков мешки, которые они громоздили себе на спину. А на берегу их ждали биндюжники, то есть ломовые извозчики,

которые перегружали мешки на телеги, и везли дальше для использования в народном хозяйстве.

Естественно, современный высокоавтоматизированный морской порт на эту картинку совсем не похож. Там нет человекообразных роботов, которые бегут по стальным мосткам с мешками на железных спинах. И нет андроидов-биндюжников, которые на рыданах-автопилотах куда-то едут. Вместо этого существует современное складское хозяйство с автоматическими или автоматизированными козловыми кранами, сортирующее и перемещающее по принципу игры «Тетрис» стандартные разноцветные контейнеры, куда упаковано все, что везется морем. И эти контейнеры ровно таких размеров, чтобы, а) их удобно было укладывать на борт большого судна, б) оттуда снимать с помощью крана и в) перекладывать на автомобиль или ж/д транспорт, и чтобы все размеры подходили под существующие стандарты, и не возникало никаких логистических проблем.

Таким образом, какие-то очень умные люди доабстрагировали пеструю картину старого одесского порта с крючниками и биндюжниками до чистой функции. Функция состоит, грубо говоря, в перевалке груза с одного транспортного средства (водного), на другое транспортное средство (сухопутное). Но эта серьезная логическая, математическая работа, в которой старые специалисты, зацикленные на биндюжниках и крючниках, будут только мешать, потому что не могут осуществить отделение чистой функции от трансакции – грубо говоря, тут нужны концептуальные и математические компетенции. «Эксперты» и «аналитики» могут до облысения таращиться на биндюжника, но чистая функция с пароконной повозки не считывается, она – простите за выражение – трансцендентна.

Итак, дело вовсе не только в закрытости и недоступности информации. Препятствие к «цифровизации» Левиафана имеет двухслойный характер. Во-первых, никто по-настоящему не изучал, как живёт существующий Левиафан под видимым поверхностным слоем бюрократизма, взяточничества и прочих безобразий для печати, как он реально работает. А во-вторых, еще труднее задача абстрагирования, то есть выделения чистых функций института государства. Даже сам вопрос правильно не поставлен: какова социальная функция невидимой руки Левиафана? Что именно полезного он делает по отношению к разным срезам, сферам общества?

Мысль, что мы этого не знаем, кажется парадоксальной, даже кощунственной. Не суйте нос не в своё дело, чайники! Так о сакральном институте госслужбы нельзя спрашивать! Об этом даже говорить неприлично...

Впрочем, это стандартное свойство всякой мысли. Где не видно никакого парадокса – там просто мысли нет.

Ну, хорошо, спросит пристойный журналист-государственник, а какова же должна быть функция правильного, хорошего Левиафана в отношении экономики, этого самого невидимого рынка?

Мы здесь коснемся этого вопроса только мимоходом.

Главный парадокс вовсе не в том, что рынок вроде бы постоянно канючит, чтобы государства было поменьше, но при этом к нему все время бегает за льготами, защитой и антикризисной поддержкой.

И даже не в загадке сфинкса, как можно вообще работать с «невидимым» предметом. А ведь это, судите сами, потруднее, чем плыть в серной кислоте. Но признаваться себе в этом нелегко и неприятно. И вот громоздятся фантастические задачи типа «таргетирования инфляции» – вдвойне невидимой загадочной эманации невидимого рынка, о которой злые концептуалисты говорят, что в законодательстве обнаруживается не менее десятка разных нормативных сущностей под этим общим названием.

Но вспомним на минуту, что, по слухам, мир уже переваливает через рубеж «постиндустриального» общества, где старый добрый рынок шаг за шагом замещается и вытесняется экономическими технологиями и платформами (см. тему “техноэкономики”).

Тогда распорядительные функции Левиафана по отношению к техноэкономике – как давно растолковали Маркс с Коузом – должны претерпеть фундаментальные изменения. У него возникает принципиально новый, совершенно конкретный предмет деятельности: поддержка фронта работ по снятию рыночных трансакций и замене экономическими технологиями. Он должен каким-то образом содействовать скорейшему, оптимальному (с точки зрения общества) продвижению фронта технологизации экономики для обеспечения роста производительности, для минимизации сопутствующих социальных проблем и т.д.

Поэтому публичный вопрос о том, чем должен заниматься экономический блок Левиафана, вне контекста техноэкономики вообще не имеет и не может иметь никакого внятного ответа. У него ведь нету никакого конкретного предмета деятельности, – ну, кроме «невидимой руки рынка», которой он давно и тщетно пытается не мешать.

8.

Правильный, хотя и непонятный сегодня (во всей его простоте) ответ на вопрос, применительно не только к институту Левиафана, а к любым другим, состоит в следующем. В функционировании каж-

дого на сегодня существующего отчужденного института усматривается, с одной стороны, чистая функция, которую этот институт выполняет в деле обеспечения целостности человеческого хозяйствования. И ее надо в явном виде назвать и нормативно сконструировать. А с другой стороны – метод, каким Левиафан или невидимая рука выполняет эту функцию, потому что этот метод никто не проектировал, и соответственно, никто не изучал. Он образовался сам по себе в результате процессов самодвижения, эволюции «социальной природы», которые Никаноров назвал “складыванием”, Маркс – самоотчуждением, а получившийся результат Коммонс окрестил «трансакциями».

В обществе на ранних этапах его формирования система отношений между людьми унаследована от природы, является некоторым самостоятельно сложившимся видоизменением того, каким образом, грубо говоря, в стае общаются гамадрилы. Технологизируя производство энергии вплоть до атомной энергетики и на этом основании воображая себя продвинутым современным обществом, мы во всех остальных отношениях, и в первую очередь институционально, недалеко ушли от гамадрилов, потому что все наши социальные институты, начиная от «невидимой руки рынка» и далее по списку, представляют из себя неуправляемые нами, эволюционные видоизменения способов внутри-популяционного общения, имеющих место в рое пчел, в муравейнике или у пресловутых гамадрилов. И тут социальным инженерам ещё предстоит начать и кончить.

Итак, необходимо выделение чистой функции, которую институт выполняет с помощью своих манипуляций-трансакций, алгоритмизация и автоматизация этой функции. При этом со старых мест службы в составе невидимых рук люди просто уйдут. Невозможно (да и не нужно) исправить, перевоспитать вороватых агентов рынка или коррумпированных чиновников Левиафана. Пресловутая «коррупция» – не порок Левиафана, а его свойство, способ самодвижения. И чем именно должен был бы заниматься перевоспитанный чиновник, притом находясь в прежнем окружении трудновоспитуемых?

Есть только один способ преодоления отчуждения по Марксу: люди могут и должны выйти из отношений собственности, перестать заниматься кредитованием, ценообразованием, регламентацией, полномочиями, стандартизацией и т.д. Это все может и должно уйти в технологию, к роботам.

Правда, это не пятилетний план, и даже не национальный проект. Это содержание эпохи. Но на её свет уже пора выползать из невидимой задницы.

9.

Современные люди любят снисходительно посмеиваться над недалёкими туземцами, которые исповедуют карго-культы: строят самолеты из соломы и пляшут ритуальные танцы на протоптанной в джунглях взлетно-посадочной полосе для того, чтобы привлечь большие железные птицы, которые снова привезут с собой тушёнку и стеклянные бусы. Но почти повсеместно разделяемые представления об институте власти у современных людей ничем не лучше, а во многом даже смешнее и наивнее этих карго-культов. Принято воображать, будто власть субъектна. Принято считать, что власть может быть субъектом реформ. Принято обращаться к власти – как если бы у неё были уши – с пламенными речами, призывами, мольбами, угрозами, потрясая кулаками или простирая длани куда-то в воздух. Все это уму непостижимо.

Два смежных института – невидимая рука рынка и руководящая десница государства – трактуются гражданами совершенно по-разному. Первая пользуется презумпцией безличности и поэтому невиновности. А во втором случае власть принято отождествлять с конкретными людьми и публично взывать к их совести, разуму и состраданию, а буде не откликнутся – обижаться и обижать.

По поводу институциональных агентов «невидимой руки» Маркс объяснял, что капиталист не способен выкарабкаться из беличьего колеса функционирования «невидимой руки» капитала, что он закрепощён системой производственных отношений в той же мере, как рабочий – системой производительных сил1. Но точно так же институциональные агенты государства, находящиеся у власти и при власти, сами по себе, будучи субстанцией власти, не являются её субъектом. Сами по себе – как личности, как носители идеальных моделей, ценностей, моральных норм и т.п. они могут страстно во-

[1] «Капиталист функционирует только как олицетворенный капитал, подобно тому как рабочий функционирует лишь как олицетворенный труд. Рассматриваемое исторически, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания неограниченных производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму. Это — процесс отчуждения труда. Самовозрастание капитала — создание прибавочной стоимости – есть определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и на противоположном полюсе». (Карл Маркс. Соч. т.49, стр.47).

жделеть реформ, но не имеют никакой свободы самодеятельности и самореализации внутри машины Левиафана. Внутренний люфт у всех невидимок-институтов очень мал. Для её агентов опасны любые попытки использовать факт нахождения у власти или при власти для чего бы то ни было, не относящегося к власти как к таковой, к перманентной борьбе за неё. Такие попытки тут же приводят к тому, что власть начинает все быстрее рассасываться. Реформаторские элементы в системе власти – короткоживущие.

Как и в случае с псевдоуслугами Левиафана, финансовый сектор или невидимая рука рынка не нанимались приносить нам счастье и оказывать какие-либо услуги. Правильнее было бы сказать, что одна часть невидимой руки, используя нас, играет в «оказание услуг» с другой её частью. И это не хорошо и не плохо. Институты просто так устроены, они не хотят нам зла, но они не хотят нам и добра в той же мере. Они вообще ни нам, ни от нас ничего не хотят. Пора бы нам самим поточнее определиться, чего мы можем и должны от них хотеть, и где заканчиваются границы и рамки этого хотения. Не должно быть никаких иллюзий относительно того, что в паре Homo Faber (человек производящий) с «невидимой рукой» любого характера – будь то рынок, государство или общество – субъектом является невидимая рука. Не мы имеем собственность, а собственность имеет нас.

Философы, а за ними и социологи различным образом давно объяснили нам это положение вещей. Теперь дело заключается в том, чтобы изменить его.

В социуме предысторического типа (он впервые описан в «Немецкой идеологии») реформаторы обречены метаться в треугольнике рынок – государство – общество, пытаясь науськать один из отчуждённых институтов собственности против другого, и ни в одном не находя опоры. Любому обществу, пытающемуся выйти из тупика предыстории в современность, нужен субъект трансформации: вне-институциональная, вне- и надпартийная «партия нового типа», которая преобразует не «экономику», «политику», «производство», а самоё собственность, занимается не идеологией, а социальной инженерией, не «уничтожает» (упраздняет, отменяет) институты и трансакции, а системно заменяет их технологиями по мере готовности.

В ранние студенческие годы у кого-то из французов (Базен? Моруа?), пишущих на темы любви и супружеских измен, мне встретилось суждение о том, что не стоит искать источников и решений моральных и нравственных проблем в тёмном треугольнике ниже пояса.

Взросление общества, застрявшего в пубертатной прыщавости, начнётся не раньше, чем мы перестанем тыкаться со светлыми реформаторскими устремлениями в бермудский треугольник власти.

Вагина власти – источник циклических перерождений и кризисов, но не почтовый ящик для социальных прожектов, и уж тем более не штаб реформ и трансформаций.

В своё время такой штаб в стране формировался. Но был пожран штабными крысами.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СКВОРЕЦ

Обыкновенный скворец (лат. Sturnus vulgaris) — певчая птица, широко распространённая на значительной территории Евразии. На юге и западе Европы ведёт оседлый образ жизни, а в северной и восточной её части является перелётной. Зимует в Западной и Южной Европе, Египте, Израиле. В отдельные годы останавливается на Канарах.

Обладает широким диапазоном звуков, состоящих большей частью из различных вариаций свиста и щебечущих, пощёлкивающих трелей, а также скрипов, мяуканья, разнообразных немелодичных шумов и дребезжания. Специалисты называют скворца превосходным птичьим «пересмешником». Скворец легко приспосабливается к пению других видов птиц, среди них: соловей, кукушка, серая неясыть, краснохвостый сарыч, коршун, черныш, иволга и большой пёстрый дятел. Скворец способен имитировать также кваканье лягушек, лай собак, щёлканье кнута.

Самец может ухаживать как за одной самкой, так в пределах одной колонии и за несколькими одновременно (то, что в науке называется одновременной полигинией).

Чтобы привлечь этих птиц на свой участок, люди издавна создавали для них искусственные гнездовья, названные скворечниками.

Глебу Павловскому семьдесят? Да чепуха, конечно.

Семь десятилетий назад в Одессе появился на свет только скворечник – а необыкновенный скворец поселился в нём далеко не сразу. Таинство свершилось лет 25-30 спустя. Так что Глебу сегодня сорок с небольшим – пора расцвета. Сам скворечник слегка поизносился – но несущиеся из него всё новые трели и щелчки поражают мощью и широтой диапазона.

Едва ли кто-нибудь в состоянии охватить и тем паче оценить это явление. Не будучи ни политологом, ни орнитологом, ни методологом, не стану и пытаться. Речь не о том.

Недавно состоялась церемония вручения Литературной премии им. Александра Пятигорского «за лучшее философическое сочинение». Лауреатом сезона стал Глеб Павловский с книгой «Ироническая империя: риск, шанс и догмы Системы РФ».

По данному конкретному поводу в качестве очевидца выскажу ровно три мысли. Ни одна из них, строго говоря, мне не принадлежит. Но их пересказ в определённом порядке не просто отражает логическую связь, но и помогает угадать русло, в котором движется мысль и практическая работа ГП.

1.

Осенью 1992 года выдалось хмурое время – не только года, но и всего российского финдесьекля. Тогда в монохромном царстве «иного не дано» зародилась идея хрестоматии будущего под названием «ИНОЕ». Испытанная технология сарафанного радио в сочетании с методом снежного кома помогла выйти на потенциальных авторов, прозябавших в шоковом забвении. Небываемое сбылось к весне 93-го: все будущие участники предложение приняли. Правда, согласие было негласным – как и факт нескольких совместных встреч носителей несовместимых (казалось бы) концепций на протяжении работы над будущим четырехтомником. Конспирация облегчалась тем обстоятельством, что в абсолютном большинстве авторы тогда вполне подходили под рубрику «незаслуженно малоизвестный» (©Татьяна Гурова☺).

С момента публикации в 1995 г. редактор-составитель не переставал пристрастно следить, как концепции, образующие ИНОЕ, проступают из мглы малоизвестности в поле общественного сознания. Процесс явно пошёл, но хотелось сопоставить трепетно-гуманитарному таинству хоть какую-то цифровую меру.

И вот спустя 9 лет анонимный центр «Новая политика» опубликовал исследование «Интеллектуальная Россия: Рейтинг социогуманитарных мыслителей. 100 ведущих позиций. Год 2001-2004». Такого феерического списка свет не видывал, пожалуй, ни до, ни после. В ряды социогуманитарного фольксштурма призвали всех, кто хоть раз брался за интеллектуальное оружие любого рода и к моменту публикации ещё числился в живых. Хоружий, Гаспаров, Шафаревич соседствовали с Березовским, Ходорковским и Чубайсом, Егору Гайдару сопутствовал Гейдар Джемаль, Б. Стругацкий встрял между Лимоновым и Пелевиным, Миша Леонтьев аукался с Пиамой Гайденко, Дугин оттенял Ясина. Классики Зиновьев и Солженицын обнаружились в призовой десятке рейтинга. Александр Пятигорский пришёл к финишу сорок вторым. А первое место занял – причём, с отрывом – Глеб Павловский.

Это, пожалуй, единственный пункт «социогуманитарного рейтинга», что не вызвал у меня тогда никаких вопросов. За плечами уже было десятилетие «Русского института», когда по долгу службы приходилось каждодневно общаться с носителями духовности высшей пробы, вершилась первая пятилетка Центра корпоративного предпринимательства, открывшая доступ в лаборатории первогильдейных предпринимателей. Было что с чем сопоставить.

Радостной неожиданностью стало тогда попадание в поднебесную сотню большинства авторов хрестоматии ИНОЕ, быстро теряющих ореол малоизвестности. Но речь здесь не о том.

2.

Наградить Павловского премией имени Пятигорского – как бы это помягче...

Представьте, что маэстро Артуро Тосканини увенчали премией ленинского комсомола. (Во избежание недоразумений оговорюсь: комсомол вызывает у автора строк фундаментальное уважение и признательность). Да и обсуждение достоинств произведения лауреата по ходу церемонии вполне соответствовало уровню разбора отношений Тосканини с д'Аннунцио на комсомольском собрании. В частности, публике дали понять, что опус лауреата едва выдержал жесточайшую интеллектуальную конкуренцию с томиком избранных интервью О. Седаковой. Другой выступающий, резюмируя цимес-контент «Иронической империи», выпукло представил его как

призыв Павловского к Системе РФ жить не по лжи. Причём, без тени иронии и без копания в бороде Александра Исаевича. Короче, метроном истории уже отсчитал «Системе РФ» свой неумолимый ТикТок. От стратосферного взмыва критической мысли ущемило дух.

Проницательный читатель-чистомонетчик усмотрел в произведении лауреата ГП горькую иронию, саркастическую ухмылку либо едкую сатиру. И то, и другое, и третье имеет место, но не имеет обязательного характера по отношению к предмету. Казалось бы, Павловский отдаёт ритуальную дань восклицаниям «ах, у нас нет правильного государства». Но откуда, собственно, берётся само представление, будто громоздкая контора, уполномоченная решать приземлённые проблемы выживания, в нагрузку обязана просоответствовать неким политологическим прекрасностям типа «общественного договора» или «разделения властей»? Политология учит, как должна быть устроена правильная политсистема. Должна? Кому? И давно ли задолжала?

Отмахиваясь от жизненной прозы выпаса, стрижки, борьбы с овечьей вертячкой, пасторальный пастушок гоняется за агнцами, требуя от них безотлагательно возлечь со львами. Но впихивание априорного идеала в непознанную реальность наносит сторонам обоюдный ущерб, дискредитируя одну и парализуя другую. Законодательное закрепление требования к двигателю «быть вечным» вместо увековечивания движения уничтожает саму его возможность. Когда совершенствовать худо-бедно работающие госструктуры берётся толпа пикейных прокрустов, вооружённых разновременными директивами, разнородными нормативами и разномастными благими пожеланиями – в финале неизбежный паралич типа «итальянских забастовок».

Дадим слово лауреату, чью книгу как будто никто и не открывал.

> *«Система РФ — единственное на сей день успешное государственное образование русских.*
>
> *Проблема не в том, что «у русских опять что-то не вышло», наоборот — дело в том, что у России в этот раз получилось.*
>
> *У людей не считается чем-то новым, когда их усилия ведут не туда, куда рассчитывали прийти. То же было с Системой РФ. Она в малой степени результат злонамеренных планов и целенаправленного поведения.*
>
> *РФ — великая историческая случайность. Российская Федерация возникла вне «русской идеи», без проекта будущей России. Не было ценностного пакета, совместимого с новой государственностью. При возникно-*

вении РФ царил идеальный вакуум новых идей. И что же видим тридцать лет спустя? Незаменимую страну современного мира, опасную силу, государственный объект с местом в Совете Безопасности ООН. Глобальный результат достигнут при смутных целях, невежестве в мировых делах и резервами, наполовину растраченными зря.

И все-таки это нечто допускающее коррекцию в будущем.

*Тридцать лет российская мысль оплакивала хрупкость и крушение империй, а в результате у нас вышло нечто вовсе не хрупкое — Система РФ. Болтовня о катастрофах и «**распаде** России» здесь любимая сказка на ночь, но ничто не распадается. Все, что могло рухнуть, рухнуло».*

Если бы где-нибудь, скажем, во Франции случился политтехнолог уровня и масштаба Павловского, если бы ему посчастливилось быть своевременно уволенным из президентской администрации и потом приспичило написать книжку про современную государственность французской республики (сокращённо Система ФР), если бы он при этом уцелел, – весьма вероятно, что это эпическое полотно, отличаясь от Системы РФ в деталях (которые казались бы любознательному читателю очень важными) по существу было бы ровно о том же. Это описание современной политистемы человеком, который не просто воочию видел её нутро, но и подверг инженерным манипуляциям, «прободал» по-бродски, «вдохнул ее смрадный запах, подмышку и нечистоты». Описание с уникальной позиции, почти недоступной для исследователей.

То, на что отворяет нам глаза лозопроходец ГП – не «пороки», «уродства», «недостатки» новейшего Левиафана. Это его **свойства**, естество, плоть – то, что Маркс назвал *самоотчуждением*, а Коммонс переоткрыл как *трансакции*. Те российские особенности, в которых отражается мировое «конкретно-всеобщее». Социальная физиология, от которой воротит нос кафедральная политнаука.

3.

Случайны обстоятельства появления Системы РФ на свет. Но совершенно не случаен результат. Девять лет назад, при выходе в свет первой из серии книг Павловского о Системе РФ, уже приходилось растолковывать эту невидимую очевидность.

«Павловский правдоподобно изумляется диковине: рентгеновскому снимку российской двуглавой власти-собственности. Читате-

ли дивятся, как кремлёвский папарацци ухитрился протащить под полой компьютерный томограф через Спасские ворота. Но удивительное рядом: на откровенном снимке – не эндемичный мутант, а новейшее достижение эволюции, неказистый прототип грядущего абсолютного хищника. Исподволь он уже пробует на зубок континенты.

...И «самобытность» этого социального субъекта, и его «порочность» – не более чем кажимости. Перед нами, повторюсь, ранний вариант институциональной структуры «страны-собственника», типичной для всей наступающей эры исторической эволюции обществ. Выражаясь точнее – крайне примитивный, недоношенный экземпляр одного из высших её типов. К слову, не случайно его угораздило появиться на свет именно здесь. То, что предстаёт его недостатками, на деле зачатки новых достоинств.

Мы – в мейнстриме, в основном его русле, но в отрыве от основной массы, нас не впервой занесло в авангард. Мы балансируем на маргинально-опасной грани между отщепенством и лидерством...»

На страницах «Иронической империи» ГП вновь и вновь призывает

«...поставить Систему РФ в глобальный контекст слома порядков конца XX — начала XXI века. Это не абсурд и не чума аномальности, свалившаяся на Россию с небес».

«Система РФ — первая русская государственность, целиком основанная на нашем опыте. Правда, извлеченном поспешно, с тягой к темным его сторонам и упором на порочность мира и человека. Оттого мы в РФ сомневаемся — признавать себя вот такими или нет? Зря отвлекаясь от поразительного факта, что располагаем государственной инновацией мирового класса».

«Это не аномалия, это Система РФ в ее мировой эпохе. Это вход в аномальный мир будущего для России».

«Перед нами — не замшелый «феодальный» мир, невесть как попавший в XXI век. Система РФ — это недостроенный и коснеющий в фантазиях образ будущей планетарной закрытости. Ее модель опровергает заблуждение, будто все передовое нормально и удобно для жизни. Если речь об отклоняющейся ветви развития, российское отклонение — глобальный мейнстрим на целую эпоху».

Современная «система РФ» вполне современна, но совершенно несвоевременна. Российская победа, опасно неотличимая от пора-

жения. На бизнесовой фенечке это MVP (минимально жизнеспособный продукт), у которого покуда не просматривается ни потребителей, ни заказчиков – кроме разве что гегелевского мирового духа. Отсюда и минимальная жизнеспособность во всех смыслах.

Система РФ – скворец-пересмешник, обитатель трансконтинентального полузаброшенного скворечника, под бременем которого скрипит мировое древо.

Среди тех, кто у истоков этого чуда – Глеб Павловский. Ныряльщик-обозреватель нового Китежа. Побеждённый своею победой.

Впрочем, каждый из нас, читателей, причуден и причастен, не отмажешься.

С днём рождения!

2021.03.01-05

ПРОЛОГ В ЭПИЛОГЕ

С. ПЛАТОНОВ. ПОСЛЕ КОММУНИЗМА. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Тридцать лет тому назад, 12 января 1990 года, была подписана в печать книга С. Платонова. В те непредставимо далёкие времена книга ещё не была товаром. Её номинальная «цена» не зависела от кривых спроса и предложения, а была одним из её инвариантных свойств, наряду с размером, весом и количеством запятых – и потому декоративно вмуровывалась в обложку методом тиснения.

Но купить её за предписанные 85 копеек уже оказалось невозможным, время вышло из пазов. На заполонивших Москву книжных развалах она неизменно красовалась в первых рядах партера, по соседству с Камасутрой и мистической Авророй Якоба Беме. Даже у Курского вокзала, в местах скудной духовности, за неё требовали от трёх до пяти номиналов. А на Ленинском, у термитников академической интеллигенции, её курс взлетал до семи и выше. И через пару месяцев она исчезла, весь немыслимый по нынешним меркам тираж был раскуплен по спекулятивным ценам...

Один из давних коллег сообщил, что его приятель хочет встретиться со мной как душеприказчиком С. Платонова. Когда я спросил зачем, он ответил, не вдаваясь в под-

робности, что приятель работает советником президента одного из весьма уважаемых институтов развития, и с ним в любом случае полезно поговорить. Потом помолчал и добавил, что приятель – человек уже пожилой, до этого работал за рубежом, в международных структурах, и поговаривают, что по роду деятельности, возможно, был связан с каким-то из институтов разведывательного сообщества.

Мы встретились. Собеседник сходу, чтобы не было никаких иллюзий, сказал, что доведёт до моего сведения кое-что, но вопросов просит не задавать, так как всё, что положено, он расскажет и так, а сверх того ничего не знает.

Он сообщил, что в курсе известной истории с С. Платоновым и книгой «После коммунизма», опубликованной тридцать лет назад. Добавил, что у С. Платонова были проблемы с КГБ из-за длинного языка и трудного характера. Да, я знал это про С. Платонова. Но мало ли у кого были проблемы с длинноязычием? В 1982 году и сам стал мишенью умелого корпоративного доноса, подписанного у члена тогдашней Семьи, и только чудом выкрутился. Когда же с декабря 1983 г. начались работы, доклады и походы по начальству группы С. Платонова, тогдашние силовики оценили важность этого и перестали приставать. Напротив, среди партийных и государственных руководителей высокого уровня, с которыми приходилось постоянно встречаться и дискутировать, со временем появился и один из наиболее авторитетных руководителей с Лубянки.

Но к концу 1986 года становилось всё более очевидно: ничего из того, что С. Платонов и его соратники предлагают, руководству «перестройки» не понадобится. Настойчивые усилия становились бесперспективными, и более того – с каждым днём всё более опасными. Компетентным собеседникам С. Платонова стало известно, что над ним сгущаются тучи. Фактически, всё висело на волоске.

Тогда его вызвали и сказали, что ему придётся официально умереть. Точнее, исчезнуть при невыясненных обстоятельствах – что нередко случалось в те дни. Для всех родных и близких он станет жертвой несчастного случая или нераскрытого преступления. На деле его легендируют и переправят за границу, где предстоит провести долгие годы (возможно – остаток жизни) под чужим именем. Зато при этом не просто разрешается – настоятельно рекомендуется продолжать работать и писать. Попутно это даст ему скромный, но устойчивый источник средств к существованию. Однако всё, что он будет писать, нельзя публиковать ни под старым, ни под новым именем, а необходимо лично передавать куратору, с которым он позна-

комится на месте. И не спрашивать, кем и как эти материалы будут использованы.

Со временем режим информационной блокады был ослаблен. С. Платонову дали возможность, наблюдая за актуальными дискуссиями в прессе, Интернете, а потом и в социальных сетях, выделять наиболее важные темы и продвинутых участников, и готовить анонимные реплики в поддержку, обоснование или развитие их позиций. Было обещано, что эти материалы в той или иной форме будут прицельно вбрасываться в публичное поле. И вскоре С. Платонов с радостью (и скрытой ревностью?) обнаружил обильные всходы, которые, возможно, произрастали из его посевных материалов.

Мне был предъявлен список таких идей и невольных агентов их влияния.

Насколько я понял, до недавнего времени С. Платонов был жив. Но где он был, что с ним сейчас – осталось за кадром. Вместо этого сказано, что «было бы славно» (выражение собеседника), если бы появился публичный проект под условным названием «С. Платонов. Тридцать лет спустя». Однако вместо ожидаемой пачки аутентичных текстов С. Платонова я получил всего одну короткую записку-заметку «Мысли из-за черты». Остальное мне предложили делать по собственному разумению.

Обнаружив и себя в «списке С. Платонова», я вдруг вспомнил, как несколько раз за эти годы находил в электронной почте частные письма с неожиданно важными мыслями. Но ни один из адресатов на моё предложение пообщаться не ответил. Случалось и другое – среди блогов и откровений популярных авторов в соцсетях вдруг всплывали прорывные идеи, которые в предыдущем и последующем дискурсе не находили ни логичного обоснования, ни продолжения...

Сегодня более важным видится иное. Казалось, со времён хрестоматии «ИНОЕ» наши теоретические, а пуще практические штудии уводили всё дальше от младогегельянства и Маркса 1844 года к новейшим достижениям и реалиям институционализма. Но в последние годы, закапываясь в частности экономических технологий и платформ, всё чаще стал получать от друзей отсылки к идеям и прямые цитаты из раннего С. Платонова, которого не перелистывал лет двадцать и основательно подзабыл. Собирая работы последнего десятилетия под обложку «Техноэкономики», я вдруг увидел, что мы с коллегами неосознанно возвратились к корням.

То же, надеюсь, ещё предстоит и российскому обществознанию, и культуре.

На этом мы с собеседником расстались. Вопросов я задавать не стал.

С. ПЛАТОНОВ

МЫСЛИ ИЗ-ЗА ЧЕРТЫ

В чём сегодня главная угроза суверенному существованию России?

Не в новом витке гонки ракетно-ядерно-лазерных вооружений, и не в быстром развитии инструментов информационно-кибернетической войны – при всей важности первого и второго.

Главная угроза связана с двойной волной принципиально новых, *экономических технологий*, идущей как с Запада, так и с Востока. Их приход влечёт за собой беспрецедентный рост общественной производительности и качественные преобразования всех сторон социума. Одновременно он порождает целый веер тяжёлых проблем, для обозначения которых в русском языке попросту нет выразительных средств.

Эту трансформацию теперь нет нужды ни научно предсказывать, ни теоретически обосновывать – она уже происходит на глазах у всех. Сбывается предвидение Grundrisse. Основная функция институтов рынка – обеспечение расширенного воспроизводства – поэтапно переходит от них к искусственным устройствам качественно нового типа, *экономическим машинам*. О таком типе машин шла речь, в частности, в нашем меморандуме, переданном Ю. Андропову в декабре 1983 года. Рынок при этом не отменяется, не регулируется, не совершенствуется – работу его «невидимых рук» берут на себя экономические («финансовые») *платформы*.

Финтех-платформы способны обеспечить эффективное управление расширенным воспроизводством стоимости, минимизируя при этом трансакционные издержки. Они не нуждаются в содержании банковских контор, бирж, финансовых регуляторов. Им не приходится кормить многомиллионную армию агентов-посредников типа брокеров, бухгалтеров, нотариусов. Платформы не подвержены циклическим кризисам. Эти автоматические «пчёлы» обмена не обременены пороками конфликтной и корыстной рыночной «саранчи». В экономическую ткань социального организма один за другим вживляются эффективные импланты, он приобретает свойства киборга, естественно-искусственного гибрида, выигрывая в жизненной силе и не теряя целостности.

В тех сферах и секторах хозяйствования, где такое замещение происходит, наблюдается рост производительности не на проценты – в разы и на порядки. Эффект в масштабах глобального хозяйства пока не всем заметен лишь потому, что плацдармы нового роста сравнительно невелики. Но они уже становятся главными драйверами грядущего взлёта.

Это особенно очевидно при рассмотрении экосистемы, формирующейся вокруг китайского гиганта Alibaba. И количественно, и качественно она давно и бесповоротно превзошла американскую Amazon, при этом по скорости сопоставимых операций в 2017 году четырёхкратно опережала систему Viza. По полноте охвата экономических функций она вообще не имеет аналогов.

Международные эксперты давно гадают, когда же замедлится бум китайской экономики. Четвёртое десятилетие подряд она опережает по темпам роста глобальную в два с половиной раза. Возможно, разные виды её экстенсивного потенциала и близятся к исчерпанию. Тем временем в её недрах вызрел новый уклад *техноэкономики*. Границы его роста в обозримом будущем вообще не просматриваются.

В совершенно иной форме техноэкономическая революция протекает в Соединённых Штатах. Несколько международных финтех-консорциумов, во главе которых неизменно обнаруживаются американские инвестиционные гиганты уровня Goldman Sachs, пытаются сформировать и продвинуть собственный стандарт корпоративного распределённого реестра финансовых активов. Если один из них победит, либо на их основе сложится единый стандарт – это послужит точкой стратегического прорыва к долговременному росту.

Американский и китайский пути в техноэкономику – два противоположных входа в будущее, в пространство трансформации, замещения институтов обмена финтех-платформами. Каждый чреват своими издержками и угрозами.

Американцы начинают с высших этажей рынка производных финансовых инструментов, чей крах в 2008 году едва не обрушил здание глобального хозяйства. Они движутся в логике эволюционного развития, как бы наощупь, по контурам замещаемых институциональных структур. Но такое замещение сталкивается с отчаянным сопротивлением частных агентов этих структур и обременено высокими рисками.

Китайцы не успели обзавестись развитыми финансовыми институтами, они отталкиваются от почвенного слоя миллионов мелких товаропроизводителей, воздвигая на нём и над ним многослойную систему платформ пост-рыночного обмена. Но такое конструирование в пустоту, без опоры на социально-инженерные знания, чревато высокими неопределённостями.

Америка и Китай с двух сторон высадились на континент новой эпохи и вслепую повели его освоение. Они пробуют в деле новые инструменты, ищут новые понятия. Это опасная игра, хотя и с ненулевой суммой, но чреватая непредсказуемыми взлётами, непоправимыми ошибками и фатальными конфликтами.

Россия не является в этой игре ни судящей, ни наблюдающей, ни догоняющей. Не участвуя в ней, не подозревая о ней, страна обрекается на роль сырья, разменного ресурса. Россия стирает себя с карты современности.

Главная угроза суверенному существованию России – чудовищное невежество и бездеятельность всего её образованного слоя. Это в полной мере относится к власти и оппозиции, государству и гражданскому обществу, крупным собственникам

и мелкому бизнесу, интеллектуалам и силовикам. Мы катастрофически ленивы и нелюбопытны.

Но пересидеть в берлоге лето не удастся.

ВЫБОР ЦЕЛИ 2.0

— Считаешь, если мы бомбы не сбрасывали, значит, мы чистенькие? Я себе тоже так доказывал. Но совесть понятие не относительное. Или она есть, или ее нет.

Курчатов в гневе сгребает шахматы с доски, с грохотом укладывает их. Невозможно в этом тесном купе ему разрядиться в движении.

— Иди-ка ты со своими угрызениями знаешь куда... Ты мне все это говоришь почему? Потому что знаешь, что я себе такого позволить не могу. Я сомневаться не имею права. Да. Знаю — найдутся люди, которые будут считать, что мы и этот Оппенгеймер одним миром мазаны... Осудят нас... Я это не беру в расчет. Мне себя не жалко. Мне важен суд моих соотечественников, моего народа, а в будущем... Если будущее будет и будут жить в нем потомки наши, самое главное, что они будут жить!

Что хочешь мне говори, а я буду думать только одно: успеть, успеть! Мы успеть должны! ...Вот вся моя нравственность! Они там, эти американцы, создали себе эти проблемы, пусть и расхлебывают. А для меня нет этих проблем. Нет! Понятно? Вот когда у нас бомба будет — вот тогда можно будет и разговаривать, и договариваться!..

Даниил Гранин "Выбор цели"

В январе 2019 года исполнилось 100 лет со дня рождения Даниила Гранина. Президент РФ подписал Указ «Об увековечении памяти Д.А.Гранина и праздновании 100-летия со дня его рождения». 2019 год объявлен Годом Гранина. Его официальное открытие состоялось на родине писателя в Санкт-Петербурге.

Посетителям страницы «С. Платонов» интересно узнать, что Даниил Гранин был не только замечательным писателем, но и читателем, и в том числе одним из первых читателей книги «После коммунизма», притом, весьма пристрастным.

Тому были причины. Во-первых, Гранин начинал свою деятельность как инженер, поработал несколько лет начальником районной кабельной сети в Ленэнерго и закончил аспирантуру Политехнического института. Во-вторых, его творчество было во многом посвящено деятельности ученых и конструкторов в современном мире. В-третьих, участие в обороне Ленинграда наложило на него глубокий отпечаток, он стал особенно чуток к проявлению человеческого духа, его становлению у молодых. Старина Гранин неровно дышал к С. Платонову, судите сами.

28 Февраля 1990
Клуб «Гуманус»
Заседание четырнадцатое
Из стенограммы

Чернышев: Даниилу Александровичу, к сожалению, надо уходить, поэтому, может быть, он нам скажет несколько слов, если только захочет. Это священное право почетного гостя.

Гранин: Я пришел сюда просто полюбоваться вами. Я читал стенограммы клуба «Гуманус», и мне было интересно и весело читать их. Марксизмом я никогда не занимался и терпеть его не могу, это во мне воспитано в институте. Как и для большинства советских инженеров и научных работников, для меня марксизм и общественные науки – это ненавистные вещи. Мне очень любопытно, что здесь собралось очень много людей, связанных с физикой и с техникой, которые возлюбили общественные науки.

Книгу эту я прочел с большим интересом, она привлекла меня своей парадоксальностью. В наше время говорить всерьез о марксизме, – это было очень интересно. Марксизм у нас приобрел такой оголтело насильственный характер, и эта страна считалась страной победившего марксизма, и все кругом страны тоже были марксистскими. И ничего не получалось. Если марксизм – наука, то, конечно, из науки должно что-то происходить – но ничего не происходило. Я думаю, что может быть, это и привлекло С. Платонова в какой-то мере, если гадать о происхождении этой вещи. Почему ничего не происходит из марксизма? И даже наоборот. Я как-то говорил Сереже. История поставила очень интересный эксперимент, довольно подробный и наглядный. Взяли, разделили Германию на две. Одна Германия социалистическая

и исповедующая марксизм, другая – капиталистическая. Совершенно различные формации создали, допустим, в Корее. Т.е. совершенно корректный эксперимент был поставлен в разных полушариях, со всей наглядностью была продемонстрирована борьба двух систем.

Я думаю, что главным во всем этом эксперименте был вывод о том, что существует, наверное, единая общечеловеческая система, из которой невозможно вывернуться. И когда я прочитал эту книгу, у меня возникла интересная идея о том, что сегодняшний передовой мир – это мир победившего марксизма. Я сейчас был в Соединенных Штатах, только вчера прилетел. Об этом уже говорилось, но я хочу повторить, что социалистическое в этой самой обыденной жизни там чрезвычайно значительно. Все эти системы, которые там действуют, начиная от систем благотворительности, систем социальных защит, систем социального равноправия, – это куда более высокий социалистический уровень.

Я думаю, что эта книжка, мне так хочется думать, представляет из себя уникальное явление нашей марксистской литературы, если таковая вообще существует. С. Платонов был последний советский марксист, если его можно называть марксистом. Мне нравится мысль о том, что через эту идею можно выходить на сближение с мировой культурой.

Очень интересно было вас всех повидать, мне жалко, что я должен уходить, просто послушать было интереснее, чем обсуждать для меня. Я думаю, Сережа, что эта книжка, конечно, вызовет большой интерес.

7 марта 1990 года «Комсомольская правда» посвятила целую полосу выходу книги С.Платонова «После коммунизма». Публикацию открывала вступительная статья Даниила Гранина

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Даниил ГРАНИН

Книга эта носит ошеломляющий характер. Прежде всего она ошеломила меня заголовком и подзаголовком: «После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати». Можно было подумать, что это литературный прием, сделанный для завлечения читателей, но с первых же страниц ошеломление продолжалось и даже возрастало.

Автор — С. Платонов, начинает книгу с раздела «Коммунистическое междуцарствие». Во втором разделе он разбирает вопрос, существует ли капитализм, а в третьем разделе— существует ли со-

циализм. И опять же оказывается, что дело не в парадоксальности заголовков, а в чем-то куда более серьезном и неожиданном. Лично я давно уже не читаю работ, связанных с так называемой «политэкономией», с марксовыми понятиями «капитализма», «социализма» и т. п., и мне, как и прочим, кажется, что традиционный курс политэкономии давно изжил себя.

Последние годы отвратили нас от марксизма, от классических, казалось бы, аксиоматических определений капитализма, его сущности, структуры, да и социализма тоже. Все прежние академические системы не то чтобы расшатались, а были опрокинуты. Одни идолы валяются, свергнутые с пьедесталов, другие поставлены с ног на голову. Сегодня не то что немодно ссылаться на Маркса, изучать Маркса, - это вообще дурной тон. Сегодня не принято называть себя марксистом. Относится это и к ленинским работам.

А тут, в этой книге, автор начинает с рассказа о том живом, подлинном Марксе, который, ознакомившись с первыми образчиками «марксизма», воскликнул в сердцах: «Я знаю только одно, что я не марксист!» Он показывает, как мы совершенно превратно понимаем Маркса, его главную работу «Капитал», его подход к центральному понятию частной собственности.

И дальше, шаг за шагом, автор вводит нас через совершенно новый вход в совершенно новую, не знакомую нам страну марксовой мысли. Все не так, как нас учили. Все не так, как нам писали. Все не так, как на протяжении70 лет трактовали и преподносили Маркса, объясняли современный ему капитализм, да и последующие формации развития западного мира, вплоть до нынешней.

Все иначе.

Маркс имел в виду то понятие общественной собственности, которое привело к истинно социалистическому ее воплощению, как ни странно, в рамках современного западного общества. Того, которое мы упорно и неосмысленно продолжаем именовать капиталистическим. Впрочем, по С. Платонову, социалистическим оно тоже ни в коем случае не является.

С какой-то непривычной для меня простотой и живостью С. Платонов показывает, как насильственное утверждение социализма, или, вернее, его затверждение, насаждение привело к его вырождению. А естественное развитие западного общества через кризисы, войны привели к глубочайшему, но органичному изменению его природы. И оно вдруг предстало перед нами куда более пригодным для человеческого существования, более гармоничным, свободным и одновременно— более справедливым, чем наше общество, притязающее на воплощение лозунга «Все во имя человека».

С. Платонов умер в1986 году. С автора, как говорится, взятки гладки. Его друзья и товарищи публикуют ныне эту книгу и новые материалы, и статьи в развитие его работ. Вряд ли они могли появиться раньше. На протяжении более чем полувека марксистская мысль – по крайней мере, у нас – не претерпела никаких потрясений. Она развивалась путем бесчисленных трактовок, обоснований, комментариев, примечаний... Малейшие попытки нового взгляда на марксово наследие считались ревизионизмом. Хотя, казалось бы, ничего более плодотворного, чем ревизионизм, для каждого учения не должно быть.

Отнюдь не будучи специалистом и воспринимая книгу просто как массовый читатель, я вижу в ней не игру ума вокруг абстрактных понятий, а страстное желание освободить мысль ученых и практиков, расшатать систему наших окостеневших, омертвевших догматов. Сколько бы мы ни говорили о новом мышлении, оно неизбежно наталкивается на систему «табу», которую мы не в силах перешагнуть. Капитализм — это плохо, капиталисты — это тупик, капитализм — обречен. Социализм — это хорошо, социализм — это прогресс, за ним будущее — больше социализма! А капитализм есть, по определению, то, что «у них»; социализм— это то, что у нас. Стена этих понятий-предписаний непреодолимо возникает перед нами, когда мы пытаемся решать сегодня вопросы частной собственности на средства производства, на землю, создания новых законов, проблемы кооперации.

Вериги, к которым нас приковывают со школьных лег, вошли уже в генетический код советского человека. Вот почему появление этой книги производит такой эффект, думаю, не только на рядового читателя. Держать ее удар трудно. Мы не привыкли к полемике вокруг основ, вокруг первоисточников. И это хорошо, что мы обнаруживаем свою слабость и беспомощность перед свежим, пусть даже иногда наивным взглядом автора, как бы впервые прочитавшего Маркса.

Сегодня Маркса не читают, а С. Платонов его читает вместе с нами. Маркс у С. Платонова не противостоит мировой философской мысли, а вырастает из нее. Не одиночка, противостоящий всей «буржуазной» культуре, а одна из заоблачных вершин хребта первооткрывателей, гениев человечества. После такого Маркса можно по-настоящему открыть для себя и Шопенгауэра, и Бердяева.

А поэтому мы обретаем, наконец, духовную свободу и возможность ответить на вопрос, кто мы и где находимся, в точных координатах развития мировой цивилизации, в понятиях, выношенных в лоне культуры, а не на птичьем языке заклинаний о «развитом социализме».

В журнале «Знамя» появились статьи С. Чернышева и В. Криворотова в развитие наследства С. Платонова. Они на куда более высоком уровне раскрывают смысл его трудов. Я просто хотел привлечь внимание к этой непривычной для нас книге, к счастью, доступной по своему изложению самому широкому читателю. Написана она, кстати, с юмором, не свойственным такого рода литературе.

ПОДУМАЕШЬ БИНОМ НЬЮТОНА! ДВА ПОСТА

Алексей Чадаев
7 августа 2019 г.

[...]

Если принять за отправную точку допущение, что система институционально (т.е. юридически) осталась ленинской, но забыла, зачем она такая и почему по-другому не работает, то все встаёт на свои места.

Главная правовая формула ленинской модели - революционная диктатура класса-гегемона, осуществляемая именем светлого будущего; диктатура в юридическом, то есть строгом и безоценочном смысле. Но класс сам по себе это социальный слой, а не институт, а слой никакую диктатуру осуществлять не может. Поэтому формируется особый исполнительный орган для реализации его воли – «партия ленинского типа». Задача которой – как раз-таки и администрировать эту диктатуру, строго следя за тем, чтобы она осуществлялась всегда только в интересах класса. Государство существует лишь постольку, поскольку стоящая над ним партия позволяет ему существовать - и партия ещё строго надзирает за тем, чтобы оно не вздумало там баловать. Но сама партия, в свою очередь - лишь проводник и администратор воли класса.

Главное, что случилось в катастрофе 89-93 - партия забыла, какого именно класса она диктатура. И уже почти тридцать лет мычит, пытаясь это вспомнить или перепридумать: «решаем проблемы людей», но «люди» это как крестьянство в России 1917-го, оно не может быть гегемоном, только «мелкобуржуазной стихией».

Гегемоном должен быть класс, похожий на пролетариат того же периода - то есть которого мало, но который, во-первых, организован лучше всех остальных, во-вторых олицетворяет собой прогресс и ведёт всю остальную страну к оному. Класс-модель, класс-образ-будущего.

В частности, главной политической ошибкой Суркова, сыгравшей трагическую роль и в его судьбе, и в судьбе его наследия, была попытка номинировать на эту роль так называемый «средний», он же «креативный» класс - городской офисный прекариат. Тот после нескольких лет накачки сам в это поверил [...] и вышел предъявлять права на власть в 2011-м. «Кремлевские молодежки» не сработали как противоядие против этого потому, что они вербовались из того же прекариата, и классовая солидарность оказалась сильнее феодальной лояльности. Но сработало другое.

Суть произошедшего зимой 2011-2012 - страна [...] объяснила одновременно и Суркову, и болотно-молодежной хипстоте, что они никто и их место у параши. Гегемона выпороли и поставили в угол на горох. Но альтернативных идей с тех пор так никто и не сформулировал.

[...]

Хипстеров, вейперов, блогеров и дауншифтеров в 2012-м уконтрапупили не столько ОМОНом, сколько классовой мобилизацией бюджетников. Но альтернативного гегемона из бюджетников сделать не вышло - не хватило фантазии. [...]

Развилка такая: либо номинировать на роль гегемона какой-нибудь другой класс, либо демонтировать сам режим классовой диктатуры. Но первое непонятно как, а второе слишком страшно. Чёрный ящик как-то работает, никто уже давно не помнит и не знает как именно, и не дай Бог лезть туда руками от греха.

[...]

Сергей Чернышев
7 августа 2019 г.
Старина С. Платонов полез бы за словом в карман к Марксу. Только к подлинному, настоящему – а не картонному бородатому чучелу, сооружённому т.наз. «марксистами».

Институционалист Маркс на сто ладов разжёвывал, в чём состоит «действительное коммунистическое действие». В том числе в форме пресловутой «пролетарской революции», если это действие угораздило начаться не в Англии, а на родоплеменных просторах российско-китайского типа. Гегемон, беря в мозолистые кормило, конструктивно уничтожает-aufheben себя в качестве «пролетариата», а свою прежнюю деятельность в качестве «труда». Грубо говоря, переводит общество из режима конкуренции частных капиталов к шеринг-экономике совместного управления капитализацией (сперва), а постепенно и общественной собственностью в целом как

таковой. После кризиса 2008 года это очевидно уже каждому кретину (включая даже Майкла Портера).

Но у нас и в слабоумии «особый путь».

Во-первых, по поводу имени гегемона. Социальный слой конструкторов общественной собственности Маркс называл «социалистами» и (на предстоящих со временем высших ступенях этой инженерии) «коммунистами». Но у нас это имя лингвистически усортирилось и закрепилось в прошлом за фанатиками-утопистами (это в лучшем случае), а в настоящем приклеилось к корпорации сильно пожилых болтунов. Они-то как раз заслуживают именования «марксистов» – в прямом смысле, о котором Маркс успел отозваться исчерпывающе кратко: «Я знаю только одно, что я не марксист».

Коммунист по Марксу – это собственник (рабочей силы, завода, корпорации, месторождения, страны), увидевший и осознавший «свою» собственность как свободу невидимых рук, отчуждающую его от его собственной свободы. Это социальный конструктор, приступивший к поэтапному вытеснению и замене невидимых рук экономтех-платформами. Стратегическая перспектива – создание «комплексного автоматизированного производства», и на его платформе – общества-собственника, свободного от отчуждённой собственности, от её запоев, закидонов, эпилептических припадков и менструальных циклов.

Во-вторых, о субъекте преодоления социального отчуждения. Партия нового типа, «администрирующая» конструирование общественной собственности на нашей подзолистой, окончательно забыла не столько о «гегемоне», сколько о самом предмете действительной коммунистической деятельности ещё в 70-е. Потом не просто её, но даже само место, с которого она правила, «конституционно упразднила» доблестная публицистократия руками толпы городских маргиналов. Этот всемирно-истерический акт по уровню кретинизма уже никому не удастся превзойти. Умри, Гиннес… Естественно, пока общество живо, на месте самокастрации у него прорастают и будут прорастать квазисубъектные рудименты. Но они ведь с кретинической кочки зрения не имеют легитимного статуса!

Компартия Китая в предельно наглядной форме осуществляет первые шаги конструирования социалистической собственности в виде экосистемы Алибабы. Но у нашей РФ нет шеи, чтобы повернуть голову в эту сторону. Западный «шеринг» с «импакт-инвестингом» для мыслителей-тупоконечников ещё менее постижим. Нет, и действительность нам не указ, мы самобытно, сермяжно, ну вот из принципа, упрёмся – и никуда не пойдём своим путём!

Заранее отсылаю любителей празднословного философствования к текстам старины С. Платонова, его классических пред-

шественников и современных последователей. Кому что непонятно – там всё, что надо для работы лет на двадцать-тридцать вперёд. Давайте плотно и конкретно поработаем, докажем сперва себе и другим собственную состоятельность. А уж потом, высунувшись из задницы, станем чесать языками окрест.

СЛЕПАЯ СТРАНА

11 ноября 2019 г.

Отчего умер Советский Союз?

Речь не о поводе. Он мог быть самым разным: нефтяной кризис, военная авантюра, неурожайный год. Заключение патологоанатома может указывать на инсульт, опухоль или пневмонию. Но что лишило организм жизненной силы, способности сопротивляться недугам?

Век тому назад в российских небесах проступили контуры новой *картины мира*.

Да, в ней была лишь крупица истины, отблеск горнего света. России выпало быть местом, где полог, заслоняющий небесное зеркало, чуть раздёрнулся, и целый мир на мгновение увидел себя и свой путь.

Как водится, этот мгновенный снимок попытались увековечить и превратить – кто в картину маслом, кто в пугало, кто в атлас мира.

Человечество вообще устроено как первый луноход – мучительно медленно суммирует разрозненные сигналы внешних сканеров в связную панораму, с огромным запаздыванием перерабатывает её в импульсы, управляющие движением, постоянно упирается в невидимые препятствия и вязнет в непредвиденных проблемах.

Так или иначе, за столетие весь мир изменился, неузнаваемо и необратимо. И страна вместе с ним, а часто – впереди и вместо него. «Первый воин, застрельщик – всегда жертва». Мы рано начали – и раньше других рухнули в кризис, который только сейчас начинает накатывать на атлантические берега. Грядёт глобальное цунами от глубинного толчка, обрушившего сперва советский уклад. Россия и в крахе оказалась авангардом.

В чём был главный диагноз С. Платонова, поставленный в докладах проекта «После коммунизма»? *Несовременная картина мира*. Это куда хуже, чем вообще никакой. Мало того, что обзорные камеры страны переворачивали изображение вверх ногами. Главное, они были сориентированы назад, транслировали картинки прошлого в качестве будущего. Это гарантия не просто летального исхода – кончины мучительной и позорной.

Проблема слепых не в том лишь, что они не видят дорогу. Беда в том, что они не видят зрячих. А зрячим они видны. Миру виделся не слепец с белой тростью, а сумасшедший с бритвою в руке. И покуда на внутренних мониторах руководства СССР значились «ускорение» и «перестройка», внешние окуляры демонстрировали деградацию и развал, причинивший беды не только стране, но и её союзникам, партнёрам и соседям.

Беловежская Россия позаимствовала от советской тот же ретроградный протез картины мира, ту же модельку, срисованную некогда с английского капитализма середины XIX века. Только на место начётнического «истмата» приладили «экономикс». Да поменяли плюс на минус в оценке невидимой руки рынка: пролетарские пропагандисты усматривали прежде всего паразитизм саранчи, а новые апологеты, облайкиваемые сетями и токующие на шоу, педалируют добродетели пчелы. Современная *картина мира* окончательно скрылась за добровольно имплантированной катарактой.

Конечно, слепому не обойтись без провожатых. И они не замедлили появиться, при этом, как водится, не всегда были ни беспристрастны, ни бескорыстны. Но мы привыкли всё валить на поводырей, при этом, как Паниковский, норовя залезть им в карман.

Картина мира в гуманитарном дискурсе рифмуется с «широтой мировоззрения», «универсальностью взгляда» и прочими сусальностями. На деле в человеческой практике она выполняет важнейшие инженерные функции.

Картина мира формирует единую систему координат, внутри которой только и возможны точное самоопределение, построение жизненной и профессиональной траектории.

Она обеспечивает целостную классификацию, позволяющую интегрировать разрозненные знания и способности в осмысленное командное действие.

А главное – задаёт ядро генетической матрицы, порождающей новые модели, уклады, проекты, технологии практического действия, их совместимость между собой и открытость к трансформациям.

В зияющие пустоты на месте *картины мира* сегодня проваливаются и амбициозные программы типа «цифровизации экономики», и множащиеся проекты разработки IT-платформ, жизнеспособных лишь в процессе освоения бюджета. Но эти пустоты, как мы теперь знаем, способны глотать страны и континенты.

14 ноября 2019 года на площадке «Точка кипения – Коммуна» был анонсирован образовательный цикл, представляющий собой опыт последовательной конкретизации новой картины мира, от понятийного ядра – вплоть до уровня технологий и инструментов социальной инженерии и современной «экономики платформ». Он ориентирован на нужды управленцев-практиков, конструкторов платформ, участников проектных команд, молодых учёных и открыт для продвинутых студентов старших курсов.

Продолжением цикла стала Летняя школа «Техноэкономика-2020».

Видеозаписи занятий и материалы презентаций доступны на сайте **КЛУБ С. ПЛАТОНОВ**

ИНЖЕНЕРНАЯ КАРТИНА МИРА
Цикл семинаров в Точке кипения «Коммуна».
Ноябрь-декабрь 2019

СОБСТВЕННОСТЬ. СОЦИАЛИЗМ. СОВЕТСКИЙ ОПЫТ
Летняя школа по техноэкономике в Точке кипения «Коммуна».
Август 2020

К НОВОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

ОТКРЫТЫЙ СЕКТОР ТЕХНОЭКОНОМИКИ

Данный проект преемственно конкретизирует подход к проблеме производительности, сформулированный в работе С. Платонова «После коммунизма».

Производительность социальной системы – вопрос её жизни и смерти, залог будущего и фундамент настоящего. Проблемы производительности хозяйственного комплекса страны привлекают неослабное внимание российских лидеров на протяжении прошлого и нынешнего столетий.

В мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи.

Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния – земли. Приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля – это залог нашей силы в будущем, земля – это Россия.

П.А. Столыпин. Речь в Государственной думе 05.12.1908 г.

«Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побе-

жден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда».

В.И. Ленин. «Великий почин». 28.06.1919 г.

В сфере экономической ключевая задача – кардинальное повышение производительности труда. Мы должны стремиться достичь в этом плане высшего мирового уровня. Сейчас, в условиях научно-технической революции, эта задача приобрела особое значение – как для нашего внутреннего строительства, так и в международном плане.

Ю.В. Андропов. Речь на Пленуме ЦК КПСС 15.06.1983 г.

Сегодняшние темпы роста производительности труда не только не сокращают отставание от лидеров по эффективности, а фактически означают консервацию экономики, точнее её однобокую структуру и сырьевой характер. Производительность труда в России должна ежегодно расти на пять-шесть процентов – вдвое быстрее, чем сейчас.

В.В. Путин. Выступление на форуме «Россия зовёт!» 02.10.2013 г.

Да, у нас осталось ещё очень много нерешённых проблем в экономике, очень много, а самая главная из них – повышение производительности труда и на этой базе увеличение темпов экономического роста.

В.В. Путин. Большая пресс-конференция, 19.12.2019 г.

Проблема производительности сегодня стоит остро как никогда. И как никогда она далека не только от разрешения, но от понятийной ясности в самой постановке. Не случайно в оценках, показателях, контрольных цифрах, которыми аналитики снабжают российское руководство, налицо путаница и произвол.

Недоразумения начинаются с инерционного толкования термина «производительность труда» в обывательском, буквальном смысле слова, хотя собственно «труд» играет в национальной производительности заведомо зависимую роль, к тому же заметно идущую на ущерб.

Далее, привычно используемый показатель ВВП сам по себе не годится для оценки динамики производительности. Оставим в стороне общие вопросы его адекватности современным условиям хозяйствования и разнобоя в методиках подсчёта. Здесь достаточно указать на то, что на протяжении столетия страна испытывала значительные изменения численности населения и территориальных границ, обусловленные в основном неэкономическими факторами. Из-за этого, в частности, разновременные оценки объёма российского ВВП несопоставимы, им требуется общий знаменатель.

Важнее другое. Оценка динамики требует не столько сравнения с собственным прошлым (в советской статистике в качестве базы отсчёта использовался уровень 1913 года), сколько прямого соотнесения с уровнем и динамикой производительности современного мира.

В последние годы становятся доступными материалы исторической статистики, публикуемые в рамках Проекта Мэддисона. На приведённой схеме отражена динамика производительности на душу населения (GDPpc) экономики России/СССР/РФ по отношению к аналогичному показателю США, задающему текущий масштаб. Эти данные в наглядной форме приоткрывают реальное положение вещей.

С конца 1950-х до начала 1980-х гг. величина сопоставленной (относительной) производительности отечественной экономики испытывала колебания вокруг максимального значения за всю полуторавековую историю. В 80-е начался спад, приостановленный было во время реформ Андропова. А затем, после обвала 1990-х, эта величина так и не вернулась к достигнутому в 1970-х потолку, испытывая после 2007 г. флуктуации около значения в 70% от советского уровня.

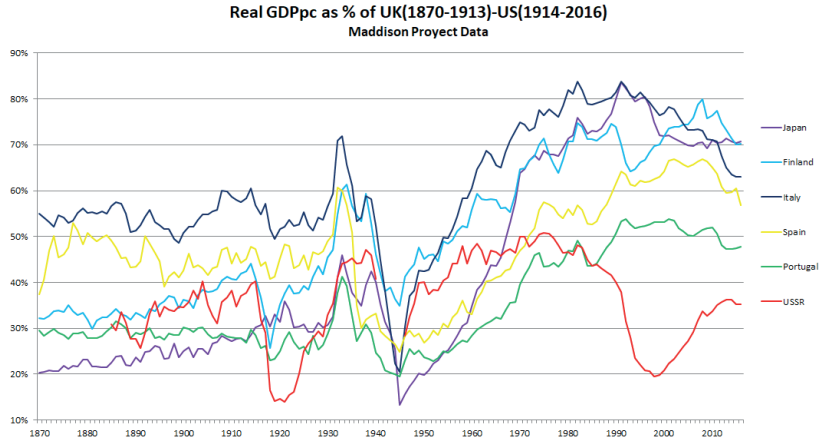
Однако нормирование относительно уровня производительности США, используемой у Мэдиссона, не даёт вполне ясной картины из-за собственной кризисной динамики, которую американская экономика претерпевает от начала XX века до настоящего времени.

В работе «Новая Антарктида» (2006 г.) предложен подход, при котором национальная производительность соотносится с текущим уровнем усреднённой глобальной, то есть с величиной мирового ВВП, поделённого на численность всего населения планеты. Получающийся показатель можно назвать *удельной производительностью населения* **УП(н)**.

Предварительные оценки показывают: современная Россия – страна-середнячок, её удельная производительность на душу населения соответствует среднемировому уровню, то есть колеблется около единицы. Сегодня она уступает уровню Швейцарии и Норвегии в семь раз, Соединённым Штатам – в пять с половиной, а в общем рейтинге стран занимает место у границы шестого и седьмого десятков, за компанию с Панамой, Хорватией, Чили, Румынией, Малайзией, Маврикием и Мексикой.

Ещё печальнее другое обстоятельство: выйдя на этот уровень в середине 2000-х, после периода восстановительного роста, удельная производительность российской экономики свыше полутора десятилетий переживает застой, стагнационные колебания около единичного, т.е. среднемирового уровня. Несмотря на все призывы и усилия руководства, Россия в экономическом пространстве никуда не идёт, никого не догоняет и не перегоняет. Она просто плывёт в общемировом потоке со средней скоростью периферийной зоны этого потока, то притормаживая, то нагоняя его в локальных завихрениях.

Усердные попытки «экономического блока» устремиться вперёд в российском зазеркалье ведут лишь к тому, что стране с трудом удаётся пока устоять на месте. Опыт последних полутора десятилетий убедительно показывает: сохранение текущего способа хозяйствования, привычного набора подходов и инструментов в лучшем случае обрекает страну на продолжение стагнации. Смена лозунгов на поверхности ничего не затрагивает в глубине. Так, пресловутая цифровизация – это не способ «ускориться», она является общемировой эволюционной тенденцией, и страна лишь движется вместе со всеми в её русле.

Гораздо хуже обстоят дела со второй составляющей национального богатства страны – производительностью её территории. Сегодня Россия располагает девятой частью всей земной суши. Это целый материк, который, будучи помещён в перечень континентов, разделил бы четвёртое-пятое места по размерам с Южной Америкой, далеко опередив Антарктиду и Австралию. Но *удельная производительность территории* **УП(т)** этого огромного материка составляет катастрофическую цифру в 0,15 от среднемировой. Пятнадцать процентов – но уже не от планки лидеров, а от уровня середняков-троечников.

Апелляции по данному поводу к суровости природно-климатических условий и т.п. вызваны элементарным незнанием предмета. Совокупность ресурсов и факторов, приходящихся на единицу российской территории, не ниже, а наоборот, интегрально гораздо выше среднемировой. Достаточно взглянуть на пример Норвегии. Треть страны расположена за полярным кругом, и лишь пятая часть – несколько южнее Санкт-Петербурга (но севернее Костромы); для земледелия подходит менее процента её территории, покрытой скалами, полярной тундрой, ледниками и болотами. В России пахотные земли занимают 10%. Российский материк – мировой лидер по приходя-

щимся на единицу площади объёмам чернозёмов, лесных угодий, пресной воды, морских шельфов, запасам углеводородов, железа, цветных и драгоценных металлов, нерудных и строительных материалов. Наши бескрайние земли сравнительно слабо подвержены действию торнадо, цунами, разрушительных землетрясений. Плотность населения невелика, но лишь в полтора раза меньше, чем в Норвегии. При этом удельная производительность норвежской территории в десять раз превышает нашу.

Для наглядности можно представить РФ как бы составленной из двух компонент: шестая часть – страна с площадью чуть больше Аргентины и с заурядной производительностью территории на уровне Латвии (около единицы), а оставшиеся пять шестых – изобильная и плодородная пустошь размером с антарктический континент, на которой ничего не производится вообще. Недополучаемый здесь общественный продукт по скромным оценкам составляет 10% глобального ВВП.

Поддержание такого «заказника» на виду у мирового сообщества само по себе служит мощным провокативным фактором, создаёт едва ли не главную угрозу безопасности и суверенитету страны. В условиях роста мирового населения, углубляющихся природно-климатических проблем, обострения борьбы за доступ к природным ресурсам эта угроза с каждым годом нарастает.

Цель настоящего проекта:

Переломить тенденцию к спаду российской производительности, создав в границах национальной экономики растущее ядро новой хозяйственной деятельности – открытый сектор *институциональных технологий и платформ* (сектор *техноэкономики*), способный обеспечивать быстрый, устойчивый долговременный подъём общественной производительности на длительную перспективу.

1

Институциональные технологии и платформы – совокупность современных методов и инструментов выполнения функций социохозяйственной интеграции.

Согласно современной картине мира, сформировавшейся в корпусе обществознания на протяжении XIX-XX вв., *основным ресурсом роста производительности на всю предстоящую эпоху становится не поток производственных инноваций, а поступательное повышение уровня социальной связности, её системная технологизация*. На первый план выходит принципиально новый класс технологий – трансакционные машины, инструменты институционального инжиниринга, платформы интеграции собственности.

На протяжении предшествующего развития связность социохозяйственного комплекса обеспечивалась как бы сама собой, вне поля общественного сознания, посредством отчуждённых «институтов соб-

ственности». Институты – исторически сложившиеся формы социальной самоорганизации, различные виды рыночных, государственных и общественных медиаторов типа «невидимой руки» (Смит), «левиафана» (Гоббс), «гражданского общества» (Гегель).

В основе роста производительности в секторе техноэкономики – поэтапная передача функции обеспечения обмена активами от институтов рынка к экономическим технологиям и платформам, способным осуществлять ту же функцию с большей производительностью и меньшими издержками, при минимизации участия людей в этой функции медиаторов вплоть до полного выхода оттуда. На рутинном уровне это означает систематический анализ и замещение трансакций обмена (в том виде, в каком они обусловлены существующими институтами рынка) модулями институциональных технологий и платформ.

В результате начинают высвобождаться колоссальные объёмы социальной энергии, прежде затрачиваемой хозяйствующими субъектами на принудительные социальные игры типа кредитования, биржевых спекуляций, обналички, рейдерских захватов, оптимизации налогов, партхозактивов, арбитражных судов, регистрации, стандартизации, охраны и разборок с крышеванием. Причём высвобождаются не только и не столько невольные «игроки», но и сами «игротехники».

По неполным данным Росстата, в роли таких игротехников только в составе институтов финансового рынка у нас подвизается армия агентов «невидимой руки» величиной свыше миллиона шестисот сорока тысяч человек. Это значительно больше, чем численность российского чиновного Левиафана, которым принято пугать детей; да и уровень невидимых доходов у агентов обмена куда весомее, чем у бойцов распределения. Причём объёмы и способы извлечения этих доходов они устанавливают сами, и не спешат обсуждать их ни с обществом, ни с государством. Содержание агентуры рынка закономерно обходится современному обществу (не только российскому) куда дороже, чем комиссионные пресловутого ночного сторожа, даже норовящего разрастись до Большого Брата.

Появление нового, третьего типа технологий (стоимостных) и трансакционных машин (платформ) открывает путь к облегчению и поэтапному снятию этого бремени. Техноэкономика на языке образов – своего рода новая добывающая индустрия, в которой залежи трансакций играют роль социальной «нефти», а новые экономические технологии обеспечивают «геологоразведку», затем «выработку пластов» конкретных трансакций, и наконец – их утилизацию индустрией институциональных платформ.

2

Используя лексику ряда смежных теоретических и прикладных дисциплин, среди основных источников роста институционального сектора можно вкратце перечислить:

– снятие трансакционных издержек существующих процессов обмена (создание предпринимательских проектных фирм по Коузу) за счёт несопоставимо меньших управленческих издержек при использовании *экономических платформ*;

– вовлечение в оборот активов, ранее блокированных запретительным уровнем рыночных трансакций («unlocking capitals» в парадигме Impact Investing);

– снятие финансовых ограничений на масштабирование схем отношений обмена («scaling» в парадигме Impact Investing);

– снятие *рисков* и *неопределённостей* (по Ф. Найту), сопряжённых с существующими трансакциями рыночного обмена, как следствие их технологизации.

3

Отложив теоретические дискуссии до лучших времён, можно обратиться к доступным данным о развитии платформенной экономики в Китае после 2008 года. Они позволяют сделать ориентировочную прикидку потенциала сектора техноэкономики – динамики его вклада в национальную хозяйственную систему и возможных темпов роста собственной производительности. Так, совокупная доля только двух крупнейших платформенных экосистем Alibaba и Tencent в китайской экономике с 2010 по 2017 гг. выросла с 2,5% до 12%. При этом собственные темпы роста данного сектора платформенной экономики за те же семь лет составляли в среднем 40% в год, то есть он рос в четыре с половиной раза быстрее, чем включающая его национальная экономика Китая в целом (которая, в свою очередь, тридцать с лишним лет подряд растёт в два с половиной раза быстрее мировой).

Однако, потенциал роста сектора техноэкономики – если судить по значимым фрагментам динамики её анклавов на разных континентах – может быть значительно выше. Так, реальная капитализация платформы «Uber», обеспеченная объёмом снимаемых трансакционных издержек, в 20 раз превысила рассчитанную в классической рыночной парадигме «роста продаж».

«В Alibaba я быстро обнаружил: то, что работает там, невозможно объяснить с помощью теорий, которые я изучал в университете, а затем преподавал в институтах по всему миру, – пишет Цзен Мин, американский китаец, ставший в 2006 году главным стратегом компании. – Видимых пределов роста... похоже, не существует, масштабы у смарт-компаний в буквальном смысле беспредельны. Конечно, ни в коей мере нельзя считать, что Alibaba нашла все решения. Однако ее концепции стратегии и организации кардинально отличаются от традиционных моделей и обеспечивают немыслимые прежде темпы роста.

Не тешьте себя надеждой на то, что сетевая координация и интеллектуальная обработка данных — это удел только так называемых ин-

тернет-компаний. Я давно изучаю производителей мебели, компании по пошиву одежды и салоны красоты в Китае. Даже эти традиционные компании реорганизуются, чтобы воспользоваться новыми силами. По правде говоря, именно эта глобальная перспектива привела меня к формулированию новой стратегической теории»[1].

4

Существенный внутренний ограничитель своевременной индустрии техноэкономических платформ – отставание концептуальных, научных разработок в сфере институциональной теории. Тридцать с лишним лет назад Коуз подробно разъяснил, почему язык современной ему (и увы, нам) теоретической экономики для этого абсолютно не годится[2]. Что касается технократических затей подменить науку самообучающимся «искусственным интеллектом» – практика уже успела показать: если они отчасти и оправдываются, то лишь для элементарных задач.

Но не менее серьёзным тормозом (как показывают, к примеру, события вокруг компании Alibaba) наряду с внутренними ограничениями могут быть внешние – реакция всего комплекса институтов, чьи сферы действия прямо или опосредованно затрагиваются технологизацией трансакций обмена. Слабая изученность этого комплекса усугубляется идеологической зашоренностью его восприятия массовым сознанием.

Поэтому реализация проекта становится осуществимой при условии содержательного взаимодействия двух контуров – внутреннего (инженерного) и внешнего (институционального).

5

Введение в ткань институтов теперешнего хозяйственного организма отдельных фрагментов институциональных технологий и платформ сродни постепенной «киборгизации» эволюционно возникшего живого существа, имплантации в него искусственных органов и тканей. Этот сложный инженерный процесс, в целом неизбежный и оправданный, на каждом шаге чреват тяжёлыми проблемами. Параллельное внедрение разношерстных платформ – разработанных ведомственными конструкторскими группами, конкурирующими в сфере, где конкуренция неуместна, под ситуативный бюджет либо по конъюнктурной оказии, исходя из непрояснённых концептуальных оснований – усугубляет институциональную несогласованность вместо её снятия, порождает

[1] Цзэн Мин. Alibaba и умный бизнес будущего. М.: Альпина Паблишер, 2019.
[2] Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007, стр. 7-35.

противоречия и междоусобные конфликты, вплоть до создания прямых угроз жизнедеятельности общества.

Поэтому непременная задача внутреннего контура проекта – концептуализация, и на её основе разработка ядра нормативных математических моделей для автоматизированного проектирования широкого класса платформ. Наличие такого аксиоматического ядра, а также системы его генетического развёртывания в конкретные проектные платформы должно обеспечивать органичное единство системы институциональных технологий на всех этапах её развития, неограниченную масштабируемость (быстродействие), возможность гибкого и согласованного внесения изменений и дополнений без потери целостности и управляемости.

Сформулированные требования для неспециалиста могут показаться трудновыполнимыми. На деле работы в этом направлении преемственно ведутся в нашей стране с конца 1960-х, и к настоящему времени необходимые теоретические и прикладные заделы уже налицо. Проблема скорее в том, что здесь придётся преодолевать новый «волюнтаризм»: обывательско-технократические иллюзии (идущие во многом из модных словоохотливых сфер «цифровой экономики», «блокчейна» и т.п.), будто экономические платформы можно разрабатывать эмпирическим путём, на уровне «здравого смысла», а обеспечивать их совместимость между собой методами административной стандартизации либо внешней IT-сшивки. Деятельность такого рода обречена быть хронически затратной и ведёт лишь к дискредитации самой идеи реформ.

6

Внешний контур проекта – систематическая работа по минимизации естественного институционального отторжения, своего рода иммунной реакции социума, с которым сразу же столкнутся работы по имплантации техноэкономических платформ в ткань сложившегося хозяйственного организма.

На всех этапах сектор техноэкономики не должен быть изолирован от текущих реалий, упрятан за ограды льготных «песочниц». Напротив – необходимо строить его изначально открытым для мониторинга, регулирования и иных форм вовлечения со стороны каждого из имеющихся рыночных, государственных и общественных институтов, находящимся с ними в постоянном диалоге.

При этом надо исходить из реалистического понимания их текущего состояния, мотивов и образа действия, а не из утопических ожиданий, что предварительно кто-то их усовершенствует и очистит от коррупции, монополизма, избыточного регулирования, подковёрных игр и т.п. Избавление от этих «пороков» (а на деле – неотъемле-

мых свойств) сложившихся институтов социальной самоорганизации в стратегической перспективе станет результатом развития и экспансии институциональной инженерии, но не может быть предварительным условием.

7

Любой проект, заслуживающий так называться, неосуществим без идеи, объединяющей его участников (в последнее десятилетие употребим термин «Shared Value»). Идеология проекта, о котором идёт речь, не может не быть органичной частью основной идеи всей наступающей эпохи. Но тут мы попадаем в лингвистическую западню. Для обозначения принципиально нового, пост-капиталистического ряда общественных формаций в «Парижских рукописях» 1844 года Маркс заимствовал из современной ему публицистики слова «социализм» и «коммунизм». К настоящему времени, однако, эти термины, вконец утратив понятийную ясность, обросли к тому же массой обременительных коннотаций.

Особенно тяжело обстоят дела в русском языке. Столкнувшись с банкротством «правящей партии» и её домотканой идеи «развитого социализма», общество решило радикально избавиться разом от того и другого. Конечно, эта слабоумная выходка сродни попытке вылечить мигрень с помощью гильотины. Явившемуся в итоге кентавру без головы нечем смотреть ни на запад, ни на восток, ни на себя. Сами же упомянутые слова оказались дискредитированы и табуированы, как минимум, на срок жизни постсоветского поколения.

В документах проекта для именования идеи пост-капиталистического развития, эпохи преодоления социального отчуждения, поэтапного овладения стихией институтов собственности можно использовать рабочий термин «*институциализм*».

Со временем русский язык сам решит, как тут быть. Лучший способ разглядеть и поименовать эпоху – в неё войти.

8

Как может выглядеть элементарный шаг проекта, своего рода MVP применительно к институциональным технологиям и платформам?

Одна из идей подобного MVP в сфере кредитования малого и среднего бизнеса («Омский кейс») рассматривалась и обсуждалась в своё время с коллегами в Торгово-промышленной палате РФ. Кратко напомним контур самого кейса, ставшего предметом разбирательства.

Для производства товаров/услуг, пользующихся платёжеспособным спросом, бизнесмен приобретает сырьё, материалы, услуги и комплектующие изделия на рынке. Денежные средства для их оплаты он

берёт в качестве банковского кредита. Однако издержки на обслуживание кредита таковы, что при существующем уровне цен на конечную продукцию бизнес балансирует на грани убыточности.

Тогда формируется первичная проектная группа в составе хозяина бизнеса и нескольких его поставщиков[1], которые обладают излишками/запасами поставляемых ему комплектующих и готовы поставить их немедленно в обмен не на деньги, а на долю в конечных продажах (либо иным образом определяемую долю в конечном результате, например, по модели Private Equity). Величина кредита, необходимого для ведения бизнеса, вследствие этого уменьшается на суммарную цену всех предоставленных промежуточных товаров и услуг. Соответственно, рыночные издержки бизнеса уменьшаются, и прибыльность растёт. Весь вопрос, по Коузу, в том, превышает ли этот выигрыш сумму всех затрат (организационных и иных) на реализацию такого проекта. Причём должны учитываться затраты как по внутреннему, так и по внешнему контурам.

Но прежде чем говорить о правилах подобного расчёта, следует обратить внимание на фундаментально иное понимание «проекта» в парадигме техноэкономики. Проект – это больше не идея нового продукта, осенившая одинокого предпринимателя, на реализацию которой он ищет деньги инвесторов. Проект по Коузу – сознательное решение группы бизнесменов, деловые отношения между которыми поддерживала (как умела) «рука рынка», совместно и добровольно договориться о принципах этих отношений и передоверить их системе проектного многостороннего клиринга (по выражению Эггертсона ещё из той эпохи, когда не было цифровых платформ), убрав тем самым из внутрипроектного пространства рыночные трансакции и сняв с себя бремя соответствующих издержек.

Иными словами, такой проект – это создание нового анклава групповой собственности, у которого есть внутренний контур (инженерный) и внешний (институциональный).

Раньше место внутреннего контура занимала стохастическая игротехника рынка, которому по умолчанию была отдана привилегия по своим законам определять доли выигрыша и потери всех игроков. Теперь привилегия частично отозвана, на месте невидимого рефери работает проектная цифровая платформа, боты которой в каждый момент наглядно демонстрируют каждому из участников проекта, что внести свой продукт/услугу в качестве доли в этот общий проект ему выгоднее, чем просто продать на рынке. При этом расчёты, производимые платформой, должны быть не только прозрачными и проверяемыми, но главное – под-

[1] Это и есть коллективный «предприниматель», о котором идёт речь в классической работе Коуза «Природа фирмы».

утверждаемыми на практике. Отсюда жесткое требование *научности* институциональных основ. Избавиться от бремени законов земного тяготения, как и законов экономики, возможно. Но ни обмануть, ни отменить их при этом нельзя – нужно суметь использовать.

9

Несколько замечаний по поводу кейсов-задач внешнего контура данного проекта MVP. Точнее, имеет смысл говорить об отдельном внешнем контуре для каждого из институтов собственности. В настоящем разделе, имеющем иллюстративный характер, для краткости речь идёт только об институтах пользования (Капитал, Деньги, Право)[1].

Институт кредита (как часть института капитала).

Потеря одного бизнеса для банка, кредитующего МСБ, может пройти незамеченной. Если же их бегство в зону экономических платформ примет массовый характер – банк может почувствовать угрозу и поставить барьером свой мощный лоббистский ресурс. Наиболее конструктивный компромисс для банка и всех участников – общими усилиями заменить банковский департамент кредитования МСБ на соответствующую техноэкономическую платформу, которая могла бы продолжать находиться в долевой собственности у стейкхолдеров банка и приносить им (как и всем участникам) дополнительный доход. Единственные проигравшие в таком варианте – штатные сотрудники департамента банка, которых ждёт сокращение. Как показал опыт первых же финансовых платформ типа Prosper и Lending Club, их издержки в сопоставлении с соответствующими банковскими подразделениями в 10-20 раз ниже, и часть высвобождающихся немалых средств банк вполне может направить на переподготовку и трудоустройство увольняемых.

Институт денег.

Создание зоны групповой собственности приводит к тому, что все перемещения продуктов и услуг между участниками больше не являются актами товарного обмена. И в новом качестве они, во-первых, перестают быть предметом соответствующего налогообложения, и во-вторых – становятся невидимы для финансово-бухгалтерского надзора и контроля. Компромиссный выход может быть в том, чтобы сделать работу платформы изначально прозрачной для внешнего аудита, и в частности – наглядно демонстрирующей, что рост конечных

[1] Данный кейс может и должен быть распространён на внешние контуры остальных институтов собственности – институтов распоряжения (Закон, Власть, Имущество) а также институтов обладания (Способность, Потребность, Суверенитет). По поводу классификации институтов см. Сергей Чернышев. Техноэкономика. Москва, издательство Политическая энциклопедия, 2018 г.

продаж приводит к такому росту налоговых поступлений, который с лихвой перекрывает все потери бюджетов за счёт снятия промежуточных трансакций налогообложения.

Институт права.

В рамках проекта перемещение продуктов и услуг между участниками перестаёт сопровождаться актами регистрации перехода частной собственности на активы от одного участника к другому. Вместо этого платформа ведёт перманентный учёт текущей доли каждого участника во вновь созданной коллективной собственности. При этом целый ряд организаций института права типа регистрационных палат окажутся не у дел. Кроме этого, возникает почва для обвинений в адрес техноэкономики (не обязательно неоправданных) в ущемлении либо потере прав собственности участников проектов. Компромиссный выход можно искать на пути подбора в рамках существующего законодательства таких организационно-правовых форм (типа закрытого паевого имущественного фонда), которые в той или иной степени обеспечат легитимацию каждого акта техноэкономического синтеза групповой собственности из набора частных.

Примеры конкретной проработки внешнего контура по всем девяти институтам собственности в изобилии можно найти в материалах проектных сессий Центра корпоративного предпринимательства с командами реальных проектов из сфер энергетики, металлургии, приборостроения, биотехнологий и фармацевтики, утилизации отходов, ядерной отрасли и других.

***

Объём инвестиций, запрашиваемых в проекте, зачастую отражает не столько его сложность, сколько глубину невежества команды проектантов, неадекватности их картины мира решаемой задаче. Как правило, чем он больше – тем значительнее отклонение выбранной проектной траектории от Пути-Дао, чреватое утопическим прожектёрством, разорительной эмпирикой «проб и ошибок», волюнтаристским произволом и насилием.

Открытый сектор техноэкономики способен не только с первых шагов выйти на самоокупаемость, но и обеспечить в близкой перспективе рост производительности, весомый в масштабе всей существующей экономики, достигаемый наиболее органичным для неё способом.

20210331

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ВЕХИ

Новые вехи 4
Порог истории 30
Век трансформации власти 64
Кальдера Россия 96
Апология составителя 174

ЗАГАДКА БЛОКЧЕЙНА

Семь колонок о собственности 188
Цифровые платформы роста: сумма технологии 212
Кому и зачем нужен блокчейн 270

ВРЕМЯ ПЛАТФОРМ

Письма о техноэкономике 302
Невидимая рука Левиафана 352
Пролог в эпилоге 378
К новой производительности. Проект 394

Чернышёв Сергей

ИНОЕ

Письма о технэкономике

Научно-художественное издание

Для широкого круга читателей 12+

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *А.Л. Бабабекова*

Подписано в печать 09.08.21 Формат 60 × 90 1/16 Уч.-изд. л. 25,5

Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»,
119049, Москва, Ленинский пр-т, 4

Издательский Дом НИТУ «МИСиС»,
119049, Москва, Ленинский пр-т, 4
Тел.: 8 (495) 638-44-06

Отпечатано в типографии
Издательского Дома НИТУ «МИСиС»,
119049, Москва, Ленинский пр-т, 4
Тел.: 8 (495) 638-44-16, 8 (495) 638-44-43